А 202/55
1894 в 11

55

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНЫЯ

БЕСѢДЫ

ПАСТЫРЯ СЪ ПАСОМЫМИ

ВЫПУСКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

Изданіе С.-Петербургскаго Епархіальнаго Братства
во имя Пресвятыя Богородицы.

БЕСѢДЫ

ПО ИСТОРІИ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.
1894.

ВНѢБОГОСЛУЖЕБНЫЯ

БЕСѢДЫ

ПАСТЫРЯ СЪ ПАСОМЫМИ

ВЫПУСКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

Изданіе С.-Петербургскаго Епархіальнаго Братства
во имя Пресвятыя Богородицы.

БЕСѢДЫ

ПО ИСТОРІИ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.
1894.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, марта 8-го дня 1894 г.

Цензоръ Протоіерей А. Автономовъ.

2007051282

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Бесѣда первая—вступительная и о началѣ Христіанской вѣры въ Россіи 1

Бесѣда вторая: о распространеніи въ Россіи Христіанской вѣры. 17

Бесѣда третья: о распространеніи въ Россіи Христіанской вѣры (продолженіе) 35

Бесѣда четвертая: объ устройствѣ Россійской церкви и о перемѣнахъ въ положеніи церковной іерархіи 51

Бесѣда пятая: объ учрежденіи Святѣйшаго Сунода и о положеніи православнаго духовенства въ Россіи 71

Бесѣда шестая: о духовномъ просвѣщеніи Русскаго народа . 86

Бесѣда седьмая: о духовныхъ писателяхъ въ Россіи . . . 100

Бесѣда осьмая: о духовныхъ писателяхъ въ Россіи (продолженіе) 118

Бесѣда девятая: о духовныхъ писателяхъ въ Россіи (продолженіе) 135

Бесѣда десятая: о духовныхъ писателяхъ въ Россіи (окончаніе). 152

Бесѣда одиннадцатая: борьба Православной церкви съ заблужденіями еретиковъ, вольнодумцевъ и раскольниковъ. . 165

Бесѣда двѣнадцатая: Исторія русскаго раскола 185

Стр.

Бесѣда тринадцатая: Исторія русскаго раскола (продолженіе). 199

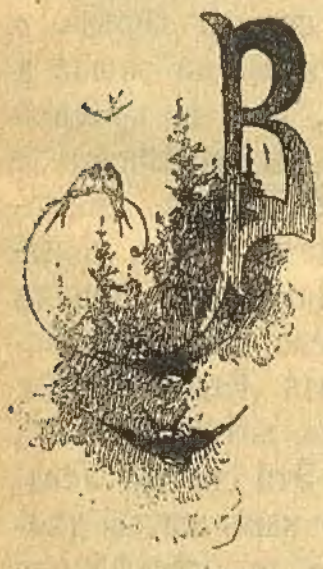
Бесѣда четырнадцатая: отношеніе Русской церкви къ католикамъ и претестантамъ 216

Бесѣда пятнадцатая: Исторія русскаго монашества 240

Бесѣда шестнадцатая: о нравственныхъ качествахъ православнаго Русскаго народа 257

Бесѣда первая.

Вступительная и о началѣ Христіанской вѣры въ Россіи.



Въ предыдущихъ бесѣдахъ у насъ была рѣчь о судьбахъ Церкви Христовой. Мы видѣли, какъ эта Церковь, основанная Іисусомъ Христомъ и насажденная святыми Его Апостолами по городамъ и селеніямъ Греко-Римской Имперіи, постепенно утвердилась въ умахъ и сердцахъ людей, покорила себѣ сильныхъ міра сего, направила чувства и поступки людей по стопамъ заповѣдей Христовыхъ и воспитала милліоны вѣрующихъ для наслажденія вѣчными духовными благами въ обителяхъ небесныхъ. Мы видѣли, какъ Промыслъ Божій хранилъ Святую Церковь, укрѣплялъ ее въ борьбѣ съ врагами внѣшними и внутренними, какъ, взамѣнъ отторгшихся отъ Церкви еретиковъ и раскольниковъ, Господь открывалъ для сѣятелей Слова Божія новыя поприща дѣятельности, какъ взамѣнъ овецъ, похищенныхъ волками, Онъ, привлекалъ на церковныя пажити иныхъ овецъ, бывшихъ прежде чуждыми Истинному Богу. Рѣчь объ этихъ предметахъ, надѣемся, принесла немалую пользу для тѣхъ, которые были внимательны

къ слову проповѣдника. Она утвердила въ нихъ вѣру въ Промыслъ Божій, показала превосходство православія предъ иновѣріемъ и невѣріемъ, исполнила каждаго православнаго сына Церкви чистѣйшею благодарностію къ Богу, и утвердила въ надеждѣ, что св. Церковь сохранила его вѣру въ той чистотѣ, въ какой проповѣдали ее св. Апостолы. Но эти чувства вѣры въ Промыслъ Божій, чувства благодарности къ Богу Спасителю нашему, станутъ въ насъ еще живѣе и плодотворнѣе, если мы отъ народовъ и странъ, чуждыхъ намъ по условіямъ жизни, по роду и племени, перенесемъ мысленный взоръ къ нашей святой Руси, къ нашему Богохранимому Отечеству, ко всему, что дорого для русскаго человѣка, что родственно намъ не по духу только, но и по плоти. Мы питаемъ твердую надежду, что бесѣда о судьбахъ Русской Церкви будетъ для насъ еще болѣе поучительна, нежели бесѣда о судьбахъ всей Христіанской Церкви. О чемъ бы ни зашла у насъ рѣчь, все будетъ близко для каждаго, или, по крайней мѣрѣ, для большинства слушателей. Тутъ вы услышите и о Богоспасаемомъ градѣ, Москвѣ, о Ростовѣ, Кіевѣ, Новгородѣ и о другихъ, извѣстныхъ всѣмъ, городахъ Россіи; услышите и о родственномъ нашему Царскому Дому благовѣрномъ князѣ Александрѣ Невскомъ, услышите имена святыхъ Святителей Московскихъ, и преподобнаго Сергія Радонежскаго, и св. Зосимы и Савватія, вообще—святыхъ, которые доселѣ нетлѣнно почиваютъ въ нашихъ храмахъ. Эти святые Угодники предстанутъ вашему духовному взору какъ живые дѣятели и вы, изучая ихъ подвиги, вступите въ тѣснѣйшую связь съ ними; они будутъ не только молиться за васъ, но и поучать примѣромъ своей жизни и памятниками своей письменной дѣятельности. Будемъ же, прежде всего, молить Господа Бога, да отверзетъ Онъ наши уста къ прославленію Имени Божія въ судьбахъ нашего Отечества, да укрѣпитъ Онъ насъ къ внимательному слушанію бесѣдъ, да научитъ быть ревностными подражателями дѣлъ святыхъ Угодниковъ, просіявшихъ на великой нивѣ любезнаго нашего Отечества.

Принявъ на себя трудъ вести бесѣду о судьбахъ нашей отечественной Церкви, мы, прежде всего, скажемъ о томъ,

какъ эта Церковь насадилась и распространилась въ нашемъ Отечествѣ. На это мы посвятимъ нѣсколько бесѣдъ.

Хотя, въ настоящее время, всѣ признаютъ, что Христіанская вѣра насаждена въ Россіи почти тысячу лѣтъ тому назадъ, но будетъ справедливо сказать, что наша страна увидѣла первые лучи свѣта Христовой истины еще во времена свв. Апостоловъ. Вы помните, какъ, въ одной изъ бесѣдъ по исторіи Христовой Церкви, говорилось о сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ: тамъ было сказано, что въ это время въ Іерусалимѣ были люди *отъ всякаго языка подъ небесемъ*. Развѣ не могли быть, въ этомъ числѣ, жители Скиѳіи, той страны, съ которой Греки имѣли постоянныя торговыя сношенія? А Скиѳія занимала пространство къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго морей, слѣдовательно принадлежала къ странамъ, занимаемымъ нынѣ Россіею. Но есть, кромѣ этихъ темныхъ предположеній, яснѣйшее преданіе всей Христіанской Церкви, преданіе о томъ, что наша страна была освящена стопами богопросвѣщенныхъ Апостоловъ, и именно—св. Апостола Андрея Первозваннаго. Многіе достовѣрные писатели древней Христіанской Церкви, которымъ приходилось повѣствовать о благовѣстническихъ трудахъ Апостоловъ, говорятъ, что св. Апостолъ Андрей, пришедши въ Скиѳію, потомъ отправился по Днѣпру вверхъ и дошелъ до той мѣстности, гдѣ нынѣ красуется древнѣйшій изъ русскихъ городовъ—Кіевъ. Здѣсь онъ, взошедши съ учениками своими на одну изъ горъ Кіева, благословилъ всю эту мѣстность, и предсказалъ, что на нихъ возсіяетъ благодать Божія. Вотъ, братіе, первая вѣсть о спасеніи, огласившая наше Отечество, вотъ первый лучъ Божественнаго свѣта, озарившій нашихъ предковъ, сидѣвшихъ во тьмѣ и сѣни смертной! И хотя прошли многія сотни лѣтъ, пока вся наша страна сдѣлалась Христіанскою, но первый лучъ Евангельскаго свѣта не погасъ въ нашемъ Отечествѣ со временъ Апостоловъ. Среди Скиѳовъ и славянъ-язычниковъ было не мало людей, втайнѣ исповѣдывавшихъ Христово ученіе, а Промыслъ Божій не оставлялъ этихъ избранниковъ безъ своего особаго попеченія. Господь устроялъ судьбы нашего Отечества такъ, что дальнѣйшими

событіями нашей исторіи поддерживалъ святой пламень вѣры, принесенный св. Андреемъ. Какія это событія? А вотъ церковная исторія повѣствуетъ намъ, что въ 94-мъ году по Р. Хр. въ наши страны былъ посланъ одинъ изъ учениковъ апостольскихъ, св. Климентъ, епископъ Рима. Императоръ Римскій Траянъ осудилъ Климента за твердое исповѣданіе имени Христова и заточилъ его въ Херсонесъ-Таврическій, или въ нынѣшній Крымъ, чтобы тамъ изнурить св. Климента тяжкими работами въ рудникахъ. Съ Климентомъ туда же сосланы были и нѣкоторые изъ его учениковъ, и между прочимъ—Ѳива, упоминаемый въ посланіяхъ апостольскихъ. Работая въ рудникахъ, св. Климентъ проповѣдывалъ вѣру Христову рудокопамъ; и не безплодна была его проповѣдь: рудокопы, а чрезъ нихъ и другіе жители Херсонеса-Таврическаго, озарялись свѣтомъ Евангелія. Когда скончался св. Климентъ, его тѣло было брошено въ волны Чернаго моря,—но тѣло св. Угодника не погибло въ водахъ. По временамъ жители прибрежной мѣстности видѣли тѣло мученика среди волнъ морскихъ, а потомъ оно было извлечено на землю и находилось среди христіанъ, какъ драгоцѣнная святыня. Впослѣдствіи мощи Климента, и ученика его Ѳивы, были отнесены въ Римъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, просвѣтителями Славянской земли.

Послѣ временъ св. Климента число христіанъ въ Крыму постепенно возрастало. Въ четвертомъ вѣкѣ по Рожд. Христовѣ въ Херсонесѣ-Таврическомъ была уже такъ велика христіанская паства, что при ней было нѣсколько епископовъ. Имена этихъ епископовъ извѣстны. Посмотрите въ мѣсяцесловѣ седьмое число мѣсяца марта. Вы найдете тамъ записанною память семи исповѣдниковъ, въ Херсонѣ епископствовавшихъ, именно: *Ефрема, Капитона, Василія* и другихъ.

Были христіане и въ другой области Русской земли, лежавшей также на берегу Чернаго моря, на западъ отъ Крыма. Именно въ той части Россіи, которая нынѣ называется Бессарабіею, лежала страна, называемая *Малою Скиѳіею,* и населенная частію Скиѳами, частію Готѳами. Здѣсь также было много христіанъ и также была епископская каѳедра. Нѣкото-

рые изъ епископовъ этой страны извѣстны намъ изъ исторіи. Одинъ изъ нихъ былъ въ числѣ Отцовъ перваго Вселенскаго Собора.

Доселѣ мы говорили о началѣ Христіанской вѣры въ странахъ, находящихся нынѣ въ предѣлахъ Россіи. Но христіане, жившіе здѣсь, были еще не изъ славянскаго племени. Это были или греческіе поселенцы, торговые люди, или Скиѳы, или Готѳы. Но есть основаніе полагать, что отъ нихъ принимали христіанство и славянскія племена. Темныя сказанія о просвѣщеніи собственно Славянъ мы находимъ въ житіяхъ святыхъ Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго. Тамъ говорится, что славянскіе князья, съ дружиною, дѣлали набѣги на города Сурожъ и Амастриду. Сурожъ находился въ Крыму, а Амастрида — въ Пафлагоніи, странѣ Малой Азіи, или нынѣшней Азіатской Турціи. Нетлѣнные останки святыхъ Стефана и Георгія почивали въ христіанскихъ храмахъ, въ гробницахъ, великолѣпно украшенныхъ. Славянскіе князья, овладѣвъ Сурожемъ и Амастридою, ограбили тѣ драгоцѣнности, которыми были украшены гробницы святыхъ Угодниковъ. Но не послужили имъ въ пользу эти похищенныя драгоцѣнности. Похитителей объяла тяжкая болѣзнь, которая оставила ихъ только тогда, когда они возвратили все награбленное и сами увѣровали въ Бога христіанскаго. Эти сказанія житій святыхъ подтверждаютъ ту мысль, что Славяне знакомились съ Евангеліемъ, узнавали силу Бога христіанскаго и покорялись игу Христову. Кромѣ воинскихъ нашествій, Славяне имѣли и мирныя сношенія съ христіанскими странами. Издавна они вели торговлю съ Греками. Они привозили въ Херсонесъ-Таврическій произведенія своей земли, очень часто ѣздили въ Царьградъ, жили тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, видѣли жизнь христіанъ, обозрѣвали святыни и украшенія храма и постепенно приготовлялись къ усвоенію Евангельскихъ вѣщаній.

Такъ шло время до 9-го вѣка. Лучъ свѣта, принесенный къ намъ святымъ Андреемъ, не угасъ въ теченіе многихъ столѣтій, и возсіялъ яркимъ свѣтомъ въ девятомъ вѣкѣ. Прежде всего намъ извѣстно, что, въ это время, посѣтили

Херсонесъ-Таврическій святые просвѣтители славянскіе Кириллъ и Меѳодій. Они обратили ко Христу Хазаръ, владѣвшихъ Херсонесомъ; здѣсь они имѣли сношеніе и съ Славянами и также обратили многихъ изъ нихъ къ христіанству; здѣсь же они и составили славянскую азбуку, что дало имъ возможность перевести на славянскій языкъ Священныя книги. Около этого же времени послѣдовало и обращеніе князей Аскольда и Дира. Эти два варяжскіе князя, съ дружиною изъ Варяговъ и Славянъ, приплыли на лодкахъ къ Царьграду и подвергли этотъ городъ опасности, которая была тѣмъ важнѣе, что Византійскій царь, ведшій войну на Востокѣ, былъ въ отсутствіи. Аскольдъ и Диръ, осадивъ Константинополь съ моря, рѣшились овладѣть городомъ. Тогда Цареградскій патріархъ Фотій, послѣ долговременной всенощной молитвы вмѣстѣ съ народомъ, вынесъ изъ Влахернскаго храма ризу Божіей Матери, т. е. одѣяніе ея, нѣкогда принесенное изъ Іерусалима и хранившееся въ Царьградѣ, какъ Святыня христіанская. Когда погрузили ризу въ волны Чернаго моря, произошла буря, которая разогнала лодки Аскольдовой дружины. Потрясенные этимъ событіемъ Аскольдъ и Диръ захотѣли принять христіанство и просили Фотія прислать въ Кіевъ проповѣдниковъ Евангелія. Фотій послалъ къ нимъ епископа Михаила, съ нѣсколькими священниками. Епископъ сталъ проповѣдывать вѣру Христову, говорилъ о сотвореніи міра, о жизни народа Еврейскаго, о томъ, какъ Промыслъ Божій чудесами поддерживалъ въ людяхъ истинную вѣру. Между прочимъ онъ разсказалъ, какъ Господь спасъ трехъ отроковъ отъ огня въ пещи Вавилонской. Славяне, слушавшіе проповѣдника, сказали ему: „мы повѣримъ эту чуду, если ты бросишь въ огонь Евангеліе, которое въ твоихъ рукахъ“. Епископъ, твердо убѣжденный, что Господь совершитъ чудо для утвержденія вѣры въ слушателяхъ, съ дерзновеніемъ бросилъ Евангеліе въ огонь, и оно, дѣйствительно, сохранилось невредимымъ. Чудо подѣйствовало на слушателей. Многіе обратились ко Христу, и одинъ изъ князей — именно Аскольдъ, былъ до конца жизни твердымъ въ Христіанской вѣрѣ и погребенъ въ Кіевѣ по христіанскому

обряду. На могилѣ его была, впослѣдствіи, построена женская обитель святого Николая Чудотворца.

Такъ умножалась въ Россіи Христіанская Церковь! Съ 9-го вѣка было построено въ Кіевѣ нѣсколько церквей, и одна изъ нихъ, во имя св. Пророка Иліи, была церковью соборною, то есть, по нашему, каѳедральною. Въ нее собирались новообращенные Славяне въ дни важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ. Что число христіанъ въ Кіевѣ было значительно, это видно изъ договоровъ, которые заключали съ Византіею Кіевскіе князья Олегъ и Игорь. Твердость договора Славяне-язычники утверждали клятвою языческому богу — Перуну, а Славяне-христіане цѣлованіемъ Креста и Евангелія въ храмѣ св. Пророка Иліи.

Супруга Игоря, Ольга, которую предки наши называли мудрѣйшею изъ всѣхъ людей, торжественно приняла Христіанскую вѣру въ самой столицѣ христіанскаго міра, въ Царьградѣ. При ней уже было въ Кіевѣ много христіанъ, которые открыто исповѣдывали свою вѣру и въ своей жизни проявляли тѣ добрыя качества, которыя отличаютъ истиннаго христіанина. Мудрая Ольга не могла не видѣть этихъ добрыхъ качествъ и рѣшилась сама оставить язычество и сдѣлаться христіанкою, хотя сама находилась уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Будучи 67-ми лѣтъ отъ роду, она отправилась, съ большою свитою князей и боярынь, въ Константинополь. Въ числѣ ея спутниковъ былъ одинъ христіанскій священникъ Григорій, постоянный руководитель Ольги въ нравственной жизни. Россійскую княгиню крестилъ самъ Цареградскій патріархъ Поліевктъ, а императоръ Константинъ Багрянородный былъ ея воспріемникомъ отъ купели. Императоръ принималъ Россійскую княгиню въ великою честію; далъ ей богатые дары, а патріархъ много наставлялъ ее, какъ жить по ученію Христову, и какъ располагать Русскій народъ къ принятію христіанства. Крещеніе Ольги совершилось въ 957 году по Рождествѣ Христова. Ольга приняла христіанское имя Елены, въ память св. Елены, матери Константина Великаго и прославляется церковью, какъ святая молитвенница за землю Русскую. Мы празднуемъ память ея 11-го іюля.

По возвращеніи въ Россію, Ольга, до самой кончины своей, сіяла благочестіемъ „аки луна въ нощи“, какъ свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, пока не начался еще въ Русской землѣ великій день жизни христіанской. Ольга уговаривала своего сына Святослава къ принятію христіанства. Но тотъ не желалъ креститься. Ему нравилась привольная жизнь язычника, нравились воинскіе походы и языческія празднества. Онъ еще не могъ понимать того мира душевнаго, который нисходитъ на насъ съ высоты небесъ. Но зато Господь помогъ св. Ольгѣ обратить и расположить къ вѣрѣ сына Святославова, Владиміра, который и совершилъ великое дѣло просвѣщенія Русскаго народа. За это дѣло Церковь называетъ Владиміра святымъ и равноапостольнымъ, а исторія поставляетъ его въ сонмѣ Великихъ подвижниковъ на благо Россіи—временное и вѣчное. О просвѣщеніи Русскаго народа Владиміромъ существуютъ подробныя сказанія въ Памятникахъ Русской письменности. Поэтому и мы скажемъ объ этомъ съ бо́льшею обстоятельностію.

Владиміръ былъ младшимъ изъ трехъ сыновей Святослава, и жилъ въ Новгородѣ, съ своимъ дядей Добрынею, язычникомъ. Онъ росъ среди язычниковъ и свыкался съ грубыми суевѣріями и нравами язычества. Когда онъ, послѣ войны съ братьями, сталъ единовластнымъ Кіевскимъ княземъ, онъ проявилъ свой умъ и радѣніе о благѣ своей страны, показалъ и добрыя чувства къ народу, ибо добрыхъ природныхъ качествъ его души не могло исказить даже грубое язычество. Кіявляне любили Владиміра, ибо видѣли, что онъ не даетъ своихъ въ обиду чужимъ пришельцамъ, твердо оберегаетъ Русскую землю, и приводитъ къ покорности многочисленныя славянскія племена; но онъ былъ славенъ не только властію и силою, но и добрымъ смысломъ и правдою, и ласковымъ обращеніемъ съ подданными. Добрая слава о немъ разносилась по всей землѣ Русской. Его-то и избралъ Промыслъ Божій орудіемъ своимъ для просвѣщенія Русскаго народа вѣрою Христіанскою.

До обращенія ко Христу Владиміръ былъ усерднымъ язычникомъ: ставилъ въ Кіевѣ идоловъ и усердно приносилъ

предъ ними жертвы, и даже, одинъ разъ, принесъ въ жертву идоламъ двухъ Варяговъ-христіанъ: Ѳеодора и сына его Іоанна. Это были первые и послѣдніе мученики за вѣру въ землѣ Русской. Когда умиралъ за вѣру Ѳеодоръ, онъ говорилъ язычникамъ: „Богъ Единъ, которому служатъ Греки. Онъ сотворилъ небо и землю, солнце, луну и звѣзды и самаго человѣка и далъ людямъ жить на землѣ. А ваши боги—что сдѣлали? Они сами сдѣланы руками человѣческими". „Дошли до слуха Владиміра эти слова христіанина о Единомъ Богѣ, Творцѣ неба и земли, которому служатъ Греки. И сталъ онъ прислушиваться къ подобнымъ словамъ и другихъ христіанъ, которыхъ уже не мало было тогда въ Кіевѣ. Но и въ самомъ себѣ Владиміръ нашелъ руководителя къ познанію истиннаго Бога; нашелъ Его въ своемъ добромъ разумѣ, въ своемъ сердцѣ, отъ природы расположенномъ любить Бога и ближняго. По всему видно было, что благодать Божія призывала князя на путь спасенія. Вотъ какъ изображаетъ это призваніе блаженный митрополитъ Иларіонъ въ своемъ похвальномъ словѣ Владиміру: „Когда жилъ онъ и землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ,—пришло на него посѣщеніе Всевышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога, и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ; онъ позналъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ Единаго Бога, сотворившаго все видимое. А особенно, онъ всегда слышалъ о Православной, Христолюбивой и сильной вѣрѣ земли Греческой, какъ чтутъ тамъ Единаго Бога въ Троицѣ и поклоняются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ церкви тамъ полны людей, какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все сіе возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ—быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство".

Какъ государь разумный, Владиміръ понималъ, что перемѣна старой вѣры на новую—есть дѣло великое. Поэтому онъ не спѣшилъ съ этимъ дѣломъ, онъ желалъ глубже поразмыслить о немъ и посовѣтоваться съ лучшими людьми изъ народа, чтобы и ихъ расположить къ перемѣнѣ вѣры.

Между тѣмъ слухъ о томъ, что славный и сильный Русскій князь готовится оставить языческую вѣру, дошелъ къ сосѣднимъ народамъ. Явились въ Кіевъ учители разныхъ вѣръ и каждый желалъ обратить князя въ свою вѣру. Спачала пришли Магометане изъ Болгарской земли, которая находилась за Волгою, по берегамъ рѣки Камы. Они говорили князю: „Ты, князь, мудръ и смысленъ, а не знаешь закона. Вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету“. Но когда стали они хвалить свою вѣру, князь понялъ, что далека ихъ вѣра отъ истины, и не сталъ ихъ слушать. Пришли учители отъ Нѣмцевъ и сказали: „Пришли мы отъ Римскаго папы, и онъ говоритъ тебѣ: земля твоя какъ наша земля, а вѣра твоя не такъ, какъ вѣра наша. Наша вѣра — свѣтъ; мы кланяемся Богу, который сотворилъ небо и землю, и звѣзды, и мѣсяцъ, и всякую живую тварь, а ваши боги — дерево“. Какія у васъ заповѣди? спросилъ Владиміръ. Нѣмцы отвѣчали: „Постъ у насъ не строгъ; постимся по силѣ, а кто ѣстъ или пьетъ, то все во славу Божію“. Видимо, что такимъ послабленіемъ относительно постовъ они хотѣли обольстить князя Владиміра, еще не крещенаго. Но Владиміръ на все отвѣтилъ коротко: „Идите назадъ; отцы наши не принимали вашей вѣры“. Онъ помнилъ, что святая Ольга, и другіе, бывшіе уже на Руси, христіане, принимали вѣру отъ Грековъ, а не отъ Нѣмцевъ и не отъ папы. Хотѣли увлечь Владиміра въ свою вѣру и послѣдователи Моисеева закона—Евреи, жившіе среди Хазаръ, на югѣ Россіи. Учители еврейскіе сказали Владиміру: „Христіане вѣруютъ въ того, кого мы распяли, а мывѣруемъ Богу Авраама, Исаака и Іакова“. А гдѣ ваша родная земля? спросилъ ихъ князь. Жиды отвѣтили: „разгнѣвался на насъ Богъ за грѣхи наши, разсѣялъ насъ по разнымъ странамъ, а земля наша отдана христіанамъ“.—„Такъ что же вы учите другихъ, возразилъ Владиміръ, когда сами вы отвержены Богомъ? Если бы Богъ любилъ васъ, то вы не были бы разсѣяны по чужимъ землямъ. Вы хотите, чтобы такая же злая участь постигла и насъ“. Со стыдомъ ушли жидовскіе наставники.

Послѣ всѣхъ пришелъ къ Владиміру проповѣдникъ отъ православныхъ Грековъ. Въ длинной и разумной бесѣдѣ онъ изложилъ князю исторію сотворенія міра и первыхъ людей, потомъ говорилъ о грѣхопаденіи людей, о знаменіяхъ и чудесахъ Ветхаго Завѣта, о жизни Спасителя, о нашемъ спасеніи, о Страшномъ Судѣ Божіемъ, о вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ, и о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ. При этомъ онъ внезапно открылъ предъ великимъ княземъ картину Страшнаго Суда, гдѣ, на правой сторонѣ, изображены были праведники, призываемые къ вѣчному блаженству, а на лѣвой—грѣшники, слушающіе приговоръ Небеснаго Судіи, осуждающій ихъ на огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Владиміръ глубоко вздохнулъ и сказалъ: „Добро симъ одесную, горе же симъ ошуюю“. Проповѣдникъ сказалъ: „Если хочешь быть одесную съ сими, то крестись“. Владиміръ сказалъ въ сердцѣ своемъ: подожду еще немного, и испытаю, какая вѣра лучше. Проповѣдника отпустилъ онъ съ честію и съ дарами. Это было въ 986-мъ году. Когда князь разсказалъ дружинѣ и старцамъ о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ, тѣ сказали: „Каждый хвалитъ свою вѣру, но изберн мужей смышленыхъ и мудрыхъ, и пусть они пойдутъ и испытаютъ тѣ вѣры на ихъ мѣстахъ“. Избраны были десять мужей, которые, по приказу Владиміра, были у Камскихъ Болгаръ, у Нѣмцевъ, у Хазаръ, и наконецъ пришли къ Грекамъ, въ Царьградъ. Не правилось имъ служеніе магометанъ, католиковъ, евреевъ. Когда пришли они въ Царьградъ, здѣсь царствовали Василій и Константинъ. Посламъ Русскаго князя оказана была великая честь, а потомъ ихъ пригласили на торжественное патріаршее служеніе, въ соборный храмъ и поставили ихъ на такомъ мѣстѣ, откуда они могли видѣть все благолѣпіе храма и все величіе церковной службы. Изумились русскіе послы величію христіанскаго Богослуженія, и когда прибыли въ Кіевъ, разсказывали: „Пришли мы къ Грекамъ, и ввели они насъ туда, гдѣ служатъ они Богу своему: и не знаемъ, на небѣ, или на землѣ были мы. Нѣтъ такого вида и такой красоты на землѣ. Недоумѣваемъ, какъ и разсказать о ней; только зна-

емъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и что служба ихъ лучше, чѣмъ во всѣхъ странахъ. Не можемъ мы забыть этой красоты, и какъ всякій человѣкъ, вкусивъ сладкаго, не хочетъ горькаго, такъ и мы не можемъ быть при здѣшней нашей службѣ". Послѣ этого бояре и старцы сказали Владиміру: „Если бы греческій законъ былъ худой, то твоя бабка Ольга не приняла бы крещенія, а она была мудрѣйшая изъ людей". Владиміръ сказалъ: „Воля Господня да будетъ" и рѣшился принять вѣру греческую.

Въ слѣдующемъ 988-мъ году князь Владиміръ пошелъ съ войскомъ на греческій городъ Корсунь, находившійся въ Крыму, поблизости къ нынѣшнему Севастополю. Идя въ походъ, Владиміръ молился: „Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у тебя прошу: дай мнѣ взять тотъ городъ, да приведу я оттуда христіанъ и священниковъ, и да научатъ они людей моихъ закону христіанскому". Была у князя и другая цѣль похода. Желая быть христіаниномъ, онъ рѣшился оставить прежнихъ женъ, язычницъ, и имѣть одну жену, какъ требуетъ законъ христіанскій, и именно хотѣлъ имѣть женою сестру греческихъ царей, о которой слышалъ много добраго, и надѣялся, что она будетъ сотрудницею ему въ просвѣщеніи княжеской семьи. Кромѣ того, онъ хотѣлъ быть родственникомъ греческихъ царей, чтобы, при содѣйствіи ихъ, лучше утвердить Христіанскую вѣру въ землѣ Русской.

Овладѣвъ Корсунемъ, Владиміръ послалъ сказать греческимъ царямъ: „Я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица; отдайте ее мнѣ въ замужество, иначе я пойду на вашъ Царьградъ". Цари прислали отвѣтъ: „нѣтъ у насъ обычая отдавать христіанокъ въ замужество не крещенымъ. Но, если ты крестишься, то получишь и царевну, пріобрѣтешь и Царство небесное, и будешь единовѣренъ съ нами". Царевна прибыла въ Корсунь и, по ея убѣжденію, Владиміръ крестился. При этомъ совершилось чудо. За нѣсколько времени до крещенія князь ослѣпъ: но когда епископъ, при погруженіи крещаемаго въ святую воду, возложилъ на него руку, Владиміръ прозрѣлъ, и въ великой радости прославилъ Бога и воскликнулъ: „Теперь я увидѣлъ

Бога истиннаго". Собираясь въ Россію съ княгинею Анною Владиміръ взялъ съ собою корсунскихъ священниковъ, пріобрѣлъ священные сосуды, себѣ и своей странѣ. Благословляя князя на путь, Корсунскій епископъ преподалъ ему Символъ Святой вѣры, съ пространнымъ изложеніемъ Христіанскаго ученія, какъ содержитъ его Греческая Церковь. Съ Владиміромъ прибылъ въ Россію митрополитъ Михаилъ, чтобы совершить крещеніе Руси и устроить Русскую Церковь.

По прибытіи въ Кіевъ, князь Владиміръ, прежде всего, крестилъ своихъ 12 сыновей, потомъ крестилъ всю княжескую семью, ближнихъ бояръ и многихъ старѣйшинъ, сокрушилъ идоловъ, и сталъ приготовлять народъ къ крещенію. Когда народъ былъ достаточно ознакомленъ съ истинами Христіанской вѣры, Владиміръ назначилъ день крещенія, и наканунѣ его разослалъ вѣстниковъ по всему городу съ повелѣніемъ: „кто не явится завтра на рѣкѣ, богатый ли, бѣдный ли, тотъ будетъ противенъ мнѣ". Слыша это, люди съ радостію готовились итти на рѣку, и говорили: „Если бы это было не добро, то князь и бояре не приняли бы сего". Другіе соглашались итти потому, что не хотѣли противиться державной власти любимаго князя. На другой день совершилось торжество крещенія. Со всѣхъ концовъ Кіева жители сошлись къ тому мѣсту Днѣпра, гдѣ въ него впадаетъ рѣка Почайна; прибылъ сюда и самъ князь со святителемъ Михаиломъ, съ соборомъ епископовъ и священниковъ, и съ новокрещеными боярами. По данному знаку, кіевляне вступили въ воду; священники читали молитвы крещенія, нарекали имена крещаемымъ и погружали народъ въ воду съ произношеніемъ имени Святой Троицы. И была великая радость на небѣ и на землѣ о такомъ множествѣ спасаемыхъ. Но болѣе всѣхъ радовался самъ виновникъ торжества, блаженный князь Владиміръ. Въ благоговѣйной радости возвелъ онъ очи къ небу и молился: „Боже великій, сотворивый небо и землю! Призри на новыя люди сія, дай имъ Господи, увѣдѣти Тебе, Истиннаго Бога, яко же увѣдѣша другія Христіанскія страны, утверди въ нихъ вѣру твердую и нерушимую, и мнѣ помоги на противника спасенію человѣческому,

чтобы я, надѣясь на Тебя и на Твою державу, побѣждалъ козни его". Послѣ крещенія Кіева, постепенно просвѣщались крещеніемъ и другіе города Россіи. Владиміръ самъ обходилъ съ епископами города и области Русской земли, созывалъ народъ слушать наставленія о вѣрѣ Христовой и потомъ повелѣвалъ крестить увѣровавшихъ и строить церкви. А когда стали подростать сыновья его, онъ, посылая ихъ въ удѣльные города, вмѣстѣ съ ними посылалъ епископовъ, священниковъ и бояръ, заповѣдуя имъ просвѣщать народъ и строить церкви.

Въ новопостроенныхъ храмахъ тотчасъ началось Богослуженіе. Оно совершалось по книгамъ, переведеннымъ на Славянскій языкъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ и принесеннымъ въ Россію изъ Болгаріи. Такимъ образомъ, Россіяне могли сряду услышать Богослуженіе на понятномъ языкѣ и храмы сдѣлались для нихъ всенародными училищами вѣры и благочестія: здѣсь Русскіе слышали Св. Евангеліе и писанія Пророковъ и Апостоловъ, слышали все спасительное ученіе Христово, а въ Священныхъ пѣснопѣніяхъ находили способъ выражать свои молитвенныя чувства, свои христіанскія мысли. А для бо́льшаго утвержденія народа въ вѣрѣ, Владиміръ началъ устроять училища, гдѣ учились дѣти почетнѣйшихъ жителей Кіева.

Кромѣ заботъ о просвѣщеніи народа Владиміръ явилъ себя и милосердымъ христіаниномъ и мудрымъ устроителемъ порядка государственной жизни по тѣмъ новымъ правиламъ, которые уже издавна дѣйствовали въ Греціи. Онъ выписалъ изъ Греціи сборникъ правилъ церковныхъ, далъ средства на содержаніе церквей, установилъ при церквахъ странноприимные домы, велѣлъ возить по улицамъ пищу для тѣхъ несчастныхъ, которые, отъ болѣзни и слабости, не могли сами прійти за милостынею.

Послѣдніе годы своей жизни св. князь проводилъ въ глубокихъ чувствахъ сердечнаго сокрушенія и съ свѣтлою надеждою на милосердіе Божіе. Отходя отъ сего свѣта, онъ молился: „Господи Боже мой! Не зналъ я Тебя Бога, но Ты помиловалъ меня и Святымъ крещеніемъ просвѣтилъ меня.

И позналъ я Тебя, Боже всѣхъ, Святый Творче всея твари, Отче Господа нашего Іисуса Христа. Слава Тебѣ съ Сыномъ и Святымъ Духомъ! Владыко Боже! Не помяни моихъ грѣховъ въ язычествѣ, ибо тогда я не зналъ Тебя, а теперь знаю Тебя и вѣдаю о Тебѣ, Господи Боже мой! Помилуй меня". Такъ, молясь, предалъ онъ душу свою въ руцѣ Божіи. Блаженное успѣніе его послѣдовало въ загородномъ дворцѣ его на Берестовѣ, 15-го іюля 1115 года, на 57-мъ году житія его, на 27-мъ году жизни въ Христіанствѣ.

Святопочившаго князя перевезли изъ Берестова въ Кіевъ и поставили въ созданной имъ церкви Богородицы. Тутъ узналъ народъ о кончинѣ его и собрался въ безчисленномъ множествѣ. И совершили христіанское погребеніе надъ почившимъ, и положили его тѣло въ той же церкви, въ мраморномъ гробѣ.

И стали Русскіе Христіане вспоминать и размышлять о томъ, какое великое добро почившій князь Владиміръ сдѣлалъ землѣ Русской, просвѣтивъ ее Св. крещеніемъ. Они вѣрили, что, за сей подвигъ и за всѣ добродѣтели, онъ стяжалъ себѣ великое воздаяніе у Бога, и Богъ прославилъ его. Впослѣдствіи, при возобновленіи Богоспасаемаго Кіева, обрѣтены были священныя останки его мощей и вся Русская Церковь стала праздновать 15-го іюля день успенія св. благовѣрнаго князя Владиміра, просвѣтителя земли Россійскія, Равноапостольнаго царю Константину.

Чѣмъ же мы воздадимъ Равноапостольному князю, просвѣтившему насъ свѣтомъ Евангельскаго ученія, насадившему въ сердцахъ нашихъ добрыя сѣмена вѣры и благочестія? Прежде всего возблагодаримъ Господа Бога, что Онъ избралъ св. князя орудіемъ своего Промысла, благодѣющаго намъ, возблагодаримъ Бога за то, что сей Избранникъ Божій помогъ намъ оставить язычество и познать Христову вѣру въ той чистотѣ, въ какой проповѣдывали св. Апостолы,—вѣру, не помраченную ни мудрованіями суетныхъ мудрецовъ, ни измышленіями приверженцевъ Рима. Возблагодаримъ Господа Бога, давшаго намъ, чрезъ св. Владиміра, сокровища вѣры и благочестія, постараемся увеличить эти сокровища собственными подвигами по

указаніямъ Евангелія. Да укрѣпляется въ насъ истинная вѣра Христова чрезъ усердное слушаніе Евангельскаго ученія ея въ храмахъ Божіихъ и чрезъ благое книжное ученіе въ христіанскихъ училищахъ. Да удалятся отъ насъ и темныя суевѣрія и неразумные расколы и всякія лжеученія, противныя св. Церкви. Да роспространяется отъ насъ и чрезъ насъ свѣтъ вѣры въ среду другихъ народовъ и племенъ, живущихъ въ предѣлахъ нашего Отечества, но еще не покоренныхъ благому игу Христову. Паче же всего да просвѣтится свѣтъ нашей Православно-Христіанской вѣры въ нашихъ добрыхъ дѣлахъ, дѣлахъ Христіанскаго благочестія и святой правды, въ дѣлахъ Христіанской любви и милосердія, завѣщаннаго намъ св. Просвѣтителемъ. Чтобы исполнились эти святыя желанія наши, будемъ просить молитвеннаго хадатайства св. Угодника Божія, князя Владиміра, предстоящаго Престолу Божію, и молящагося за святую землю Русскую, да святится въ дѣлахъ нашихъ, въ нашихъ словахъ и помыслахъ, Пресвятое имя Господа и Спаса Нашего Іисуса Христа, да познаютъ Господа и всѣ тѣ народы Россійскіе, которые еще блуждаютъ во тьмѣ невѣрія, да хранитъ Господь Державу Россійскую на благо народа Русскаго и на защиту единовѣрныхъ намъ народовъ Востока, да утверждается Православная вѣра на землѣ вовѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда вторая.

О распространеніи въ Россіи Христіанской вѣры.

Продолжимъ сегодня нашу бесѣду о распространеніи Христіанской вѣры въ Россіи, скажемъ о тѣхъ лицахъ, которыя трудились для этого великаго дѣла въ первые годы существованія Русской державы, именно—до нашествія Монголовъ. Просвѣтителями Россіянъ были князья, епископы и иноки Русскихъ монастырей. Прежде всего въ ряду подвижниковъ на просвѣщеніе Руси мы ставимъ князей Русскихъ, сыновей и внуковъ св. Владиміра. Они, по всей справедливости, должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ. Исторія утвержденія въ Россіи христіанства при Владимірѣ показала намъ, что главнымъ дѣятелемъ здѣсь былъ самъ князь: всѣ прочія лица, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, были только его сотрудниками, усердными исполнителями его княжеской воли; и чѣмъ согласнѣе съ волею князя дѣйствовали эти люди, тѣмъ успѣшнѣе было ихъ дѣло, тѣмъ прочнѣе утверждалось христіанство въ той или другой мѣстности. Эта черта народной и государственной жизни проходитъ чрезъ всю исторію Россіи. И донынѣ только тѣ дѣла и предпріятія идутъ на благо народа, на утвержденіе блага общаго, которыя исходятъ

отъ верховной власти Русскаго царя; только тѣ дѣятели встрѣчаютъ общее къ себѣ сочувствіе, которые дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ волею царя. Поэтому, и въ дѣлѣ утвержденія христіанства въ Россіи, передовыми подвижниками были Русскіе князья, великіе и удѣльные, съ ихъ дружиною. Они содѣйствовали духовенству въ дѣлѣ распространенія Евангелія, употребляли княжескую власть въ тѣхъ случаяхъ, когда почитатели идоловъ, уступая внушеніямъ жрецовъ и кудесниковъ, не хотѣли слушать кроткой рѣчи проповѣдниковъ Христовой вѣры.

Въ Новгородъ первую вѣсть о Христѣ принесъ Кіевскій митрополитъ Михаилъ, которому помогалъ князь *Добрыня Никитичъ*, а съ нимъ и тысяцкій Путята. Здѣсь, подобно какъ въ Невѣ, бросили въ Волховъ идола Перуна и произошло общее крещеніе народа. Дѣло проповѣди въ Новгородѣ продолжалъ первый епископъ *Іоакимъ Корсунянинъ*. Такъ какъ Новгородъ былъ главнымъ городомъ всей сѣверной области и велъ обширную торговлю съ окрестными странами, то онъ сталъ средоточіемъ, откуда распространялось Евангеліе по окрестностямъ. Въ 1227 году Новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ посылалъ проповѣдниковъ къ финскимъ племенамъ, живущимъ въ нынѣшней Финляндіи, особенно—по берегамъ Финскаго залива и Ладожскаго озера. Такимъ образомъ, онъ просвѣтилъ Корелъ и Ижоръ. И донынѣ эти племена принадлежатъ къ Православной Церкви, хотя шведское иго, долго тяготѣвшее надъ ними, а особенно—вліяніе католичества, а впослѣдствіи—протестанства, не могло не отразиться на вѣрованіяхъ и обычаяхъ жителей. Народы эти хотя посѣщаютъ православную Церковь, ежегодно исполняютъ долгъ исповѣди и причастія, но не отличаются особеннымъ усердіемъ къ украшенію храмовъ, къ соблюденію постовъ; они мало понимаютъ русскій языкъ, тѣмъ менѣе понимаютъ языкъ Славянскій, и потому православное Богослуженіе для нихъ понятно очень мало. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда эти народы вступили въ подданство Россіи, у нихъ стало распространяться просвѣщеніе въ духѣ православной Церкви. Можно надѣятся, что не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ

эти племена вполнѣ сдѣлаются Православными, усердными сынами Церкви.

Просвѣтителями Ростовской области должно считать первыхъ Ростовскихъ епископовъ и князя св. *Бориса*, сына Владимірова, погибшаго въ борьбѣ удѣльной. Но такъ какъ первые два Ростовскіе епископа, *Θеодоръ и Иларіонъ*, пришедшіе изъ Греціи, не знали Русскаго языка, то они не имѣли здѣсь особеннаго успѣха. Кромѣ того здѣсь было довольно сильно вліяніе кудесниковъ. Θеодоръ и Иларіонъ бѣжали отъ ярости язычниковъ. Третій епископъ, св. *Леонтій*, родомъ русскій, не убѣжалъ отъ ввѣреннаго ему стада, хотя язычники пытались и его изгнать изъ города. Такъ какъ старые люди уже закоренѣли въ грубомъ язычествѣ и не желали слушать новаго для нихъ ученія Христова, то св. Леонтій сталъ дѣйствовать на дѣтей. Онъ поселился за городомъ, сталъ привлекать къ себѣ дѣтей ласковымъ обращеніемъ и училъ ихъ первымъ начаткамъ Христіанскаго ученія. Язычники взбунтовались противъ него, и большой толпой пошли за городъ, чтобы убить св. мужа; но когда онъ вышелъ къ нимъ въ святительскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный клиромъ, они оставили свое звѣрское намѣреніе. А потомъ сильное слово св. Пастыря такъ подѣйствовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Но все-таки св. Леонтій свои труды Евангельскіе запечатлѣлъ мученическою смертію около 1070-го года. Преемникъ его, св. Исаія, кіевскій уроженецъ и постриженникъ Кіевопечерскаго монастыря, ходилъ по всей Ростовской области, крестилъ народъ, ниспровергалъ идоловъ и строилъ церкви. Кромѣ первыхъ Ростовскихъ епископовъ и князя Бориса, просвѣтителемъ Ростова былъ русскій инокъ, преподобн. *Авраамій*. Поселившись въ хижинѣ на берегу озера Неро, онъ долго училъ народъ и усердно молился о его обращеніи. Святый Іоаннъ Богословъ, явившись ему въ видѣніи, далъ ему жезлъ на сокрушеніе главнаго идола Волоса. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ, св. Авраамій основалъ Богоявленскій монастырь и былъ первымъ его архимандритомъ. Такимъ образомъ въ 12-мъ вѣкѣ Ростовъ, съ своею областію, входилъ

въ составъ Православной Церкви. И донынѣ Ростовъ принадлежитъ къ числу древнихъ православныхъ городовъ. Древніе его храмы, съ иконами и мощами святыхъ Угодниковъ, доселѣ привлекаютъ русскаго богомольца.

Какъ изъ Новгорода свѣтъ христіанства распространялся къ сосѣднимъ Кореламъ и Ижорамъ, такъ и Ростовъ сдѣлался центромъ, изъ котораго лучи свѣта распространялись среди инородцевъ Ростовской области, именно — среди Муромы и Мордвы. Въ концѣ 11-го вѣка на Муромско-Рязанское княжество прибылъ князь *Ярославъ - Константинъ* съ сыновьями своими *Михаиломъ* и *Ѳеодоромъ*. Язычники встрѣтили его съ оружіемъ и убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велѣлъ строить въ немъ церкви. Усердіе князя къ обращенію жителей долго не имѣло успѣха. Однажды жители, упорные въ язычествѣ, собрались къ дому князя, съ намѣреніемъ убить проповѣдниковъ Христіанской вѣры. Мужественный князь вышелъ къ нимъ одинъ, съ иконою въ рукахъ. Мятежниковъ поразилъ чудесный ужасъ и они, въ раскаяніи и страхѣ, изъявили готовность креститься. Въ назначенный день, на рѣкѣ Окѣ, произошло такое же крещеніе, какъ въ Кіевѣ, при св. Владимірѣ. Послѣ этого труды князя и его сподвижниковъ сдѣлались успѣшнѣе. До самой смерти князь обращалъ язычниковъ, строилъ церкви и монастыри, а потомъ заложилъ городъ Рязань, сдѣлавшійся средоточіемъ церковнаго управленія для всѣхъ окрестныхъ жителей-христіанъ.

Просвѣтителемъ *Вологодскаго* края былъ преподобный Герасимъ, постриженникъ Печерской обители. Въ 1147 году онъ поселился близъ нынѣшняго города Вологды, основалъ здѣсь монастырь Св. Троицы и 30 лѣтъ проповѣдывалъ Евангеліе обитателямъ этой дикой страны. Въ сѣверныхъ областяхъ, входившихъ въ составъ владѣній Новгородскихъ, проповѣдниками Евангелія были Новгородцы, которые направлялись въ эти страны, ища предметовъ торговли, изыскивая новыя мѣста для житья и широкой русской удали. Входя въ торговыя сношенія съ мѣстными дикарями, новгородскіе поволь-ники знакомили ихъ съ христіанскою жизнью, добрымъ обхо-

жденіемъ привлекали ихъ ко Христу и, строя церкви, утверждали здѣсь Христіанскую вѣру. Такъ просвѣщались Черемисы и Вотяки, Болгары, Чудь и другіе инородцы. Можно сказать, что не прошло и ста лѣтъ послѣ крещенія Владиміра, какъ уже вся тогдашняя Россія была просвѣщена Христіанскою вѣрою. Впрочемъ, нельзя думать, что всѣ жители Россіи, поголовно, были уже христіанами. Вѣрнѣе будетъ сказать, что здѣсь повторилось то же, что было въ древней Христіанской Церкви. Именно: христіанство утверждалось сперва по главнымъ городамъ, гдѣ жили князья и княжескіе намѣстники, а потомъ, изъ городовъ, лучи Евангелія расходились по окрестностямъ. Люди изъ ближайшихъ къ городу мѣстностей, являясь въ городъ для дѣлъ торговыхъ, или по дѣламъ управленія, посѣщали христіанскія храмы, видѣли церковную службу, слышали Слово Божіе и постепенно подготовляли себя къ принятію христіанства. Мѣстности, отдаленныя отъ города, находившіяся въ глуши лѣсовъ, за глубокими рѣками и обширными болотами, не могли такъ удобно сообщаться съ главными городами: поэтому христіанство здѣсь распространялось медленнѣе. Можно указать еще особенную черту въ усвоеніи Русскимъ народомъ Христіанской вѣры. Такъ какъ, въ тогдашнія времена, не было готовыхъ и удобныхъ способовъ просвѣщенія народнаго, не было ни училищъ, ни книгъ, то не представлялось возможности достаточно просвѣтить народъ ученіемъ христіанскимъ. Простодушные Россіяне усвоили христіанство не столько по сознанію высоты христіанскаго ученія въ сравненіи съ мудрованіями язычниковъ, сколько по безотчетному, но тѣмъ не менѣе сильному чувству внѣшняго величія и красоты Христіанской вѣры. Они видѣли христіанское Богослуженіе, видѣли добрую жизнь проповѣдниковъ вѣры, услаждались благолѣпнымъ видомъ храмовъ Божіихъ, стройностію и умилительностію обрядовъ, и, потрясенные до глубины всего своего существа, быстро оставляли язычество и переходили къ христіанству. А потомъ, болѣе или менѣе частое посѣщеніе храмовъ Божіихъ утверждало ихъ въ вѣрѣ: они проникались сознаніемъ превосходства христіанства, святости ея установленій, благотворности

заповѣдей Христовыхъ и старались вести жизнь христіанскую. Это были, въ собственномъ смыслѣ, младенцы въ вѣрѣ. И нельзя не сознаться, что и нынѣ большинство Россіянъ содержитъ и исповѣдуетъ Христіанскую вѣру именно съ дѣтскою простотою и покорностію. Милліоны Русскаго народа не могутъ дать себѣ отчета въ своихъ христіанскихъ вѣрованіяхъ, не могутъ защитить свое ученіе отъ возраженій иновѣрцевъ, или невѣрующихъ, но они, все-таки, искренно преданы Христіанской вѣрѣ, дорожатъ ею, какъ великимъ сокровищемъ и нарушеніе уставовъ Церкви считаютъ тяжкимъ грѣхомъ.

Обозрѣвая труды первыхъ проповѣдниковъ Евангелія въ нашемъ Отечествѣ, мы совсѣмъ не видимъ здѣсь той упорной борьбы христіанства съ язычествомъ, которая представляется намъ въ исторіи просвѣщенія Греко-Римскихъ народовъ. Напротивъ, должно сказать, что ни въ какой странѣ христіанство не распространялось такъ быстро и успѣшно, какъ именно—въ Россіи. Это—отъ того, что самое язычество у насъ въ Россіи не имѣло той прочности, какая была у язычниковъ въ Греко-Римской имперіи. Не было у насъ ни жрецовъ, ни великолѣпныхъ языческихъ храмовъ, ни поэтовъ, ни философовъ, которые имѣли свой интересъ возбуждать вражду на христіанъ. Когда лучи Евангельскаго свѣта начали озарять нашу страну, предки наши имѣли самую первобытную, такъ сказать, младенческую религію. Они жили патріархальною жизнію; службу Божію совершали у нихъ старшіе въ семействѣ; служба совершалась при источникахъ и подъ вѣтвистыми деревьями; въ умахъ и сердцахъ нашихъ предковъ еще не были помрачены чистыя младенческія понятія о Единомъ Богѣ, о будущей жизни, о праведномъ судѣ и мздовоздаяніи; ихъ воля и сердце не были испорчены ложными мудрованіями языческихъ философовъ; они держались природныхъ добрыхъ началъ нравственности; были честны, искренни, правдивы; охотно слушали всякій добрый совѣтъ; усердно подчинялись своимъ властителямъ, имѣли уваженіе къ старшимъ. Однимъ словомъ: они уже въ самой душѣ своей были расположены къ принятію христіанскаго ученія.

А съ Православною Греко-восточною Церковію они были знакомы уже издавна. Они видѣли православныхъ христіанъ какъ среди Скифовъ и Грековъ, населявшихъ сѣверные берега Чернаго моря, такъ и среди Славянъ, съ которыми находились въ постоянныхъ сношеніяхъ; наконецъ, они часто посѣщали столицу Греческой имперіи, Константинополь или Царьградъ, и здѣсь любовались красотою храмовъ, благолѣпіемъ Богослуженія; отъ красоты внѣшней церковной обстановки, они, естественно, заключали и о высотѣ христіанскаго ученія. И вотъ, когда князья Русскіе стали принимать Евангеліе и впушать то же своимъ подданнымъ, тѣ, безъ всякаго прекословія и колебанія, принимали христіанство.

Впрочемъ, нельзя оставить безъ вниманія и тѣхъ немногихъ случаевъ, когда распространенію Евангелія въ Россіи встрѣчались препятствія. Среди финскихъ племенъ, населявшихъ сѣверныя области Россіи, были кудесники, волхвы, чародѣи, попросту колдуны, которымъ было непріятно, что Русскіе охотно принимаютъ Евангеліе, непріятно потому, что, съ распространеніемъ свѣта Христова, разгонялся тотъ мракъ, въ которомъ привыкли дѣйствовать чародѣи, уменьшались тѣ доходы, которые они получали отъ своихъ волхвованій. И вотъ исторія сохранила намъ нѣсколько примѣровъ борьбы волхвовъ съ проповѣдниками Евангелія. Такъ, въ Суздалѣ волхвы начали избивать старыхъ женщинъ, обвиняя ихъ въ томъ, будто онѣ удерживаютъ плодородіе и причиняютъ голодъ въ странѣ. Великій князь Ярославъ самъ пріѣхалъ въ Суздаль и казнилъ волхвовъ. Чрезъ нѣсколько времени насталъ голодъ въ Ростовѣ. Сюда пришли два волхва и стали говорить, что старыя женщины удерживаютъ плодородіе; подъ этимъ предлогомъ они стали грабить женщинъ, болѣе богатыхъ. Потомъ они пришли на Бѣлоозеро, вездѣ смущая народъ своими ложными предсказаніями. Здѣсь встрѣтилъ ихъ *Янъ*, боярин князя Святослава Черниговскаго. Произошла схватка, въ которой былъ убитъ священникъ боярина. Бѣлозерцы едва согласились выдать волхвовъ. Волхвы изложили Яну свое ученіе о Богѣ добромъ и зломъ, и о томъ, что душа создана Богомъ, а тѣло создано діаволомъ. Волхвы были

преданы смерти. Въ Новгородѣ также сильна была вѣра въ волхвовъ. Новгородцы ходили гадать къ финскимъ кудесникамъ. Одинъ волхвъ, прибывъ въ Новгородъ, сталъ хулить Христіанскую вѣру и вызывался перейти Волховъ, какъ по суху. Народъ взволновался и хотѣлъ убить епископа Ѳеодора. Епископъ явился въ народное собраніе съ крестомъ въ рукахъ и звалъ къ себѣ вѣрныхъ. На его сторону сталъ князь съ дружиною: народъ остался на сторонѣ волхва. Князь убилъ волхва и волненіе утихло. Однажды явился волхвъ въ Кіевѣ и утверждалъ, что Днѣпръ потечетъ вверхъ, что Русская земля станетъ на мѣстѣ Греческой, а Греческая —на мѣстѣ Русской. Нѣкоторые ему вѣрили, а другіе смѣялись надъ нимъ. Волхвъ въ одну ночь пропалъ безъ вѣсти.

Все, что мы разсказываемъ, было 800 лѣтъ тому назадъ. А между тѣмъ нельзя не сознаться, къ крайнему стыду нашему, и къ крайнему сожалѣнію всѣхъ умныхъ людей, что еще и теперь Русскій народъ не чуждъ вѣры въ волхвовъ и чародѣевъ. Развѣ нѣтъ среди народа людей, которые вѣрятъ, что колдунъ или чародѣй можетъ испортить человѣка, навести на него лютую болѣзнь, сдѣлать заломы на поляхъ, вредить посѣвамъ, разстроить счастіе супружеское, навести болѣзнь на домашнихъ животныхъ? Развѣ не ходятъ люди къ ворожеямъ, чтобы узнать будущую судьбу свою, развѣ не вѣрятъ въ домовыхъ, водяныхъ и лѣшихъ? Умный человѣкъ понимаетъ, что все это—пустыя бредни простецовъ, глупости необразованнаго класса. А между тѣмъ великій вредъ происходитъ отсюда: вѣря въ силу колдуновъ, люди оставляютъ вѣру въ силу Божію, не вѣрятъ въ силу молитвъ церковныхъ, въ силу Таинствъ, не обращаются къ священнику за добрымъ совѣтомъ, за отеческимъ наставленіемъ. И вотъ тьма суевѣрія и волшебства облегаетъ душу простого русскаго человѣка. Исповѣдуя истинную Христіанскую вѣру устами своими, русскій человѣкъ держится ложныхъ языческихъ понятій, удаляется отъ Бога, становится чуждымъ Церкви и губитъ свою душу. Да не будетъ сего! будемъ стараться о томъ, чтобы свѣтъ вѣры Христовой скорѣе осіялъ

наши души, чтобы истина Христова просвѣтила насъ и отдалила отъ насъ пагубныя ученія языческія.

Кромѣ волхвовъ, этихъ, въ собственномъ смыслѣ, язычниковъ, вѣра Православная встрѣчала себѣ противниковъ среди христіанъ неправославныхъ, именно — католиковъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Россіею, на западныхъ ея окраинахъ. Въ предыдущей бесѣдѣ говорилось, между прочимъ, о томъ, что къ великому князю Владиміру приходили, изъ Нѣмецкой земли, проповѣдники вѣры. Эти проповѣдники были именно латинскіе, католическіе священники. Святой Владиміръ отказался признать главенство Рима. Но Римскіе папы не отказались отъ своихъ попытокъ подчинить себѣ Русскую Церковь. Такъ, папа Григорій 7-й присылалъ къ Русскому великому князю Изяславу посланіе и пословъ, предлагая ему признать главенство Папы и обѣщая, за это, помочь ему въ достиженіи великаго княженія. Но Изяславъ возшелъ на великокняжескій престолъ безъ помощи Папы и не захотѣлъ подчиниться Риму. Папа Иннокентій 3-й, который особенно ревностно старался о томъ, чтобы расширить и возвысить власть Рима, обратился къ Галицкому князю Роману Даніиловичу. Папскій легатъ обѣщалъ Роману королевскую корону, если онъ покорится Римскому престолу, и сказалъ, что тогда Папа дастъ ему, на защиту. „мечь Апостола Петра“. Романъ, указывая на свой мечь, съ гордостію отвѣчалъ папскому легату: „А такой ли мечь у Папы?“ И пока области Россіи оставались въ тѣсномъ между собою союзѣ, до тѣхъ поръ усилія Римскихъ папъ оставались безплодными. Какъ святаго Владиміра, такъ и потомковъ его, Русскихъ князей и царей, какъ увидимъ изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ, Господь сохранилъ отъ пагубнаго вліянія католичества.

Разсказанная нами исторія Церкви, въ первомъ періодѣ ея существованія въ Россіи, убѣдила насъ въ той истинѣ, что Христіанская вѣра, при содѣйствіи Промысла Божія, утвердилась въ Россіи прочно, и стала господствующею среди другихъ вѣрованій Русскаго народа. Не поколебалась она и тогда, когда постигло Россію страшное иго Монгольское. Напротивъ, только православной вѣрѣ Христіанской наше

Отечество обязано тѣмъ, что Россія не только не пала подъ игомъ Монгольскимъ, но еще и укрѣпилась, и могла свергнуть это иго и даже содѣйствовать просвѣщенію тѣхъ областей, которыя были свободны отъ ига Монгольскаго,—разумѣемъ сѣверныя области Россіи. Мало того, сами Монголы не далеки были отъ того, чтобы, хотя въ маломъ числѣ, принимать православную вѣру.

Нужно замѣтить, что Монголы сперва были язычниками, потомъ приняли магометанское ученіе. Будучи язычниками, монголы не дѣлали никакого стѣсненія Русскимъ въ исповѣданіи Христіанской вѣры. Они держались того убѣжденія, что всѣ вѣры, всѣ религіи отъ Бога, что во всѣхъ людскихъ вѣрованіяхъ есть остатки божественной истины. Поэтому они уважали всякую религію, въ томъ числѣ и религію Христіанскую. Можно было ожидать, что, когда Монголы сдѣлаются магометанами, они начнутъ силою обращать Русскихъ въ магометанство: потому что извѣстно, какимъ глубокимъ фанатизмомъ дышетъ ученіе магометанское, съ какою жестокостію преслѣдуютъ магометане всякаго, кто не желаетъ принять ученіе Магомета. Но Господь спасъ наше Отечество отъ фанатизма магометанъ. Правда, что Монгольское иго было тяжкимъ бѣдствіемъ для Русскихъ: они обременены были тяжкими налогами; ихъ города, церкви и монастыри подверглись разоренію; всякая государственная жизнь должна была какъ бы остановиться, чтобы служить чуждымъ правителямъ; замедлилось народное просвѣщеніе; жители селъ и городовъ разбѣжались по лѣсамъ, остановилась торговля и промышленность. Отъ этихъ государственныхъ смутъ не могло не страдать и Церковь Христіанская. Но прямого гоненія на Церковь, все-таки, не было. Хотя были и мученики, пострадавшіе отъ Татаръ, но, во-первыхъ, ихъ было не особенно много, какъ объ этомъ скажемъ впослѣдствіи, и, во-вторыхъ, многіе мученики пострадали не столько отъ ярости магометанъ, сколько по коварству своихъ же домашнихъ враговъ, т. е. Русскихъ же князей. А къ православной Церкви монголы отнеслись хорошо: не только не преслѣдовали ее, а даже, во многихъ случаяхъ, покровительствовали ей. Когда князья и свя-

тители Россійскіе, въ твердомъ убѣжденіи, что Монгольское иго есть наказаніе отъ Бога за грѣхи народа и правителей его, смиренно являлись въ Орду къ Татарамъ, обнаруживали покорность и высказывали чувства преданности, тогда Татарскіе ханы являли милость православной Церкви, духовенству и народу; они утверждали права князей, освобождали Церковь и ея служителей отъ всякихъ податей и повинностей, облегчали народныя подати и побуждали народъ повиноваться духовнымъ и гражданскимъ правителямъ. И Русскій народъ, пока чувствовалъ свою слабость отъ внутреннихъ смутъ и усобицъ, пока видѣлъ невозможность бороться съ Татарами, онъ смиренно переносилъ чуждое, иновѣрное иго. Въ этомъ случаѣ предки наши поступали именно такъ, какъ внушалъ нѣкогда народу Еврейскому св. Пророкъ Іеремія. Когда на Израильтянъ послалъ Господь свирѣпыхъ внѣшнихъ враговъ—Вавилонянъ, и цари Іудейскіе, ревнуя о благѣ земли, думали противиться врагамъ, заключали союзы съ сосѣдними народами и готовились на бой съ угнетателями, Пророкъ Іеремія училъ покорности, покаянію и смиренію. Не нравились эти рѣчи правителямъ народа Еврейскаго. Они преслѣдовали провозвѣстника воли Божіей, не разъ пытались убить его, а о покаяніи и смиреніи не хотѣли думать. И исполнились грозныя прещенія Пророка. Царство Іудейское было сокрушено, храмъ превращенъ въ развалины, а народъ отведенъ въ Вавилонъ. Восхвалимъ благочестіе Россіянъ—нашихъ предковъ. Они не были глухи къ вѣщаніямъ св. Церкви и ея служителей. Они безропотно сносили Татарское иго, смиренно платили подати и исполняли всѣ требованія властителей. И Господь не оставилъ смиреннаго народа Русскаго. Ослабѣли смуты удѣльныя, укрѣпилась Русская держава, возвысилась власть князя единодержавнаго и Россія свергла Татарское иго, тяготѣвшее надъ нею въ теченіе двухсотъ лѣтъ.

Можно было бы ожидать, что въ тяжкую годину Монгольскаго ига не распространялась въ Россіи Христіанская вѣра..Русскимъ въ пору было сохранить, по крайней мѣрѣ, тѣ сокровища истины и благочестія, которыя они наслѣдовали отъ предковъ. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Сѣ-

верныя области Россіи почти не терпѣли отъ бѣдствій Татарскаго ига: и вотъ мы видимъ, что въ этихъ областяхъ свѣтъ вѣры, все-таки, продолжалъ проникать въ умы и сердца невѣрныхъ. Монастыри Вологодскаго края, монастыри Валаамскій и Коневскій, послужили великому дѣлу просвѣщенія сѣверныхъ инородцевъ. Но особенно важны были, въ этомъ отношеніи, просвѣтительные подвиги св. Стефана Пермскаго, распространившаго свѣтъ Христова Евангелія въ обширной области, входящей нынѣ въ составъ Вологодской и Пермской губерній. Св. Стефанъ былъ сынъ соборнаго причетника въ Устюгѣ, рано выучился грамотѣ и получилъ страсть къ чтенію книгъ. Чтобы удовлетворить этой страсти, онъ вступилъ въ Ростовскій монастырь Григорія Богослова, гдѣ было много книгъ. Давно была у него мысль сдѣлаться просвѣтителемъ дикихъ Зырянъ Пермской области, которыхъ онъ часто видалъ на своей родинѣ, въ Устюгѣ. Тринадцать лѣтъ онъ готовился къ апостольскому подвигу, изучалъ греческій языкъ для перевода священныхъ книгъ, составилъ зырянскую азбуку и переводилъ нужнѣйшія библейскія и Богослужебныя книги. Посвященный въ іеромонахи, Стефанъ отправился къ Зырянамъ и здѣсь въ селеніи на рѣкѣ Выми, построилъ небольшую церковь. Отсюда онъ ѣздилъ во всѣ стороны для проповѣди Евангелія, всюду разрушалъ капища и истреблялъ идоловъ. Язычники съ удивленіемъ замѣчали, что Стефанъ ничего не бралъ себѣ изъ богатыхъ приношеній, которыя находились на ихъ священныхъ мѣстахъ, и видѣлъ, какъ высоко стоялъ этотъ проповѣдникъ предъ ихъ жрецами, которые только и думали о богатствѣ. Они говорили: „воистину онъ—Божій человѣкъ. Онъ пришелъ къ намъ не для корысти, а для спасенія нашего“. Многіе, видя въ немъ святого человѣка, начинали испытывать любовь къ вѣрѣ Христовой и принимали крещеніе. Успѣхи св. Стефана встревожили волхвовъ. Они возмущали народъ и пользовались, при этомъ, ненавистію, которую народъ питалъ къ Московскому государству. Въ Стефанѣ они указывали пришельца изъ той державы, которая требовала отъ нихъ податей. Стефанъ не боялся вступать въ состязаніе съ волхвами и всегда оста-

вался побѣдителемъ. Знаменитый кудесникъ Пама вызвался пройти, вмѣстѣ со Стефаномъ, сквозь огонь и воду покрытую льдомъ, чтобы узнать, чья вѣра сильнѣе. Онъ думалъ, что Стефанъ не рѣшится на это. Но когда проповѣдникъ Евангелія согласился итти на испытаніе, тогда самъ волхвъ отказался. Многочисленная толпа народа, видя это, перешла на сторону Стефана. Успѣхи его проповѣди были особенно велики отъ того, что Стефанъ проповѣдывалъ народу на родномъ его языкѣ, училъ Зырянъ грамотѣ, устроилъ при церквахъ народныя школы и лучшихъ изъ своихъ учениковъ посылалъ проповѣдывать въ зырянскихъ селеніяхъ. Въ 1383 г. онъ поѣхалъ въ Москву просить особаго епископа для Перми. Митрополитъ Пименъ посвятилъ въ епископы самого Стефана. Тогда онъ могъ уже самъ поставлять священниковъ изъ природныхъ Зырянъ. Дѣло проповѣди пошло еще успѣшнѣе. Успѣху проповѣди способствовало и то, что Стефанъ подкрѣплялъ свое слово подвигами христіанскаго милосердія. Въ голодные годы онъ привозилъ хлѣбъ изъ Вологды и Устюга, раздавалъ его бѣдному народу, дѣлалъ большія ссуды и милостыни изъ архіерейской казны, испрашивалъ у великаго князя прощеніе недоимокъ; ѣздилъ въ Новгородъ и Москву чтобы защитить Зырянъ отъ разныхъ притѣсненій, отъ тяжкихъ налоговъ, отъ набѣговъ хищниковъ. Скончался онъ въ Москвѣ, во время его поѣздки туда въ 1396 году. Въ плачѣ земли Пермской о его дѣятельности говорится: „лишились мы добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ наши жалобы; передъ боярами и всякими властями былъ нашимъ теплымъ заступникомъ, избавлялъ насъ отъ насилія, работы и тіунской продажи, облегчалъ отъ тяжкой дани. Сами Новгородцы, разбойники, слушались его словъ и не воевали насъ“. Такимъ образомъ св. Стефанъ, проповѣдуя Зырянамъ о Богѣ христіанскомъ, Всеблагомъ и Милосердомъ, собственными подвигами любви и милосердія подкрѣплялъ свою проповѣдь. Оттого и сильно дѣйствовала эта проповѣдь. Въ 18 лѣтъ своего апостольства св. Стефанъ обратилъ по Христу всю Малую Пермь съ ея Зырянами по Вычегдѣ и Выми. Вогулы,

населявшіе Великую Пермь, просвѣщены были преемниками Стефана,—Исаакомъ, Герасимомъ, Питиримомъ и Іоною. Герасимъ и Питиримъ запечатлѣли свою проповѣдь мученическою смертію отъ рукъ грубыхъ Вогуловъ. Ко концу 15-го вѣка вся Пермская страна была просвѣщена Христовымъ Евангеліемъ. Такимъ образомъ тяжкое иго Монгольское не мѣшало свѣту Христовой истины дальше и дальше расходиться по отдаленнымъ странамъ нашего Отечества.

Сами Татары, видя величіе Бога христіанскаго, видя добрыя качества Русскихъ князей, мало-по-малу сближались съ христіанствомъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже сами дѣлались христіанами. Что были изъ числа Татаръ желавшіе креститься, это видно, прежде всего, изъ того обстоятельста, что въ 1301 г. одинъ изъ Русскихъ епископовъ, Ѳеогностъ, бывши на соборѣ въ Константинополѣ, предлагалъ здѣсь вопросы о томъ, какъ поступать съ Татарами, которые захотятъ принять крещеніе. Епископъ этотъ называется *Сарайскимъ*, а Сарай—это было главное становище Татаръ въ южномъ краѣ Россіи. Если правительство Русское нашло нужнымъ поставить епископа съ титуломъ Сарайскаго, или если выразиться точнѣе, епископа Татарскаго, или Монгольскаго, значитъ оно ожидало, что для такого епископа найдется и паства изъ Татаръ, обратившихся въ христіанство. Мы знаемъ также, что племянникъ хана Берки, тронутый рѣчами Ростовскаго епископа Кирилла, бывшаго въ Ордѣ, тайно отъ родныхъ уѣхалъ въ Ростовъ, крестился и названъ Петромъ. Впослѣдствіи онъ построилъ въ Ростовѣ монастырь Петра и Павла, и скончался въ глубокой старости, около 1290 года, принявши постриженіе. Крестились также: князь Беклемишъ въ Мещерѣ, родоначальникъ князей Мещерскихъ, Татарскій мурза Четъ, родоначальникъ Годуновыхъ, построившій Ипатьевскій монастырь въ Костромской области: внукъ Мамая—*Олекса*, родоначальникъ Глинскихъ, крестившійся въ Кіевѣ при Литовскомъ князѣ Витовтѣ. Особенно много крестилось Татаръ при св. Алексіѣ, котораго благочестіе и чудеса явно показывали Татарамъ величіе Бога, сиповѣдуемаго въ Русской землѣ. Особенно много крещеныхъ

Татаръ было среди великокняжескихъ служителей. Всѣ они, принявъ христіанство, остались навсегда вѣрными сынами Церкви, и ихъ потомки служатъ нынѣ Русскому Царю, а о томъ, что они происходятъ отъ Татаръ, напоминаютъ ихъ татарскія фамиліи.

Такимъ образомъ и среди бѣдствій, которыя испытывала Русская земля, Православная Христова вѣра находила пути для своего распространенія въ умахъ и сердцахъ людей, населявшихъ Россію.

Въ противоположныя страны Россіи, именно на сѣверо-западъ, также распространялось Евангеліе. Хотя сѣверные и западные сосѣди наши, Шведы и Ливонцы, возбуждаемые Римскими папами, сильно хлопотали о томъ, чтобы подчинить Русскихъ Папѣ и утвердить среди нихъ католичество, но Господь хранилъ нашу православную Церковь. Сосѣди наши хотѣли силою обратить Русскихъ въ католичество и, для этой цѣли, высылали къ намъ вооруженныя толпы приверженцевъ папства; эти усердные слуги Рима шли на Россію, устроя противъ Русскихъ настоящіе крестовые походы. Вражескую силу нужно было отражать силою. И въ Россійской Землѣ являлись храбрые вожди, которые защищали православную Церковь силою оружія. Такъ, властитель Новгородской области, извѣстный всей Россіи, св. благовѣрный князь Александръ Невскій встрѣтилъ Шведовъ на берегахъ Невы, при впаденіи въ нее рѣки Ижоры и нанесъ имъ страшное пораженіе, за что и названъ былъ Невскимъ. Эта война ознаменовалась чудесами. Одинъ Ижорянинъ—Пелгуй, передъ началомъ битвы, видѣлъ ночью святыхъ князей Бориса и Глѣба, плывшихъ въ лодкѣ по Невѣ. „Поможемъ родичу нашему Александру“, говорили они другъ другу. Разсказъ Пелгуя объ этомъ видѣніи одушевлялъ Русскихъ на битву съ врагами православія. Тотъ же благовѣрный князь поразилъ Ливонцевъ на льду Чудскаго озера. Эти подвиги Невскаго героя привлекли на него вниманіе Папы и онъ прислалъ къ Александру своихъ пословъ, предлагая соединиться съ Римомъ. Онъ говорилъ князю, что еще отецъ его, Ярославъ, думалъ начать дѣло о соединеніи Церквей. Святый князь отвѣчалъ

на это рѣшительнымъ отказомъ. Когда не стало храбраго воителя и благочестиваго ревнителя Церкви, святаго Александра, Шведы съ новыми силами пошли на Россію. Шведскій король Магнусъ, завоевавъ нѣкоторыя мѣстности, подвластныя Новгороду, отправилъ въ Новгородъ пословъ и просилъ назначить мѣсто и время пренія о вѣрѣ, съ тѣмъ, чтобы всѣ приняли ту вѣру, которая одержитъ верхъ въ спорѣ. Новгородскій архіепископъ Василій добродушно отвѣчалъ, что Новгородцамъ нѣтъ нужды спорить о томъ, какая вѣра лучше. Они приняли вѣру отъ Грековъ, а потому, если Шведскій король желаетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ Греческому патріарху. Какъ ни простъ этотъ отвѣтъ Новгородскаго владыки, но лучшаго отвѣта не могло и быть. Вѣра — дѣло личнаго убѣжденія каждаго человѣка, и можно ли спорить о томъ, въ чемъ каждый убѣжденъ, наученный этому съ малыхъ лѣтъ? При томъ истины вѣры— выше нашего ума. А Русскіе тогдашняго времени, очень мало были знакомы съ основаніями своей вѣры; и если бы они вступили въ споръ съ католиками, то не сумѣли бы защитить свою вѣру и сами усумнились бы въ превосходствѣ православія, хотя, разумѣется, не приняли бы и католичества. И вышелъ бы соблазнъ великій. Нѣтъ! должно сказать, что отвѣтъ Новгородскаго владыки, пригодный въ тогдашнее время, можетъ годиться и для современнаго общества. Вотъ и у насъ многіе любятъ спорить о вѣрѣ, спорить о тѣхъ истинахъ, которыя выше нашего разума. Положимъ, что тутъ есть своя хорошая сторона: есть доброе желаніе раскрыть истину, найти для нея твердыя основанія, убѣдить другихъ въ превосходствѣ истинныхъ вѣрованій предъ ложными. Но какъ часто въ этихъ спорахъ истина еще болѣе затемняется! Кромѣ того является у спорящихъ взаимное раздраженіе, а у посторонихъ слушателей развивается колебаніе въ вѣрѣ, шаткость убѣжденій, легкомысленный взглядъ на то, что слѣдуетъ принимать съ искреннимъ благоговѣніемъ. Бываетъ и такъ, что люди поднимаютъ споръ о вѣрѣ не съ цѣлію раскрыть и утвердить истину, а изъ желанія поставить на своемъ, утвердить свое мнѣніе только потому, что оно—ихъ мнѣніе. По-

этому Слово Божіе внушаетъ намъ удаляться совопросниковъ, избѣгать преній о вѣрѣ, съ дѣтскою простотою принимать то, чему учитъ насъ Святая Церковь и вмѣсто суетнаго желанія—отстоять свои убѣжденія, подтверждать истину не доказательствами слова, а дѣлами вѣры, любви и благочестія. И нельзя не сознаться, что гораздо болѣе тверды въ вѣрѣ тѣ, которые, удаляясь споровъ, искренно принимаютъ все, чему учитъ Церковь, чѣмъ тѣ, которые выбиваются изъ силъ, чтобы утвердить принимаемую ими истину.

Обратимся опять къ бесѣдѣ о распространеніи христіанства въ Россіи. Кромѣ Новгородскаго князя, св. Александра Невскаго, защитниками Православія на западѣ явились Литовскіе князья *Довмонтъ* и отчасти *Войшелгъ*. Довмонтъ, происходившій изъ рода Литовскихъ князей, прибылъ во Псковъ въ 1265 году и, сдѣлавшись Псковскимъ княземъ, защищалъ Псковскую область отъ Литвы и Ливонцевъ, а послѣ смерти сдѣлался небеснымъ покровителемъ Пскова, вмѣстѣ съ св. княземъ Всеволодомъ Псковскимъ. Другой Литовскій князь Войшелгъ, сынъ Миндовга, прежде бывшій грубымъ и жестокимъ язычникомъ, сначала принялъ католичество, потомъ—православіе. Сдѣлавшись княземъ Литовскимъ, онъ защищалъ православныя области отъ набѣга Венгровъ—враговъ Православія; кромѣ того вызывалъ изъ Новгорода и Пскова православныхъ священниковъ, чтобы они утверждали въ Литвѣ православную вѣру

Итакъ, несмотря на смуты удѣльныя, на тягости ига Монгольскаго, Православная Церковь Россійская неуклонно шла къ своему высокому назначенію — приводить сыновъ Россіи на путь истины и душевнаго спасенія. И великое благо почерпали сыны Россіи въ святой Православной вѣрѣ. Когда племенная рознь, семейные раздоры князей, опустошительные набѣги Печенѣговъ, Половцевъ, и наконецъ—тяжкое иго Монгольское вели Россію къ слабости и разоренію, когда въ удѣльныхъ смутахъ, братъ возставалъ на брата, когда въ битвахъ съ Татарами гибли князья и тысячи храбрыхъ воиновъ, тогда православная Церковь являлась несокрушимою скалою, на которой спасались русскіе люди среди волнъ житей-

скаго моря. Въ православныхъ храмахъ они изливали свои скорби, въ пастыряхъ Церкви они находили наставниковъ вѣры и благочестія, проповѣдниковъ мира и любви христіанской. Православная Церковь связывала всѣхъ Россіянъ въ одну семью, поддерживала въ нихъ силу—терпѣть бѣдствія и одушевляла на борьбу съ Татарами. Когда, при помощи Божіей, народъ свергнулъ съ себя иго Монгольское, тогда православная Церковь простерлась на дальнѣйшее движеніе къ утвержденію истины и добра въ душахъ русскихъ людей. О дальнѣйшемъ распространеніи Православной вѣры въ нашемъ Отечествѣ будетъ рѣчь въ слѣдующей бесѣдѣ.

Бесѣда третья.

О распространеніи въ Россіи Христіанской вѣры.

(Продолженіе).

Въ предыдущей бесѣдѣ у насъ была рѣчь о томъ тяжкомъ бѣдствіи, которое постигло нашу родину во время ига Монгольскаго, говорилось также, что, среди тяжкихъ смутъ и неустройствъ, Господь хранилъ православную Церковь и воздвигалъ мужей, защищавшихъ наше Отечество и трудившихся въ благовѣстіи Христова Евангелія. Теперь мы обращаемся къ болѣе свѣтлымъ временамъ русской народной и государственной жизни. Мы видимъ, что смуты удѣльныя постепенно утихаютъ, семейная вражда между князьями ослабѣваетъ, отдѣльныя области постепенно примыкаютъ къ державѣ Великаго князя Московскаго и этотъ князь становится настолько сильнымъ, что уже осмѣливается вступать въ борьбу съ Татарами. И вотъ, при помощи Божіей, при явныхъ знаменіяхъ покровительства Царицы Небесной, Россія свергаетъ Монгольское иго, расширяетъ свои предѣлы до окраинъ востока и становится могущественною державою. Вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ Государства Россійскаго распростра-

няются предѣлы и Церкви православной. Такъ въ Россіи бывало всегда, такъ бываетъ у насъ и теперь: гдѣ водружается знамя Русскихъ воиновъ, гдѣ устроляется нѣсколько избъ русскаго поселянина, тамъ тотчасъ водружается крестъ, ставится часовня, церковь и начинаетъ совершаться служба Божія. Когда вошли въ предѣлы Россіи области царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, съ того же времени стала распространяться здѣсь и Православная вѣра. Объ этомъ-то распространеніи Православной вѣры мы и будемъ говорить теперь.

Когда побѣдами Русскихъ князей свергнуто было Монгольское иго, когда Татары были отогнаны въ дальніе края, тамъ еще долго держались отдѣльныя вражескія полчища, и предводители ихъ постоянно тревожили наше Отечество быстрыми, хищническими набѣгами. Чаще всего дѣлали на насъ набѣги Татары царства Казанскаго, сильнѣйшаго изъ всѣхъ татарскихъ княжествъ. Нужно было въ концъ покорить Казанское царство, водворить въ немъ гражданскій порядокъ и укротить свирѣпые нравы жителей. Правители Русской земли понимали, что всего этого можно достигнуть не только силою оружія, но и, главнымъ образомъ, силою Евангельскаго слова. Покоривши Татаръ нужно было утвердить у нихъ Христіанскую вѣру. Это и совершилось въ царствованіе Великаго Московскаго царя Іоанна 4-го.

Завоеваніе Казанскаго царства совершилось въ 1550—1582 годахъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ триста лѣтъ тому назадъ. Іоаннъ Грозный видѣлъ, что успѣху русскаго оружія необходима помощь Божія и онъ придалъ своему походу священный характеръ. Русскіе воины готовились къ походу постомъ, покаяніемъ и причастіемъ Святыхъ Таинъ. Царь посѣщалъ святыя мѣста Россіи, благословлялся предъ мощами святыхъ Угодниковъ, напутствовалъ себя на подвигъ молебнами, крестными ходами. Кромѣ продовольствія и воинскихъ орудій, Русское войско несло съ собою Святыя иконы, церковную утварь; при войскѣ было множество священниковъ для совершенія молитвы, и видимыя знаменія Промысла Божія утверждали въ народѣ вѣру, что походъ на Казань есть

дѣло святое, угодное Богу. Когда завоевана была часть Казанскаго царства и здѣсь основанъ былъ первый Русскій городъ Свіяжскъ, то живущіе вблизи города дикіе Черемисы видѣли, какъ нѣкій благолѣпный старецъ обходилъ мѣстность будущаго города и, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней, кадилъ линію укрѣпленій. Предъ взятіемъ Казани тотъ же старецъ являлся Татарамъ на городскихъ стѣнахъ. Когда лица, видѣвшіе сего старца, разсказывали объ этомъ видѣніи, Русскіе узнавали въ этомъ старцѣ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Поэтому и въ новоосноваппомъ городѣ Свіяжскѣ была построена церковь во имя преподобнаго Сергія. Завоеваніе самой Казани, или, вѣрнѣе, взрывъ городскихъ укрѣпленій совершилось во время церковной службы. Подъ городскія стѣны были сдѣланы подкопы и туда вложено было большое количество пороха. Когда протодіаконъ, во время Литургіи, читалъ Евангеліе—бесѣду Іисуса Христа о Единомъ пастырѣ и провозгласилъ *„да будетъ едино стадо и единъ Пастырь“*, тогда произведенъ былъ взрывъ городскихъ укрѣпленій. Казань была взята и тотчасъ же получили свободу шестьдесятъ тысячъ Россіянъ, томившихся въ тяжкомъ плѣну у Татаръ. Царь велѣлъ ломать мечети, т. е. магометанскія молельни, и строить церкви. Въ самый день взятія Казани царь заложилъ церковь Спаса на мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя съ образомъ Спаса, и выстроилъ обыденную, т. е. строенную въ одинъ день, церковь во имя празднуемыхъ въ этотъ день святыхъ Киприана и Іустины, а на другой день заложилъ соборъ Благовѣщенія. За городомъ, гдѣ погребены были павшіе воины, велѣно построить монастырь *Зилантовъ*. Когда царь находился еще въ Казани, Татары крестились тысячами. Потомъ, въ 1553 году въ Москвѣ крестились, со множествомъ Татаръ, два Казанскихъ царя—*Эдигеръ* и *Утемишъ-Гирей*.

По завоеваніи Казани предстояла великая борьба съ магометанствомъ, которое здѣсь процвѣтало. Для успѣха въ этой борьбѣ на Московскомъ Соборѣ 1555 года положено было открыть въ Казани епархію, въ которую должны были войти новопросвѣщенные жители Казанской и Вятской земли. Пер-

вымъ святителемъ въ Казань назначенъ былъ *Гурій*, игуменъ Селижарова монастыря, происходившій изъ рода князей Руготинныхъ. Отправленіе его на епархію Казанскую совершилось съ необыкновенною торжественностію. Новый святитель, кромѣ утвари церковной для казанскихъ церквей, везъ съ собою богатую царскую казну на построеніе храмовъ Божіихъ. Ему данъ былъ подробный наказъ поучать народъ, привлекать лаской, царскими дарами, защищать его передъ властями, крестить волею, а не насиліемъ, крещеныхъ наставлять въ вѣрѣ у себя на дому, или по монастырямъ. Своимъ ученіемъ и жизнію св. Гурій благотворно дѣйствовалъ на магометанъ и язычниковъ. И въ девять лѣтъ своего святительства обратилъ ихъ многія тысячи. Послѣдніе три года онъ не могъ уже ходить вслѣдствіе болѣзни, но и теперь неопустительно его приносили въ храмъ на носилкахъ и онъ здѣсь поучалъ новопросвѣщенную паству. Онъ скончался 4-го декабря 1564 года и погребенъ въ Спасскомъ Казанскомъ монастырѣ. Въ 1630 году его мощи перенесены въ кафедральный соборъ. Помощниками св. Гурія, въ его апостольскихъ подвигахъ, были архимандриты *Варсонофій* и *Германъ*. Варсонофій, сынъ Серпуховскаго священника, 17-ти лѣтъ попалъ въ плѣнъ къ Крымскимъ татарамъ и, въ три года тяжкой неволи, успѣлъ изучить языкъ и вѣру Татаръ. Потомъ онъ былъ игуменомъ Пѣсношской обители. Въ Казани онъ устроилъ Спасскій монастырь и далъ ему уставъ. По своему знанію языка и нравовъ Татаръ онъ былъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ святому Гурію, успѣшно велъ споръ съ татарскими наставниками и, кромѣ того, привлекалъ къ себѣ сердца Татаръ умѣньемъ лѣчить болѣзни. Потомъ онъ былъ епископомъ въ Твери, но подъ старость возвратился въ Казань, гдѣ и скончался въ основанномъ имъ Спасскомъ монастырѣ. Святой Германъ, изъ боярскаго рода, былъ постриженникомъ Волоколамскаго монастыря, гдѣ и подвизался подъ руководствомъ святаго Гурія. Въ Казанской землѣ онъ устроилъ Свіяжскій Богородицкій монастырь, сдѣлавшійся центромъ духовнаго просвѣщенія для Татаръ, жившихъ по правому берегу Волги. По смерти святаго Гурія онъ три года управлялъ

Казанскою паствою и былъ главнымъ руководителемъ проповѣдническаго дѣла для тамошнихъ миссіонеровъ. Скончался онъ въ 1569 г. Въ 1596 году мощи его перенесены въ Свіяжскъ. Успѣхамъ проповѣди этихъ лицъ много содѣйствовали чудеса отъ Иконы Казанской Божіей Матери, явившейся въ 1571 году. Вслѣдъ за просвѣщеніемъ Казани совершилось обращеніе многихъ жителей царства Астраханскаго. Въ 1557 году въ Москвѣ крестилась Астраханская царица съ сыномъ, а въ слѣдующемъ году былъ посланъ въ Астрахань игуменъ Кириллъ, который строилъ церкви и монастыри, крестилъ многихъ Татаръ, дѣтей училъ грамотѣ и Закону Божію. Изъ Астрахани христіанство проникло къ жителямъ Кавказа, которые нѣкогда были православными христіанами, но потомъ, подъ игомъ Турокъ и Персовъ, приняли магометанскія вѣрованія. Кахетинскій князь *Александръ*, тѣснимый Турками и Персами, просилъ, чтобы его область приведена была въ русское подданство. Изъ Москвы туда отправлены были священники для возстановленія чистоты вѣры и богослуженія. Такъ какъ въ 16-мъ вѣкѣ была завоевана Сибирь, то, безъ сомнѣнія, въ это же время началось здѣсь и утвержденіе христіанства. Среди казаковъ, поселившихся въ Сибири, для защиты Русскихъ владѣній отъ вражескихъ набѣговъ, были священники и монахи, которые проповѣдывали здѣсь Христіанскую вѣру. Но окончательное утвержденіе здѣсь Христіанской вѣры принадлежитъ 17-му и 18-му вѣку. Въ 1620 году была основана, для Сибирскаго края, архіепископская кафедра въ городѣ Тобольскѣ. Первымъ архіепископомъ въ Сибирь назначенъ былъ Хутынскій игуменъ *Кипріанъ*. Онъ много заботился объ исправленіи нравственности русскихъ поселенцевъ въ Сибири, просвѣщалъ сибирскихъ дикарей и основалъ нѣсколько обителей. Но важнѣйшее мѣсто въ сонмѣ просвѣтителей Сибири принадлежитъ Тобольскому митрополиту *Филофею Лещинскому*, въ схимѣ нареченному *Ѳеодоромъ*. Такъ какъ подвиги Филофея начались въ 18-мъ вѣкѣ, въ царствованіе Петра Великаго, то мы сначала скажемъ о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ Евангеліе проповѣдывалось въ 16-мъ и 17-мъ вѣкѣ, именно—сѣверныхъ областяхъ Россіи. Центромъ

просвѣтительной дѣятельности для сѣвернаго края былъ Соловецкій монастырь. Владѣя обширными землями по сѣверному берегу, онъ заселялъ ихъ Русскими, крестилъ Лопарей и строилъ для нихъ церкви. Но болѣе всего прославились здѣсь подвигами миссіонерскими архимандритъ *Ѳеодоритъ* и преп. *Трифонъ Пѣченгскій*. Ѳеодоритъ былъ постриженникъ Соловецкаго монастыря. Онъ отправился въ сѣверный край, на берегъ р. Колы, и подвизался здѣсь 20 лѣтъ; потомъ, отправившись въ Новгородъ, получилъ здѣсь санъ іерея и, по возвращеніи въ Лапландію, основалъ на устьѣ Колы монастырь Святой Троицы. Онъ проповѣдывалъ Лопарямъ на ихъ родномъ языкѣ, переводилъ на ихъ языкъ молитвы и училъ дикарей грамотѣ. Сила его проповѣди была такъ велика, что однажды, въ одинъ день, онъ окрестилъ до двухъ тысячъ Лопарей. Впослѣдствіи онъ былъ архимандритомъ Евѳиміева Суздальскаго монастыря, однажды ѣздилъ въ Грецію по порученію царя; живя въ Вологодскомъ краѣ, онъ отсюда два раза ѣздилъ въ Колу и утверждалъ въ вѣрѣ Христовой просвѣщенныхъ имъ Лопарей. Сподвижникомъ Ѳеодорита въ миссіонерскихъ нуждахъ былъ преп. Трифонъ Пѣченгскій, прославляемый Церковію 15-го декабря. Онъ былъ сынъ Новгородскаго священника и, отправившись къ Лопарямъ, поселился на р. Пѣченгѣ, основалъ здѣсь церковь Святой Троицы, служеніе въ ней поручилъ Новгородскому священнику Иліи, а самъ постригся въ монашество. Основанный имъ на р. Пѣченгѣ монастырь вскорѣ подвергся нападенію Шведовъ и былъ ими разоренъ, при чемъ погибли многіе иноки. По распоряженію Московскаго правительства монастырь былъ переведенъ въ городъ Колу. Только уже въ послѣднее время возобновляется обитель на р. Пѣченгѣ и снова дѣлается центромъ просвѣщенія для тамошняго края.

Итакъ можно сказать, что къ началу царствованія Петра Великаго вся Россійская держава была державою Христіанскою, православною. И при всемъ томъ должно сознаться, что на обширномъ пространствѣ Русской Земли предстояло обширное поле для миссіонерскихъ подвиговъ: жатва предстояла еще великая и нужно было еще много потрудиться

сѣятелямъ Слова Божія. До Петра Великаго проповѣдь Евангелія не могла быть особенно успѣшною и христіанство утверждалось не особенно прочно. Дѣло въ томъ, что миссіонерское дѣло было дѣломъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, желавшихъ посвятить себя на подвигъ служенія Евангелію. Правительство еще мало было занято этимъ дѣломъ, а общество было почти совершенно равнодушно къ этому. Какъ ни высоки подвиги Стефана Пермскаго, Ѳеодорита, Трифона и другихъ, но всѣ они дѣйствовали каждый самъ по себѣ—они выносили на себѣ всю тяжесть подвига: и потому, когда они оставляли новопросвѣщенную страну, христіанство начинало здѣсь исчезать. Новопросвѣщенные опять возвращались къ своимъ идоламъ. Другая причина малаго успѣха проповѣди была та, что, въ тогдашнія темныя времена, слишкомъ низко стояло духовное просвѣщеніе народа Русскаго. Если въ самой Россіи былъ недостатокъ въ просвѣщенныхъ людяхъ, если въ самомъ духовенствѣ просвѣщенными считались люди, едва знавшіе грамоту,—что сказать объ окраинахъ Русскаго Государства? Гдѣ могли найти просвѣщенныхъ себѣ сотрудниковъ подвижники, какъ Ѳеодоритъ и св. Стефанъ Пермскій? Сами они были люди просвѣщенные: но развѣ могъ одинъ человѣкъ, безъ сотрудниковъ, просвѣтить цѣлую страну? Подвижники привлекали народъ къ вѣрѣ святою жизнію, благовѣйнымъ служеніемъ въ церкви, силою пастырскаго слова. Но нужно было учить вѣрѣ, устроять школы, давать книги и проч. На все это средства были очень скудныя и потому проповѣдь Евангелія, не проникая глубоко въ умы и сердца народа, скоро уступала мѣсто языческимъ вѣрованіямъ и обычаямъ. Отчасти то же замѣчается и нынѣ въ Русскомъ народѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что народъ приверженъ къ православной вѣрѣ, любитъ храмъ Божій, уважаетъ своихъ духовныхъ пастырей, съ умиленіемъ слушаетъ церковную службу: но какъ много есть между нами такихъ, которые еще не понимаютъ истинъ вѣры, не сознаютъ на себѣ священнаго долга жить по-христіански, жить свято и благочестиво!? И вотъ плоды такого отношенія къ ученію Христову: на нивѣ православной Церкви, вмѣстѣ съ пшеницей, растутъ и плевелы,

растутъ расколы, еретическія мнѣнія, растетъ отчужденіе отъ храма Божія, гнѣздятся пороки, вовсе непристличные высокому званію христіанина. Поэтому-то такъ необходимо для насъ духовное просвѣщеніе, необходимо воспитаніе въ Христовой вѣрѣ съ младенческаго возраста. И когда подвиги миссіонеровъ сопровождались заботами о духовномъ просвѣщеніи народа, тогда и проповѣдь Евангелія шла болѣе успѣшно. Это мы и замѣчаемъ со временъ Петра Великаго.

Мудрый преобразователь Россійскаго Государства, держась той мысли, что въ дѣлѣ нашего вѣрованія, нашего служенія Богу, должна царствовать свобода, не желалъ приневоливать совѣсти человѣческой и, какъ говоритъ самъ онъ въ указѣ 1702 года, „охотно предоставлялъ каждому на его отвѣтственность пещись о спасеніи души своей“. Но, съ другой стороны, какъ мудрый христіанскій Государь, онъ понималъ высоту христіанства и видѣлъ превосходство православной Греческой вѣры предъ другими христіанскими исповѣданіями. Онъ понималъ также, что и для государства болѣе полезны тѣ люди, которые исповѣдуютъ Христіанскую вѣру, а изъ нихъ—лучшіе подданные суть христіане православные. Когда упомянутый нами выше Тобольскій митрополитъ Филоѳей Лещинскій отправлялся на свою епархію, ему былъ данъ наказъ: крестить инородцевъ только волею, крестить только тогда, когда будетъ испытана искренность ихъ обращенія и когда они уже довольно будутъ наставлены въ вѣрѣ; ему предписано было: крещеныхъ не освобождать ни отъ податей, ни отъ наказаній за преступленія, дабы не давать злымъ людямъ повода принимать крещеніе изъ-за житейскихъ выгодъ. Съ другой стороны, правительство стало давать деньги на устроеніе церквей и на заведеніе школъ среди крещеныхъ инородцевъ. И мы видимъ, что со временъ Петра Великаго, обращеніе невѣрныхъ шло съ возрастающимъ успѣхомъ и отличалось небывалою доселѣ прочностію. Дѣятелей въ распространеніи христіанства было такъ много и число обращенныхъ было такъ велико, что подробно описывать подвиги миссіонеровъ было бы очень обременительно для памяти; и поэтому мы укажемъ дѣятелей болѣе усердныхъ и имѣвшихъ большій успѣхъ.

Усерднѣйшимъ просвѣтителемъ инородцевъ Казанскаго края былъ митрополитъ Казанскій *Тихонъ*. Съ 1701 по 1705 годъ онъ, съ помощію ключаря *Ѳеодора*, обратилъ до 3700 инородцевъ. Сынъ Ѳеодора, іеромонахъ *Алексѣй Рашоскій* крестилъ до 800 Черемисъ. Калмыковъ просвѣщалъ іеромонахъ *Никодимъ Линкевичъ*, хорошо знавшій калмыцкій языкъ. Онъ обратилъ ко Христу Калмыцкаго хана Тайшима, кочевавшаго съ 344 кибитками около Астрахани. Его вопріемникомъ былъ самъ царь Петръ. Чтобы избавить новокрещеныхъ отъ гоненій со стороны некрещеныхъ, правительство переселяло ихъ въ другія мѣстности. Ревностію къ миссіонерскимъ подвигамъ извѣстенъ также Казанскій митрополитъ *Лука Конашевичъ*. При Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ была учреждена особая миссія, въ которой дѣйствовали духовныя лица, знающіе инородческіе языки. На расходы по дѣламъ миссіи назначены большія суммы денегъ. Дѣятельность миссіи должна была простираться на Казанскую и сосѣднія съ нею губерніи. Императрица Елизавета всѣмъ крещенымъ вновь инородцамъ объявила свободу отъ ихъ некрещеныхъ помѣщиковъ, дала на три года льготу отъ податей и отъ рекрутчины.

При такомъ содѣйствіи правительства миссіонеры крестили инородцевъ цѣлыми волостями. Когда Казанскою Конторою инородческихъ дѣлъ правилъ архимандритъ *Димитрій Сѣченовъ*, въ два года было крещено свыше 17 тысячъ инородцевъ. Сдѣлавшись епископомъ Нижегородскимъ, Димитрій обратилъ ко Христу до 50 тысячъ душъ. Были ревнители проповѣдывать вѣру и изъ числа мірскихъ людей. Совѣтникъ новокрещенской конторы *Ярцевъ* обратилъ до 10000 инородцевъ. Впрочемъ, проповѣдь успѣшна была только среди инородцевъ язычниковъ. Инородцы-магометане отличались крайнею приверженностію къ ученію Магомета. Даже тѣ изъ нихъ, которые принимали крещеніе, вскорѣ обращались опять къ старой вѣрѣ. Такимъ образомъ, къ началу нынѣшняго столѣтія, большинство инородцевъ, жившихъ въ приволжскихъ областяхъ, были уже христіанами. Скажемъ теперь о проповѣдникахъ Евангелія въ странахъ Сибирскихъ.

Обращеніе сибирскихъ инородцевъ пошло особенно успѣшно съ прибытіемъ туда митрополита *Филовея Лещинскаго*. Въ епархіи его, простиравшейся на тридцать тысячъ квадратныхъ миль, было всего 160 православныхъ церквей. Масса народная блуждала во мракѣ язычества и магометанства. Съ Филовеемъ прибыло сюда нѣсколько ученыхъ монаховъ изъ Кіева и онъ сталъ подвизаться въ апостольскихъ трудахъ, разъѣзжая по епархіи изъ конца въ конецъ. Въ 1712 году тяжкая болѣзнь прекратила его дѣятельность: онъ отказался отъ каѳедры и принялъ схиму съ именемъ *Ѳеодора*. Но чрезъ годъ, почувствовавъ облегченіе отъ болѣзни, онъ всецѣло посвятилъ себя дѣлу миссіи. При содѣйствіи преемника своего по каѳедрѣ, митрополита *Іоанна Максимовича*, и Сибирскаго губернатора *Гагарина*, схимонахъ Ѳеодоръ началъ дѣлать неутомимые разъѣзды по Сибири, цѣлыми сотнями крестилъ Татаръ, Остяковъ и Вогуловъ, разрушалъ идоловъ и строилъ церкви. Однажды свирѣпые Вогулы, собравшись въ числѣ 600 человѣкъ, едва не убили проповѣдника, но страхъ предъ Русскимъ правительствомъ и кроткія убѣжденія схимника расположили ихъ къ принятію крещенія. Въ 1721 году онъ окончательно удалился въ монастырь и такимъ образомъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ обратилъ ко Христу до сорока тысячъ Остяковъ, Вогуловъ, Татаръ и другихъ инородцевъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ обучилъ грамотѣ и Закону Божію и образовалъ изъ нихъ весьма полезныхъ миссіонеровъ. Сильнѣйшимъ препятствіемъ къ насажденію вѣры среди сибирскихъ инородцевъ былъ недостатокъ хорошихъ священниковъ. Инородцы, слушая сильныя, разумныя рѣчи миссіонеровъ, охотно принимали Евангеліе, но некому было утвердить ихъ въ вѣрѣ, некому было совершать для нихъ церковныя службы. Хотя ревность сибирскихъ митрополитовъ къ проповѣданію Евангелія простерлась и на отдаленную восточную Сибирь, до Якутска, и даже до Камчатки, но тамъ еще медленнѣе утверждалась Христіанская Церковь. Утвержденіе въ Сибири христіанства принадлежитъ уже нынѣшнему вѣку. Изъ проповѣдниковъ девятнадцатаго столѣтія болѣе всѣхъ прославились—архимандритъ *Макарій Глухаревъ*, *митрополитъ Иннокентій Ве-*

міаміновъ и нѣкоторые изъ ближайшихъ сотрудниковъ. О подвигахъ этихъ миссіонеровъ мы имѣемъ свѣдѣнія болѣе подробныя.

Знаменитый Алтайскій миссіонеръ, архимандритъ Макарій, въ мірѣ Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ, скончался на 55-мъ году жизни, въ 1847 году. Онъ былъ сынъ священника города Вязьмы, Смоленской губерніи, и учился сперва въ Вяземскомъ духовномъ училищѣ, потомъ—въ Смоленской семинаріи, и наконецъ, въ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Отличаясь природными дарованіями и ревностію къ постояннымъ занятіямъ, Макарій всегда пользовался любовію своихъ начальниковъ и пріобрѣлъ доброе расположеніе ректора Духовной Академіи, архимандрита Филарета, впослѣдствіи митрополита Московскаго. Эту близость къ святителю Филарету Макарій сохранилъ до конца жизни и всегда находилъ въ немъ усерднаго защитника и мудраго наставника. По окончаніи курса отецъ Макарій проходилъ разныя духовныя должности въ училищахъ, всегда отличаясь трудолюбіемъ, ревностію къ правдѣ, любовію къ учащимся и твердостію убѣжденій. Исполняя долгъ служенія на благо духовныхъ училищъ, Макарій не жалѣлъ своего здоровья,—а между тѣмъ это былъ именно немощный сосудъ сильнаго, богатаго дарованіями духа. Его часто мучила изнурительная лихорадка, а особенно безпокоила глазная болѣзнь. Эти недуги заставили Макарія отказаться отъ епископской каѳедры, а потомъ проситься на покой. Чрезъ десять лѣтъ духовно-училищной службы онъ поселился сперва въ Китаевской пустыни, близъ Кіева, потомъ—въ Глинской Богородицкой пустыни. Здѣсь, среди монашествующихъ „я хотѣлъ, пишетъ самъ Макарій, знакомиться съ искушеніями, свойственными монашескому общежитію. Это—школа Христова, это—одна изъ свѣтлыхъ точекъ на земномъ мірѣ, въ которую, дабы войти, надлежитъ умалиться до Христова младенчества“. Такъ ученый мужъ, богословъ, прежній наставникъ духовнаго юношества, среди смиренныхъ иноковъ, воспитывалъ себя для подвиговъ ко благу Церкви. И Промыслъ Божій поставилъ Макарія на путь

этихъ подвиговъ. До Макарія случайно дошли слухи о вновь образующейся миссіи для распространенія христіанства среди язычниковъ, живущихъ въ Сибири. Онъ забылъ свои тѣлесные недуги, ободрился духовно и немедленно послалъ въ Святѣйшій Сунодъ прошеніе о дозволеніи ему итти на проповѣдь Евангелія язычникамъ Сибири. Получивъ разрѣшеніе, Макарій отправился въ Тобольскъ къ преосвященному Евгенію, архіепископу Тобольскому, которому было поручено учрежденіе миссіи. Здѣсь онъ избралъ себѣ двухъ сотрудниковъ и отправился съ ними въ Бійскій округъ, населенный Киргизами и другими инородцами-язычниками. Такъ какъ эти инородцы совсѣмъ не понимали русскаго языка, то Макарію было необходимо самому изучить языки этихъ инородцевъ, что, само по себѣ, уже составляло великую трудность, такъ какъ инородцы говорили каждый своимъ языкомъ. Значитъ, сколько было племенъ, столько же и языковъ. При томъ, для изученія языка инородцевъ слѣдовало предпринимать путешествія по Алтайскимъ горамъ съ великими трудностями и опасностями: взбираться на крутыя скалы, ходить по узкимъ тропинкамъ надъ пропастями, перескакивать чрезъ большіе камни, спускаться внизъ по гладкимъ обледенѣлымъ плитамъ, жить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ грязныхъ, душныхъ и закоптѣлыхъ юртахъ... Но зато и великіе плоды имѣла дѣятельность Алтайскихъ миссіонеровъ. Макарій и его сотрудники обратили къ Церкви Христовой тысячи инородцевъ, перевели на ихъ языкъ Евангеліе, молитвы, Символъ Вѣры и краткія объясненія главнѣйшихъ истинъ Христіанской вѣры. Самъ Макарій привлекалъ къ себѣ инородцевъ своимъ смиреніемъ, умѣніемъ обращаться съ этими дикарями, и своими милостями тѣмъ изъ нихъ, которые страдали отъ разныхъ лишеній. Хотя миссіонерская дѣятельность Макарія продолжалась не долго, около десяти лѣтъ, но она была въ высшей степени благотворна для послѣдующихъ дѣятелей на поприщѣ проповѣди язычникамъ. Макарій испросилъ у правительства жалованье миссіонерамъ, познакомилъ русское общество съ неизвѣстными дотолѣ мѣстностями Алтайскихъ горъ и воспиталъ цѣлое поколѣніе будущихъ проповѣдниковъ вѣры. Послѣдніе годы

своей жизни Макарій провелъ въ Оптиной пустыни, и до смерти подвизался въ дѣлѣ просвѣщенія людей, не вѣдущихъ или мало вѣдущихъ Христову истину. Онъ неутомимо проповѣдывалъ Слово Божіе при церковной службѣ, былъ наставникомъ благочестія для жителей города, молодыхъ и старыхъ, входилъ въ ихъ сердечныя нужды и для всѣхъ являлся любвеобильнымъ пастыремъ—учителемъ.

Немного позднѣе Макарія дѣйствовалъ другой, еще болѣе знаменитый пастырь-просвѣтитель Сибири —Иннокентій, сперва протоіерей Иркутскій, потомъ — архіепископъ отдаленныхъ областей Сибири, и, наконецъ, митрополитъ Московскій. Сообщимъ о немъ краткія свѣдѣнія. Иннокентій былъ сынъ бѣднаго пономаря въ одномъ селѣ Иркутской губерніи, и во время ученья своего въ Иркутской Духовной Семинаріи прозывался Иваномъ Веніаминовымъ. Такая фамилія была дана ему вмѣсто родовой фамиліи Поповъ, въ честь умершаго въ 1814 году Иркутскаго архіепископа Веніамина. По окончаніи ученія онъ женился и былъ сперва діакономъ, а потомъ священникомъ при Благовѣщенской церкви въ Иркутскѣ. Въ 1823 году онъ изъявилъ желаніе проповѣдывать вѣру Христову инородцамъ, живущимъ на островѣ Уналашкѣ, у береговъ Сѣверной Америки. Не побоялся трудностей путешествія этотъ подвижникъ апостольства. А трудности были великія какъ по отдаленности острова Уналашки отъ Иркутска, такъ и—особенно—потому, что Іоанну Веніаминову пришлось вести съ собою всю свою семью, состоявшую изъ старушки-матери, жены, годовалаго сына и брата. Они ѣхали то на лошадяхъ, то на лодкахъ, и, почти чрезъ годъ, прибыли на островъ Уналашку. Жители острова называются Алеутами. По прибытіи сюда о. Іоаннъ, прежде всего, построилъ, почти своими руками, церковь Вознесенія Господня, вмѣсто прежней старой деревянной часовни. Потомъ, изучивъ языкъ и обычаи Алеутовъ, о. Іоаннъ началъ проповѣдывать имъ Слово Божіе: чтобы бесѣдовать съ инородцами проповѣдникъ постоянно объѣзжалъ свой приходъ, простиравшійся на нѣсколько тысячъ верстъ; ѣздилъ въ узкомъ челнокѣ-байдаркѣ, терпѣлъ голодъ и холодъ, зимой страдалъ отъ сильныхъ морозовъ, всѣ лѣтніе мѣсяцы

страдалъ отъ нападенія мошекъ, отъ сильныхъ жаровъ. Онъ прожилъ на островѣ Уналашкѣ десять лѣтъ, а потомъ, по волѣ начальства, переѣхалъ на другой островъ, Ситху, чтобы просвѣщать жителей этого острова, называемыхъ Колошами. Эти инородцы еще менѣе были знакомы съ Христіанскою вѣрою, чѣмъ Алеуты. И здѣсь о. Іоаннъ Веніаминовъ продолжалъ дѣйствовать тѣмъ же способомъ, какъ и среди Алеутовъ. Онъ часто бесѣдовалъ съ ними въ церкви, въ свободное отъ службы время заходилъ въ ихъ жилища и тамъ, среди ихъ семействъ, какъ отецъ среди дѣтей своихъ, поучалъ ихъ вѣрѣ Православной. Чтобы новообращенные утвердились въ вѣрѣ, нужно было устроить изъ нихъ Христіанскую паству, дать имъ епископа и священниковъ. Чтобы достигнуть этого, нужно было участіе высшаго Русскаго правительства, а чтобы возбудить это участіе, о. Іоаннъ счелъ нужнымъ посѣтить Петербургъ и Москву. Но когда онъ оставилъ дома жену и дѣтей, отправился въ столичные города Россіи, онъ получилъ вскорѣ печальное извѣстіе о смерти своей супруги. Тогда онъ, по убѣжденію членовъ Сунода, принялъ монашество съ именемъ Иннокентія и 15-го декабря 1840 года былъ, въ Казанскомъ соборѣ, посвященъ въ епископы, и затѣмъ отправился на о. Ситху, въ городъ Новоархангельскъ. Живя здѣсь, а потомъ перешедши въ Якутскъ, и наконецъ въ Благовѣщенскъ на рѣкѣ Амурѣ, Иннокентій продолжалъ свою миссіонерскую дѣятельность, въ чемъ были ему помощниками два викарныхъ епископа, имѣвшіе свои кафедры въ Якутскѣ и Новоархангельскѣ. Въ 1867 году Иннокентій былъ возведенъ на кафедру митрополита Московскаго, и чрезъ 12 лѣтъ, 30 марта 1879 года, скончался. 5-го Апрѣля тѣло почившаго святителя было предано землѣ рядомъ съ могилою митрополита Филарета, въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.

Макарій и Иннокентій были, такъ сказать, основателями великаго дѣла—просвѣщенія язычниковъ Сибирскихъ странъ. Они не только просвѣтили Христовою вѣрою тысячи сибирскихъ инородцевъ, но и указали путь позднѣйшимъ дѣятелямъ на поприщѣ проповѣданія Слова Божія. Они дали указаніе всему русскому обществу, какъ долженъ дѣйствовать

тотъ, кому явится благая мысль—посвятить себя на дѣло миссіонерства. И Русское общество приняло къ сердцу это дѣло. Въ настоящее время существуетъ у насъ строго организованное „Миссіонерское Общество“, основанное митрополитомъ Иннокентіемъ и находящееся подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Въ дѣятельности этого общества можетъ участвовать каждый сынъ православной Церкви, каждый вѣрноподданный. Кто захочетъ самъ потрудиться въ подвигѣ проповѣданія Христовой истины невѣрнымъ, тотъ всегда можетъ объявить объ этомъ миссіонерскому комитету, существующему въ каждой губерніи: и его примутъ, дадутъ денежныя пособія, укажутъ, куда итти, какъ дѣйствовать. Его поддержатъ искреннимъ участіемъ, вниманіемъ и поощреніемъ. Кто не можетъ самъ итти на дѣло проповѣди, а только искренно желаетъ этому дѣлу успѣха, тотъ можетъ содѣйствовать ему своими пожертвованіями денежными. Въ каждомъ Православномъ храмѣ дѣлается постоянный кружечный сборъ на миссіонерское общество, а въ недѣлю Православія, т. е. въ первый воскресный день Великаго поста, производится особый, общій для всѣхъ молящихся, тарелочный сборъ на тотъ же предметъ. Въ извѣстные дни года, по особымъ объявленіямъ, приглашаются всѣ православные въ одно общее собраніе, гдѣ дается подробный отчетъ о томъ, сколько пожертвовано и сколько истрачено на дѣло миссіи. Значитъ, дѣло поставлено легко, всѣмъ удобно, всѣмъ ясно и просто: каждому дана возможность участвовать въ миссіонерскомъ подвигѣ, личнымъ ли трудомъ, или пожертвованіями денежными. И можно надѣяться, что, благодаря общему участію къ трудамъ миссіонеровъ, придетъ время, когда уже во всю Землю Русскую пройдетъ вѣщаніе Слова Божія, когда всѣ сыны Россіи, всѣ племена и языки, населяющіе обширное наше Отечество, отъ мала до велика, услышатъ Христово Евангеліе и войдутъ въ лоно Православной Церкви Христовой. Объ этомъ ежедневно молитъ Господа Православная Церковь. Этого желаетъ и каждый вѣрный сынъ Церкви.

Но, сочувствуя трудамъ миссіонеровъ и ожидая успѣха ихъ дѣлу, мы не должны забывать той печальной истины, что и среди сыновъ Православной Церкви всегда есть и будутъ люди, только по имени христіане, а по сущности—люди худшіе язычниковъ. Мы не должны забывать, что среди насъ есть люди, отпадшіе отъ вѣры, отвергающіе Христа и Святую Его Церковь, равнодушные къ дѣлу спасенія души и погибающіе для будущей жизни. Участь такихъ людей горшая, чѣмъ участь тѣхъ, которые еще не слышали Евангельскаго слова. Тѣмъ простится по невѣдѣнію, а этимъ не будетъ прощенія. Поэтому, молясь объ успѣхахъ проповѣди язычникамъ отдаленныхъ странъ, мы должны молиться и объ обращеніи ко Христу тѣхъ людей, которые живутъ среди насъ, видятъ ежедневно храмы Божіи, но храмовъ не посѣщаютъ; слышатъ Евангеліе Христово, но по Евангелію жить не хотятъ. Мы должны всѣми зависящими отъ насъ мѣрами содѣйствовать возвращенію въ лоно Церкви этихъ отпадшихъ отъ нея нашихъ сродниковъ и знаемыхъ. Сами мы должны подавать имъ добрый примѣръ жизни, сами должны помогать въ дѣлѣ просвѣщенія заблудшихъ и содѣйствовать тѣмъ пастырямъ, которые трудятся надъ этимъ великимъ дѣломъ. Тогда не повторится среди насъ то скорбное явленіе, которое нѣкогда замѣчалъ Господь среди современныхъ Ему Іудеевъ: проповѣдники истины Божественной обходили море и сушу, чтобы обратить хотя одного къ Іудейской вѣрѣ, а между тѣмъ оставляли Іудейскій народъ блуждать, какъ овецъ безъ пастыря. Сами они не входили въ Царство Божіе и входящимъ препятствовали. Да не будетъ сего у насъ, среди новаго Израиля! Да просвѣтитъ Господь отдаленныхъ язычниковъ, еще блуждающихъ во тьмѣ и сѣни смертной, да сохранитъ полноту Своей Церкви и среди насъ, сыновъ Россіи, чадъ Православной Церкви. Да спасетъ тѣми благодатными способами, которыми ущедрилъ Онъ Свою Церковь, да введетъ насъ въ Царство Небесное, какъ ввелъ насъ нѣкогда, дверью крещенія, въ Царство Божіе—земное. *Аминь.*

Бесѣда четвертая.

Объ устройствѣ Россійской Церкви и о перемѣнахъ въ положеніи Церковной Іерархіи.

Въ настоящей бесѣдѣ поведемъ рѣчь объ устройствѣ Русской Церкви, о ея Іерархіи и о томъ, какія были въ церковной Іерархіи перемѣны, начиная съ основанія Русской Церкви и до нашихъ дней. Чтобы рѣчь наша была болѣе понятна, скажемъ сначала нѣсколько словъ о томъ, что такое церковная Іерархія и въ чемъ состоитъ, вообще, устройство и управленіе Церкви.

Извѣстно каждому здравомыслящему человѣку, что всякое общество, имѣющее въ составѣ своемъ нѣсколькихъ лицъ, должно состоять изъ начальствующихъ и подчиненныхъ. Начальствующія лица распоряжаются дѣлами общества, ведутъ остальныхъ членовъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыя общество имѣетъ въ виду; начальникамъ даны извѣстныя права, а подчиненнымъ указаны обязанности, которыя они должны исполнять. Только при такомъ устройствѣ общества, въ немъ наблюдается порядокъ, каждый членъ въ своихъ дѣйствіяхъ стремится къ указанной цѣли, не мѣшая другимъ. Такой поря-

докъ соблюдается въ каждомъ, самомъ маленькомъ обществѣ, соблюдается въ большихъ обществахъ человѣческихъ, называемыхъ государствами, соблюдается, наконецъ, и среди Ангеловъ, окружающихъ престолъ Царя Небеснаго: тамъ есть Архангелы и Ангелы, если Начальства, Власти и Силы, есть высшіе и низшіе. По образцу Іерархіи Небесной Господь устроилъ Іерархію и въ своей Земной Церкви. Давши Апостоламъ обѣтованіе быть съ ними и съ Церковію *во вся дни до скончанія вѣка*, невидимо управляя вѣрующими, присутствуя тайно во всѣхъ священнодѣйствіяхъ церковныхъ, Господь поставилъ видимыхъ распорядителей церковнаго дѣла, сперва—апостоловъ, а потомъ—вообще священныхъ лицъ, преемниковъ Апостольскихъ. Остальной паствѣ Онъ внушалъ слушаться своихъ духовныхъ руководителей, а всѣхъ ослушниковъ поставилъ на одну степень съ язычниками и мытарями. По установленію Божественному и основалась Церковная Іерархія, которую составили епископы, пресвитеры и діаконы. За ними утвердились извѣстныя права, имъ сообщались разнообразные дары благодати Святаго Духа, имъ давались правила, какъ руководство въ дѣлѣ управленія Церковію. Этимъ священнымъ лицамъ должны были повиноваться всѣ чада Православной Церкви, зная, что, не повинуясь пастырямъ, христіанинъ является врагомъ христіанской Церкви, подвергается отлученію, лишается способовъ къ нравственному преуспѣянію, удаляется отъ пути спасенія. Для удобства въ церковномъ управленіи вся Христіанская Церковь раздѣлена была на нѣсколько малыхъ и большихъ округовъ: надъ малыми округами начальствовали священники, надъ большими—епископы; нѣсколько епископскихъ округовъ подчинялось митрополиту, а митрополиты имѣли надъ собою архіепископовъ и патріарховъ. Высшую власть Церкви составляли соборы помѣстные и вселенскіе. Таково было устройство древней Православной Іерархіи, въ такомъ же видѣ устроилась и Русская Іерархія, о которой мы теперь и будемъ бесѣдовать.

Извѣстно вамъ изъ предыдущихъ бесѣдъ, что святой Владиміръ принялъ Христіанскую вѣру въ городѣ Корсунѣ,

или Херсонесѣ, принадлежавшемъ къ числу греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ странѣ, которая нынѣ называется Крымъ. Изъ Корсуня онъ привезъ съ собою въ Кіевъ многихъ священниковъ и діаконовъ. Въ то же время изъ Византіи, или Константинополя, былъ присланъ въ Россію первый митрополитъ—*Михаилъ*. Это былъ сотрудникъ Владиміру въ крещеніи Руси. Онъ не долго правилъ Русскою Церковью, но прославился ревностію къ утвержденію въ Россіи Христіанской вѣры. Онъ устроилъ первую Христіанскую паству въ Кіевѣ и Господь прославилъ его нетлѣніемъ мощей. Память его празднуется нашею Церковію 30-го сентября, а нетлѣнныя мощи его почиваютъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Угодниками Русской Церкви. Послѣ него былъ митрополитъ *Леонтій*, котораго дѣятельность распространилась уже далѣе Кіевской области. Онъ поставилъ въ Россію нѣсколькихъ епископовъ и устроилъ у насъ нѣсколько епархій, напр.: Новгородскую, Ростовскую, Муромскую, Черниговскую, Бѣлгородскую, близъ Кіева, и еще нѣсколько. Такимъ образомъ, новопросвѣщенная Русская страна имѣла своимъ верховнымъ пастыремъ митрополита Кіевскаго, и, кромѣ области, подчиненной митрополиту, т. е. Кіевской, имѣла нѣсколько епархій, число которыхъ, въ первое время, простиралось до десяти, или, самое большое, до двѣнадцати. Всѣ архипастыри были равны по степени священства и носили титулъ епископа. Только Новгородскій епископъ, въ 12-мъ вѣкѣ, получилъ титулъ архіепископа.

Въ первое время наши митрополиты избирались въ Греціи, были изъ Грековъ и поставлялись въ Константинополѣ. Во весь періодъ времени до 13-го вѣка было только два случая, когда митрополиты были избраны изъ Русскихъ и поставлены въ Россіи. Именно въ 1054 году, при участіи Великаго князя Ярослава Мудраго, былъ избранъ въ митрополиты *Иларіонъ*, бывшій прежде священникомъ придворной церкви великокняжескаго села Берестова, близъ Кіева; потомъ, въ 1147 году Великій князь Изяславъ предложилъ Русскимъ епископамъ избрать въ митрополиты и посвятить Смоленскаго схимника *Климента*. Но Русскіе такъ убѣждены были въ необходи-

мости имѣть верховнаго Іерарха изъ Грековъ и такъ привыкли къ этому, что избраніе и поставленіе митрополита изъ Русскихъ для многихъ казалось страннымъ, незаконнымъ; при избраніи же Климента нашлись даже епископы, которые открыто выражали свое желаніе имѣть митрополита—Грека. И они, конечно, были правы. Для недавно принявшей христіанство Русской страны, страны еще мало просвѣщенной, нуженъ былъ такой первосвященникъ, который зналъ бы Церковные законы, господствовавшіе въ Греческой Церкви и могъ бы ввести въ Россію тѣ же церковные порядки, которые установились въ Греческой странѣ. А такимъ и могъ быть митрополитъ Грекъ. Правда, онъ не зналъ русскихъ обычаевъ, не зналъ русскаго языка. Но это была бѣда не большая. Не первосвятитель Русскій долженъ былъ приспособляться къ русскимъ нравамъ и порядкамъ, а Русскіе должны были устроить свой религіозный, церковный бытъ согласно съ тѣмъ, какъ это было въ Греціи. Было тутъ и еще особое, можно сказать, политическое удобство. Извѣстно вамъ, что первые годы существованія Русской Церкви прошли среди тяжкихъ смутъ удѣльныхъ: князья спорили между собою изъза великокняжескаго престола, вели войны, предавались нерѣдко братоубійственной войнѣ. Каждый князь, которому удавалось на время занять великокняжескій престолъ, удалялъ изъ Кіева всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи другаго князя, и ставилъ здѣсь людей, себѣ единомышленныхъ. Это, разумѣется, вело къ большимъ неустройствамъ въ Русской державѣ. И если бы былъ обычай избирать и ставить митрополита изъ Русскихъ, то каждый великій князь низлагалъ бы прежняго митрополита, и ставилъ бы человѣка, ему извѣстнаго и близкаго. По низложеніи великаго князя долженъ былъ бы и митрополитъ оставлять свою кафедру и уступать ее другому, принадлежащему къ свитѣ новаго князя. Такимъ образомъ, неустройство гражданскаго быта сопровождалось бы еще болѣе вреднымъ неустройствомъ быта церковнаго, въ родѣ того, напримѣръ, какъ мы видимъ, въ настоящее время, въ Болгаріи, гдѣ смута гражданская сопровождается неустройствомъ въ жизни церковной. Значитъ, мы

должны сознаться, что избраніе и поставленіе митрополита изъ Грековъ было благотворно для тогдашней Русской Церкви. Впослѣдствіи, когда христіанство достаточно утвердилось у насъ, когда Русскіе уже свыклись съ порядками церковными, когда въ средѣ русскихъ было много образованныхъ пастырей, тогда уже не было нужды обращаться въ Грецію. И мы видимъ, что съ 15-го вѣка у насъ уже постоянно митрополиты ставятся изъ природныхъ Россіянъ и даже посвящаются соборомъ Русскихъ епископовъ.

Избираемый изъ Грековъ и поставляемый въ Царьградѣ, Русскій митрополитъ находился въ тѣхъ же отношеніяхъ къ патріарху Цареградскому, въ какихъ стояли къ нему другіе Греческіе митрополиты. Но, ради обширности страны, и, вслѣдствіе отдаленности русской митрополичьей каѳедры отъ Константинополя, эти отношенія не представляли такой подчиненности и зависимости, въ какой стояли къ патріарху другіе митрополиты. Прежде всего самъ патріархъ оказывалъ Русскому митрополиту особую честь тѣмъ, что посылалъ къ нему грамоты не за восковою печатію, за какою посылалъ грамоты къ другимъ митрополитамъ, а за свинцовою: такая честь давалась только коронованнымъ особамъ, и другимъ патріархамъ. Съ своей стороны, и Русскій митрополитъ не такъ часто имѣлъ обращеніе къ патріарху, какъ было у митрополитовъ Греческихъ. Онъ поминалъ его имя на церковныхъ службахъ, посылалъ къ нему милостыню, какъ бы въ благодарность за духовный даръ священства, полученный отъ патріарха; въ рѣдкихъ очень случаяхъ митрополитъ обращался къ патріарху за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ церковной жизни, напримѣръ когда былъ споръ о томъ, слѣдуетъ ли разрѣшать постъ среды и пятницы ради великихъ Господскихъ праздниковъ; когда въ Россійской церкви поднимались смуты изъ-за ересей, опять митрополитъ обращался къ патріарху, и тотъ посылалъ въ Россію грамоты въ обличеніе еретиковъ. Наконецъ, зависимость митрополита отъ патріарха выражалась въ томъ, что нѣкоторые въ Россіи монастыри зависѣли не отъ митрополита, а непосредственно отъ патріарха. Патріархъ пользовался частью доходовъ отъ

этихъ монастырей и, въ знакъ своей надъ ними власти, посылалъ къ нимъ свой крестъ, который и ставили въ алтарѣ. Поэтому и монастыри такого рода назывались *ставропигіальными*, т. е. крестоводружальными.

Если мы перенесемъ свой мысленный взоръ отъ древнихъ временъ къ нынѣшнему времени, то уже не увидимъ той зависимости и подчиненности Русской Церкви отъ патріарха, какая была въ древности. Теперь наши Іерархи избираются Святѣйшимъ Сунодомъ и утверждаются Императоромъ; имя патріарха не возносится на церковныхъ службахъ; за рѣшеніемъ вопросовъ по дѣламъ церковнымъ обращаются въ Грецію рѣдко. Нынѣ только каждый восточный патріархъ посылаетъ Россійскому Суноду грамоты при своемъ поставленіи, выражая свои братскія чувства и взаимное уваженіе, потомъ посылаются щедрыя приношенія на нужды Цареградскаго патріарха, напр. на поддержаніе школъ и монастырей; кромѣ того, въ службахъ церковныхъ упоминаются вообще восточные патріархи, безъ указанія имени, возносятся моленія о ихъ долгоденствіи и о вѣчной памяти тѣмъ изъ нихъ, которые скончались. Спрашивается: достаточно ли этой зависимости? Можно безъ сомнѣнія отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. По милости Божіей Русская Церковь такъ уже возвысилась, возвеличилась и расширилась, такъ укрѣпилась на христіанскихъ началахъ, что уже не нуждается въ поддержкѣ со стороны Цареградскаго патріарха, въ его совѣтахъ, въ его пастырской мудрости. Напротивъ, сама она можетъ во многомъ помочь Цареградскимъ патріархамъ: помочь и деньгами и совѣтами, и предметами науки, литературы и другими пособіями въ духовныхъ нуждахъ. И Россіяне всѣхъ сословій не оскудѣваютъ въ своемъ усердіи приходить съ своею помощію въ нуждахъ Греческой Церкви. Но, кромѣ этого, и отношенія по дѣламъ церковной жизни не прерываются между нашими Іерархами и Іерархами Востока. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ Церковныхъ, напримѣръ когда патріархи Восточные вступаютъ въ спошенія съ представителями иновѣрныхъ Церквей, напримѣръ съ Римскимъ папою, когда Православная Церковь подвергается какимъ нибудь насиліямъ, или внутреннимъ смутамъ, какъ

напримѣръ по поводу болгарской распри и неурядицы, или по поводу отнятія монастырскихъ имѣній иновѣрными правителями,—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ Восточные патріархи или сносятся съ Русскимъ Сѵнодомъ посредствомъ грамотъ, или обращаются къ духовнымъ лицамъ Русской Церкви, живущимъ въ главныхъ городахъ Востока. И связь Русской Церкви съ Восточною непремѣнно должна поддерживаться: только постоянными взаимными сношеніями утверждаются взаимные миръ и любовь братская, сохраняется единство вѣры и установленій церковныхъ, поддерживается сознаніе, что мы принадлежимъ къ одной съ восточными христіанами матери—Православной Церкви. Видимымъ знакомъ этой внутренней связи и служитъ общеніе въ молитвахъ и таинствахъ. Мы молимся „о Святѣйшихъ патріархахъ православныхъ“, мы возглашаемъ имъ, въ недѣлю Православія, вѣчную память и „многая лѣта“. Каждый разъ, когда, въ Церковной службѣ, упоминается слово: „Православный Христіанинъ“, мы должны въ это время думать не о себѣ только, не о сынахъ только Православной Россіи, но и о тѣхъ народахъ, которые хотя живутъ въ отдаленныхъ отъ насъ странахъ, но принадлежатъ къ одной съ нами Православной Церкви. каковы напр. Славяне, живущіе въ Австріи, и въ славянскихъ земляхъ, такъ же—Греки, православные Арабы и Сирійцы. Молитва о нихъ поддерживаетъ нашу внутреннюю связь съ ними и сохраняетъ въ насъ дѣтскую покорность уставамъ Церкви.

Поведемъ далѣе рѣчь о Русскомъ первосвятителѣ. Поставленный въ духовную зависимость отъ Цареградскаго патріарха, Русскій митрополитъ имѣлъ у насъ значеніе верховнаго правителя, распорядителя всѣхъ церковныхъ дѣлъ, главнаго надъ всѣмъ духовенствомъ. Но, по тѣсной связи между Церковію и государствомъ, митрополитъ, подобно тому, какъ было и въ Греціи, имѣлъ сильное вліяніе и на гражданскій бытъ Русскаго народа, особенно въ первое время существованія Русской державы. Когда только что вводились у насъ гражданскіе порядки, когда Русскій народъ отъ племенной патріархальной жизни переходилъ къ жизни государствен-

ной, когда по старинному выраженію „собиралась Русская земля“, митрополитъ былъ главнѣйшимъ въ числѣ собирателей Русской земли. Происходя изъ страны, уже давно благоустроенной, какова была Византійская имперія, зная твердо всѣ установившіеся тамъ общественные порядки, митрополитъ могъ удобно возвышать свой архипастырскій голосъ, могъ явиться строгимъ обличителемъ людскихъ слабостей тогда, когда человѣческія страсти нарушали строгость и тишину общественной жизни. И, читая посланія Русскихъ митрополитовъ, мы видимъ здѣсь добрыя отеческія наставленія, строгія обличенія князьямъ, вельможамъ и народу, мы слышимъ здѣсь проповѣдь мира, терпѣнія, кротости и благочестія. Еще особая заслуга Русскихъ митрополитовъ для гражданскаго быта Россіи была та, что они всегда способствовали утвержденію единодержавія Русской земли. Извѣстно вамъ, что въ Византійской имперіи господствовала самодержавная власть царя и это господство такъ было прочно, что даже не было и попытокъ ниспровергнуть это самодержавіе. Всѣ усилія враговъ имперіи подорвать царскую власть обыкновенно разбивались объ эту вѣковую привязанность къ монарху. Съ этою привязанностію являлся къ намъ изъ Греціи митрополитъ. И вотъ, когда поднимались смуты удѣльныя, когда братъ возставалъ на брата въ борьбѣ за великокняжескій престолъ, тогда митрополитъ становился ревнителемъ единодержавія: онъ поддерживалъ великаго князя и обличалъ тѣхъ, которые желали свергнуть его, или устроить свой особый великокняжескій престолъ. Какъ бы ни раздѣлялась Русская земля на удѣльныя княжества, какъ бы ни разгоралась война между потомками Рюрика, но митрополитъ всегда былъ представителемъ единства Русской земли, хранителемъ великокняжескаго престола.

Наконецъ, гражданское значеніе Русскаго митрополита заключалось въ томъ, что онъ былъ отцомъ и покровителемъ всѣхъ тѣхъ людей, которые были отверженцами семьи и общества, которыхъ Церковь принимала подъ свою защиту. Такихъ людей всегда бываетъ не мало во всякомъ обществѣ, а въ древней Россіи, при неустроенности гражданской, такихъ людей было и особенно много. Это были, прежде всего, нищіе, вдовы, си-

роты, дѣти, покинутые родителями, это были рабы, изгнанные своими господами, плѣнники, возвратившіеся на родину, и вообще люди, отверженные близкими, не имѣющіе ни собственности, ни крова, ни работы. Всѣхъ подобныхъ людей принимала въ свое попеченіе Церковь и они становились подъ защиту Верховнаго Первосвятителя Русскаго. Онъ хлопоталъ за нихъ предъ народомъ, предъ правительствомъ, давалъ имъ и пріютъ до тѣхъ поръ, пока они сами, наконецъ, получали возможность къ чему-нибудь пристроиться. Это попеченіе о неимущихъ, безпріютныхъ и несчастныхъ, и въ настоящее время составляетъ прямую обязанность архипастырей. Наши комитеты тюремные, комитеты для призрѣнія нищихъ и нынѣ находятся въ вѣдѣніи епархіальныхъ епископовъ, а важнѣйшее по своей обширной дѣятельности такъ называемое „Императорское Человѣколюбивое Общество“ всегда имѣетъ своимъ предсѣдателемъ митрополита Петербургскаго, который, по этому, и признается главнымъ попечителемъ о бѣдныхъ.

Изъ сказаннаго нами о гражданскомъ значеніи Русскаго видно, что значеніе это было высокое. И нельзя не признать въ этомъ великаго блага для Церкви и Русскаго народа. Какъ проповѣдникъ высокихъ требованій христіанскихъ, какъ защитникъ слабыхъ, какъ видимый представитель Церкви предъ обществомъ, митрополитъ былъ, можно сказать, руководителемъ и воспитателемъ не давно просвѣщеннаго Русскаго народа, согласно съ тѣмъ, что внушалъ каждому его Христіанскій долгъ. Ко благу Русской земли было и то, что участіе митрополита въ гражданскихъ дѣлахъ не было плодомъ его честолюбія, не вызывалось его собственными стремленіями — владѣть и распоряжаться мірскими дѣлами, а было уступлено ему властителями Русскаго народа и всѣмъ тогдашнимъ обществомъ. Скажемъ яснѣе: не митрополитъ хотѣлъ владычествовать, а само общество просило его объ этомъ, видя здѣсь великую для себя пользу. Отсюда произошло, что Русская Церковь не видѣла у себя тѣхъ печальныхъ явленій борьбы между гражданскою о церковною властію, которая издавна, и донынѣ, ведется въ государствахъ неправославныхъ. Митрополитъ участвовалъ въ дѣлахъ гражданскаго общества въ той мѣрѣ, въ ка-

кой это было необходимо, и когда этого участія требовало само общество. А когда устроилось Русское государство, когда утвердился гражданскій порядокъ, опредѣлились для каждаго его права и обязанности, тогда митрополитъ пересталъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскія и сдѣлался Владыкою только въ дѣлахъ собственно духовныхъ, въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія паствы, въ дѣлахъ совѣсти, въ дѣлахъ личныхъ нравственныхъ отношеній. Онъ сталъ Владыкою въ томъ царствѣ, которое *не отъ міра сего*. Въ такомъ положеніи къ обществу стоятъ и нынѣшніе наши іерархи.

Если велико было значеніе Русскаго митрополита въ дѣлахъ гражданскихъ, то значеніе его въ дѣлахъ собственно церковныхъ было еще шире. Здѣсь онъ былъ верховнымъ распорядителемъ дѣла: поставлялъ и низлагалъ епископовъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ дѣла церковныя, ходатайствовалъ предъ князьями въ пользу интересовъ церкви, являлся наставникомъ, судьею и полнымъ вершителемъ всего, что касалось Церкви. Руководствуясь церковными правилами, изложенными въ такъ называемой „Кормчей книгѣ“, митрополитъ правилъ Русскою Церковію какъ самостоятельный архипастырь, и всякая попытка ограничить его власть, или неисполнить его требованіе, считалась тяжкимъ грѣхомъ, осуждалась обществомъ, подвергала виновниковъ суду и презрѣнію. Такое значеніе архипастыря въ дѣлахъ собственно церковныхъ сохранилось вполнѣ и до настоящаго времени. И государственная власть считаетъ своимъ долгомъ защищать Церковь въ ея интересахъ и ограждать ее отъ всего, что стремится отнять у Церкви ея достояніе.

Чѣмъ былъ митрополитъ для всей Земли Русской, тѣмъ же былъ и каждый епископъ для всей епархіи: наставникомъ вѣры и благочестія, проводникомъ въ общество высокихъ началъ христіанства, защитникомъ всѣхъ скорбящихъ и гонимыхъ.

Сперва въ Россіи былъ одинъ митрополитъ, имѣвшій свою каѳедру въ Кіевѣ, и иногда—въ близкомъ къ Кіеву городѣ Переяславлѣ. Русская страна, въ свою очередь, была одною церковною областью, которою правилъ одинъ митрополитъ.

Но когда Кіевъ былъ разоренъ Татарами, когда южныя области подверглись тяжкому опустошенію, когда паства Южной Россіи была истреблена въ кровопролитныхъ битвахъ, или разбѣгалась по лѣсамъ, тогда жить митрополиту въ Кіевѣ стало невозможно. Онъ часто мѣнялъ свое мѣстопребываніе и долженъ былъ, по дѣламъ церковнымъ, часто посѣщать сѣверныя области, или западныя, гдѣ нашествіе татаръ не было такъ опустошительно. Такъ, митрополитъ Кириллъ 2-й жилъ то во Владимірѣ на Клязьмѣ, то въ Галичѣ, находящемся въ областяхъ нынѣшней Галиціи, Австрійской страны. Постепенное отклоненіе митрополита отъ южныхъ областей привело, наконецъ, къ тому, что сѣверныя области Россіи имѣли въ митрополитѣ своего постояннаго, внимательнаго руководителя и пастыря, а южныя и западныя, рѣдко посѣщаемыя митрополитомъ, оставались безъ архипастырскаго надзора, который, однакоже, былъ для нихъ особенно необходимъ, такъ какъ здѣсь, при близкомъ сосѣдствѣ съ иновѣрцами—католиками, была большая опасность православію. Было еще другое, собственно гражданское неудобство отъ того, что митрополитъ Русскій началъ отдаляться на сѣверъ. Живя въ сѣверныхъ областяхъ Россіи, митрополитъ, естественно, усиливалъ значеніе сѣверныхъ князей, между тѣмъ какъ южные, не имѣя вблизи себя митрополита, лишались этой поддержки. Страдая отъ этихъ неудобствъ, южныя области Россіи, всетаки, удѣляли свои доходы на усиленіе митрополитской казны. Митрополитъ, по временамъ, навѣщалъ южныя области, собиралъ тамъ извѣстную долю доходовъ, и опять удалялся, оставляя паству безъ руководителя. Все это видѣли и понимали правители южныхъ областей Россіи, и у нихъ постепенно созрѣвала мысль устроить у себя особую митрополію и отдѣлиться отъ сѣвернаго митрополита. Западные князья, напримѣръ Волынскій князь *Юрій Львовичъ*, и Литовскіе—*Казиміръ и Ольгердъ* пытались имѣть у себя особаго митрополита и посылали избранныхъ ими людей въ Царьградъ, для поставленія ихъ въ митрополиты. Попытки ихъ были неудачны и производили новыя неустройства въ Русской землѣ. Патріархъ Цареградскій, не желая раздѣленія Россіи на двѣ церковныя области, или не

рукополагалъ въ митрополиты тѣхъ лицъ, которые посылались для этого изъ Югозападной Россіи, или поставлялъ ихъ въ митрополиты всей Россіи. Югозападные князья этимъ, конечно, были недовольны. Бывало такъ, что патріархъ поставлялъ и того, котораго посылали сѣверные князья, но исполнялъ просьбу и южныхъ князей, рукополагая тѣхъ, кого они посылали. Тутъ происходило еще горшее зло: въ Россіи являлось два, а иногда — три митрополита, которые неизбѣжно приходили въ столкновеніе, стѣсняли одинъ другого и этимъ производили соблазнъ и неурядицу. Все это дѣло кончилось, однакоже, тѣмъ, что западная митрополія отдѣлилась отъ сѣверной и затѣмъ вся Русская страна раздѣлилась на двѣ области, которыя болѣе двухъ сотъ лѣтъ имѣли своего митрополита, и въ судьбахъ своего существованія не имѣли между собою ничего общаго. Въ началѣ пятнадцатаго вѣка Литовскій князь *Витовтъ* устроилъ, въ своихъ областяхъ, особую митрополичью каѳедру. Желая устроить у себя особаго митрополита, Витовтъ послалъ въ Царьградъ избраннаго имъ Полоцкаго епископа *Ѳеодосія;* но патріархъ не назначилъ его митрополитомъ, а послалъ отъ себя *Фотія,* назначивъ его митрополитомъ всей Россіи. Когда Фотій прибылъ въ область Витовта, Витовтъ просилъ его остаться на житье въ Южной Россіи. Но Фотій не исполнилъ его просьбы. Проживъ на югѣ около двухъ лѣтъ, Фотій отправился на сѣверъ. Витовтъ предложилъ епископамъ своихъ областей избрать особаго митрополита съ тѣмъ, чтобы онъ рукоположенъ былъ въ Царьградѣ. Но патріархъ Евѳимій не согласился рукоположить его. Тогда южные епископы, уступая волѣ Витовта, и сознавая неудобства, происходящія отъ удаленія митрополичьяго надзора, поставили сами митрополита, избраннаго ими. Это былъ ученый и краснорѣчивый инокъ *Григорій Семивлахъ,* родомъ Сербъ. Его посвятили южные епископы 15-го ноября 1414 года. Такъ совершилось раздѣленіе митрополій, не смотря на то, что и Цареградскій патріархъ и сѣверный митрополитъ не сочувствовали этому раздѣленію.

Положеніе верховнаго іерарха, въ той и другой части Россіи, было неодинаково: были тутъ и свои хорошія стороны и свои

неудобства. Хорошая сторона была та, что Россія имѣла двухъ іерарховъ-первосвятителей; это усиливало церковную власть, расширяла кругъ іерархической дѣятельности, давало возможность митрополиту чаще посѣщать свои области, внимательнѣе смотрѣть за ними и утверждать въ нихъ церковные порядки. Но были тутъ и неудобства, которыя зависѣли, впрочемъ, не отъ самихъ митрополитовъ, а отъ ихъ отношеній къ правителямъ страны и къ тогдашнему обществу, еще не развитому умственно, не благоустроенному въ жизни. Два митрополита Русскіе, являясь какъ бы соперниками другъ другу, взаимно себя ослабляли и неизбѣжно подчинялись вліянію гражданской власти и гражданскаго общества. Это было нѣсколько вредно для митрополита сѣвернаго, именно Московскаго; особенно же вредно было это для митрополита южныхъ областей. Митрополитъ Московскій, стоя въ близкихъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, не могъ не принимать участія въ событіяхъ жизни княжеской, долженъ былъ становиться участникомъ въ общественныхъ дѣлахъ, зависѣлъ иногда отъ сильныхъ міра сего и долженъ былъ дѣлать уступки ихъ желаніямъ и интересамъ. Бывало нерѣдко, что митрополитъ становился невольнымъ орудіемъ борьбы между лицами, окружающими престолъ великаго князя. Въ этомъ случаѣ положеніе митрополита Московскаго, во многомъ, было то же, въ какомъ нѣкогда стоялъ патріархъ Византійскій, невольный участникъ въ борьбѣ партій Византійскаго Двора.

Другаго рода неудобства испытывалъ митрополитъ Юго-западной Россіи. Тамъ онъ былъ, напротивъ, далекъ отъ средоточія гражданской власти, былъ человѣкомъ чужимъ, даже стоялъ нерѣдко въ положеніи человѣка стѣсненнаго. Западные князья, Литовскіе и Польскіе, были чужды Русскому народу, особенно послѣ того, какъ они стали принимать католичество и сдѣлались вѣрными слугами Римскаго папы. Съ этими слугами Рима митрополитъ долженъ былъ вступить въ борьбу, которая кончилась тѣмъ, что бо́льшая часть православной паствы постепенно приняла унію, то есть подчинилась Папѣ, о чемъ мы скажемъ въ свое время подробнѣе.

Скажемъ теперь о положеніи Русскаго Первосвятителя въ Московскомъ Государствѣ. Положеніе митрополита постепенно возвышалось. Благодаря покровительству Московскихъ князей, усердію народа Русскаго къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, богатству Русской земли, благодаря обширности самой страны, владѣнія митрополита постепенно расширялись, служеніе его пріобрѣтало ту торжественность, ту красоту и великолѣпіе, какую имѣлъ нѣкогда Византійскій патріархъ. Кругъ духовной пастырской дѣятельности митрополита расширялся по мѣрѣ того, какъ Московское Государство пріобрѣтало подъ свою власть сосѣднія земли на Сѣверѣ и на Востокѣ Россіи. Въ составъ церковной области митрополита постепенно вошли: Новгородская область, Царство Казанское и отдаленная Сибирь. Такъ какъ было трудно управлять такою обширною областію, то постепенно открывались новыя епархіи, епископы которыхъ, въ свою очередь, возвышались до значенія архіепископовъ. Вмѣстѣ съ этимъ умножалось число разныхъ духовныхъ лицъ, бывшихъ сотрудниками епископовъ въ управленіи дѣлами Русской Церкви. Высокое положеніе Московскаго митрополита, богатство его матеріальныхъ средствъ, пышность его домашней обстановки, многочисленность свиты и благолѣпіе Богослуженія, привлекали въ Москву разныхъ пришельцевъ съ Востока, которые, пользуясь богатыми милостями великаго князя и митрополита, прославляли величіе Московской державы, ставили Московскаго митрополита на ту степень Іерархіи, на какой нѣкогда стоялъ патріархъ Цареградскій. И такъ какъ, съ постепеннымъ паденіемъ Византійской имперіи, Цареградскій патріархъ былъ стѣсняемъ въ своей духовной дѣятельности и, наконецъ, съ паденіемъ Константинополя, въ половинѣ 15-го вѣка, совершенно подчинился власти Турокъ-магометанъ, то въ Россіи явилась и постепенно утвердилась мысль, что Московскому митрополиту слѣдовало бы дать санъ патріарха. Эта мысль и осуществилась при благочестивомъ Царѣ Московскомъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, когда дѣлами Русской державы правилъ Борисъ Годуновъ.

Учрежденіе патріаршества въ Россіи совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1586 г. прибылъ въ Мо-

скву Антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Онъ прибылъ для сбора приношеній въ пользу бѣдствующей Антіохійской Церкви. Уже при первой встрѣчѣ его съ Московскимъ митрополитомъ оказалось, какъ высоко стоялъ Русскій Первосвятитель въ сравненіи съ бѣднымъ Антіохійскимъ патріархомъ, смиренно явившимся въ Россію для сбора милостыни. Всѣ понимали, что Русскому митрополиту только не достаетъ имени патріарха, и что дарованіе ему этого высокаго сана послужило бы къ украшенію Русской Церкви и на пользу Православія. Русскій митрополитъ, получивъ санъ патріарха, какъ бы возстановлялъ санъ верховнаго Іерарха Православной Церкви, санъ, который былъ крайне униженъ въ областяхъ Востока, покоренныхъ Турецкому игу. По порученію Ѳеодора Іоанновича, правитель Государства Борисъ Годуновъ началъ совѣщаться, по этому дѣлу, съ Антіохійскимъ патріархомъ. Іоакимъ соглашался съ мыслями благочестиваго царя, но, сказавъ, что дѣло это подлежитъ суду Собора, обѣщалъ поговорить объ этомъ на Соборѣ Восточныхъ Іерарховъ. Вслѣдствіе такого отвѣта, и согласно съ отзывомъ Собора Русскихъ Іерарховъ, были отправлены въ Царьградъ грамоты царя и Собора, съ просьбою—дать Московскому митрополиту санъ патріарха. На слѣдующій годъ полученъ былъ отвѣтъ изъ Царьграда, что патріархи Царьградскій и Антіохійскій согласны съ желаніемъ царя и что они послали за Александрійскимъ и Іерусалимскимъ патріархами для совѣщанія, положивъ отправить въ Россію патріарха Іерусалимскаго. Послѣднее рѣшеніе неожиданно опять измѣнилось. Нужды Церкви Цареградской потребовали, чтобы въ Россію отправился не четвертый, а первенствующій между патріархами, именно—патріархъ Цареградскій.

Въ Іюлѣ 1588 г. прибылъ въ Москву святѣйшій Іеремія, пастырь знаменитый и духовнымъ просвѣщеніемъ, и страданіями за Церковь Христову. Прибытіе его, а не другаго патріарха, чрезвычайно изумило царя и всѣхъ Россіянъ, а потомъ исполнило ихъ умиленіемъ и радостію. Послѣ почтительнаго пріема Патріарху, Борисъ Годуновъ, по волѣ Царя, спрашивалъ наединѣ патріарха о причинѣ необыкновеннаго

путешествія его. Блаженный Іеремія отвѣчалъ: „пять лѣтъ былъ я на патріаршествѣ въ Царьградѣ, но, по моимъ грѣхамъ, и ради грѣховъ всего христіанства греческаго, султанъ возсталъ на Церковь Божію“. Разсказавъ о своихъ бѣдствіяхъ, порожденныхъ вмѣшательствомъ султана въ дѣла Греческой Церкви, Іеремія объявилъ, что онъ прибылъ въ Россію съ Соборнымъ опредѣленіемъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи.

Кого же поставить въ патріархи? Высокое духовное просвѣщеніе Патріарха и его страданія за Церковь возбудили въ благочестивомъ царѣ желаніе успокоить страдальца — пастыря въ Россіи, а исполненіемъ этого желанія возвысилось бы и патріаршество Московское. Но явились и тутъ затрудненія. Съ одной стороны, трудно было царю имѣть сношенія съ патріархомъ, не знающимъ ни языка, ни обычаевъ Русскихъ, особенно по дѣламъ тайнымъ; не хотѣлось также и оскорбить тогдашняго Московскаго Митрополита Іова, отклонивъ его отъ высокаго патріаршаго сана. Царь велѣлъ предложить святителю Іереміи: „ты извѣстилъ, что, по грѣхамъ христіанскимъ, султанъ воздвигъ на Церковь и на тебя гоненіе. Посему останься въ Русскомъ царствѣ и патріаршествуй на престолѣ Владимірскомъ“. Іеремія искренно благодарилъ добраго царя, но, замѣтивъ, что, оставаясь вдали отъ царя, онъ будетъ безполезенъ, какъ для Греческой, такъ и для Русской Церкви, сказалъ, что желаетъ лучше раздѣлять скорби Церкви Греческой, куда зовутъ его скорби епископовъ и всѣхъ духовныхъ чадъ его. Онъ объявилъ также, что готовъ исполнить опредѣленіе Собора патріарховъ объ открытіи патріаршества въ Россіи.

23-го января 1589 г. 15 происходило поставленіе въ патріархи Московскаго митрополита Іова. Іовъ, стоя на коврѣ съ изображеніемъ одноглаваго орла, исповѣдалъ Православную вѣру и, по прочтеніи Символа, взошелъ на амвонъ, принялъ осѣненіе патріаршее и цѣлованіе епископовъ, удалился, до времени посвященія, въ придѣлъ „Похвалы Богоматери“. Когда настало время пѣнія Трисвятой пѣсни, обычное для посвященія архіерея, соборный протоіерей и архидіаконъ при-

вели нареченнаго Іова предъ Царскія двери, а два епископа ввели его въ алтарь. Патріархъ Вселенскій, возложивъ на него руки и развернувъ надъ главою евангеліе, призывалъ Божественную благодать, какъ на нуждающагося въ сугубой благодати для высокаго своего званія. Такимъ образомъ, поставленіе патріарха состояло въ томъ, что здѣсь былъ повторенъ чинъ епископскаго рукоположенія. Литургію совершали оба патріарха со множествомъ епископовъ. Великолѣпное пиршество въ домѣ царя дополнило общую радость о великомъ святителѣ земли Русской. Патріарха Вселенскаго долго еще чтили въ Москвѣ, и онъ пробылъ здѣсь почти годъ. Избраніе и поставленіе патріарха царь велѣлъ описать на пергаментѣ; грамота была скрѣплена печатями царя, обоихъ патріарховъ и всѣхъ архіереевъ—русскихъ и греческихъ; а въ рукоприкладствѣ участвовали весьма многіе архимандриты и игумены.

Чрезъ два года Іеремія прислалъ Соборную грамоту объ утвержденіи патріаршества въ Россіи, за подписью его, патріарховъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго, 19-ти митрополитовъ,—19-ти архіепископовъ и 20-ти епископовъ. Въ грамотѣ было, между прочимъ, написано: „Да почитается и именуется, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, патріархъ вмѣстѣ съ нами патріархами, и будетъ чинъ ему въ молитвахъ послѣ Іерусалимскаго“; „дарованное нынѣ имя и честь патріаршества не только одному господину Іову дано и утверждено непоколебимо, но позволяемъ, чтобы и послѣ него, поставлять патріарха Московскимъ Соборомъ начальныхъ властей по правиламъ“.

Права патріарха Московскаго остались тѣ же, какія были и у митрополита. Церковная область, ему собственно подчиненная, занимала тѣ же границы, что и область митрополита. Дворъ и управленіе патріарха получили болѣе величія; при немъ былъ штатъ служащихъ почти равный тому, какой былъ у царя, только при Богослуженіи величіе сана патріаршаго обнаруживалось въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ преимуществахъ. Патріархъ при соборномъ служеніи облачался среди церкви на амвонѣ, архіереи — въ алтарѣ. Онъ стоялъ по срединѣ,

они—по сторонамъ. Въ алтарѣ патріархъ сидѣлъ на горнемъ мѣстѣ, епископы стояли внизу. Во время причащенія онъ причащалъ архіереевъ, архіереи причащали архимандритовъ. На саккосѣ его была нашита епитрахиль, усыпанная жемчугомъ; на клобукѣ и на митрѣ его былъ крестъ; онъ носилъ на груди двѣ панагіи и крестъ. Мантія его была бархатная, зеленая, съ струями золотыми и серебряными; на скрижаляхъ мантіи были иконы, или кресты съ Херувимами. Пастырскій жезлъ со зміями, символомъ пастырской мудрости, клобукъ—бѣлый съ нашивнымъ крестомъ, и иногда—съ Херувимами. Въ церковномъ ходу предъ патріархомъ несли свѣчу, а во время путешествія предъ нимъ везли крестъ, а сзади его—жезлъ.

Патріаршее управленіе существовало въ Россіи немного болѣе ста лѣтъ. Во весь этотъ періодъ было у насъ 10 патріарховъ. Изъ нихъ особенно прославились первые три патріарха *Іовъ, Гермогенъ и Филаретъ,* какъ охранители Русской Церкви въ смутное время, потомъ—*Никонъ,* исправитель Богослужебныхъ книгъ и церковнаго чина, *Іоакимъ,* какъ обличитель раскольниковъ. Остальные пять патріарховъ: *Іоасафъ 1-й, Іоасафъ 2-й, Іосифъ, Питиримъ и Адріанъ* были мало замѣчательны. О патріархахъ, заслужившихъ славу въ исторіи, скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь продолжимъ рѣчь о Русской Іерархіи.

Первосвятитель Русскій, возведенный въ санъ патріарха, поставленъ былъ на ту высоту, на которой стояли другіе патріархи, управлявшіе Православными Церквами Востока. Соотвѣтственно возвышенію патріарха необходимо было возвысить и вообще всю Русскую Іерархію. Тою же грамотою, которою утверждено патріаршество, положено быть въ Россіи 4-мъ митрополитамъ, 6-ти архіепископамъ и 8-ми епископамъ. Самомъ митрополита почтены были пастыри: *Новгородскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій,* жившій въ Москвѣ, „на Крутицахъ“, и бывшій постояннымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ патріарху въ управленіи Россійскою Церковію. Кромѣ того, открыты новыя епископскія каѳедры,—*Псковская* и *Карельская.* Постепенно утверждались новыя

епископскія каѳедры, такъ что, въ періодъ патріаршества, въ Россіи прибавилось Іерарховъ болѣе, чѣмъ наполовину. Въ самомъ концѣ этого періода, округъ власти патріаршеской сталъ расширяться чрезъ присоединеніе къ его паствѣ жителей Западной Россіи, переходившихъ отъ уніи къ православію. Когда населеніе Западной Россіи, долго страдавшее подъ чуждою властію католическою, убѣдилось наконецъ, что только въ союзѣ съ Москвою и въ духовномъ единеніи съ Церковію Православною, Московскою, оно можетъ обрѣсти духовное спокойствіе и благоустройство, тогда оно подчинилось Московскому Государству. Избранный въ митрополиты Западной Россіи, Гедеонъ князь Четвертинскій, епископъ Луцкій, не иначе хотѣлъ принять власть, какъ отъ Московскаго патріарха. Гедеонъ посвященъ былъ въ Москвѣ, съ тѣми же правами и преимуществами, которыми нѣкогда владѣлъ митрополитъ Кіевскій. Въ 1687 г. получено было согласіе восточныхъ патріарховъ на зависимость южной митрополіи отъ Московскаго патріарха. Такимъ образомъ патріархъ Московскій, въ концѣ 17-го вѣка, сдѣлался верховнымъ Первосвятителемъ всей Россійской Державы. Но вскорѣ послѣдовала новая перемѣна въ положеніи Русскаго Первосвятителя. По волѣ Императора Петра Великаго утверждено въ Россіи Соборное, Синодальное управленіе.

Утвержденіе Патріаршества совершилось, какъ сказано выше, по благочестивой мысли царя Ѳеодора Іоанновича. Но, съ возвышеніемъ верховнаго Іерарха Русской Церкви, обнаружились нѣкоторыя неудобства, именно происходившія отъ высоты и величія патріарха. Чѣмъ выше поставленъ былъ патріархъ, тѣмъ выше стояла и его власть, его пастырское слово, тѣмъ большихъ доблестей каждый имѣлъ право ожидать отъ него, тѣмъ бо́льшей справедливости, большей мудрости нужно было обнаружиться въ его дѣйствіяхъ. А такъ какъ совершенства на землѣ очень мало, хорошихъ дѣятелей отыскать труднѣе, чѣмъ людей обыкновенныхъ, заурядныхъ, то и для высокаго сана патріаршаго не всегда легко было найти такихъ людей, которые бы въ состояніи были твердо стоять на высотѣ своего положенія. Патріархъ, какъ и всякій человѣкъ, могъ ошибаться, увлекаться поры-

вами страсти, поддаться лицепріятію, могъ явиться неумѣренно строгимъ, неумѣренно твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ. Нельзя было не прійти къ той простой мысли, что *„умъ хорошо, а два—лучше“*, что распоряженіе церковными дѣлами, исходящее отъ лица Собора, болѣе обезпечено отъ ошибокъ, чѣмъ распоряженіе одного лица. Это слѣдуетъ сказать, когда идетъ обычное ровное теченіе церковной жизни. Еще рѣшительнѣе слѣдуетъ это высказать относительно особенныхъ, чрезвычайныхъ случаевъ, когда требуется или особенная настойчивость, или сдержанность и умѣренность, или особая мудрость пастырская. Въ такихъ случаяхъ можетъ теряться каждый человѣкъ. А если онъ поставленъ высоко, то неудобства отъ слабыхъ его сторонъ проявляются съ особою силою. Все это понимали лучшіе люди Россійской страны. Еще болѣе понималъ это мудрый преобразователь Россіи, Петръ Великій. И вотъ онъ рѣшился измѣнить форму церковнаго управленія въ Россіи, учредить вмѣсто патріарха Святѣйшій Сунодъ. Со времени учрежденія Святѣйшаго Сунода совсѣмъ измѣняется характеръ церковнаго управленія въ Россіи, измѣняются и отношенія церковной власти къ гражданской. Объ этомъ мы будемъ бесѣдовать въ слѣдующій разъ.

Бесѣда пятая.

Объ учрежденіи Святѣйшаго Сунода и о положеніи православнаго духовенства въ Россіи.

Сегодня поведемъ рѣчь объ учрежденіи Святѣйшаго Сунода. Это великое предпріятіе Петра Великаго стояло въ связи со всей его государственной реформой. Онъ задумалъ измѣнить строй Русской государственной и общественной жизни для того, чтобы сблизить Россію съ образованными государствами Европы, дать Русскимъ возможность воспользоваться плодами Европейской образованности и, чрезъ улучшеніе формъ управленія, устранить безпорядки и нестроенія въ народной жизни. А такъ какъ этихъ нестроеній было много и въ управленіи церковномъ, то Петръ не могъ оставить безъ вниманія и церковной жизни. Вотъ что писалъ отъ имени Государя составитель „Духовнаго Регламента“ или руководственной книги для Сунодальнаго управленія: „между многими, по долгу данной намъ отъ Бога, власти, попеченіями о исправленіи народа нашего и прочихъ подданныхъ намъ государствъ, посмотря и на духовный чинъ, и видя въ немъ много нестроеній, и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетной на совѣсти нашей возъимѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая отъ него получивъ благоспѣшества,

пренебрежемъ и исправленіе чина духовнаго". Лучшимъ же способомъ къ исправленію духовнаго чина Петръ считалъ учрежденіе Соборнаго Правительства. И хотя учрежденіе Соборнаго правленія было не нововведеніемъ, а напротивъ— возвращеніемъ къ древнимъ обычаямъ Вселенской Церкви, но Петръ не рѣшился на эту реформу безъ согласія и благословенія Восточныхъ патріарховъ. Какъ мудрый Государь, Петръ ввелъ эту реформу не вдругъ, а постепенно. Сначала онъ постарался собрать вокругъ себя такихъ духовныхъ лицъ, которыя могли бы быть усердными его сотрудниками въ устроеніи Святѣйшаго Сунода. Такъ какъ онъ замѣтилъ, что Духовенство Великороссійское мало сочувствовало реформѣ, и не стояло на высотѣ духовнаго просвѣщенія, то онъ сталъ приближать къ себѣ духовныхъ изъ Западной Россіи. Въ числѣ ихъ были *Стефанъ Яворскій*, учившійся въ заграничныхъ школахъ, *Димитрій Туптало*, впослѣдствіи извѣстный какъ писатель житій Святыхъ, *Филофей Лещинскій*, *Θеодосій Яновскій*, *Θеофанъ Прокоповичъ* и др. Петръ Великій вызвалъ ихъ въ Петербургъ и далъ имъ епископскія каѳедры въ Московскомъ государствѣ. Такъ, Стефанъ Яворскій сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, такъ какъ, послѣ смерти послѣдняго патріарха Адріана, Петръ уже не поставилъ патріарха; св. Димитрій былъ возведенъ въ митрополиты Ростовскіе, Θеодосій Яновскій сдѣланъ былъ архимандритомъ Александроневскаго монастыря, Θеофанъ Прокоповичъ—Псковскимъ архіепископомъ. Стефанъ, и—особенно—Θеодосій и Θеофанъ сдѣлались главнѣйшими сотрудниками Петра въ дѣлѣ церковной реформы. Петръ поручилъ Θеофану написать „Духовный Регламентъ"—или сборникъ правилъ, которыми долженъ будетъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ Святѣйшій Сунодъ. Въ 1720 г. Духовный Регламентъ былъ готовъ, а въ 1721 году 14-го февраля послѣдовало торжественное открытіе Святѣйшаго Правительствующаго Сунода. Въ 1723 года восточные патріархи прислали грамоту, въ которой называли Синодъ своимъ „о Христѣ братомъ" и признавали за нимъ власть, равную патріаршей. Въ самомъ Регламентѣ указано было превосходство соборнаго

управленія, говорилось, напр., что соборное управленіе можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, чѣмъ единоличное, менѣе можетъ стѣсняться вліяніемъ сильныхъ лицъ, имѣетъ болѣе авторитета, т. е. болѣе важности. Такимъ образомъ, Сѵнодъ являлся однимъ изъ высшихъ учрежденій церковно-гражданскихъ. Члены его давали присягу вѣрности Государю и обязывались наблюдать всѣ государственные интересы.

Въ составъ Сѵнода вошли митрополиты, архіепископы, епископы, также почетнѣйшіе изъ архимандритовъ и протоіереевъ, представителемъ Государя въ Сѵнодѣ былъ оберъ-прокуроръ, названный въ одномъ указѣ „окомъ Государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“. Онъ долженъ былъ наблюдать за рѣшеніемъ дѣлъ въ Сѵнодѣ, останавливать тѣ рѣшенія, которыя противорѣчили гражданскимъ законамъ и доносить о нихъ Государю. Такимъ образомъ, оберъ-прокуроръ имѣлъ въ Сѵнодѣ такое же значеніе, какое нѣкогда имѣли на древнихъ соборахъ представители царя, разные сильные вельможи. Оберъ-прокуроръ не касался дѣлъ собственно церковныхъ, какъ-то: истинъ вѣры, правилъ благочестія и церковныхъ законовъ. Онъ именно былъ „окомъ“ Государя; онъ наблюдалъ, чтобы распоряженія Сѵнода не шли въ разрѣзъ съ пользами государства. Все, что касалось внутренней стороны церковной жизни, все это вполнѣ предоставлялось Сѵноду. Ему поручено было, какъ видно изъ Регламента, смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, свидѣтельствовать чудотворныя мощи, иконы, разсматривать житія святыхъ и другія духовныя сочиненія, избирать епископовъ и духовныхъ властей, наблюдать за нравственностью духовенства и мірянъ, рѣшать дѣла о бракахъ и разводахъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи Русскаго народа и о средствахъ содержанія Церкви. Такъ какъ члены Сѵнода жили, большею частію, въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, съ 1722 года устроено было особое отдѣленіе, названное впослѣдствіи Сѵнодальною конторою.

Съ учрежденіемъ Сѵнода произошли перемѣны въ епархіальномъ управленіи. Такъ учреждено было нѣсколько новыхъ

епархій; находившіеся въ епархіяхъ приказы преобразованы были въ духовныя консисторіи. Ближайшими надзирателями задѣлами церкви, по разнымъ мѣстностямъ, сдѣлались „Благочинные“, которые соотвѣтствовали прежнимъ„ Десятинникамъ“ или „Поповскимъ старостамъ“. Такая форма церковнаго управленія существуетъ и донынѣ. Между членами Сунода есть непремѣнные, каковы напримѣръ митрополиты, есть и „временно присутствующіе“, т. е. приглашаемые въ Сунодъ на опредѣленные сроки. При Сунодѣ находится канцелярія, которая ведетъ все дѣлопроизводство по церковно-гражданскимъ дѣламъ. Въ числѣ іерарховъ Русскихъ высшими считаются три митрополита: митрополиты С.-Петербургскій, Московскій и Кіевскій. Всѣ епархіальные архіереи, начиная отъ митрополита, подчинены Святѣйшему Суноду: они, поочереди, присутствуютъ въ Святѣйшемъ Сунодѣ и даютъ Суноду ежегодные отчеты о состояніи своихъ епархій. У тѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, у которыхъ епархіи обширны и паства многочисленна, есть особые помощники, называемые викаріями, или викарными епископами. По степени іерархіи они тѣ же епископы, а по должности суть епископы подчиненные, исполняющіе распоряженія епархіальнаго епископа. Всѣхъ викарныхъ епископовъ въ Россіи до тридцати, а епархіальныхъ архіереевъ до шестидесяти. Нѣкоторые изъ епархіальныхъ архіереевъ называются архіепископами: это не болѣе какъ почетный титулъ. Есть и такіе епархіальные архіереи, которые считаются членами Святѣйшаго Синода, хотя бы они и не присутствовали въ засѣданіяхъ Сунода. Архіереи избираются Святѣйшимъ Сунодомъ изъ архимандритовъ, или изъ протоіереевъ и священниковъ. Но протоіереи и священники, избранные для принятія архіерейскаго сана, должны принять монашество, такъ какъ монашескіе обѣты ставятъ человѣка на высшую степень нравственныхъ обязанностей.

Вотъ все, что можно сообщить о высшихъ степеняхъ Церковной Іерархіи въ Россіи. Скажемъ теперь о низшемъ духовенствѣ, собственно—духовенствѣ приходскомъ, которое, въ отличіе отъ монаховъ, называется *бѣлымъ* духовенствомъ. О состояніи низшаго духовенства можемъ сказать слѣдующее.

Въ православной Церкви священный санъ не есть санъ наслѣдственный, какъ было въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ на служеніе при Скиніи избирались потомки Левія. Въ православной Церкви люди добровольно вступаютъ въ священный санъ, слѣдуя или расположенію сердца, или избранію прихожанъ, или согласно предложенію начальства духовнаго. Такъ было и въ древней Россіи, съ самаго начала утвержденія у насъ христіанства. Просвѣтитель Россіи, св. Владиміръ, принявъ къ себѣ изъ Греціи перваго митрополита Михаила, взялъ съ собою изъ Корсуня многихъ священниковъ въ дополненіе къ тѣмъ, которые были уже въ Кіевѣ со временъ Аскольда и Дира. Кромѣ того, вслѣдствіе частыхъ сношеній Русскаго народа съ сосѣдними славянскими народами, много духовенства перешло къ намъ изъ Славянскихъ земель. Эти пришельцы изъ славянскихъ земель были болѣе пригодны для Русской паствы, нежели пришельцы изъ грековъ, такъ какъ они понимали русскій языкъ и могли совершать службу по церковнымъ книгамъ, имъ же привезеннымъ изъ родной страны. Такъ явилось на Руси приходское, бѣлое, духовенство! Какъ теперь оно могло продолжать свое существованіе? Какъ замѣнялись лица умершія? Это совершалось, опять-таки, избраніемъ. Паства, то есть прихожане, выбирали изъ среды своей лицо для исправленія церковной службы, и такъ какъ духовенство, въ первое время, не было ничѣмъ обезпечено, и отъ него не требовалось особенной высоты духовнаго просвѣщенія, а требовалось одно знаніе церковной грамоты, то въ духовенство поступали люди, преимущественно, изъ низшаго и бѣднаго класса. Для такихъ лицъ поступленіе въ священники было, чаще всего, однимъ изъ способовъ матеріальнаго обезпеченія. Служа алтарю, они отъ алтаря питались. Подобно первымъ проповѣдникамъ Евангелія, они не имѣли постояннаго, опредѣленнаго содержанія. Они вполнѣ зависѣли отъ тѣхъ, кто ихъ избиралъ, а потомъ отъ тѣхъ, для кого они совершали церковную службу. Понятно, что духовенство было ничѣмъ не обезпечено, содержаніе его было болѣе, чѣмъ скудно. Сказать прямо: духовенство приходское, съ первыхъ лѣтъ существо-

ванія Русской Церкви жило въ крайней бѣдности, въ полной зависимости отъ народа. Да и въ настоящее время, какъ извѣстно всѣмъ, духовенство приходское, особенно—сельское, обезпечено слишкомъ недостаточно. Не смущайтесь этимъ православные христіане! Не думайте видѣть здѣсь что либо достойное порицанія, что-либо унижающее православную Русскую Церковь. Такое, необезпеченное, зависимое отъ паствы положеніе духовенства вполнѣ соотвѣтствуетъ духу Евангелія, духу православной Церкви. Припомните, какъ жилъ Іисусъ Христосъ, какъ жили свв. Апостолы. Іисусъ Христосъ, *въ днехъ плоти своея*, не имѣлъ гдѣ главу подклонити, жилъ у своего нареченнаго отца, Іосифа, и раздѣлялъ съ нимъ труды плотника; Апостолы питались трудами рукъ своихъ, не имѣли у себя никакого имущества. Но, съ другой стороны, Господь училъ, что трудящійся достоинъ пропитанія; также и св. Апостолъ Павелъ проповѣдуетъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, что *сѣющій духовное*, т. е. сообщающій дары духовные, имѣетъ право *пожинать тѣлесное*, т. е. пользоваться отъ своихъ духовныхъ чадъ благами матеріальными, что *служащіе алтарю, съ алтаремъ дѣлятся* (1 Коринѳ. 9, 11—14). И на сколько духовное благо выше блага матеріальнаго, на столько же законно и священно право пользоваться благомъ матеріальнымъ тому, что, по данной ему отъ Бога благодати, раздаетъ благо духовное. Эти-то христіанскія истины и легли издавна въ основу дѣла обезпеченія духовенства православнаго. Духовенство служило духовному благу народа, а народъ вознаграждалъ духовенство благами матеріальными. И долго держался въ Россіи такой порядокъ, пока не установились постепенно другіе источники содержанія духовенства, какъ бы въ дополненіе къ платѣ за исправленіе церковныхъ требъ. Именно прихожане, болѣе благомыслящіе, понимая, что неудобно духовенству жить одною платою за каждую совершонную требу, стали обезпечивать духовныхъ лицъ или назначеніемъ опредѣленнаго содержанія, которое издавно стало называться „ругою“, или уступкою духовенству земель, покосовъ, лѣсныхъ участковъ, или правомъ ѣздить въ опредѣленныя вре-

мена по приходу, для сбора такъ называемой „Петровщины" и „Осеньчины". И такъ какъ въ древнія времена не требовалось отъ духовенства большой учености, а достаточно было одной грамотности, чтобы умѣть читать по церковнымъ книгамъ, и небольшаго навыка, чтобы умѣть совершать церковныя требы, то и положеніе духовенства было не особенно высокое. А такъ какъ всякому свойственно желаніе возвышаться въ обществѣ, постепенно улучшать свой бытъ, то въ сословіе духовное шли, бо́льшею частію, люди, которые не могли обезпечить себя другими занятіями, не имѣли другихъ средствъ жизни. Въ духовное званіе шли сироты, бѣдные, не имущіе ничего, а чаще всего шли дѣти духовныхъ, которые, уже самыми условіями рожденія и первоначальнаго воспитанія, приготовляли себя къ обязанностямъ служителя храма Божія. Такъ постепенно образовалось особое сословіе духовное. И такъ какъ духовныя лица, именно священники и діаконы, должны были, еще до посвященія, вступить въ бракъ, то духовенство стало размножаться; лицъ духовнаго званія являлось больше того, сколько требовалось для нуждъ церковныхъ. Лица духовнаго званія, не находя себѣ мѣстъ, привыкали къ бродячей жизни; явились даже такіе священники и діаконы, которые, лишившись мѣста, бродили всюду и нанимались служить у перваго встрѣчнаго. Явились наконецъ, такъ называемые „крестцовые" священники, которые бродили по окрестностямъ „по крестцамъ" и нанимались служить обѣдни, панихиды и молебны, торговались за каждую требу, спорили изъ-за копейки. Такая бродячая жизнь, давая поводъ къ разнымъ неустройствамъ и соблазнамъ, крайне унижала нашихъ служителей Церкви. Поэтому власти духовныя и свѣтскія предпринимали рядъ мѣръ къ тому, чтобы обезпечить духовенство чѣмъ-либо прочнымъ, прекратить соблазнительное поведеніе „бродячихъ поповъ", укрѣпить духовенство къ извѣстнымъ церквамъ и содѣйствовать духовному просвѣщенію духовныхъ лицъ. Все это было предметомъ заботъ нашего правительства: но заботы не приводили къ должному успѣху, пока не наступило богатое реформами время Петра Великаго.

Мудрый Преобразователь Россіи очень хорошо понималъ, какую великую силу представляетъ собою православное духовенство, и какъ, поэтому, необходимо возвысить это сословіе, упрочить его положеніе въ обществѣ, обезпечить его матеріальный бытъ, возвысить уровень его умственной и нравственной жизни. Для достиженія этой цѣли онъ утвердилъ рядъ мѣропріятій, которыя начались уже при немъ и которыя, съ того времени, начали приводиться въ исполненіе и осуществляются до послѣднихъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Такъ, онъ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу помѣстить въ Духовномъ Регламентѣ правила объ устройствѣ духовныхъ школъ, академій и семинарій, въ которыхъ бы приготовлялись лица, желающія посвятить себя на служеніе Церкви; кромѣ того, онъ обязывалъ митрополитовъ и епископовъ заводить, при ихъ кафедрахъ и при монастыряхъ, духовныя школы и поощрялъ тѣхъ изъ нихъ, которые устрояли эти школы: онъ требовалъ, чтобы лицамъ духовнаго званія сдѣланъ былъ строгій разборъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые не состоятъ ни при какой церкви, опредѣлять на государственную службу, а которые, по старости лѣтъ, служить не могутъ, опредѣлять въ монастыри или особыя богадѣльни при церквахъ и архіерейскихъ каѳедрахъ. Чтобы улучшить нравственный бытъ духовенства Петръ Великій въ Регламентѣ начерталъ строгія правила, чтобы архіереи наблюдали за поведеніемъ духовныхъ лицъ, а людей, которые, по своей дурной жизни, не могутъ никуда пристроиться, и производятъ въ народѣ соблазнъ, заключать въ монастыри, подъ строгій надзоръ; людей, по возрасту способныхъ служить въ войскѣ, опредѣлялъ въ воинскія команды. Заведенныя при Петрѣ и первыхъ его преемникахъ духовныя школы не были сперва ничѣмъ обезпечены, кромѣ содержанія отъ монастырей и личныхъ пожертвованій архіереевъ. Поэтому духовныя школы были въ лучшемъ положеніи только тамъ, гдѣ архіереи отличались ревностію къ духовному просвѣщенію служителей Церкви; большая часть школъ едва влачили свое существованіе: ученіе шло въ нихъ худо; учащіеся страдали отъ тѣсноты, голода и холода; между тѣмъ учащихся было

много, наблюдать за ними было некому; молодые люди портились нравственно, и власти духовныя, удаляя изъ школы испорченныхъ учениковъ, наполняли общество людьми безнравственными, вредными для Церкви и для государства. Необходимо было преобразовать духовныя училища, а для этого, прежде всего, найти средства для ихъ матеріальнаго обезпеченія. Это преобразованіе, это улучшеніе матеріальнаго быта духовныхъ школъ совершилось въ началѣ царствованія Императора Александра Благословеннаго. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ знаменитому графу Сперанскому, который изъ бѣднаго духовнаго семейства дошелъ до почетнѣйшихъ государственныхъ должностей и пріобрѣлъ великое вліяніе на Императора. Усерднѣйшимъ сотрудникомъ его въ заботахъ объ улучшеніи быта духовенства былъ Амвросій, тогдашній митрополитъ Петербургскій. Главное вниманіе этихъ лицъ обращено было на такъ называемый „свѣчной доходъ“. Въ прежнія времена этотъ доходъ, большею частію, оставался при церквахъ и, не имѣя опредѣленнаго назначенія, употреблялся или на нужды мѣстной церкви, или на постороннія, случайныя, епархіальныя или государственныя нужды. Упомянутыя нами лица указали Государю на этотъ источникъ доходовъ церковныхъ, и онъ Высочайшею волею былъ назначенъ на содержаніе духовныхъ училищъ. Съ того времени свѣчной доходъ былъ подвергнутъ строгой отчетности и, постепенно прираща̀ясь, далъ возможность содержать три духовныхъ академій, болѣе пятидесяти духовныхъ семинарій и болѣе двухсотъ духовныхъ училищъ. Мудрые распорядители государственнаго дѣла нашли обильный и вѣрный источникъ матеріальныхъ средствъ на просвѣщеніе духовныхъ пастырей, не обременяя Государства. Этимъ распоряженіемъ вопросъ о приготовленіи священныхъ лицъ былъ рѣшонъ и теперь духовныя академіи, семинаріи и училища ежегодно выпускаютъ образованныхъ молодыхъ людей, способныхъ и достойныхъ занять мѣста служителей Церкви. И чѣмъ богаче свѣчной доходъ, тѣмъ болѣе улучшается и учебное дѣло въ духовныхъ училищахъ. Не оставляйте же, православные, исконнаго Русскаго обычая—затеплива̀ть свѣчи предъ святыми

иконами. Не тревожьтесь, когда видите, что свѣча не догораетъ до конца, или иную свѣчу продаютъ два или три раза. Ваше доброе чувство благоговѣнія къ святымъ, ваше усердіе къ благолѣпію храма Божія не забыты Всевѣдущимъ Богомъ; а ваша жертва на свѣчку не осталась втунѣ. Она дала доходъ въ пользу церкви, а также на долю духовнаго просвѣщенія. Покупая свѣчи и затепливая ихъ предъ иконами, мы, такимъ образомъ, содѣйствуемъ духовному благу тѣхъ, которые готовятся быть нашими руководителями къ Царству Небесному.

Если легко разрѣшился вопросъ о способахъ приготовленія духовныхъ пастырей, то несравненно труднѣе стало дѣло съ другимъ вопросомъ, съ вопросомъ объ обезпеченіи пастырей, уже вступившихъ на служеніе Церкви. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи многое уже сдѣлано въ позднѣйшія времена. Вопросъ этотъ былъ труденъ какъ по многочисленности служащаго духовенства, по множеству лицъ, принадлежащихъ къ семействамъ духовныхъ лицъ, такъ и потому, что было необходимо, обезпечивая духовенство, не отступать, въ то же время, отъ установившихся правилъ и обычаевъ Православной Церкви. Нужно было поставить дѣло такъ, чтобы духовенство не зависѣло вполнѣ ни отъ государства, ни отъ прихожанъ. Нужно было устроить, чтобы духовенство, обезпечивалось средствами государственными, оставалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторой зависимости и отъ прихожанъ, чтобы, такимъ образомъ, сохранялась связь пастыря съ пасомыми и выполнялось требованіе Слова Божія, по которому служащіе алтарю отъ алтаря должны питаться. И русское правительство, начиная съ половины нынѣшняго столѣтія, сдѣлало рядъ распоряженій въ обезпеченіи духовенства. Духовенство, служащее въ полкахъ и при казенныхъ учрежденіяхъ, было обезпечено казеннымъ жалованьемъ, а духовенство приходское, исключительно сельское, было обезпечено землею, выдачею лѣса на постройку церковныхъ домовъ и, наконецъ, опредѣленнымъ казеннымъ жалованьемъ, въ небольшомъ размѣрѣ, съ тѣмъ, чтобы дополненіемъ къ этому жалованью служили сборы съ прихожанъ натурою и плата за исправленіе требъ

церковныхъ, плата добровольная, безъ вымогательства со стороны служителей Церкви и безъ стѣсненія для прихожанъ. Такимъ образомъ духовенство русское получало часть содержанія отъ казны, обезпечивалось опредѣленною долею имущества поземельнаго и, въ дополненіе къ этому, пользовалось доброхотными пожертвованіями прихожанъ. Такой способъ обезпеченія духовенства остается до нынѣшняго времени. Онъ не обременителенъ ни для правительства, ни для прихожанъ, онъ не отдаляетъ пастыря отъ пасомыхъ, даетъ возможность благодарить служителя Церкви за трудъ священнослуженія и воздавать матеріальнымъ даромъ за даръ духовный. Этотъ способъ обезпеченія удобенъ еще и тѣмъ, что онъ носитъ въ себѣ зачатки дальнѣйшаго улучшенія быта духовенства. Возвысится матеріальный бытъ народа, улучшатся отношенія пастырей и пасомыхъ, тогда и духовенство будетъ болѣе обезпечено.

Въ заключеніе сегодняшней нашей бесѣды скажемъ о томъ, какимъ способомъ высшая наша Церковная Іерархія управляла дѣлами русской Церкви, именно—чѣмъ она руководилась въ дѣлѣ управленія и какъ передавала свои распоряженія нашему духовенству.

Въ древней Христіанской Церкви руководствомъ для управленія дѣлами церковными служили сборники правилъ Апостоловъ, Соборовъ и Св. Отцовъ, а потомъ—установленія Византійскихъ императоровъ, касавшіяся дѣлъ церковныхъ. А такъ какъ правила Апостоловъ, Соборовъ и Св. Отцевъ были для позднѣйшихъ временъ не вполнѣ ясны, то знаменитые греческіе законовѣди, жившіе въ 11—12-мъ вѣкѣ, составили толкованія на эти правила. Сборникъ такихъ правилъ съ толкованіями названъ былъ, въ Греческой Церкви, такимъ словомъ, которое въ Славянскихъ земляхъ переведено словомъ: „Кормчая“ или „Кормчая книга“. Названіе это соотвѣтствуетъ понятію о Церкви, какъ о кораблѣ, обуреваемомъ волнами житейскаго моря, и о Спасителѣ, какъ Небесномъ Кормчемъ, ведущемъ Церковь къ тихому пристанищу вѣры и упованія христіанскаго. Вотъ эта-то „Кормчая книга“ и перешла къ намъ одновременно съ просвѣщеніемъ Россіи

Христіанскою вѣрою, переведенная не въ Россіи, а въ Славянскихъ земляхъ. Но, такъ какъ первоначальный переводъ Кормчей книги былъ неясенъ и пользоваться книгою было трудно, то митрополитъ Кириллъ 2-й пріобрѣлъ, изъ Славянскихъ же земель, другой, болѣе ясный, переводъ. Съ того времени, и почти до позднѣйшихъ временъ, Кормчая книга служитъ основаніемъ нашего церковнаго законодательства. Всѣ позднѣйшія церковныя постановленія, какъ епископскія, такъ и соборныя, и впослѣдствіи синодальныя, непремѣнно опираются на ту или другую главу Кормчей книги. Въ послѣднее время явилось множество Сборниковъ Церковныхъ постановленій, между которыми важнѣйшее значеніе имѣетъ „Уставъ Духовныхъ Консисторій“ и теперь уже каждый, мало-мальски образованный, священникъ знаетъ правила церковныя на столько, что всегда можетъ справиться, какъ поступить ему въ томъ или другомъ случаѣ.

Способъ сношенія верховныхъ пастырей Россійской Церкви съ низшими церковными служителями, а чрезъ нихъ и съ паствою, въ древней Россійской Церкви былъ не тотъ, что въ нынѣшнее время. Въ древней Христіанской Церкви, когда паства была не многочисленна, а епископъ былъ почти въ каждомъ городѣ, епископу сноситься съ духовенствомъ и съ паствою было дѣло легкимъ. Такъ какъ, при отсутствіи грамотности, нельзя было вести переписку, то правители церквей входили въ личныя, непосредственныя сношенія съ паствою. У каждаго епископа были довѣренныя лица, которыя обязаны были посѣщать паству, выслушивать нужды, объявлять епископскія распоряженія и слѣдить за ихъ выполненіемъ. Наконецъ и сами епископы, имѣя не обширный кругъ управленія, часто посѣщали епархію и лично распоряжались дѣлами церковными. Такой способъ сношенія могъ быть введенъ и въ Россіи, гдѣ также, въ первые вѣка, мало было людей умѣющихъ читать и умѣющихъ писать. Съ другой стороны слабое развитіе путей сообщенія и дальность разстояній между городами, погостами и деревнями затрудняли личныя сношенія. Разсылка указовъ, господствующая нынѣ, была тогда невозможна. И, поэтому, явились три способа сношеній. Во-первыхъ

у древнихъ Русскихъ епископовъ были особыя довѣренныя лица, называемыя „десятильниками“, которыя обязаны были собирать, въ пользу епископа, десятину и другіе церковные доходы, и, въ тоже время были наблюдателями церковной жизни и исполнителями епископскихъ распоряженій. Во вторыхъ, сами епископы довольно часто объѣзжали епархію, въ сопровожденіи свиты низшихъ священнослужителей, которые участвуя съ ними въ Богослуженіи, участвовали и въ дѣлѣ управленія. Объѣзжая паству, епископы проживали въ большихъ городахъ по мѣсяцу, собирали доходы, посвящали духовныхъ лицъ, дѣлали распоряженія, судили, штрафовали и наблюдали порядокъ церковный. Наконецъ епископы имѣли обычай собирать къ себѣ подчиненное духовенство разъ въ годъ, именно, въ такъ называемое „Сборное Воскресенье“, т. е. въ 1-е воскресенье Великаго Поста. Собравши духовенство епископы рѣшали лично дѣла церковныя. Къ этимъ тремъ способамъ церковнаго управленія, въ позднѣйшіе вѣка, именно въ концѣ 16-го вѣка, прибавился еще четвертый способъ, именно — учрежденіе такъ называемыхъ „Приказовъ“. Какъ при митрополитѣ, а потомъ при патріархѣ, такъ и при каждомъ епископѣ былъ приказъ въ родѣ домашней канцеляріи, въ которомъ были совѣтники изъ лицъ Соборнаго духовенства, потомъ—писцы, изъ мірянъ, а чаще, изъ низшихъ церковныхъ служителей. А такъ какъ всякаго рода писцы и дѣлопроизводители назывались дьяками, что съ греческаго языка значитъ—служитель, то, впослѣдствіи, и низшіе церковные служители, которые вели церковныя записи, стали называться *дьяками*, или уменшительнымъ словомъ *дьячекъ*. Другое старинное названіе служителя церкви есть *пономарь*, измѣненное изъ греческаго слова парамонарь т. е. состоящій при домѣ, дворецкій или привратникъ. Дьячки служили въ приказахъ, въ качествѣ писцовъ и посредниковъ между высшими и низшими лицами церковной іерархіи. Послѣ Петра Великаго Приказы архіерейскіе были преобразованы въ Духовныя правленія и въ Консисторіи. Духовныя правленія теперь почти не существуютъ, а Консисторіи существуютъ при каждомъ Архіереѣ. Какія лица входятъ въ составъ консисторіи, это

всякому извѣстно: тамъ есть члены изъ Архимандритовъ, протоіереевъ или священниковъ, есть секретарь и нѣсколько чиновниковъ для дѣлопроизводства и переписки. Ближайшими правителями церковнаго дѣла въ приходахъ состоятъ Благочинные, которые наблюдаютъ за исполненіемъ церковныхъ дѣлъ, передаютъ нужды церквей къ свѣдѣнію епархіальной власти и сообщаютъ причтамъ разныя епархіальныя распоряженія.

Вотъ мы прослѣдили исторію Русской Церковной іерархіи съ утвержденія у насъ Христіанской Церкви до позднѣйшихъ временъ. Мы видѣли, что Русская Церковная Іерархія устроена была по образцу древней Христіанской Іерархіи, что характеръ управленія Церковнаго у насъ всегда былъ простой, несложный, что личныя сношенія пастырей къ паствѣ всегда господствовали предъ сношеніями формальными, оффиціальными. Такой характеръ управленія остается и до нынѣ. Въ дѣлахъ церковныхъ господствуетъ не формализмъ, а личный взглядъ пастыря, котораго и называютъ обыкновенно отцемъ, а главнѣйшаго изъ нихъ, т. е. епархіальнаго епископа, называютъ архипастыремъ и Отцомъ. И донынѣ каждый христіанинъ можетъ всегда имѣть доступъ и къ приходскому священнику, и къ высшему Іерарху, епархіальному епископу; каждый можетъ лично высказать свои духовныя нужды, искренно, какъ духовному отцу, повѣдать тайны своего сердца, и получить добрый совѣтъ, Христіанское утѣшеніе и разъясненіе. Отъ этого-то наши правители церковные такъ близки, такъ доступны къ своей паствѣ; отъ этого и паства любитъ своего архипастыря, всегда съ любовію встрѣчаетъ его, охотно идетъ туда, гдѣ онъ совершаетъ священнослуженіе. При всемъ величіи внѣшней обстановки архипастыря, онъ близокъ ко всѣмъ, съ каждымъ онъ готовъ поговорить, войти въ его положеніе, отвѣтить на его вопросы. Въ такомъ характерѣ церковнаго управленія, характерѣ истинно отеческомъ видно, что наше управленіе есть именно такое, какое установилъ Пастыреначальникъ, Іисусъ Христосъ, какое соблюдали Апостолы и заповѣдали пастырямъ Церкви, говоря: *пасите, еже въ васъ, стадо Божіе, посѣщающе не нуждею,*

по волею, и по Бозѣ: нижде неправедными прибытки, но усердно: ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду (1 Петра 5, 2, 3). Внушая пастырямъ дѣйствовать не властію, а примѣромъ, не по интересамъ выгоды, а усердно, Апостолы даютъ и пасомымъ заповѣдь — повиноваться пастырямъ съ любовію, съ почтеніемъ истинно сыновнимъ, такъ какъ пастырь отдастъ Богу отчетъ на послѣднемъ судѣ Христовомъ и если погибнетъ одинъ изъ членовъ паствы, Господь взыщетъ съ небрежнаго пастыря. За то и усердные къ своему служенію пастыри получатъ праведное воздаяніе на судѣ Божіемъ. *Явльшуся Пастыреначальнику*, Іисусу Христу, они *примутъ неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петра 5, 4). Да сподобитъ же Господь этого нетлѣннаго вѣнца и православныхъ пастырей и всѣхъ, кто повинуется имъ со страхомъ и благоговѣніемъ, какъ бы повиновался онъ Самому Іисусу Христу, Которому слава вовѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда шестая.

О духовномъ просвѣщеніи Русскаго народа.

Съ сегодняшняго дня предложимъ нѣсколько бесѣдъ о духовномъ просвѣщеніи Русскаго народа. Не думайте, православные, что говорить о духовномъ просвѣщеніи значитъ то же, что говорить о распространеніи Христіанской вѣры. Объ этомъ послѣднемъ предметѣ мы уже говорили въ предыдущихъ бесѣдахъ. Нѣтъ! Говорить о духовномъ просвѣщеніи—значитъ бесѣдовать о томъ, какъ Христіанская вѣра проникала въ разумъ и совѣсть Русскаго народа, какъ народъ понималъ Божественныя истины, въ какой степени онъ покорялъ Евангельскому ученію свои мысли, понятія и убѣжденія, какъ онъ исполнялъ заповѣдь Апостольскую, чтобы вѣра Христіанская не усвоялась только внѣшнимъ образомъ, слухомъ и памятью, но была *вѣрою разумною,* сознательною. Здѣсь мы покажемъ, какими способами утверждалось въ народѣ пониманіе истинъ вѣры, какимъ путемъ проводились въ народъ здравыя христіанскія понятія, о чемъ писали образованные пастыри и какъ ихъ писанія распространялись среди народа. Прежде нежели войти въ подробности этого предмета, сдѣлаемъ общій взглядъ на просвѣщеніе Русскаго народа въ духѣ Христова ученія.

Многіе образованные люди нынѣшняго времени утверждаютъ, что духовнаго просвѣщенія въ Русскомъ народѣ не было, да нѣтъ и въ настоящее время; что народъ нашъ принялъ истины Христовой вѣры чисто внѣшнимъ образомъ, что ученіе Божественное только существуетъ въ памяти и на устахъ народа, а по убѣжденіямъ и взглядамъ на міръ и жизнь народъ остается темнымъ, невѣжественнымъ язычникомъ. Такой взглядъ на просвѣщеніе Русскаго народа, оскорбительный для нашего самолюбія, есть, кромѣ того, взглядъ не вѣрный, взглядъ человѣка, который думаетъ ставить вѣру Христову въ рядъ съ обыкновенными человѣческими понятіями.

Если духовно-просвѣщеннымъ должно считать такого человѣка, который совершенно обнялъ своимъ умомъ истины вѣры, можетъ и себѣ и другимъ дать отчетъ въ своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, явно отличаетъ Христову истину отъ ученій ложныхъ и во всѣхъ своихъ поступкахъ слѣдуетъ указаніямъ Евангелія, если такъ понимать просвѣщеніе Русскаго народа, то придется сказать, что народъ нашъ есть народъ непросвѣщенный свѣтомъ Христовымъ, что онъ еще пребываетъ во тьмѣ и сѣни смертной, подобно жителямъ Галилеи, пока не пришелъ въ ихъ страну Іисусъ Христосъ. Но если такъ, то нельзя будетъ ни одного человѣка на землѣ считать истинно просвѣщеннымъ. У самаго умнаго человѣка всегда къ истинамъ вѣры примѣшиваются разныя ложныя понятія; всегда найдутся у него такія убѣжденія, въ которыхъ онъ не можетъ дать себѣ отчета, всегда у него найдется многое, для него непонятное, непостижимое. Да иначе и быть не можетъ. Пока мы живемъ на этой землѣ, мы *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ,* мы видимъ предметы божественные только *зерцаломъ, въ гаданіи.* И если въ простомъ необразованномъ классѣ есть ложныя, чуждыя Христовой вѣрѣ, убѣжденія, то немало ихъ и среди образованнаго класса. При томъ у людей образованныхъ часто является холодность къ вѣрѣ, гордое отношеніе къ истинамъ вѣры, нежеланіе покорить свой разумъ въ послушаніе Христову Евангелію,—а такая холодность, такое самолюбіе хуже полнаго невѣжества

въ дѣлѣ вѣры. Значитъ, если понимать просвѣщеніе, какъ разумное, сознательное, отчетливое усвоеніе истинъ вѣры, то нельзя не сознаться, что большинство Русскаго народа еще находится на низшей степени усвоенія вѣры Христовой. Но, при другомъ взглядѣ на дѣло, придется сказать, что Русскій народъ не чуждъ духовнаго просвѣщенія, что онъ усвоилъ себѣ истины вѣры, что онъ стоитъ въ дѣлѣ вѣры несравненно выше многихъ образованныхъ людей. Скажемъ еще больше: просвѣщеніе Русскаго народа есть, главнымъ образомъ, просвѣщеніе въ духѣ Церкви, въ духѣ христіанскомъ. Уяснимъ себѣ эту мысль.

Извѣстно, что Русскій народъ, когда принималъ Христіанство, былъ въ младенческомъ состояніи по отношенію къ вѣрѣ. Онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ были образованные Греки и Римляне. Онъ жилъ среди впечатлѣній лѣсовъ и полей, сохранялъ простоту въ образѣ жизни, держался младенческихъ убѣжденій во всемъ, что касается духовной жизни; онъ отличался скромностію, послушаніемъ и смиреніемъ младенца; онъ былъ, поэтому, способенъ подчиниться всякому доброму вліянію, откуда бы ни пришло это вліяніе. И вотъ Русскому народу выпала счастливая доля подчиниться доброму вліянію Святой Православной Церкви. Когда утвердилась у насъ Православная Церковь, она вполнѣ овладѣла всѣми духовными силами Русскаго человѣка. Русскій человѣкъ нашелъ въ Святой Церкви все, что нужно его душѣ. Въ ученіи Церкви, въ уставахъ церковныхъ онъ нашелъ себѣ и свѣтильникъ для путей жизни и правила на каждый случай житейскихъ обстоятельствъ. Въ Церкви Православной онъ нашелъ для себя ясный полный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. И довольный этимъ божественнымъ свѣтомъ Русскій человѣкъ уже не старался искать какого-либо другаго просвѣщенія. Поэтому, если являлись въ минувшей жизни Русскаго народа попытки развить и усилить просвѣщеніе, то онѣ предпринимались не для просвѣщенія собственно народнаго, а только для какихъ-либо житейскихъ, практическихъ цѣлей. То нужно было имѣть просвѣщенныхъ правителей въ распоряженіяхъ государственными дѣлами, то приго-

товить мастеровъ для разныхъ ремеслъ и художествъ, то нужно было имѣть людей, которые могли бы разбирать церковную грамоту, написать письмо, прочитать написанное. Прежде всего явилась у насъ грамотность среди духовенства. Вѣдь совершать всю церковную службу на память было невозможно. Нужды духовныя явились у насъ прежде другихъ нуждъ: поэтому и грамота, прежде всего, нужна была для тѣхъ людей, которыя поставлялись на службу церковную. Потомъ нужно было имѣть грамотныхъ людей среди тѣхъ, которые становились слугами государства. Собственно же просвѣщеніе народное, просвѣщеніе Русскихъ христіанъ въ духѣ Православной Церкви, не требовало заведенія школъ. Для народа наилучшая школа была Церковь, съ ея обрядами, иконами, съ чтеніемъ Слова Божія. Эта школа дошла, въ полномъ своемъ дѣйствіи, и до настоящаго времени. И нынѣ только самая малая часть Русскаго народа, и при томъ—самое короткое время жизни, учится въ школахъ. Остальные члены Русской православной паствы, цѣлые милліоны Россіянъ-христіанъ получаютъ духовное просвѣщеніе ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ, а именно — въ храмѣ Божіемъ. И эта школа есть наилучшая. Она дѣйствуетъ на человѣка въ теченіе всей его жизни, отъ младенчества до послѣдней минуты земного странствованія; эта школа чужда всякихъ человѣческихъ измышленій, чужда всякихъ суетныхъ земныхъ цѣлей; она сообщаетъ людямъ только чистую, святую истину; школа эта не только учитъ, но и воспитываетъ человѣка; она ведетъ его царскимъ, прямымъ путемъ къ тому, чтобы онъ былъ, по Слову Божію, *на всякое дѣло благое уготованъ*.

Изъ сказаннаго легко понять, почему у насъ мало было заботъ о просвѣщеніи народномъ: заботы эти приняла на себя Святая Церковь, и просвѣщеніе, даваемое Церковію, считалось вполнѣ достаточнымъ для нравственнаго воспитанія Русскаго человѣка. Понятно для насъ и то, почему одни считаютъ Русскій народъ просвѣщеннымъ, а другіе утверждаютъ, что народъ нашъ доселѣ есть народъ невѣжественный, темный. Если подъ просвѣщеніемъ разумѣть знаніе истинъ Божественныхъ, знаніе обязанностей человѣка къ Богу и ближ-

нему, то мы не усумнимся назвать Русскій народъ просвѣщеннымъ. Истины вѣры онъ содержитъ въ умѣ и сердцѣ, свои христіанскія обязанности онъ понимаетъ, и исполняетъ ихъ при содѣйствіи благодати Божіей. Если говорить о мірской наукѣ, объ образованности человѣческой, о знаніи отчетливомъ, такомъ знаніи, при которомъ человѣкъ можетъ дать отвѣтъ на всякій вопросъ, то, конечно, такого знанія въ народѣ нѣтъ. Его можно считать народомъ темнымъ, непросвѣщеннымъ.

Признать непросвѣщеннымъ цѣлый народъ, почти тысячу лѣтъ исповѣдующій Христіанскую вѣру, конечно было бы большою смѣлостію. Но, утверждая это, мы не должны считать, что тутъ—великое бѣдствіе, великій позоръ для Русскаго человѣка. Свѣтъ Христовой вѣры просвѣщаетъ насъ, и этого, пока, довольно. Народъ нашъ, воспитанный подъ руководствомъ Церкви, сохранилъ такъ много добрыхъ качествъ, которыя едва ли бы удержались въ немъ при другихъ, собственно человѣческихъ способахъ обученія: сохранилъ нашъ народъ и правую, не помраченную человѣческими измышленіями, вѣру, сохранилъ и любовь къ Отечеству, и дѣтское послушаніе пастырямъ церкви, и благоговѣніе къ царю, и уваженіе ко всякой власти гражданской, сохранилъ способность итти на всякое доброе дѣло. Чего же намъ еще больше? Какихъ еще лучшихъ качествъ мы можемъ требовать отъ народа, котораго духовное просвѣщеніе устроилось безъ всякихъ заботъ и издержекъ, устроилось, единственно, трудами и заботами Св. Церкви.

Успокоимся, братіе, на этой мысли. Сознаваясь, что Русскій народъ еще блуждаетъ во тьмѣ невѣжества, утѣшимся тою мыслію, что народу нашему открытъ свѣтъ Христовой истины, что его не объяла тьма земной мудрости, взимающейся на разумъ Божій. А теперь скажемъ о тѣхъ способахъ, которые употреблялись у насъ на Руси, чтобы просвѣтить народъ по духу православной Церкви.

Первый способъ просвѣщенія народнаго представляютъ училища. Просвѣтителю Россіи, Равноапостольному князю Владиміру, лѣтопись приписываетъ первыя попытки завести

училище въ Кіевѣ. Онъ сталъ отбирать дѣтей отъ благородныхъ родителей и отдавать ихъ „въ наученье книжное“. Лѣтопись упоминаетъ, что родители неохотно, очень часто со слезами, отпускали дѣтей въ ученье. Это, разумѣется, очень понятно. Если и теперь есть родители, которые не охотно посылаютъ дѣтей въ ученье, жалѣютъ разстаться съ ними, боятся, что ихъ дѣтей будутъ мучить наукою, то удивительно ли, что первые родители—христіане не охотно отдавали дѣтей въ ученье. Кромѣ попытки Владиміра мы знаемъ, что была заведена школа въ Новгородѣ, гдѣ, у одного діакона Ефрема, училось до 300 человѣкъ дѣтей; было училище и въ Курскѣ, что извѣстно намъ изъ житія преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго. Наконецъ извѣстно, что дочь Всеволода, Янка, устроила училище для дѣвочекъ въ Кіевѣ, при Андреевскомъ женскомъ монастырѣ. Вотъ и все, что мы знаемъ о первыхъ училищахъ въ Россіи. Это, конечно, слишкомъ мало. При томъ нельзя не замѣтить, что это были только слабые зачатки школьнаго обученія; заводимыя школы, конечно, нисколько не походили на нынѣшнія школы, съ готовыми учебниками, съ программами, съ опредѣленнымъ расписаніемъ уроковъ, съ учителями, нарочито приготовленными, посвятившими себя, исключительно, на дѣло просвѣщенія народнаго. На заведеніе такихъ училищъ древняя Русь не имѣла ни готовыхъ у себя образцовъ, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ. Русскіе могли заводить у себя то, что видѣли у народовъ, прежде ихъ принявшихъ христіанство, то есть, у Грековъ и у Славянъ. А у тѣхъ народовъ также училищъ почти не было, кромѣ немногихъ школъ при царскихъ дворахъ и каѳедрахъ патріаршескихъ. Если же школъ не было настоящихъ, то гдѣ учились всѣ тѣ, кому нужно было ученье? Мы не ошибемся, если скажемъ, что учились по домамъ, у своихъ родителей и родственниковъ. Какъ теперь бываетъ у людей простого званія, что каждый, знающій какое-либо мастерство, учитъ этому мастерству своихъ дѣтей или родственниковъ, такъ и въ древности грамотные люди учили грамотѣ у себя на дому, учили своихъ домашнихъ, иногда присоединяя сюда кого-либо изъ приходящихъ.

Духовныя лица пріучали своихъ дѣтей прислуживать въ церкви, читать и пѣть на клиросѣ; дьяки, или — попросту дьячки, учили грамотѣ дѣтей, которымъ грамота была нужна, учили дѣтей духовныхъ, часто и дѣтей боярскихъ. Такія училища были, конечно, немногочисленны. У каждаго учителя бывало не больше двухъ или трехъ учащихся. Всѣ науки состояли изъ счисленія и простой грамотности. Но зато была у учащихся тѣсная связь съ учителемъ. Ученикъ жилъ въ одной семьѣ съ учителемъ, приспособлялся къ характеру учителя, пріучался жить, мыслить и чувствовать такъ, какъ жилъ и мыслилъ учитель. Отъ этого и связь учителя съ ученикомъ была тѣсная, неразрывная на всю жизнь. Ученикъ становился, какъ бы, духовнымъ сыномъ своего наставника. И такъ какъ учились, при такихъ условіяхъ, немногіе, то понятно, что и просвѣщеніе распространялось очень медленно. Остальная масса народа, опять-таки, училась въ церкви, при самомъ Богослуженіи.

Итакъ несомнѣнно, что просвѣщеніе въ древней Руси было только въ зачаткѣ. Къ сожалѣнію, и эти слабые зачатки учебнаго дѣла исчезли, когда постигло нашу страну нашествіе Монголовъ. Учебное дѣло требуетъ полнаго удобства и спокойствія. А могло ли быть удобство и спокойствіе при Монгольскомъ игѣ, когда разрушались храмы и жилища людей, разорялись города и села, народъ разбѣгался по лѣсамъ, дѣти разлучались съ родителями? И пока страдало наше Отечество подъ игомъ Монголовъ, оно не имѣло возможности заводить и поддерживать училища. Только западная Русь, менѣе страдавшая отъ тяжестей Монгольскаго ига, кое какъ поддерживала учебное дѣло, которое необходимо ей для борьбы съ сосѣдями — иновѣрцами. Въ городахъ, пограничныхъ съ Европейскими государствами, на Волыни и въ Галиціи, были люди, сознававшіе нужду въ ученьи. Они учились указаннымъ выше домашнимъ способомъ; люди богатые и знатные шли учиться по Европейскимъ школамъ: во Францію, въ Италію и въ города нѣмецкіе.

Когда прекратилось Монгольское иго, когда Россія нѣсколько оправилась отъ разоренія и опустошенія, опять нача-

лись попытки поднять учебное дѣло. Въ 15-мъ и 16-мъ вѣкѣ разныя церковныя нестроенія привели общество къ сознанію, что необходимо просвѣщеніе, что одной грамотности недостаточно. Умные люди того времени, какъ изъ русскихъ, такъ и изъ иностранцевъ, указывали эти нестроенія и внушали, что необходимо устроять школы и учить людей всему полезному какъ для земной — временной, такъ и для вѣчной жизни небесной. Сначала это говорили умные люди, напримѣръ: Максимъ Грекъ, Новгородскій архіепископъ Геннадій, преподобный Іосифъ Волоколамскій, а потомъ та же мысль была высказана всѣми пастырями Русской Церкви и царемъ Іоанномъ Грознымъ на Стоглавомъ Соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ половинѣ 15-го вѣка. Приведемъ, напримѣръ, скорбную рѣчь о недостаткѣ просвѣщенія, высказанную архіепископомъ Геннадіемъ: „Вотъ“, пишетъ онъ великому князю,— „приводятъ ко мнѣ мужика: я приказываю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему Псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова: не можетъ быть, кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто пѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенью, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ — другое. Приказываю учить азбуку,— и они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа недостаетъ ставить неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученье вечерни принеси мастеру кашу, да гривну денегъ, за утреню — то же, или и больше, за часы особо. А отойдетъ отъ мастера,— и ничего не умѣетъ, едва-едва бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ“. Если таково было умственное состояніе духовныхъ лицъ, то что сказать собственно о простомъ народѣ? И архіепископъ Геннадій желалъ очень немногаго даже отъ тѣхъ лицъ, которые желали быть священниками. Онъ желалъ только простого знанія грамоты, но и этого трудно было достигнуть. Стоглавый Соборъ со скорбью говорилъ, что хотящіе поста-

вленія во священники или діаконы „грамотѣ мало умѣютъ“, и въ свое оправданіе говорятъ: „мы-де учимся у своихъ отцовъ или мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, по тому насъ и учатъ“. И Соборъ также хотѣлъ немногаго; хотѣлъ, чтобы умѣли читать и писать. Сознавая нужду въ просвѣщеніи, Соборъ приказывалъ заводить училища, но приказанія не исполнялись, такъ какъ не было средствъ на учрежденіе училищъ, не было и людей, которые бы въ этихъ училищахъ учили.

Нѣсколько благопріятнѣе было положеніе православныхъ въ Западной Россіи. Здѣсь люди, желавшіе учиться, имѣли возможность посѣщать школы Западной Европы. Изъ лицъ, готовившихся къ званію служителей церкви, также изъ дѣтей вельможъ, многіе шли въ Парижъ, Венецію, Флоренцію и другіе Европейскіе города, и здѣсь учились тому же, что преподавалось другимъ учащимся. Но въ такомъ положеніи дѣла была особая опасность: молодые люди, учившіеся въ европейскихъ школахъ, бывшихъ подъ наблюденіемъ католическихъ властей, невольно увлекались католическимъ образомъ мыслей; отвыкали отъ Православія, становились для Россіи людьми чужими и даже прямо переходили въ Католичество. И такихъ было немало среди дѣтей западно-русскаго духовенства и дворянства. Необходимость борьбы съ католичествомъ и защиты Православія заставляла ревнителей Православной Церкви устроять свои домашнія школы при дворѣ вельможъ и при каѳедрахъ архіерейскихъ. А когда начали заводиться въ Западномъ краѣ Православныя Братства, въ которыхъ главная цѣль была бороться за Православіе,— тогда въ числѣ братскихъ учрежденій первое мѣсто заняли, такъ называемыя, „Братскія“ школы. Онѣ были заведены въ Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Могилевѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ. Учрежденіе этихъ школъ было освящено благословеніемъ Восточныхъ патріарховъ, а объ матеріальномъ обезпеченіи заботились всѣ члены Братствъ, особенно — митрополиты и православные князья — ревнители Православія. Это не были школы исключительно духовныя, куда принимались только дѣти духовныхъ и лица, готовившіяся быть служи-

телями церкви. Нѣтъ! Въ эти школы поступалъ и сынъ вельможи, и сынъ ремесленника. Изъ этихъ школъ выходили и сильные борцы за Православіе, и полезные дѣятели на всѣхъ поприщахъ общественной службы. Изъ этихъ школъ особенно процвѣтала Кіевская, благодаря покровительству знаменитаго Кіевскаго митрополита *Петра Могилы*. Братскія школы, частію обратившіяся, впослѣдствіи, въ Духовныя Семинаріи или въ училища свѣтскія, частію закрывшіяся, по недостатку средствъ, оказали великую услугу не только Западной, но и всей Россіи. Изъ нихъ вышло много знаменитыхъ іерарховъ, проповѣдниковъ, богослововъ. Оттуда же вышли и дѣятели просвѣщенія для всей Великой Россіи.

Съ 17-го вѣка ревность къ просвѣщенію проявилась и въ Московскомъ Государствѣ. Еще въ концѣ 16-го вѣка, когда въ Россіи учреждалось патріаршество, Соборъ восточныхъ патріарховъ вмѣнилъ въ обязанность каждому епископу внушать народу любовь къ изученію священныхъ наукъ и оказывать посильную помощь какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться. Но этому благому внушенію еще не суждено было тогда прійти въ исполненіе,—какъ потому, что въ народѣ еще сильна была боязнь ко всякой наукѣ, такъ и потому, что наступившія вскорѣ смуты междуцарствія мѣшали заботамъ о просвѣщеніи народа. Но, вотъ, когда возвратился изъ польскаго плѣна патріархъ Филаретъ, отецъ царя Михаила Ѳеодоровича, онъ завелъ Греко-Латинскую школу при своемъ домѣ, въ Чудовѣ монастырѣ. Учителемъ въ нее поставленъ былъ Арсеній Грекъ, ученый мужъ, ревнитель Православія. Чудовская школа можетъ считаться родоначальницею всѣхъ, нынѣ существующихъ духовно-народныхъ школъ. Вскорѣ же открыта была другая школа, въ монастырѣ Богоявленскомъ и для занятій въ обѣихъ школахъ было вызвано нѣсколько ученыхъ изъ Кіевской Братской школы. Но, такъ какъ въ Москвѣ не особенно довѣряли кіевскимъ ученымъ, считая ихъ приверженными къ Латинству, то явилось сознаніе необходимости искать ученыхъ съ востока. Въ числѣ прибывшихъ оттуда были два Грека—*Іоанникій и Софроній Лихуды*, уроженцы острова Кефалоніи.

Они учили въ школѣ, основанной при Заиконоспаскомъ монастырѣ и вели споръ съ приверженцами латинскихъ мнѣній. Но, по интригамъ враговъ, они были заточены въ Костромской Ипатіевскій монастырь, откуда перешли въ Новгородъ, къ тамошнему митрополиту Іову, ревнителю просвѣщенія. Основанное ими въ Новгородѣ училище было едва ли не первою въ Россіи семинаріею. Со временъ Петра Великаго заботы о школахъ стали занимать и правительство и общество. Собственно же народное просвѣщеніе началось не больше ста лѣтъ тому назадъ, при императрицѣ Екатеринѣ Великой.

По распоряженію императрицы стали заводить народныя начальныя школы по городамъ, и, впрѣдка, по большимъ селеніямъ. Распорядителями ученаго дѣла въ этихъ школахъ были народные учителя; въ каждую школу собирались учиться дѣти извѣстнаго прихода, и потому эти школы назывались приходскими училищами. Когда общество убѣдилось въ пользѣ такихъ училищъ и въ массѣ населенія пробудилось желаніе отдавать дѣтей въ ученье, тогда устроилось особое министерство народнаго просвѣщенія. Это было въ началѣ царствованія императора Александра Перваго. При министерствѣ учреждено было „Главное правленіе училищъ“ и оно стало заботиться о повсемѣстномъ учрежденіи народныхъ школъ. Въ школахъ этихъ, кромѣ первоначальныхъ знаній по чтенію, письму и счисленію, стали учить и Закону Божію, который преподавался священниками и діаконами. Въ царствованіе Александра Втораго, когда совершилось величайшее въ Россіи событіе — освобожденіе крестьянъ, и къ распоряженію судьбами народа призваны были земства, то ихъ важнѣйшею заботою было учрежденіе школъ, на средства собственно земскія. Земскія и министерскія школы принесли великую пользу Русскому народу. Онѣ научили милліоны дѣтей Русскихъ и приготовили изъ нихъ множество полезныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной и народной жизни. Но эти школы имѣли одну слабую сторону: въ нихъ слабо велось преподаваніе Закона Божія, въ нихъ мало было участія православнаго духовенства. Школы эти мало сближали дѣтей съ Православною Церковью; мало пріучали ихъ ходить

въ церковь и понимать церковную службу. Съ цѣлію улучшить эту сторону учебнаго дѣла стали заводиться особыя школы собственно заботами православнаго духовенства. Но такъ какъ духовенство, мало обезпеченное и отвлеченное своими обязанностями по Церкви и по приходу, не могло ни содержать школъ, ни постоянно преподавать въ нихъ, то эта попытка оказалась безплодною. Школы, заведенныя духовенствомъ, какъ быстро развились и умножились, такъ же быстро и пали. Между тѣмъ сознаніе необходимости придать народному просвѣщенію духъ церковности, болѣе и болѣе укрѣплялось. И въ осуществленіе этой мысли учреждены, въ послѣднее время, школы „Церковно-приходскія“. Высочайшее постановленіе о нихъ состоялось въ 1884 году. Годъ этотъ можно считать временемъ, когда народное образованіе въ нашемъ отечествѣ стало на тотъ путь, по которому учащійся чему-либо не будетъ, въ то же время, отдаляться отъ спасительнаго руководства Церкви. Хотя церковно-приходскія школы даютъ дѣтямъ только начальное образованіе, но это образованіе, постепенно, можетъ возвышаться и расширяться. Хотя въ церковно-приходскихъ школахъ учатся, преимущественно, дѣти крестьянъ, но, мало-по-малу, вступаютъ сюда дѣти родителей прочихъ сословій. Да при томъ наше населеніе сельское есть та среда, въ которой воспитываются дѣти для всѣхъ служеній государству и обществу. И если церковно-приходскія школы будутъ, пользоваться такимъ же сочувствіемъ общества, какимъ онѣ пользуются нынѣ, то есть надежда, что и матеріальное положеніе школъ будетъ постепенно улучшаться. Благотворно для этихъ школъ и то обстоятельство, что къ обезпеченію ихъ призваны всѣ сословія, всѣ народныя силы. Такъ, крестьяне даютъ, хотя малую, но для бѣдныхъ крестьянъ довольно значительную, плату за ученье; они же, очень часто, даютъ, въ своихъ избахъ, помѣщеніе школѣ и учителю; если строится домъ для школы, крестьяне подвозятъ строительный матеріалъ, участвуютъ въ постройкѣ; духовенство преподаетъ въ этихъ школахъ, завѣдуетъ ими, наблюдаетъ за порядкомъ учебнаго дѣла, очень часто даетъ школамъ у себя помѣщеніе; прочія государствен-

ныя сословія участвуютъ въ пожертвованіяхъ на школы, содѣйствуютъ улучшенію ихъ въ учебномъ дѣлѣ, заботятся о нихъ по мѣрѣ своихъ силъ и матеріальныхъ средствъ; наконецъ лица, высокопоставленныя, имѣютъ за школами высшій надзоръ, а многіе изъ нихъ, въ званіи попечителей, вполнѣ обезпечиваютъ ихъ существованіе. Но самое важное здѣсь то, что эти школы привлекаютъ дѣтей къ Православной Церкви и удерживаютъ ихъ въ тѣсной духовной связи съ Церковію. Дѣти изучаютъ подробно истины Христіанской вѣры и правила христіанскаго благочестія, знакомятся съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ школѣ сами поютъ и читаютъ молитвы, въ праздничные дни непремѣнно посѣщаютъ Храмъ Божій, участвуютъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи, и, такимъ образомъ, доставляя христіанское утѣшеніе своимъ родителямъ, съ малолѣтства пріучаются любить св. Церковь, понимать все то, что въ церкви читается и поется и, чрезъ это, полагаютъ прочную основу своего христіанскаго развитія въ духѣ Православной Церкви. Пожелаемъ же, братіе, прочнаго успѣха церковно-приходской школѣ. Теперь эта школа только еще въ зародышѣ: школъ такихъ еще мало на Руси, въ сравненіи съ другими школами; школы церковно-приходскія и бѣдно обставлены и скудно вознаграждаютъ людей, въ нихъ трудящихся. Но если будетъ на этихъ школахъ почивать благословеніе Божіе, если ревностно будетъ трудиться каждый, кто посвятилъ себя заботамъ о школѣ, если не оскудѣютъ матеріальныя пожертвованія на церковно-приходскія школы, то онѣ будутъ у насъ упрочены; онѣ процвѣтутъ на благо Отечества нашего и во славу св. Церкви; онѣ соединятъ подъ одинъ кровъ людей всѣхъ сословій, онѣ воспитаютъ многихъ и многихъ чадъ Православной Церкви. Если наше народное просвѣщеніе пойдетъ по пути, пролагаемому св. Церковію, то оно укрѣпитъ насъ въ Православной вѣрѣ, въ любви къ Богу и ближнему, будетъ содѣйствовать нашему воспитанію—доброму и благочестивому. Тогда ослабѣютъ наши расколы, исчезнетъ наша холодность къ св. Церкви, исчезнетъ наше вольномысліе, уничтожатся наши сресн и отступства, и милліоны сыновъ Россіи будутъ, въ

одно и то же время, и вѣрными чадами Церкви и добрыми гражданами и вѣрными слугами Царя Православнаго. Да исполнитъ Господь эти благія наши желанія! Да сохранитъ Онъ насъ въ мирѣ и единомысліи, чтобы мы, едиными устами и единымъ сердцемъ, прославляли и воспѣвали Творца и Спасителя нашего, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда седьмая.

О духовныхъ писателяхъ въ Россіи.

Въ предшествующей бесѣдѣ у насъ была рѣчь вообще о духовномъ просвѣщеніи Русскаго народа. Мы раскрыли ту истину, что народное просвѣщеніе на Руси хотя не было особенно высоко, но за то отличалось характеромъ вполнѣ православно-церковнымъ, и Русскій человѣкъ, воспитанный въ духѣ Церкви, не дѣлался врагомъ Церкви, какъ бы ни было высоко его образованіе. Потомъ мы говорили и о народныхъ училищахъ, въ которыхъ полагалось начало всякаго дальнѣйшаго умственнаго развитія. Училища эти, какъ въ древнѣйшія времена, такъ—особенно—въ наше время, стояли подъ покровительствомъ Церкви и также воспитывали народъ въ духѣ Православія. Отсюда легко вывести и то заключеніе, что и вся литература Русская, вся совокупность умственныхъ трудовъ Русскаго народа, должна была имѣть характеръ Церковный. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ до Петра Великаго всѣ наши писатели трудились, преимущественно, въ области литературы духовной, писали, главнымъ образомъ, о тѣхъ предметахъ, которые относятся

къ ученію Церкви, къ истинамъ вѣры, правиламъ благочестія, церковной исторіи, обрядовъ церковныхъ. Сперва скажемъ о писателяхъ древнѣйшаго, домонгольскаго періода.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, уже въ древнѣйшій періодъ существованія Христіанской Церкви въ Россіи, у насъ была литература, преимущественно духовная. При знатнѣйшихъ монастыряхъ были сборники книгъ. Нѣкоторые иноки Печерскаго монастыря нарочно ѣздили въ Царьградъ, чтобы въ тамошнихъ монастыряхъ списывать книги для употребленія ихъ въ Россіи; Святославъ, князь Черниговскій, имѣлъ у себя „полныя клѣти“ книгъ, изъ которыхъ до насъ дошли два сборника. Романъ, князь Смоленскій, держалъ при себѣ учителей Греческихъ и Латинскихъ, которые списывали книги; Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій покупалъ греческія книги и составилъ библіотеку, заключавшую въ себѣ до тысячи книгъ. Какія же были книги въ древней Россіи? Книги эти были, главнымъ образомъ, переводныя, взятыя изъ другихъ, прежде просвѣщенныхъ, земель, а потомъ уже были и собственно русскія. Когда Россія приняла христіанскую вѣру православную, вѣра эта уже давно была насаждена въ Греціи и въ областяхъ Славянскихъ, главнымъ образомъ— въ Болгаріи. Какъ въ Греціи, такъ и въ Болгаріи была богатая литература. И такъ какъ первые митрополиты наши были Греки, а большинство духовенства низшаго было взято изъ Болгаріи, то изъ этихъ же странъ и переходила къ намъ духовная письменность. Такъ, съ первыхъ дней бытія у насъ Православной Церкви, у насъ должны были явиться книги, употребляемыя при церковной службѣ, особенно—книги Священнаго Писанія. Извѣстно, что книги Священнаго Писанія существовали на славянскомъ языкѣ въ переводѣ Кирилла и Меѳодія. Изъ этихъ-то книгъ кое что сохранилось и до настоящаго времени. Полнаго списка всѣхъ священныхъ книгъ у насъ, въ первое время, не было. Было у насъ только то, что прежде всего было необходимо, именно—сборники чтеній священнаго писанія, уже издавна установившихся для церковной службы. Въ ряду этихъ сборниковъ первое мѣсто занимали сборники чтеній изъ Евангелія, начиная съ Евангелія

Іоанна, первое зачало котораго читается въ первый день Пасхи, въ тотъ день, съ котораго начинается рядъ Евангельскихъ чтеній на весь годъ. Такіе сборники у насъ на Руси назывались словомъ „апракосъ“, что съ греческаго языка означаетъ „недѣльный“, т. е. собраніе Евангельскихъ чтеній на „недѣли“ или на воскресные дни. Другихъ сборниковъ, въ которыхъ бы помѣщались Евангельскія чтенія по нынѣшнему порядку, т. е. начиная „съ Матѳея“, въ древней Русской Церкви было очень мало. Изъ древнихъ сборниковъ Евангелій до насъ сохранилось нѣсколько. Таково, напр., Евангеліе, написанное въ половинѣ 11-го вѣка діакономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира и называемое обыкновенно „Остромировымъ“ Евангеліемъ. Оно сохраняется въ Императорской публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, и есть древнѣйшій памятникъ Русской письменности. Оно украшено драгоцѣнною золотою обложкою и находится подъ стекляннымъ футляромъ въ залѣ, въ которую допускается, въ извѣстные дни, каждый, интересующійся памятниками древности. Съ этого Евангелія сдѣлано множество печатныхъ изданій. Потомъ существуетъ другой древнѣйшій памятникъ—Евангеліе Новгородскаго князя Мстислава, написанное въ первой половинѣ 12-го вѣка, и пр. Кромѣ Евангелія были сборники чтеній изъ Апостола, сборники Паримій и Псалтирь.

Кромѣ священныхъ книгъ къ намъ переходили изъ Греціи и Болгаріи списки твореній св. Отцовъ, особенно — толкованія на Священное Писаніе, сборники проповѣдей, историческіе разсказы и сборники статей поучительнаго содержанія. Изъ такихъ отеческихъ твореній чаще всего встрѣчаются слова: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, поученія Ефрема Сирина, лѣствица Іоанна Лѣствичника и т. п. Наконецъ, изъ древнѣйшаго періода Русской Исторіи дошло до насъ нѣсколько сочиненій собственно русскихъ писателей. Прежде всего мы должны упомянуть *Луку*, епископа Новгородскаго, отъ котораго сохранилось до насъ краткое поученіе, написанное въ духѣ Апостольской простоты. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ этого поученія: „Не лѣнитесь ходить въ церкви и на заутреню, на обѣдню, и на ве-

черню; и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолись Богу, и тогда возлегай на постелю. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ; не говори ничего, и ни о чемъ постороннемъ не мысли; но всею мыслію моли Бога, да отпуститъ тебѣ Богъ грѣхи". И далѣе: „Не рой ямы предъ братомъ, да не ввергнетъ тебя Богъ еще въ бо́льшую; но будь такъ правдивъ, чтобы ради правды и Закона Божія быть готовымъ положить свою главу, да сочтетъ тебя Богъ со святыми. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, а не воздавайте зломъ за зло; похвалите другъ друга, да и Богъ васъ похвалитъ... Не осуди брата даже мыслію, поминая грѣхи свои, да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ и убогихъ и заключенныхъ въ темницахъ, и будьте милостивы къ своимъ сиротамъ".

Но украшеніемъ древней русской литературы слѣдуетъ, по всей справедливости, считать слово Иларіона, бывшаго сперва пресвитеромъ придворной церкви въ селѣ Берестовѣ, близъ Кіева, а потомъ—Кіевскимъ митрополитомъ. Можно полагать, что это слово было произнесено Иларіономъ 15-го іюля, въ день памяти св. князя Владиміра и произнесено именно въ Десятинной церкви, гдѣ былъ погребенъ равноапостольный князь. Въ этомъ словѣ Иларіонъ приглашаетъ своихъ слушателей воздать хвалу Богу за тѣ великія блага, которыхъ удостоился Русскій народъ съ принятіемъ христіанства, показываетъ превосходство Христіанской благодати предъ Ветхозавѣтнымъ закономъ, восхваляетъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, принявшаго Христіанскую вѣру и просвѣтившаго ею всю землю Русскую, и молитъ его помолиться на небѣ о Русскихъ людяхъ и о сынѣ своемъ, князѣ Ярославѣ. Слово заканчивается молитвою къ Богу, чтобы Онъ утвердилъ землю Русскую и даровалъ ей миръ и благоденствіе. Приведемъ изъ этого слова нѣсколько мѣстъ. Прославляя Господа Спасителя, Иларіонъ такъ изображаетъ Божественную и человѣческую природу въ Іисусѣ Христѣ: „Какъ человѣкъ, Онъ возрасталъ въ утробѣ матерней, а какъ Богъ—пзшелъ, не нарушивъ дѣвства; какъ человѣкъ—питался материнмъ млекомъ, и какъ Богъ—повелѣлъ Ангеламъ съ пастырями воспѣть: „*Слава въ*

вышнихъ Богу"... Какъ человѣкъ—постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ—побѣдилъ искусителя, какъ человѣкъ—пришелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ—преложилъ воду въ вино; какъ человѣкъ—спалъ на кораблѣ, и какъ Богъ—запретилъ вѣтрамъ и морю, и они послушались Его; какъ человѣкъ—прослезился о Лазарѣ, и какъ Богъ—воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ человѣкъ всѣлъ на осла, но какъ Богу, Ему взывали: „*Благословенъ грядый во имя Господне*"; какъ человѣкъ—былъ распятъ, и какъ Богъ—своею властію ввелъ въ рай распятаго съ нимъ разбойника; какъ человѣкъ—вкусилъ оцта и испустилъ духъ, и какъ Богъ—помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ—положенъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ—разрушилъ адъ и освободилъ души; какъ человѣкъ—запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ—исшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости; Іудеи старались утаить его воскресеніе, какъ человѣка, подкупая стражу, но какъ Бога, Его познали всѣ концы земли". Въ честь святаго Владиміра Иларіонъ выражаетъ слѣдующее: „Славитъ похвалами Римская страна Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія; Асія, Ефесъ и Патмосъ — Іоанна Богослова, Индія — Ѳому, Египетъ — Марка. Каждая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ Православной вѣрѣ. Прославимъ и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго князя земли нашей Владиміра... Когда жилъ онъ и землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ, пришло на него посѣщеніе Вышняго: онъ уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ Единаго Бога, сотворившаго все видимое и невидимое. А особенно онъ всегда слышалъ о Православной, Христовой и сильной вѣрою землѣ Греческой, какъ чтутъ тамъ Единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ церкви тамъ полны людей... Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ — быть христіаниномъ и обратить всю землю въ Христіанство. По благоволенію и любви Божіей къ роду человѣческому это и

исполнилось. Совлекся князь нашъ одежды, а съ нею — и ветхаго человѣка, сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ невѣрія и, вошедши въ святую купель, возродился отъ Духа и воды. Во Христа крестившись, во Христа облекся, и вышелъ изъ купели убѣленный; сталъ сыномъ петлѣнія, сыномъ воскресенія; принялъ имя вѣчное и славное въ роды и роды— Василій, по которому и написанъ въ книгѣ живота, въ вышнемъ градѣ, въ нетлѣнномъ Іерусалимѣ". Сказавъ, что святой князь просвѣтилъ Евангеліемъ и всю землю Русскую, Иларіонъ воспѣваетъ великій подвигъ, совершенный Владиміромъ, подвигъ обращенія ко Христу. Онъ говоритъ: „Какую мы воздадимъ тебѣ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что по твоему повелѣнію по всей землѣ нашей славится Христосъ?.. Не видѣлъ ты Христа и не ходилъ по Немъ: какъ же сталъ ты ученикомъ Его? Другіе, видѣвъ Его, не вѣровали: а ты, не видѣвъ, увѣровалъ. Знавшіе законъ и пророковъ, распяли Христа, а ты, не читавъ ни закона, ни пророковъ, Распятому поклонился. Какъ разверзлось сердце твое? Какъ вошелъ въ тебя страхъ Божій? Не видѣлъ ты Апостола, который бы пришедъ въ землю твою, своею нищетою и наготою, гладомъ и жаждою, преклонилъ твое сердце къ смиренію. Не видѣлъ ты, какъ изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ, возвращали здравіе больнымъ, какъ прелагался огонь въ холодъ, воскресали мертвые. Не видѣвъ всего этого, какъ же ты увѣровалъ? Дивное чудо! Другіе цари и властители, видя, какъ все это совершилось святыми мужами, не вѣровали, но еще самихъ ихъ предавали страданіямъ и мученіямъ. Но ты, блаженный, безъ всего этого, притекъ ко Христу; руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, ты постигнулъ, что Единъ есть Богъ, Творецъ невидимаго и видимаго, небеснаго и земнаго, и что послалъ Онъ въ міръ, для спасенія людей, Своего возлюбленнаго Сына. И съ сими помыслами вступилъ ты въ свѣтлую купель". Такъ какъ слово свое Иларіонъ говорилъ въ Десятинномъ храмѣ, гдѣ положено было честное тѣло Равноапостольнаго Владиміра, то проповѣдникъ, обращаясь къ мѣсту погребенія св. князя, въ священномъ

восторгѣ, взываетъ къ угоднику Божію: „Встань отъ гроба твоего честная глава, встань, отряси сонъ. Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань и посмотри на дѣтей, на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его Имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ: посмотри на процвѣтающіе церкви, посмотри на возрастающее христіанство. И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали Благаго Бога, строящаго все сіе“.

Немного позднѣе Иларіона сіялъ въ Русской землѣ другой наставникъ вѣры и благочестія, преподобный *Ѳеодосій Печерскій*. Какъ основатель Кіевопечерской лавры, какъ строитель житія иноческаго, онъ поучалъ Россіянъ своимъ примѣромъ, своими мудрыми распоряженіями. Но, при множествѣ дѣлъ по монастырю, онъ имѣлъ еще время говорить и писать поученія. Всѣ эти поученія имѣютъ характеръ отеческой простоты и, въ то же время, дышатъ любовію, не чуждою строгости суроваго подвижника. Иначе и не могъ писать св. Ѳеодосій. Вѣдь онъ жилъ въ то время, когда народъ Русскій, еще недавно просвѣщенный Христіанскою вѣрою, не успѣлъ отрѣшиться отъ грубыхъ пороковъ язычества. Впрочемъ, поученія преподобнаго Ѳеодосія могутъ быть прилагаемы и къ нашимъ временамъ: и въ наше время не мало людей, которые живутъ едва ли не хуже язычниковъ. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ поученій Ѳеодосія. Вотъ какъ поучаетъ онъ благоговѣйному стоянію въ храмѣ Божіемъ: „когда стоимъ въ церкви, какъ осмѣливаемся мы предаваться смѣху, или шептаться? Приходитъ окаянный діаволъ и внушаетъ намъ творить смѣхъ, шептаться и творить другія непотребства, когда мы стоимъ въ церкви предъ Царемъ Небеснымъ: какой муки за это мы достойны! Молю васъ, братіе,

да стоимъ на молитвѣ со страхомъ и любовію другъ къ другу и, молясь воистину, будемъ взывать: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею.* Если руки твои не совершали никакого грабежа, — хорошо говоришь: *воздѣяніе руку моею.* Потому осматривай руки и испытывай—чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства"... Далѣе св. отецъ преподаетъ урокъ касательно постовъ и праздниковъ: „вѣдайте и то, возлюбленныя чада, что св. отцы наши установили постные дни по ученію Господню и по заповѣди св. Апостолъ, и заповѣдали праздновать св. праздники не тѣлесно, но духовно, чтобы мы не чреву работали неприличнымъ пьянствомъ, но молились Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, кормили съ собою немощныхъ, питая тѣло земнымъ брашномъ, а душу—духовнымъ, которое называется хлѣбомъ ангельскимъ и спесено съ неба въ священныхъ книгахъ,—и все это творили съ любовію, безъ которой никакая добродѣтель не приносится Богу,—живя въ мирѣ не только съ друзьями, но и съ врагами". Наконецъ, въ томъ же поученіи, съ особенною силою возстаетъ преподобный противъ пьянства: „о горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя Ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду. Бѣсы радуются нашему пьянству, и, радуясь, приносятъ діаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Діаволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія... И посылаетъ діаволъ бѣсовъ, говоря: идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отъучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питія; ибо иное пьянство злое, а иное—питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію" и такъ далѣе. Давно жилъ святой преподобный отецъ Ѳеодосій Печерскій, давно поучалъ добродѣтели христіанъ-современниковъ. Но его поученія могли бы годиться на пользу и нынѣшнимъ грѣшникамъ, потому что

и нынѣ христіане живутъ далеко не по Божьему: предаются пьянству и другимъ порокамъ, какъ предавались христіане, жившіе при Ѳеодосіи. Приведемъ еще его наставленіе монастырской братіи. Указавъ на примѣры злострадапія и терпѣнія изъ жизни святыхъ мужей, преподобный говоритъ: „молю васъ, любимцы мои, отрясемъ унынie наше: вспомнимъ первый нашъ входъ, каковы были мы, когда пришли къ дверямъ монастырскимъ. Не всѣ ли мы обѣщались терпѣть и поношенія, и укоренія, и изгнанія? Вспомнимъ, что, стоя предъ святыми дверьми, мы давали отвѣтъ о своемъ обѣщаніи, какъ бы на Страшномъ Судѣ, не предъ видимыми только свидѣтелями и, но и предъ невидимыми; вспомнимъ, что мы призывали во свидѣтели Самого Владыку и Бога, говоря: се Христосъ здѣ невидимо стоитъ; блюди, кому обѣщаеши; никто тебя къ этому не принуждаетъ. И нынѣ мы всѣ тѣ обѣщанія поставили ни во что. Намъ надлежитъ имѣть покорность и терпѣніе... и того не имѣемъ. Читаемъ житія святыхъ и затыкаемъ уши, чтобы не слышать о ихъ мужествѣ. Когда начинается брань и затрубятъ трубы воинскія, никто изъ воиновъ не можетъ спать: воину ли Христову прилично лѣниться? Тѣ оставляютъ своихъ женъ, чадъ, имѣніе, жертвуютъ самою жизнью изъ-за славы временной и преходящей: а мы, если стерпимъ, борясь съ супостатами нашими, и одолѣемъ ихъ, мы удостоимся вѣчной славы и чести непзреченной“,

Кромѣ пяти или шести глубоко-назидательныхъ поученій до насъ дошло отъ преподобнаго Ѳеодосія нѣсколько молитвъ. Есть, напр., у него молитва „за вся христіаны“. Вотъ какія мольбы возносилъ къ Богу преподобный Ѳеодосій: „Владыко, Господи, человѣколюбче! Вѣрныхъ, Господи, утверди, да будутъ еще болѣе вѣрны, неразумныхъ вразуми, язычниковъ обрати ко Христу, да будутъ нашими братьями; находящихся въ темницахъ, или въ оковахъ, или въ нуждѣ, избави, Господи, отъ всякой печали; пребывающимъ въ затворахъ, и на столпахъ, и въ пещерахъ, и въ пустыни, братіямъ нашимъ подаждь, Господи, крѣпость къ подвигу. Помилуй, Господи, князя нашего, и градъ сей, и всѣхъ, живущихъ въ немъ... Спаси, Господи, и помилуй епископа нашего и весь мона-

шескій чинъ, со іереями и діаконами и всѣми православными христіанами. Помилуй, Господи, находящихся въ бѣдности, и озлобленнымъ нищетою подаждь богатую милость. Упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, правовѣрныхъ князей нашихъ, и епископовъ и всѣхъ сродниковъ нашихъ по плоти. И упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ, умершихъ во градахъ, и въ селахъ и въ пустыняхъ, и на пути, и на морѣ,—упокой ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ ликѣ Святыхъ, въ оградѣ благаго рая и жизни безконечной, въ неизглаголанномъ и немерцаемомъ свѣтѣ лица Твоего". Молитва, вполнѣ достойная великаго игумена Кіевопечерскаго!

Къ отдѣлу сочиненій поучительнаго характера мы можемъ отнести и „поученіе" князя Владиміра Мономаха, составленное въ видѣ посмертнаго завѣщанія князя дѣтямъ и внукамъ своимъ. Хотя поученіе написано не пастыремъ Церкви, а лицомъ свѣтскимъ, но въ немъ такъ много назидательнаго для христіанъ, живущихъ среди мірской суеты, что и изъ него можно извлечь себѣ наставленіе. Приведемъ нѣсколько выраженій изъ этого поученія: „О дѣти мои! хвалите Бога. Любите также человѣчество. Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно христіанству. Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго; жизнь и душа христіанина священна. Не призывайте еще имени Божія, утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте ее... Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благословеніе духовныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро, да молятся за васъ Всевышнему. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны; нынѣ живы, а завтра во гробѣ. Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души. Чтите старыхъ людей—какъ отцовъ, любите юныхъ—какъ братьевъ... Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей читайте наизусть мо-

мнтвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй.* Не засыпайте никогда безъ земного поклона, а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ. Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю. Такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа съ радостью и говорили: *просвѣти очи мои Христе Боже, да не когда усну въ смерть, да не когда речетъ врагъ мой: укрѣпихся на него.* Не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ: но являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если провидѣніе опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе человѣческаго". Поученіе Владиміра Мономаха показываетъ въ немъ добраго князя—христіанина, который поставлялъ свою славу не въ воинскихъ походахъ, не въ погибели враговъ, не въ жестокости къ иноплеменникамъ, а въ добрыхъ обычаяхъ домашней жизни, въ подвигахъ кротости и милосердія.

Кромѣ перечисленныхъ нами наставниковъ христіанскаго благочестія было въ древней Русской Церкви нѣсколько писателей въ повѣствовательномъ родѣ, впрочемъ писавшихъ съ цѣлію назиданія въ добродѣтели. Таковы были—черноризецъ Іаковъ и преподобный Несторъ Печерскій. Оба они подвизались въ Печерской обители и жили въ одно время. Іаковъ пользовался особеннымъ уваженіемъ преподобнаго Ѳеодосія и Ѳеодосій, въ послѣднія минуты своей жизни, предлагалъ братіи поставить его въ игумены послѣ себя. Значитъ онъ отличался и высокимъ благочестіемъ и достаточнымъ образованіемъ, такъ какъ главная обязанность игумена, по Студійскому уставу, была—поучать братію. Иноки Печерскіе не согласились поставить Іакова въ игумены на томъ единственно основаніи, что онъ не былъ постриженникъ Печерскій, а пришелъ сюда изъ другой обители. Этому-то Іакову принадлежитъ сказаніе о мученичествѣ св. князей Бориса и Глѣба, житіе св. Владиміра и похвала ему, и, наконецъ, посланіе къ Великому князю Димитрію, или иначе Изяславу. Изъ жизнеописанія князей Бориса и Глѣба приведемъ то мѣсто, гдѣ св. Борисъ выра-

жаетъ сѣтованіе о смерти отца своего, св. князя Владиміра: „Увы мнѣ, свѣтъ очей моихъ, увы мнѣ, отче мой, господине мой. Къ кому прибѣгну, на кого воззрю, или гдѣ насыщуся такого благого ученія, какъ прежде отъ разума твоего? Какъ зашелъ ты, свѣте мой, когда я не былъ тамъ, чтобы я могъ, по крайней мѣрѣ, погребсти честное тѣло твое и предать его гробу своими руками. Но я не сподобился нести мужественнаго тѣла твоего, не сподобился цѣловать добролѣпныхъ сѣдинъ твоихъ. Сердце мое горитъ и душа смущается. Я не знаю, къ кому обратиться и предъ кѣмъ излить горькую печаль мою, къ брату ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Но думаю, что онъ печется о мірскомъ и суетномъ и помышляетъ о убійствѣ моемъ... Чтожъ скажу или что сотворю? Пойду къ брату моему, и скажу ему „ты будь мнѣ отцемъ, ты мнѣ—братъ старѣйшій,—что повелишь мнѣ, господине мой“... Или вотъ слова св. Глѣба предъ тѣмъ, какъ убійцы устремились на него, и когда онъ прощался съ жизнію: „спаспся милый отче мой и господине Василіе“. Здѣсь Василіемъ онъ называетъ своего отца, св. Владиміра, который, какъ извѣстно, названъ былъ во св. крещеніи Василіемъ. „Спасися мати и госпожа моя. Спасися брате Борисе, старѣйшино юности моея... Спаситесь и вы, братія моп и дружина, спаситесь всѣ! Уже я не увижу васъ въ житіи семъ, потому что меня разлучаютъ съ вами насильно... Василіе, Василіе, отче мой! Приклони ухо твое и услышь гласъ мой; призри и виждь, что приключилось чаду твоему, какъ безъ вины закалаютъ меня. И ты, брате мой Борисе, услышь гласъ мой! Отца моего, Василія, позвалъ я,—и онъ не послушалъ меня; ужели и ты не захочешь меня послушать? Взгляни на скорбь сердца моего и язву души моея; посмотри на потоки слезъ моихъ, и какъ никто не внемлетъ мнѣ: помяни же хоть ты меня и помолись о мнѣ общему Владыкѣ, имѣя дерзновеніе и предстоя у престола Его“.

Приведемъ изъ похвалы св. князю Владиміру тѣ мѣста, гдѣ Іаковъ прославляетъ подвигъ Владиміра и Ольги, просвѣтившихъ Русскую землю святымъ крещеніемъ. „Ты, блаженный княже, былъ Апостолъ изъ князей, приведши къ Богу

всю землю Русскую святымъ крещеніемъ и научивъ людей своихъ клапяться Богу, славить и пѣть Отца и Сына и Святаго Духа. И всѣ люди земли Русской тобою познали Бога, божественный княже Владиміре. Возрадовались тогда Ангельскіе чины, а нынѣ радуются вѣрные, и воспѣваютъ, и восхваляютъ, и поютъ, во всѣ дни живота и на всякій часъ, пѣснь чудную, хвалу Архангельскую: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе*". Обращаясь къ Ольгѣ, Іаковъ восклицаетъ: „О, какъ похвалю блаженную княгиню Ольгу, братіе—не знаю. Тѣломъ будучи жена, имѣя мудрость мужскую, просвѣщенная Духомъ Святымъ, уразумѣвъ Бога истиннаго, Творца неба и земли, пошла она въ землю Греческую, въ Царьградъ, гдѣ цари-христіане и христіанство утвердилось и, пришедши, просила себѣ крещенія, а потомъ возвратилась въ землю Русскую, въ домъ свой, къ людямъ своимъ, съ радостію великою, освященная Духомъ Святымъ, неся съ собою знаменіе честнаго креста. И потомъ требища бѣсовскія сокрушила и начала жить о Христѣ Іисусѣ, возлюбивъ Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею, пошла во вслѣдъ Господа Бога, освятившись всѣми добрыми дѣлами, украсившись милостынею, нагихъ одѣвая, жаждущихъ напоя, странниковъ упокоевая, нищихъ, вдовицъ и сиротъ всѣхъ милуя, всѣмъ подавая потребное съ тихостію и любовію сердца, и моля Бога день и ночь о спасеніи своемъ. И такъ пожившп и достойно прославивъ Бога въ Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа, почила въ благой вѣрѣ, скончала житіе свое съ миромъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ".

Преподобный Несторъ, „отецъ Русской лѣтописи", поступилъ въ Печерскую обитель еще при Ѳеодосіѣ, незадолго предъ его кончиною, имѣя отъ роду 17 лѣтъ. По смерти Ѳеодосія онъ былъ постриженъ игуменомъ Стефаномъ и возведенъ въ діаконскій санъ. Скончался Несторъ въ началѣ 12-го вѣка. Онъ написалъ житіе и чудеса святыхъ князей Бориса и Глѣба. Житіе Ѳеодосія Печерскаго и положилъ начало Русской лѣтописи. О жизни Бориса и Глѣба Несторъ написалъ по образцу сочиненія Іакова Черноризца, а о жизни преподобнаго Ѳеодосія написалъ, что самъ слышалъ и ви-

дѣлъ. Видно, что это житіе Несторъ писалъ съ особенною любовію къ преподобному Ѳеодосію, и собравъ объ Угодникѣ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія, высказалъ свою рѣчь съ глубиною чувства и съ полнотою убѣжденія. Это житіе было весьма назидательнымъ чтеніемъ какъ для иноковъ, такъ и для всѣхъ православныхъ христіанъ.

Третье и самое важное сочиненіе Преподобнаго Нестора, навсегда прославившее его, есть Русская лѣтопись, доведенная имъ до 1110 года. Онъ въ ней изображаетъ, главнымъ образомъ, гражданскія событія нашего Отечества, а изъ церковныхъ дѣлъ говоритъ только о важнѣйшихъ и говоритъ, какъ бы мимоходомъ. Но въ составителѣ Лѣтописи виденъ благочестивый взглядъ древняго печерскаго инока. Въ гражданскихъ событіяхъ онъ видитъ слѣды Промысла Божія, управляющаго міромъ, предается благочестивымъ размышленіямъ и предлагаетъ читателямъ назидательные уроки христіанской жизни. Лѣтопись Нестора имѣетъ большое значеніе въ духовной жизни Русскаго народа. Она всегда была любимымъ чтеніемъ Русскаго народа и, дѣйствительно, можетъ считаться началомъ Русской лѣтописи. Всѣ позднѣйшіе Русскіе лѣтописцы начинали свои сказанія съ Лѣтописи Нестора и всѣ удержали тотъ же благочестивый христіанскій взглядъ на событія Русской исторіи, какой виденъ у Нестора.

Укажемъ еще на одно древнее русское сочиненіе, пользовавшееся также большимъ уваженіемъ у русскихъ читателей, сочиненіе глубоко назидательное, хотя не относящееся ни къ исторіи, ни къ поучительному роду. Это—*паломникъ* или Странникъ игумена Даніила, который описалъ свое путешествіе къ святымъ мѣстамъ Палестины. Онъ жилъ въ началѣ 12-го вѣка и былъ игуменомъ какого-то монастыря близъ Чернигова. Свое путешествіе, а равно и описаніе путешествія Даніилъ совершилъ, единственно, изъ желанія душевной пользы какъ себѣ, такъ и другимъ. Въ началѣ своего сочиненія онъ пишетъ: „Я, недостойный игуменъ Русской земли, Даніилъ, худшій изъ всѣхъ иноковъ, съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть святой градъ Іерусалимъ и землю Обѣтованную. И, благодатію Божіею, я видѣлъ своими очами святыя мѣста, обходилъ всю Обѣтованную землю, по которой походилъ но-

гами Своими Христосъ Богъ нашъ, и гдѣ совершилъ Онъ многія чудеса. Братіе и отцы мои! Простите мнѣ и не зазрите худоумію моему за то, что я, по грубости моей, написалъ о святомъ градѣ Іерусалимѣ, и о святой землѣ той, и о своемъ путешествіи... Изъ любви ко святымъ мѣстамъ я описалъ все, что видѣлъ моими грѣшными очами, дабы не забыть того, что показалъ Господь мнѣ недостойному... Написалъ это также и для вѣрныхъ людей, чтобы иной, услышавъ о святыхъ мѣстахъ, поревновалъ о нихъ душею и мыслію, и чрезъ то удостоился получить мзду, равную съ ходившими къ святымъ мѣстамъ. Ибо многіе добрые люди, и сидя дома, своими милостынями и добрыми дѣлами достигаютъ святыхъ мѣстъ и большую мзду пріимутъ отъ Бога. А многіе, доходя до святыхъ мѣстъ и увидѣвъ святой градъ Іерусалимъ, воспесшись умомъ, какъ будто нѣчто доброе совершили, погубляютъ мзду труда своего, каковъ — первый я. Многіе же, достигнувъ Іерусалима, спѣшатъ назадъ, не видѣвъ многаго,—тогда, какъ путь сей нельзя совершить скоро, и нужно не торопиться, чтобы видѣть всѣ святыя мѣста". Самъ игуменъ Даніилъ пробылъ въ Іерусалимѣ 16 мѣсяцевъ и имѣлъ мѣстопребываніе въ архангельскомъ монастырѣ, откуда выходилъ на посѣщеніе святыхъ мѣстъ, имѣя вожатымъ одного святаго и книжнаго старца. Всѣ сказанія благочестиваго игумена, краткія и безъискусственныя, показываютъ душу простую, вѣрующую, проникнутую смиреніемъ и любовію къ Богу и Его святымъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько отрывковъ. Вотъ какъ описываетъ Даніилъ приближеніе путниковъ къ Іерусалиму и входъ въ него: „Святой градъ Іерусалимъ находится въ долинѣ; вокругъ него находятся высокія каменныя горы, такъ что нужно приблизиться къ городу, чтобы его увидѣть. Прежде всего виденъ домъ Давидовъ, потомъ, чрезъ нѣсколько шаговъ впередъ, можно видѣть Елеонскую гору и церковь—Святая Святыхъ; наконецъ открывается и весь городъ. Есть тамъ близъ пути ровная гора, и на той горѣ путники слѣзаютъ съ своихъ коней и издали покланяются храму Святаго Воскресенія. Тогда великая бываетъ радость всякому христіанину, узрѣвшему святой градъ. Никто не можетъ не прослезиться, уви-

дѣвъ землю желанную и святыя мѣста, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе къ святому граду Іерусалиму съ радостію великою. Есть тутъ церковь святаго первомученика Стефана близъ пути на лѣвой сторонѣ, гдѣ побіенъ былъ камнями святой Стефанъ и гдѣ находится гробъ его. Тутъ же плоская каменная гора, разсѣвшаяся во время распятія Христова и называется—адъ. Потомъ всѣ люди съ великою радостію входятъ въ Іерусалимъ воротами, находящимися близъ дома Давидова: ворота тѣ называются Веніаминовыми. По вступленіи въ Іерусалимъ, открывается путь чрезъ весь городъ, направо въ Святая Святыхъ, а налѣво — къ Святому Воскресенію, гдѣ находится гробъ Господень". Описывая Іорданъ, нашъ путешественникъ замѣчаетъ: „Сподобилъ меня Богъ трижды быть на Іорданѣ. Былъ я тамъ и въ самый праздникъ водокрещенія со всею дружиною моею и видѣлъ благодать Божію, сходившую на воды Іорданскія. Тогда приходитъ къ рѣкѣ безчисленное множество народа со свѣчами, и всю ночь бываетъ пѣніе изрядное при горѣніи безчисленнаго множества свѣчъ. Въ полночь совершается освященіе воды: тогда Духъ Святый сходитъ на воды Іорданскія. Люди достойные ясно видятъ это схожденіе Святаго Духа, а всѣ не видятъ, но только всякъ тогда ощущаетъ въ сердцѣ радость и веселіе. Когда погрузятъ честный крестъ и запоютъ: *Во Іорданѣ крещающуся Ти, Господи,* тогда всѣ присутствующіе бросаются въ воды Іордана". Или послушаемъ, какъ повѣствуетъ Даніилъ о поставленіи имъ лампады на гробѣ Господнемъ отъ лица Русской земли: „Въ великую Пятницу, въ первомъ часу дня, пошелъ я, худый и недостойный, къ князю Балдуину (правитель Іерусалима, бывшаго тогда во власти крестоносцевъ) и поклонился ему до земли. Увидѣвъ меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ съ любовію и сказалъ: „чего хочешь, игумене Русскій". Онъ зналъ меня хорошо и очень любилъ, потому что онъ былъ человѣкъ добрый и смиренный, и ни мало не гордился. Я отвѣчалъ ему: княже мой и господине! молю тебя ради Бога и ради князей Русскихъ, — я хотѣлъ бы поставить лампаду на святомъ гробѣ Господнемъ отъ всей Русской земли и за всѣхъ князей нашихъ и за всѣхъ Христіанъ Русской земли".

Князь съ радостію повелѣлъ мнѣ поставить лампаду и послалъ со мною своего лучшаго слугу къ иконому храма Святаго Воскресенія и къ ключарю гроба Господня. Оба они велѣли мнѣ принести кандило мое съ масломъ. Поклонившись имъ, я пошелъ на торжище съ великою радостію, купилъ большую стеклянную лампаду, излилъ въ нее чистаго деревяннаго масла безъ воды, и уже вечеромъ принесъ ко гробу Господню, гдѣ засталъ одного только ключаря. Онъ отперъ мнѣ двери ко гробу Господню, велѣлъ мнѣ разуться и босаго ввелъ меня одного ко гробу Господню. Здѣсь велѣлъ мнѣ поставить лампаду мою моими грѣшными руками въ ногахъ; а въ головахъ стояла лампада греческая, а на персяхъ гроба стояла отъ всѣхъ монастырей, а на срединѣ поставилъ я грѣшный русскую лампаду... Поставивъ лампаду на святомъ гробѣ Господа Нашего Іисуса Христа, я поклонился честному гробу тому и, облобызавъ съ любовію и со слезами святое мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа Іисуса, вышелъ изъ гроба съ великою радостію". Въ концѣ своей книги Даніилъ пишетъ: „я ходилъ въ Іерусалимъ въ княженіе Русскаго великаго князя Святополка Ярославича. Богъ—свидѣтель и святой гробъ Господень, что во всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣстахъ я не забылъ князей Русскихъ и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, не забылъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ. Благодарю Благаго Бога за то, что Онъ сподобилъ меня, худаго, записать имена князей Русскихъ въ Лаврѣ святаго Саввы, гдѣ опѣ и нынѣ поминаются на ектеніи... Во всѣхъ святыхъ мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей, и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ. Да будетъ же всякому, кто прочтетъ сіе писаніе мое съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога, и отъ святаго гроба, и отъ всѣхъ святыхъ мѣстъ, и да пріиметъ таковый мзду отъ Бога наравнѣ съ ходившими до Святаго Града Іерусалима и видѣвшими святыя мѣста сіи: блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе; вѣрою вошелъ Авраамъ въ землю обѣтованную; по истинѣ вѣра равна добрымъ дѣламъ. Но, Бога ради, братіе и отцы и господіе мои, не зазрите моему худоумію и моей

грубости, и да не будетъ въ похуленіи писаніе сіе не ради меня, грубаго, но ради святыхъ мѣстъ. Читайте его съ любовію, да пріимете мзду отъ Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, и Богъ мира да будетъ со всѣми вами".

Немногія мѣста, приведенныя нами изъ путешествія игумена Даніила, показываютъ намъ высокую праведную душу путешественника. Въ тѣ времена путешествіе ко святымъ мѣстамъ Востока представляло величайшія трудности, и кто могъ, при помощи Божіей, преодолѣть эти трудности, тотъ не могъ не прійти къ мысли о великомъ подвигѣ, имъ совершонномъ, могъ, пожалуй, и возгордиться этимъ подвигомъ предъ современниками. Но не возгордился древній игуменъ Русской земли. Онъ постоянно помнитъ о своемъ скудоуміи, о своей грубости. Зато какая любовь къ Отечеству, какое благоговѣніе къ князьямъ, къ епископамъ, какая заботливость о своихъ чадахъ духовныхъ дышетъ въ каждой строкѣ его книги! Дай Богъ всякому нынѣшнему путешественнику ко святымъ мѣстамъ остаться при тѣхъ смиренныхъ христіанскихъ чувствахъ, какими одушевленъ былъ игуменъ Даніилъ! Пусть не гордится онъ своими путешествіями; пусть видитъ здѣсь только великую милость, данную ему отъ Бога. А тѣ, кому не удалось посѣтить святаго мѣста Палестины, пусть не скорбятъ объ этомъ. Пусть помнятъ они, что не въ Іерусалимѣ только есть мѣсто поклоненія Богу. Пусть удалятъ они отъ себя эти мысли, свойственныя древнимъ Іудеямъ. Пусть знаютъ они, что Христосъ всегда съ нами, лишь бы мы близки были къ нему своею вѣрою и любовію. Пусть они знаютъ, что жертва за спасеніе людей, принесенная однажды за всѣхъ на Голгоѣ, приносится ежедневно за каждаго вѣрующаго на престолѣ каждой Христіанской Православной Церкви. Кому не судилъ Богъ молиться при гробѣ Господнемъ въ Іерусалимѣ, пусть молится усердно въ своемъ родномъ, городскомъ или сельскомъ храмѣ, и Господь не оставитъ его своею милостію. Господь проведетъ его въ горній Іерусалимъ небесный, гдѣ пребываетъ, въ вѣчной славѣ, Богъ со святыми Ангелами, гдѣ немолчно воспѣвается Ему хвала и славословіе вовѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда осьмая.

О духовныхъ писателяхъ въ Россіи.

(Продолженіе).

Продолжимъ сегодня нашу бесѣду о духовныхъ писателяхъ древней Русской Церкви. Прошлый разъ мы говорили о писателяхъ, родившихся и получившихъ воспитаніе въ Русской землѣ. Но такъ какъ въ древней Россіи было много церковныхъ дѣятелей, прибывшихъ къ намъ изъ Греціи, людей высокообразованныхъ, то и изъ этихъ лицъ многіе оставили намъ памятники своего духовнаго просвѣщенія. Главная цѣль, которую эти писатели имѣли въ виду, была та же, какую преслѣдовали писатели изъ русскихъ, именно—наставленіе въ истинахъ вѣры и въ правилахъ благочестія. Но у писателей-грековъ была та особенность, что они писали, преимущественно, съ цѣлію оградить Русское общество отъ вліянія иновѣрцевъ, и именно—католиковъ. Необходимость писать съ этою цѣлію вызывалась, отчасти, тѣмъ, что, въ первое время существованія Русской Церкви, Латины, т. е. католики, приверженцы Римскаго папы, не разъ пытались увлечь въ католичество Русскій народъ, еще не утвердив-

шійся въ православіи. Но, главнымъ образомъ, писатели стремились къ этой цѣли потому, что они пришли изъ Греціи, гдѣ, въ это время, велась ожесточенная литературная борьба съ Римомъ. Это было время попытокъ Греческихъ царей войти въ союзъ съ Папою, и пастыри Греческой Церкви, охраняя чистоту народной вѣры, строго обличали отступленія Рима, такъ какъ боялись, чтобы политическій союзъ съ Западными правителями не привелъ Грековъ къ католичеству. Пастыри Греческой Церкви этой цѣли достигли: Греки не увлеклись католичествомъ. И вотъ, когда на этихъ пастырей падалъ жребій итти въ Россію, они и здѣсь продолжали писать въ защиту православія отъ католическихъ мнѣній. Укажемъ теперь, какіе это были писатели, и о чемъ они писали, укажемъ съ возможною краткостію. Всѣ эти писатели были изъ высшаго духовнаго чина, именно—митрополиты.

Кіевскій митрополитъ Георгій оставилъ послѣ себя сочиніе подъ заглавіемъ: „Стязанье съ Латиною“. Оно написано, вѣроятно потому, что Римскій папа Григорій 7-й посылалъ къ Русскому князю Изяславу посланіе, съ цѣлію обратить его въ латинство. Митрополитъ, желая оградить князя отъ увлеченія католичествомъ, въ своемъ сочиненіи перечисляетъ многочисленныя отступленія Римской Церкви какъ отъ истины православія, такъ и отъ добрыхъ благочестивыхъ обычаевъ Восточной Церкви. Онъ обличаетъ Латинянъ за то, что они совершаютъ Литургію на прѣсномъ хлѣбѣ, совершаютъ на одномъ престолѣ нѣсколько обѣденъ въ одинъ день, учатъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и отъ Сына, запрещаютъ священникамъ вступать въ бракъ, позволяютъ священникамъ и епископамъ участвовать въ сраженіяхъ, постятся въ субботу и проч. Митрополитъ Іоаннъ 2-й написалъ посланіе къ Клименту, папѣ Римскому и хотя онъ, въ этомъ посланіи, перечисляетъ многія отступленія Латинянъ, но къ самому Папѣ относится съ большимъ уваженіемъ, называетъ его законнымъ пастыремъ и выражаетъ искреннюю готовность быть съ нимъ въ единеніи. Не думайте, впрочемъ, что митрополитъ Іоаннъ искалъ уніи, или единенія съ Ри-

момъ. Нѣтъ! онъ только искалъ мира съ этимъ Папою, именно—Климентомъ 3-мъ, который былъ въ Римѣ отвергнутъ и искренно желалъ сближенія съ Православною Церковію. Не излагая содержанія посланія приведемъ изъ него только послѣднія заключительныя выраженія: „Ты прости мнѣ, ради Господа, написавшему сіе отъ великой любви. И, если истинно, какъ мы слышали, совершенное вами (т. е. что Климентъ 3-й желаетъ соединенія съ Православною Церковію), то испытайте писанія, и вы увидите, что всѣ такія вещи требуютъ исправленія. Еще молю любовь твою о Господѣ, прежде всего, если пожелаешь, написать къ святѣйшему нашему патріарху Константинополя и къ находящимся тамъ святымъ митрополитамъ, которые имѣютъ слово жизни, сіяя въ мірѣ, какъ свѣтила, и могутъ благодатію Божіею все таковое изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою и исправить; а потомъ, если будетъ тебѣ благоугодно, написать и худшему изъ всѣхъ—мнѣ. Привѣтствую любовь твою о Господѣ я, Іоаннъ, недостойный митрополитъ Русскій. Привѣтствуютъ тебя также вмѣстѣ съ нами и всѣ наши святые и боголюбезнѣйшіе епископы, и игумены, а съ ними—и весь священный клиръ и народъ». Если бы сношенія православныхъ іерарховъ, написанныя Римскому папѣ съ такою христіанскою любовію, могли коснуться сердца Папы, то, можетъ быть, давно бы состоялось нарушенное единеніе Церквей. Но немного было Папъ, столь способныхъ выслушать слово увѣщанія во имя истины Христовой, какъ этотъ папа Климентъ 3-й. И Церковь Западная доселѣ остается чуждою Церкви Восточной.

Есть еще нѣсколько посланій Русскихъ митрополитовъ къ князьямъ Русскимъ, въ огражденіе ихъ отъ единенія съ Римомъ, но мы не перечисляемъ ихъ, такъ какъ они сходны съ приведенными тотчасъ.

Къ лучшимъ произведеніямъ древней письменности можно относить посланіе митрополита Никифора къ князю Владиміру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ. Въ посланіи виденъ и мудрый Первосвятитель Церкви Русской и добрый князь—христіанинъ. Посланіе писано къ князю предъ наступленіемъ Великаго поста. Вотъ что, между прочимъ, пи-

шетъ митрополитъ: „по многой благодати своей и человѣколюбію Господь сподобилъ насъ достигнуть настоящихъ пречистыхъ дней св. поста, которые узаконилъ, какъ строитель нашего спасенія, для очищенія нашихъ душъ, когда постился и Самъ, въ показаніе своего вочеловѣченія, сорокъ дней, не потому, чтобы имѣлъ требу въ постѣ, но чтобы явить намъ образъ поста. Если бы первый Адамъ, праотецъ нашъ, постился отъ древа разумнаго и сохранилъ заповѣдь Владыки: тогда второй Адамъ, Христосъ Богъ Нашъ, не требовалъ бы поста... Двойственно наше бытіе: разумное и неразумное, духовное и тѣлесное. Разумное и духовное есть нѣчто божественное и чудное, и подобно безплотному естеству, а не разумное страстно и сластолюбиво. Оттого въ насъ постоянная брань: плоть противится духу и духъ плоти. И попостинѣ нуженъ намъ постъ: онъ укрощаетъ тѣлесныя страсти, обуздываетъ противныя стремленія и покоряетъ плоть духу... Отъ этого же перваго блага происходятъ въ насъ всѣ прочія. Видишь ли, княже мой, благовѣрный и кроткій, какъ постъ есть основаніе добродѣтели. Потому-то онъ, какъ солнце, сіяетъ во всемъ мірѣ: всѣ народы соблюдаютъ постъ ради преступленія праотца,—одни въ одно время, другіе въ другое, одни—болѣе, другіе—менѣе“.

Тому же митрополиту Никифору принадлежитъ поученіе въ Недѣлю, сыропустную т. е. въ послѣднее воскресенье предъ Великимъ постомъ. Митрополитъ-грекъ, незная русскаго языка, не произносилъ самъ поученія. Онъ только писалъ его по гречески и, давъ перевести его, поручалъ другому лицу произнести поученіе въ церкви. Вотъ какъ говоритъ онъ въ самомъ началѣ: „много поученій, возлюбленные мои чада о Христѣ, мнѣ надлежало бы предлагать вамъ языкомъ моимъ, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю, т. е. души ваши. Но не данъ мнѣ даръ языковъ, о которомъ говоритъ божественный Павелъ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней святаго великаго поста, то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе“. О постѣ и покаяніи святитель пишетъ слѣдующее: „Прiи-

мемъ наступающіе дни съ радостію и вмѣстѣ съ пророкомъ возопіемъ: *пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу, Спасителю нашему, предваримъ лице Его во исповѣданіи* (Псал. 94, 1, 2)... Никто да не будетъ лишенъ добраго пѣнія, никто да не будетъ дряхлъ, но всѣ будемъ тихи и свѣтлы: О грѣхахъ только будь печаленъ. Пусть никто не думаетъ безъ сокрушенія очистить свои грѣхи и безъ поста омыть свои скверны. Очистилъ тебя Христосъ крещеніемъ и омылъ твои скверны: а ты опять осквернился грѣхами. Прослезись же, восплачи горько, воздохни; потерпи на землѣ всякое страданіе, бдѣніе, неядѣніе; покажи крѣпкую молитву и милостыню къ нищимъ; отпусти должникамъ долги; а если это невозможно, то отпусти, по крайней мѣрѣ, большой долгъ, который, подобно змію, спѣдаетъ убогихъ. Если же ты постишься и между тѣмъ съ брата берешь ростъ (т. е. проценты): нѣтъ тебѣ никакой пользы. Ты не вкушаешь мяса овцы или другаго животнаго, но поѣдаешь плоть брата твоего, закалая его злымъ ножемъ лихоимапія, неправедной мзды, тяжкаго роста. Смирись предъ Лицемъ Господа, смирившагося, ради тебя, даже до зрака раба. Прости обиды всѣмъ, оскорбившимъ тебя, да простятся и тебѣ грѣхи твои, и да будетъ чиста твоя молитва". Въ заключеніе слова святитель восклицаетъ: „Се нынѣ, возлюбленные, время благопріятное! Се нынѣ день спасенія! Пришла весна душъ нашихъ! Нынѣ бѣсы страшатся; нынѣ князь міра сего, видя насъ, гнѣвается и скрежещетъ зубами; нынѣ Ангельскія силы радуются, нынѣ Апостолы и всѣ лики праведниковъ веселятся; скажу болѣе — и Самъ Богъ радуется о нашемъ покаяніи, не хотя нашей смерти, но ожидая обращенія. Посему умоляю васъ, станемъ единодушно всѣ на брань противъ врага, силою Святаго Духа, *и облечемся во вся оружія Божія*, какъ наставляетъ Божественный Павелъ (Ефес. 6, 10—17). Если облечемся въ эти оружія и ополчимся противъ врага, то посѣчемъ его мечемъ духовнымъ и, одержавъ побѣду, получимъ чистый покой, достигнемъ свѣтлаго дня истинной Пасхи, неосужденно причастимся честнаго Тѣла и Крови Господней въ настоящей жизни, а въ будущей насла-

димся вѣчныхъ благъ и созерцанія Святой и Богоначальной Троицы, въ трехъ Лицахъ воспѣваемой и во Единомъ Божествѣ покланяемой, которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ".

Въ ряду святителей-проповѣдниковъ особенно славился, въ древней Россіи, Кириллъ, епископъ города Турова, на рѣкѣ Припети. За краснорѣчіе его назвали русскимъ Златоустомъ. Отъ него дошло до насъ нѣсколько „словъ" на воскресные дни отъ недѣли Ваій до праздника Вознесенія Господня. Съ великимъ святителемъ, Іоанномъ Златоустомъ, его можно сравнивать только по искусству выражать свои мысли, по блестящему краснорѣчію, но онъ стоитъ далеко ниже Вселенскаго Учителя по глубинѣ мысли и по назидательности слова. Всѣ проповѣди Кирилла Туровскаго состоятъ изъ блестящихъ фразъ, изъ искусственнаго подбора выраженій, но они мало изъясняютъ Священное Писаніе, мало даютъ наставленій христіанской жизни. Слушатели Кирилла могли наслаждаться звуками его рѣчи, но не выносили отсюда ни глубокихъ христіанскихъ мыслей, ни полезныхъ уроковъ для благочестія. Чтобы показать вамъ, какъ Кириллъ, вмѣсто назиданія слушателей, прибѣгаетъ къ искусственнымъ сравненіямъ, мало говорящимъ сердцу, укажемъ напр. на его слово въ недѣлю Ваій. Вмѣсто того, чтобы просто разсказать исторію входа Господня во Іерусалимъ, проповѣдникъ старается всему придать особенный, таинственный смыслъ. Апостолы возложили на жребя ризы свои, — ризы, это добродѣтели Апостоловъ; другіе рѣзали вѣтви отъ древъ и бросали по дорогѣ; это рѣзаніе вѣтвей—сокрушеніе сердца; постиланіе одеждъ—постъ и молитва; люди, предшествующіе Христу — это Пророки и Апостолы, проповѣдавшіе о Христѣ, послѣдующіе — это святители и мученики; старцы, шествовавшіе быстро на поклоненіе Христу, это—язычники, увѣровавшіе въ Сына Божія, отроки, текущіе скоро, это — иноки, непрестанно славящіе Христа, младенцы — это всѣ христіане, которые ничего не испытываютъ о Христѣ, но, Имъ живя и за Него умирая, воздаютъ Ему обѣты и молитвы. Такая искусственность и вычурность рѣчи, хотя тѣшитъ слухъ и воображеніе слуша-

теля, но не оставляетъ глубокаго впечатлѣнія на душу, не возбуждаетъ чувства, не укрѣпляетъ въ правилахъ нравственности.

Глубокопоучительны для насъ творенія Симона, епископа Владимірскаго и Поликарпа, игумена Печерскаго. Это—сказанія объ угодникахъ Божіихъ, подвизавшихся въ Кіевопечерской Лаврѣ. Отъ Симона дошло до насъ посланіе къ черноризцу Печерскому Поликарпу. Поликарпъ, молодой постриженникъ Печерской обители, нѣсколько лѣтъ пользовался наставленіями Симона, а потомъ, возвратившись въ обитель, сталъ увлекаться суетными помыслами, искалъ возвышенія на епископскую каѳедру, не разъ оставлялъ монастырь, думая быть игуменомъ въ другомъ монастырѣ. Увлекаясь суетою, Поликарпъ неохотно покорялся настоятелю, былъ недоволенъ распоряженіями экономa, часто огорчался на братію. Объ этихъ своихъ непріятностяхъ Поликарпъ писалъ къ Симону, и тотъ, чтобы успокоить Поликарпа, написалъ ему увѣщательное посланіе, гдѣ располагаетъ Поликарпа къ смиренію и покорности; потомъ, чтобы убѣдить его остаться въ Кіевопечерской лаврѣ, прославляетъ лавру и излагаетъ жизнь нѣкоторыхъ ея подвижниковъ. Эти-то свѣдѣнія о лаврскихъ инокахъ и составляютъ важную, самую интересную и назидательную часть посланія. Приведемъ сначала нѣсколько отрывковъ изъ увѣщательной части. „Братъ, пишетъ св. Симонъ, сядь въ безмолвіи, соберись съ своими мыслями, и скажи самъ себѣ: убогій иноkъ! Не оставилъ ли ты міра и плотскихъ родителей ради Господа? Если ты, пришедши себѣ для спасенія, творишь не духовное, то для чего облекся въ иночество? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не по-иночески. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря: „блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его; онъ уже не печется ни о чемъ земномъ, желая небеснаго“. А живешь не по-монашески. Что будетъ, если тѣ, которые ублажаютъ насъ, впередъ насъ войдутъ въ Царствіе Небесное и достигнутъ покоя, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда ты самъ себя погубилъ? Воспряни, братъ, и позаботься

мысленно о душѣ своей; работай Господеви со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ. Не будь — нынѣ кротокъ, а завтра—яръ и золъ; не надолго молчалливъ, а потомъ опять склоненъ къ роптанію на игумена и его служителей. Не будь лживъ и не отлучайся отъ собранія церковнаго подъ предлогомъ болѣзни. Ибо, какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и Церковь влечетъ душу на доброе дѣло. Чтобы ты ни дѣлалъ въ кельи, не имѣетъ такой цѣны, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли Псалтирь, или поешь 12 псалмовъ, — это не сравняется съ однимъ церковнымъ пѣніемъ: Господи помилуй! Вспомни, братъ, что и верховный Апостолъ Петръ, когда былъ посаженъ Иродомъ въ темницу, былъ спасенъ молитвами церковными. И Давидъ взываетъ молитвенно: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ Святый Его* (Псал. 26, 4). Да и Самъ Господь сказалъ: *храмъ мой храмъ молитвы наречется* (Матѳ. 21, 31); *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есть посредѣ ихъ* (18, 29). А когда соберется болѣе ста братій, тѣмъ болѣе вѣруй, что посреди ихъ Господь Богъ нашъ". Далѣе, намекая на попытки Поликарпа выйти изъ монастыря, также — искать епископскаго сана, Симонъ пишетъ: „Хорошо ты поступилъ, что оставилъ свое намѣреніе—перейти въ другой монастырь. Развѣ ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отказавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибъ бы: овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ волковъ. Тебѣ бы прежде надлежало размыслить, для чего ты хотѣлъ выйти изъ святой, блаженной и честной обители Печерской, гдѣ такъ удобно спастись всякому желающему. Я думаю, братъ, что Самъ Богъ попустилъ сему быть въ наказаніе твоей гордости,—за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, архимандриту Акиндину, игумену Печерскому. Печерскій монастырь какъ море, не содержитъ въ себѣ гнилаго, но извергаетъ вонъ". По поводу исканія епископскаго сана Симонъ пишетъ Поликарпу: „Ты епископства пожелалъ? Добраго дѣла

желаешь. Но прочитай, что говоритъ Апостолъ Павелъ Тимоѳею, и подумай, находишь ли ты въ себѣ тѣ качества, какія долженъ имѣть епископъ. Если бы ты былъ достоинъ такого сана, я не пустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы намѣстникомъ въ обѣ епископіи: во Владиміръ и въ Суздаль, какъ хотѣлъ князь Георгій, но я не согласился... Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы быть славимымъ отъ всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить свое житіе и явить себя чистымъ". Далѣе Симонъ указываетъ святителей Русской Церкви, избранныхъ изъ иноковъ Печерской обители и, кромѣ того, приводитъ сказаніе о девяти подвижникахъ, прославившихъ эту обитель. Такъ, онъ говоритъ объ Онисифорѣ Прозорливцѣ, о черноризцѣ Эразмѣ, о Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ и проч. Третья часть посланія Симона обращена уже не къ одному Поликарпу, а ко всѣмъ вѣрующимъ. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается о построеніи великой, главной Кіевопечерской церкви, во имя Успенія, о варягѣ Шимонѣ, жертвовавшемъ на постройку, о мастерахъ и живописцахъ, пришедшихъ для построенія Церкви, по указанію свыше, изъ Царьграда и т. п. Все это говоритъ Симонъ съ тою цѣлію, чтобы показать величіе Кіевопечерской обители и расположить каждаго къ пребыванію въ ней. Въ заключеніе св. Симонъ говоритъ: „Еще многое я написалъ бы тебѣ, братъ Поликарпъ, но лѣта мои препятствуютъ мнѣ продолжать повѣсть. Будь здоровъ и спасай душу свою. Господь да сохранитъ тебя во вся дни живота твоего, молитвами Св. Богородицы и свв. Антонія и Ѳеодосія".

Писаніе св. Симона подѣйствовало на Поликарпа. Онъ остался жить въ Печерской обители, и какъ бы въ выраженіе своей любви къ обители, самъ взялъ на себя трудъ составить сказанія о тѣхъ Печерскихъ угодникахъ, о которыхъ онъ или самъ зналъ, или слышалъ отъ Симона и другихъ. Въ сочиненіи Поликарпа предложены сказанія о двѣнадцати подвижникахъ Печерскихъ. Всѣ сказанія чрезвычайно драгоцѣнны для насъ какъ потому, что они писаны по разсказамъ современниковъ и очевидцевъ, такъ и потому, что дышутъ высокими чувствами христіанскаго смиренія и благого-

вѣнія къ св. Угодникамъ. Въ послѣдующія времена сказанія Симона и Поликарпа были собраны въ одну книгу и послужили основою для такъ называемаго Патерика Печерскаго. О св. Угодникахъ, прославляемыхъ Симономъ и Поликарпомъ, мы будемъ говорить въ послѣдующихъ бесѣдахъ нѣсколько подробнѣе, а теперь укажемъ на другой рядъ сочиненій тогдашняго времени, по своему содержанію близкихъ къ Паломнику игумена Даніила, — разумѣемъ — описаніе путешествій.

Въ 13-мъ вѣкѣ путешествовали ко св. мѣстамъ Востока Новгородскій архіепископъ Антоній и Кіевопечерскій архимандритъ Досиѳей. Антоній, въ мірѣ Добрыня Адрѣйковичъ, путешествовалъ въ Царьградъ пока еще былъ міряниномъ. Описывая все, что онъ видѣлъ замѣчательнаго въ Царьградѣ, Антоній говоритъ, между прочимъ, что онъ видѣлъ въ Софійскомъ соборѣ большое служебное блюдо великой Русской княгини Ольги, обложенное снаружи жемчугомъ, а внутри имѣвшее драгоцѣнный камень съ изображеніемъ на немъ Христа Спасителя; видѣлъ также, на правой сторонѣ, у алтаря, большую икону св. страстотерпцевъ, Русскихъ князей Бориса и Глѣба, служившую цареградскимъ иконописцамъ образцомъ для списыванія; упоминаетъ онъ и о знаменитыхъ греческихъ иконописцахъ. Сочиненіе Антонія, въ настоящее время, уже существуетъ въ печати. Архимандритъ Досиѳей первый изъ Русскихъ сообщилъ свѣдѣнія о подвижникахъ св. Горы Аѳонской, которую онъ посѣщалъ въ началѣ 13-го вѣка. Изъ сочиненія его дошелъ до насъ только небольшой отрывокъ, въ которомъ говорится слѣдующее: „Афонская братія, живущіе отдѣльно по своимъ келліямъ, держатъ во всю жизнь такое правило: каждый день прочитываютъ половину Псалтыри и по 600 молитвъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя.* Если кто хочетъ прибавить, то въ его волѣ. Сверхъ того полагаютъ отъ трехъ до пяти сотъ поклоновъ. Но и всякій часъ, сидя, ходя, лежа и дѣлая рукодѣліе, безпрестанно говорятъ съ воздыханіемъ сердечнымъ: *Господи Іисусе Христе*! Не умѣющіе грамотѣ совершаютъ семь тысячъ молитвъ Іисусовыхъ,

кромѣ поклоновъ и церковнаго правила. А немощнымъ— легчайшее правило. Болѣе престарѣлымъ предписывается совершать молитву Іисусову и внимать умомъ въ божественные предметы, а поклоны совершать по силѣ. Для Бога святогорцы весьма любятъ и держатъ молчаніе и бѣгаютъ молвы, мятежа и бесѣдъ мірскихъ. Святые Отцы на Руси имѣютъ обычай, въ великій постъ и въ другіе посты прочитывать всю Псалтирь, а кромѣ поста не читаютъ ни псалма. Но святогорцы живутъ не такъ: они одно правило держатъ во всю жизнь. Всякому брату надобно въ келліи имѣть иконостасъ, или крестъ, и предъ нимъ совершать установленное правило. Не умѣющій читать долженъ служить рукодѣліемъ, повиновеніемъ въ службѣ, съ отсѣченіемъ своей воли". Вотъ древнѣйшее сказаніе Русскаго путешественника о томъ Аѳонѣ, который впослѣдствіи, и до настоящаго времени, сдѣлался мѣстомъ подвиговъ многихъ Русскихъ ревнителей благочестія!

Къ историческимъ сочиненіямъ этого времени принадлежатъ лѣтописныя сказанія и Житія Святыхъ. Лѣтописныя сказанія представляютъ собою продолженіе лѣтописи Нестора чрезъ прибавленіе свѣдѣній объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Какія именно лица были продолжателями Нестора, — неизвѣстно. Но всѣ ихъ труды отличаются тѣмъ же глубоко религіознымъ характеромъ, тою же любовію къ Отечеству, какая видна у Нестора.

Изъ Житій Святыхъ, явившихся въ это время, упоминаемъ о двухъ: о житіи Антонія Римлянина, которое написано, по порученію Новгородскаго архіепископа Нифонта, ученикомъ Антонія—Андреемъ, и о житіи Авраамія Смоленскаго, написанномъ ученикомъ его Ефремомъ.

Андрей повѣствуетъ о рожденіи Антонія въ Италіи, отъ благочестивыхъ родителей, о его постриженіи въ монашество въ одной изъ тамошнихъ пустынь, гдѣ скрывались православные иноки отъ притѣсненія Латинянъ, о его чудесномъ прибытіи морскимъ путемъ въ Новгородъ, въ 1106 г., объ основаніи имъ обители, о его сосудахъ и сокровищахъ, чудесно вынутыхъ изъ воды, о поставленіи его въ игумена,

о его завѣщаніи предъ кончиною и о кончинѣ. Андрей высказываетъ и о себѣ, что онъ былъ ученикомъ св. Антонія и написалъ житіе по его завѣщанію и по волѣ архіепископа Нифонта. Написанное Андреемъ житіе Антонія въ концѣ 16-го вѣка было составлено вновь, съ прибавленіемъ чудесъ отъ мощей его.

Житіе Авраамія Смоленскаго начинается молитвою къ Богу, въ которой составитель житія молитъ Бога даровать ему разумъ и помочь ему „худому и величайшему изъ всѣхъ грѣшниковъ начать свѣтлый подвигъ и написать житіе бывшаго игумена монастыря, преп. Авраамія. Описавъ самое житіе преподобнаго, писатель въ заключеніе говоритъ: „При жизни преп. Авраамія я былъ послѣднимъ изъ его учениковъ: потому что ни мало не слѣдовалъ его житію, терпѣнію, смиренію, любви, молитвѣ и всѣмъ его благимъ правамъ и обычаямъ... Онъ въ умиленіи плакалъ, а я веселился; онъ съ ревностію спѣшилъ на молитву, на чтеніе божественныхъ книгъ и славословіе въ церкви Божіей, а я предавался дреманію и глубокому сну...; онъ не празднословилъ и не осуждалъ, а я осуждалъ и празднословилъ; онъ любилъ памятовать страшный день суда, а я помышлялъ о трапезахъ и пирахъ; онъ старался подражать житію св. Отецъ и уподоблялся имъ, а я подражалъ пустымъ и суетнымъ обычаямъ злыхъ; онъ смирялъ себя и унижалъ, а я увлекался веселіемъ и гордостію; онъ любилъ нищихъ и раздавалъ все требующимъ и спротамъ, а я только собиралъ и никому не подавалъ, будучи побѣжденъ великою скупостію и немилосердіемъ“. Житіе оканчивается молитвеннымъ прославленіемъ преподобнаго Авраамія, въ родѣ того, какъ пишется въ Акаѳистахъ.

Въ заключеніе теперешней нашей бесѣды скажемъ о произведеніяхъ духовной литературы въ періодъ монгольскій. Выше мы замѣчали, что время Монгольскаго ига было временемъ тяжкаго рабства русскихъ людей, внутреннихъ неустройствъ и безпорядковъ. При этомъ, конечно, не могла процвѣтать письменность. И вотъ, во весь, почти двухсотлѣтній періодъ, Монгольскаго ига, мы находимъ очень не-

многихъ писателей, отъ которыхъ дошли до насъ сочиненія. Изъ проповѣдниковъ этого времени извѣстны митрополитъ Кириллъ 2-й, Серапіонъ еп. Владимірскій и Григорій Самвлахъ, митрополитъ Южной Руси.

Митрополиту Кириллу 2-му принадлежитъ „Слово“ или поученіе, сказанное имъ, на Владимірскомъ соборѣ, къ собравшимся здѣсь пастырямъ Россійской Церкви. Въ послѣдней части „Слова“, именно въ „Поученіи къ попамъ„ первосвятитель даетъ слѣдующіе глубоко-назидательные уроки священникамъ: „Внимай соборъ іереевъ преподобный: къ вамъ мое слово. Вы нареклись земными ангелами, небесными человѣками. Вы съ ангелами предстоите у престола Господня, вы съ серафимами поете Господа. Вы сводите съ небеси Духа Святаго и претворяете хлѣбъ въ плоть и вино—въ кровь Божію. Вы просвѣщаете людей св. крещеніемъ; вы связываете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь тайну спасенія человѣческаго рода. Васъ поставилъ стражами и пастырями словесныхъ овецъ Своихъ, за которыхъ пролилъ кровь Свою. Вамъ передалъ Онъ талантъ Свой, за который имѣетъ истязать васъ во второе свое пришествіе. Души человѣческой и одной не стоитъ весь міръ: какъ же не погрузится въ огнѣ неугасимомъ соблазнившій многія души? Простецъ согрѣшитъ: онъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за одну свою душу; а іерей, согрѣшивъ, соблазнитъ многихъ и за ихъ души получитъ осужденіе. Блюдитесь же отселѣ всякаго грѣха: не работайте плоти, отстаньте отъ пьянства и объяденія, прекратите тяжбы, свары, вражды... Блюдите и порученныхъ вамъ людей, какъ научить ихъ и представить непорочными на судѣ предъ Богомъ, чтобы каждый изъ васъ могъ сказать: *се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ*... Ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ бѣгайте; говорящимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста... Разумѣйте, какъ учить дѣтей духовныхъ: не слабо, чтобы лѣнивы не были; не жестоко, чтобы не отчаялись... Разумѣйте, кого отлучить отъ тѣла и крови Господней, или кого—отъ Церкви, и на сколько времени... Святую и страшную службу совершайте

со страхомъ: никогда не входи въ олтарь, имѣя вражду съ кѣмъ-либо; не озпрайся назадъ, но весь умъ имѣй горѣ... Блюдите и родныхъ своихъ дѣтей. Илій первосвященникъ былъ безъ грѣха предъ Богомъ, но за сыновніе грѣхи посланъ былъ въ муку: потому что не училъ сыновъ своихъ добру и не наказывалъ ихъ. И слугъ своихъ наставляйте въ ученіи Господнемъ и доставляйте имъ пищу и одежду въ довольствѣ... Если все это сохраните, то молитва ваша будетъ услышана отъ Бога; въ землѣ нашей налоги отъ поганыхъ уменьшатся и Господь подастъ намъ обиліе всего, если мы въ волѣ Его будемъ, соблюдая Его заповѣди. Молитесь и за меня грѣшнаго, да подастъ мнѣ Господь крѣпость для управленія паствою и отпущенія грѣховъ по молитвамъ вашимъ. Я мало сказалъ вамъ, но вы знаете, что угодно Богу".

Серапіонъ, епископъ Владимірскій, былъ, по словамъ лѣтописей „зѣло учителенъ и силенъ въ Божественномъ писаніи". Но изъ множества его поученій дошло до насъ только пять. Въ нихъ святитель вооружается противъ пороковъ своего времени, указываетъ на отечественныя бѣдствія, какъ на наказаніе отъ Бога, осуждаетъ суевѣрные обычаи тогдашняго народа, именно—предавать волхвовъ и вырывать изъ могилъ удавленниковъ и утопленниковъ. Мы не будемъ приводить мѣстъ изъ поученій Серапіона, такъ какъ наставленія его не имѣютъ никакой особенности, а суевѣрные обычаи, имъ обличаемые, теперь уже вышли изъ употребленія.

Гораздо выше Серапіона стоитъ Григорій Самвлахъ, первый митрополитъ Западной Руси. Григорій Самвлахъ зналъ св. Отцовъ, подражалъ знаменитѣйшимъ изъ нихъ—св. Іоанну Златоусту, Ефрему Сирину, Василію Великому, Іоанну Дамаскину. Впрочемъ, Григорій Самвлахъ мало даетъ, въ своихъ проповѣдяхъ, нравственныхъ наставленій. Онъ, главнымъ образомъ, или раскрываетъ догматы вѣры, или изъясняетъ событія священной и церковной исторіи. Для образчика приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ бесѣды Григорія на Великій Четвергъ. „Печаль объемлетъ мою душу, говоритъ проповѣдникъ, и недоумѣніе останавливаетъ мой помыслъ,

когда я вспоминаю объ окаянномъ Іудѣ. Съ такой высоты и въ такую пропасть онъ повергъ себя! Отъ такой славы апостольскаго чина къ какому, страстный, пришелъ безчестію! Отпалъ отъ такой сладости Учителя и обложилъ себя такою горечью, сребролюбія! Оно-то и довело его до горькой смерти отъ удавленія. И сбылось на немъ пророческое слово: *удаляющіися отъ Тебе погибнутъ.* Владыка и словомъ и дѣломъ отвлекалъ его отъ паденія. Дѣломъ,— когда омылъ ему ноги и сподобилъ вечери. Словомъ,—когда говорилъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя,*—выражаясь вообще, а не желая обличить его предъ всѣми, обличая только его совѣсть и возбуждая ее къ покаянію. Кого не умилили бы эти слова: *Сынъ человѣческій идетъ по реченному: обаче горе человѣку тому, имже предается...* Но Іуда не внялъ... Такова-то жестокая душа: ей трудно прійти къ исправленію; она постоянно взираетъ на погибель, къ которой стремится. Посмотри, какой примѣръ къ исправленію видѣлъ Іуда въ блудной женѣ. Но онъ не обратилъ вниманія на ея покаяніе, а погибалъ въ то же самое время, когда она спасалась... Когда блудница возненавидѣла грѣхи и пришла къ покаянію, когда совлеклась скверной одежды блуженія, когда притекла къ Учителю, являя много любви въ многоцѣнности принесеннаго дара, когда слезами омочила пречистыя ноги Его, и власами своими отерла ихъ, когда получила совершенное отпущеніе многихъ грѣховъ, раздрала рукописаніе ихъ и посрамила діавола... Тогда Іуда шелъ соглашаться въ цѣнѣ, помрачивъ духовное око свое сребролюбіемъ... Какое внезапное измѣненіе той и другаго! Одна, бывши рабою врага спасенія, получила свободу, припавъ къ Избавителю; другой отошелъ отъ Учителя и сталъ рабомъ сребра. Та, блудная и посрамленная, пріобщалась къ чину мѵроносицъ,—этотъ имя ученика измѣнялъ на мерзость предательства".

„*Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте*, говоритъ Евангелистъ. Значитъ Іуда не былъ изъ числа другихъ учениковъ т. е. семидесяти, но изъ двѣнадцати, всегда пребывавшихъ со Христомъ, слушавшихъ Его сладостное, небесное

ученіе, и въ церкви, и среди народа, и наединѣ,—изъ двѣнадцати, которымъ даровалъ Господь силу творить чудеса, власть изгонять бѣсовъ и повелѣніе крестить,—изъ тѣхъ двѣнадцати, которымъ Онъ обѣтовалъ, что они возсядутъ на двѣнадцати престолахъ и будутъ судить *обълманадесяте колѣнома Израилевома.* Евангелистъ прибавилъ къ имени Іуды и отчество, сказавъ: *Іуда Искаріотскій*, потому что былъ и другой Іуда, называемый Іаковлевымъ".

„*Они же поставиша ему тридесять сребренникъ.* И зачѣмъ ты, Іуда, продаешь Учителя? Зачѣмъ цѣнишь безцѣннаго? Зачѣмъ спѣшишь отнять отъ Сіона камень краеугольный? И что тебя подвигло на предательство? Или Онъ оставилъ тебя, нарицая другихъ Апостолами? Или, бесѣдуя съ ними, отгонялъ тебя? Или имъ вручилъ ковчежецъ, утаивъ отъ тебя? Или, вкушая съ ними, презрѣлъ тебя? Или, омывъ ноги имъ, тобою возгнушался? О слѣпота! Ты говоришь! *что ли хощете дати?* Да что больше хочешь ты получить взамѣнъ оставляемаго тобою? Оставляешь свѣтъ и становишься тьмою; оставляешь то, *чего око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его*, и принимаешь вѣчное поношеніе; оставляешь новую чашу, которую Владыка обѣщалъ дать друзьямъ своимъ въ Царствіи Своемъ, и испиваешь горькую чашу удавленія; оставляешь право быть судіею вселенной вмѣстѣ съ Петромъ и прочими учениками и становишься рабомъ діавола. О безуміе Іудино!.. О крайнее нечувство! Ты не вспомнилъ блаженнаго пребыванія съ Учителемъ, Его частыхъ и уединенныхъ собесѣдованій: ибо много разъ Господь принималъ двѣнадцать учениковъ наединѣ, уча ихъ въ безмолвномъ мѣстѣ приготовить сердца свои къ принятію словесъ Его. Не вспомнилъ ты чудесъ Его, предсказаній будущаго, таинства той самой вечери, когда Онъ изрекъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами.* Ты не устыдился наконецъ Владыки, встающаго съ вечери, снимающаго ризы, препоясывающагося лентіемъ по обычаю рабовъ, вливающаго воду въ умывальницу и

умывающаго ноги ученикамъ, и, какъ говорятъ церковные богословы, прежде другихъ умывающаго ноги предателя".

Приведенные нами отрывки изъ Слова Григорія Самвлаха показываютъ въ святителѣ и краснорѣчиваго проповѣдника и ученаго богослова. Здѣсь мало наставленій, но бесѣда дѣйствуетъ на сердце и воображеніе, возбуждаетъ въ слушателяхъ глубокое религіозное чувство. Бесѣда Григорія напоминаетъ тѣ антифоны, которые читаются на Утрени въ Великій Четвергъ между первыми пятью Страстными Евангеліями.

Изъ Житій Святыхъ періода монгольскаго болѣе замѣчательны сказанія о мученической кончинѣ святаго Михаила князя Черниговскаго и боярина его Ѳеодора, также—житіе святаго Александра Невскаго и святаго Исаіи епископа Ростовскаго. Объ этихъ сочиненіяхъ будемъ бесѣдовать въ слѣдующій разъ, такъ какъ нынѣшняя, довольно продолжительная бесѣда, могла утомить вниманіе благочестивыхъ слушателей. Кончая теперешнюю бесѣду, просимъ вниманія вашего для слѣдующаго раза.

Бесѣда девятая.

О духовныхъ писателяхъ въ Россіи.

(Продолженіе).

Въ концѣ прошлой бесѣды мы высказали обѣщаніе сообщить вамъ о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, явившихся въ періодъ монгольскій и, прежде всего,—сказаніе о мученической кончинѣ святаго князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора. Сказаніе объ этомъ принадлежитъ какому-то святому отцу Андрею, бывшему если не очевидцемъ страданій святыхъ мучениковъ, то — современникомъ событія. Въ сказаніи этомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее. Богъ „возложилъ въ сердце князя Михаила мысль—ѣхать къ монгольскому хану и обличить прелесть его, которою онъ прельщаетъ христіанъ. И пріѣхалъ къ отцу своему духовному, и повѣдалъ ему, говоря: „хочу ѣхать къ Батыю". И отвѣчалъ ему отецъ: „многіе, поѣхавъ, сотворили волю поганаго, поклонились кусту и идоламъ и погубили души свои. Но ты, Михаилъ, если хочешь ѣхать, не дѣлай такъ, не ходи сквозь огонь, не кланяйся кусту и идоламъ:

а исповѣдуй Христіанскую вѣру, что не достойно христіанамъ ничему покланяться, какъ только Господу Богу Іисусу Христу". Михаилъ же сказалъ: „молитвою твоею, отче, какъ Богъ дастъ, такъ и будетъ; я хотѣлъ бы пролить свою кровь за Христа и за вѣру Христіанскую". То же повторилъ и Ѳеодоръ. И сказалъ имъ отецъ: „вы будете въ нынѣшнемъ вѣкѣ новосвятыми мучениками на утвержденіе другимъ, если такъ сотворите". Михаилъ же и Ѳеодоръ обѣщались ему такъ сотворить, и благословились у отца своего. Тогда отецъ далъ имъ на путь причастіе, и благословивъ, отпустилъ ихъ, говоря: „да утвердитъ васъ Богъ, за котораго вы желаете пострадать, и да пошлетъ вамъ помощь". О самыхъ страданіяхъ разсказывается такъ: „Михаилъ и Ѳеодоръ начали пѣть и, окончивъ пѣніе, приняли причастіе, которое далъ имъ отецъ ихъ. И вотъ предстоящіе заговорили: „Михаиле, идутъ убійцы отъ царя убить васъ; поклонитесь и останетесь живы". Михаилъ и Ѳеодоръ, какъ бы одними устами, отвѣчали: „не поклонимся и васъ не послушаемъ". И начали пѣть: *„мученицы твои, Господи, не отвергошася Тебе"*... и еще: *„страдавше Тебе ради, Христа"* и прочая. Тогда пріѣхали убійцы, скочили съ коней и взяли Михаила, и растянули его за руки, стали бить его руками по сердцу; потомъ повергли его на землю и били ногами. Долго это продолжалось, и нѣкто, бывшій прежде христіаниномъ, а потомъ отвергшійся Христіанской вѣры и сдѣлавшійся поганымъ законопреступникомъ, по имени Даманъ, отрѣзалъ главу святому мученику Михаилу и бросилъ ее прочь. Потомъ говорили Ѳеодору: „поклонись ты нашимъ богамъ, и получишь все княженіе князя твоего". И отвѣчалъ Ѳеодоръ: „княженія не хочу, богамъ вашимъ не поклонюсь; но хочу пострадать за Христа, какъ и князь мой". Тогда начали мучить Ѳеодора, какъ прежде Михаила, наконецъ отрѣзали его честную главу. И такимъ образомъ, благодаря Бога, пострадали новосвятые мученики и предали святыя души свои въ руцѣ Божіи, а святыя тѣла ихъ повержены были на съѣдѣніе псамъ"... Случилось же убіеніе ихъ въ лѣто 6753 (1245) мѣсяца Сентября въ 20-й день".

Житіе святаго Александра Невскаго написано лицомъ, которое или само было очевидцемъ подвиговъ святаго Угодника, или слышало отъ очевидцевъ. Составитель житія прославляетъ добрыя качества святаго князя, его храбрость, мудрость, искреннее благочестіе и любовь къ Отечеству. О поѣздкѣ святаго князя къ Батыю, здѣсь говорится слѣдующее: „былъ въ то время царь сильный въ восточной странѣ, которому покорилъ Богъ многіе народы отъ Востока до Запада. Царь этотъ, услышавъ, что Александръ такъ славенъ и храбръ, послалъ къ нему сказать: „Александръ! Знаешь ли, что Богъ покорилъ мнѣ многіе народы? Ты ли одинъ не хочешь покориться мнѣ? Но если желаешь сохранить свою землю, то приходи ко мнѣ скоро и увидишь честь моего царства“. Князь же Александръ пришелъ во Владиміръ, по смерти отца своего, въ силѣ великой, и грозенъ былъ пріѣздъ его, и промчалась вѣсть о немъ до устья Волги, и начали жены Моавитскія (т. е. Монгольскія) стращать дѣтей своихъ словами: „Александръ ѣдетъ“. Сдумалъ князь Александръ и благословилъ его епископъ Кириллъ, и пошелъ къ царю въ Орду. И, видѣвъ его царь Батый, подивился и сказалъ вельможамъ своимъ: „правду вы говорили, что нѣтъ подобнаго ему князя“. И, почтивъ его честно, отпустилъ отъ себя. Подъ конецъ житія читаемъ: „И умножились дни жизни его въ великой славѣ. Любилъ онъ священниковъ, монаховъ и нищихъ, а митрополита и епископовъ слушалъ какъ Самого Христа... Возвращаясь (въ послѣдній разъ) изъ Орды, Александръ дошелъ до Нижняго Новгорода, и пробывъ тамъ мало здравъ, дошелъ до Городца и разболѣлся. О, горе тебѣ, бѣдный человѣкъ! Какъ можешь ты описать кончину господина своего? Какъ не отпадутъ у тебя зѣницы вмѣстѣ со слезами? Какъ не оторвется сердце твое отъ горести?.. Пострадалъ же Александръ крѣпко для Бога, оставилъ земное царство и сдѣлался монахомъ: ибо чрезмѣрно желалъ ангельскаго образа; затѣмъ сподобилъ его Богъ принять и большій чинъ—схиму. И такъ предалъ духъ свой Богу съ миромъ мѣсяца Ноября въ 14-й день, на память святаго Апостола Филиппа. Тогда митрополитъ Кириллъ сказалъ: „чада мои,

знайте, что уже зашло солнце Суздальской земли"... Іереи и діаконы, черноризцы, нищіе и богатые, и всѣ люди говорили: „уже погибаемъ". Святое же тѣло Александра понесли къ городу Владиміру. Митрополитъ, князья и бояре, и весь народъ, малые и великіе, встрѣтили его въ Боголюбовѣ со свѣчами и кадилами. Толпы народа тѣснились, желая коснуться честному одру святаго тѣла его, и были—вопль и крики, и туча, какой не было никогда, такъ что, казалось, потряслась земля. Положено же было тѣло его въ храмѣ Рождества Пресвятой Богородицы, въ великой архимандритіи, мѣсяца Ноября въ 24-й день, на память святаго отца Амфилохія".

Приведемъ еще отрывокъ изъ пастырскаго поученія Матѳея, епископа Сарайскаго, современника Монгольскому игу. Поученіе это кратко, но назидательно и общедоступно. Святитель говоритъ: „Любовь имѣйте ко всѣмъ, къ богатому и убогому, къ нищимъ и бѣднымъ и въ узахъ страждущимъ, какъ и Христосъ имѣлъ любовь ко всему міру, подавая намъ образъ Собою... Еще молю васъ, чада, постъ имѣйте чистый, когда слѣдуетъ поститься, да просвѣтлѣете подобно Моусею. Нищимъ раздробляйте хлѣбъ свой, убогихъ милуйте и немощныхъ, и на улицахъ лежащихъ и сидящихъ; посѣщайте находящихся въ темницахъ и утѣшайте, нагихъ одѣвайте, босыхъ обувайте; спрыхъ домочадцевъ не бейте, но больше милуйте и не морите голодомъ, ни наготою, ибо они суть домашніе нищіе. Убогій выпроситъ себѣ и въ другомъ мѣстѣ, а они только въ твои руки смотрятъ. Правымъ помогайте, а грѣшныхъ милуйте. Странныхъ вводите въ домъ свой и напитайте ихъ отъ своей трапезы. Вдовицъ призирайте, сущихъ въ бѣдахъ избавляйте; старцевъ чтите, также—поповъ и діаконовъ, ибо они суть служители Божіи. Челядь свою милуйте и наставляйте на путь спасенія и покаянія; старыхъ отпущайте на свободу, а юныхъ учите добру и послушанію".

Мы достаточно сказали о разныхъ писателяхъ временъ монгольскаго. Будемъ теперь вести рѣчь о писателяхъ позднѣйшаго времени. Именно—о писателяхъ 15 и 16-го вѣка. Какъ малозначительны были и по количеству и по содержа-

нію духовныя сочиненія въ періодъ монгольскій, такъ обильною явилась духовная литература въ періодъ послѣ сверженія Монгольскаго ига. Можно сказать, что духовно-просвѣтительная дѣятельность какъ-бы пробуждалась послѣ долгаго сна и застоя. Этому пробужденію способствовали многія обстоятельства. Много неустройствъ произошло въ духовной жизни Русскаго народа во время смутъ удѣльныхъ, во время ига Монгольскаго, но нѣкогда и некому было заняться улучшеніемъ духовной жизни; много было, особенно на сѣверѣ Россіи, святыхъ Угодниковъ, которые, находя уединеніе въ лѣсахъ Сѣверной Россіи, прославились тамъ подвигами поста, молитвы и неустаннаго труда; ихъ прославляли въ основанныхъ ими обителяхъ, но не было составлено ни жизнеописаній ихъ, ни службъ въ прославленіе ихъ подвиговъ. И вотъ, когда Россія успокоилась, отдохнула отъ тяжкихъ бѣдствій татарскихъ, тогда явилась возможность обратить вниманіе на неустройства церковной жизни; и мы имѣемъ многочисленныя посланія русскихъ пастырей, особенно — митрополитовъ, архіепископовъ и преподобныхъ основателей монастырей. Въ этихъ писаніяхъ обличается безнравственная жизнь народа, обличаются языческіе обычаи христіанъ, неустройства монашеской жизни и проч. Такихъ увѣщаній и посланій особенно много писали: *Геннадій*, архіепископъ Новгородскій, *Филиппъ* I, *Геронтій*, *Симонъ*, *Макарій* и *Даніилъ*, митрополиты Московскіе, *Іосифъ Волоколамскій*, *Филоѳей*, игуменъ Псковскаго Елеазарова монастыря и проч. Нѣкоторые ревнители благоустройства иноческой жизни, не довольствуясь обличеніями монахамъ, писали особые уставы иноческой жизни и предавали ихъ обителямъ въ руководство. Такого рода уставы писали: преподобный *Евфросинъ* Псковскій, преподобный *Іосифъ* Волоколамскій, *Нилъ* Майковъ, подвизавшійся въ Бѣлозерской странѣ, на р. Сорѣ и потому извѣстный еще подъ именемъ Нила Сорскаго, и преподобный *Корнилій* Комельскій.

Составленіемъ житій святыхъ и службъ въ прославленіе ихъ занимались многіе писатели 15 и 16 вѣка. Особенно усерднымъ составителемъ житій святыхъ былъ прибывшій съ

Аѳонской горы Сербъ *Пахомій Логоѳетъ*, т. е. по-русски— составитель словъ. Пахомій, прежде всего, изложилъ жизнь преподобнаго Сергія Радонежскаго и святаго Алексія митрополита. Переселившись изъ Сергіевой обители въ Новгородъ, онъ и тамъ, по порученію митрополитовъ Евѳимія и Іоны, писалъ житія Новгородскихъ угодниковъ, напр., Варлаама Хутынскаго, Саввы Вишерскаго, святаго архіепископа Евѳимія, Кирилла Бѣлозерскаго. Кромѣ житій, Пахомій писалъ многимъ святымъ каноны и похвальныя слова. Не упоминаемъ о другихъ, менѣе замѣчательныхъ, жизнеописателяхъ. Всѣ житія святыхъ, написанныя по порученію мѣстныхъ святителей, не были сперва общимъ достояніемъ Русской Церкви. Онѣ читались и переписывались, преимущественно, тамъ, гдѣ прославился тотъ или другой Угодникъ. Между тѣмъ 15 и 16 вѣкъ есть время „собиранія“ Русской Земли. Изъ отдѣльныхъ княжествъ собиралось одно великое княжество Московское; престольные города удѣльныхъ князей уступали первенство Москвѣ; въ Москву собирались важнѣйшіе памятники литературы, московскіе храмы украшались иконами изъ другихъ городовъ; точно также явилась потребность собрать во едино и явившіяся по отдѣльнымъ мѣстностямъ Житія святыхъ. Этотъ великій трудъ собранія Житій святыхъ принадлежитъ знаменитому іерарху Церкви—Макарію, бывшему 22 года митрополитомъ Московскимъ. Сборникъ, въ которомъ Макарій собралъ Житія святыхъ, называется Минеи Четіи, т. е. чтенія на каждый день мѣсяца, такъ какъ слово *мин*—съ греческаго значитъ мѣсяцъ, а *четіи*—что слѣдуетъ читать. Сборникъ Макарія раздѣленъ на двѣнадцать большихъ книгъ, по числу двѣнадцати мѣсяцевъ. Въ этихъ двѣнадцати книгахъ собраны житія святыхъ, сказанія объ открытіи мощей ихъ, объ установленіи въ честь ихъ праздниковъ, краткія поученія, похвальныя слова святымъ, поученія на праздники и проч. Но, составляя свой сборникъ, Макарій задумалъ помѣстить въ немъ и всѣ сочиненія, цѣлыя книги, какія были тогда извѣстны на Руси. Такъ, отъ помѣстилъ здѣсь цѣлыя книги Священнаго Писанія, сочиненія св. Отцовъ, сборники проповѣдей болѣе извѣстныхъ проповѣдниковъ, сборники изреченій разныхъ старцевъ-отшель-

никовъ. Такимъ образомъ Минеи-Четіи Макарія обратились, наконецъ, въ цѣлую библіотеку, въ которой просвѣщенный Архипастырь старался собрать и сохранить для потомства всѣ памятники литературы, какіе тогда у насъ существовали. Этому великому дѣлу Макарій посвятилъ двѣнадцать лѣтъ своей жизни, когда былъ еще святителемъ Новгородскимъ. Не задолго до перехода въ Москву, онъ положилъ всѣ двѣнадцать книгъ своихъ Четіи-Миней въ Новгородскій Софійскій Соборъ, на поминъ своихъ родителей. Находясь въ Москвѣ, онъ продолжалъ дополнять свой сборникъ, и въ 1552 году положилъ другой списокъ Четіи-Миней въ Успенскій Соборъ, а третій—тогда же поднесъ царю Іоанну Васильевичу. Впрочемъ, Макарій не могъ выполнить все, что предполагалъ.., Многія, существовавшія тогда, духовныя сочиненія, даже многія книги Священнаго Писанія не вошли въ Четіи-Минеи. Однихъ изъ этихъ сочиненій онъ могъ совершенно не знать, другихъ могъ не отыскать, а сочиненія своихъ современниковъ—митрополита Даніила и Максима Грека онъ могъ не помѣстить потому, что признавалъ это, почему-либо, неудобнымъ и неблаговременнымъ. Составляя свой обширный сборникъ, Макарій искалъ только душевной пользы русскимъ читателямъ: онъ помѣщалъ въ Четіи-Минеи только то, что считалъ назидательнымъ и удобопонятнымъ. Великій трудъ Макарія начатъ печатаніемъ, но едва ли это изданіе приведено будетъ, когда-либо, къ концу. Жалѣть объ этомъ нѣтъ особенной нужды, такъ какъ почти все, содержащееся въ рукописныхъ Четіи-Миняхъ Макарія, уже давно напечатано въ другихъ изданіяхъ, а житія святыхъ изложены въ другихъ Четіи-Миняхъ, св. Димитрія Ростовскаго, о чемъ, въ своемъ мѣстѣ будетъ нами сказано.

Важнѣйшимъ обстоятельствомъ, пробудившимъ въ Русскихъ пастыряхъ литературную дѣятельность, было появленіе въ Россіи еретиковъ и вольнодумцевъ. Нужно замѣтить, что 15-й и 16-й вѣкъ былъ въ Западной Европѣ временемъ броженія умовъ, временемъ, когда, вслѣдствіе пробужденія умственной жизни, появилось множество лицъ, недовольныхъ существующими церковными порядками. Люди эти желали

преобразованія католической Церкви, отвергали своихъ пастырей, желали спасаться безъ всякаго церковнаго руководства, желали, чтобы въ рукахъ народа была Библія на народномъ языкѣ, чтобы служба церковная совершалась не на латинскомъ языкѣ, а, опять-таки, на народномъ. Недовольные существовавшими порядками, и видя, что Папы не желаютъ улучшить положеніе Церкви, люди эти отдѣлялись отъ Церкви и, проповѣдуя по селамъ и городамъ съ Библіею въ рукахъ, устрояли свои религіозныя общества и подготовляли то великое событіе, которое называется Реформаціею Лютера. Это-то движеніе умовъ въ Западной Европѣ не могло не коснуться и тѣхъ мѣстностей Россіи, которыя имѣли сношенія съ Европейскими народами. Мы знаемъ, что Русскіе, при всей отчужденности отъ Европейскихъ народовъ, не могли совсѣмъ отдалить себя отъ сношенія съ Европейцами. Русскіе люди, по дѣламъ государственнымъ и торговымъ, посѣщали сосѣднія съ Россіею Европейскія страны, ѣздили въ Римъ, Вѣну, Флоренцію; кромѣ того, въ Москву, Новгородъ и Псковъ пріѣзжали многіе Европейцы и поселялись между Русскими, то въ качествѣ врачей, аптекарей, то — разныхъ мастеровъ и торговыхъ людей. Знакомясь съ Европейцами, Русскіе, по своей младенческой простотѣ, не могли не усвоять себѣ разныхъ вольныхъ мыслей, разныхъ ложныхъ понятій о предметахъ вѣры, — однимъ словомъ, увлекались ересями. А еретиковъ нужно было обличать. И вотъ въ 15-мъ и, особенно, въ 16-мъ вѣкѣ явилось у насъ множество сочиненій въ обличеніе еретиковъ. Укажемъ важнѣйшія изъ этихъ сочиненій. Противъ еретиковъ—жидовствующихъ, о которыхъ мы скажемъ въ другой разъ подробнѣе, написано было сочиненіе преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, сочиненіе, названное „*Просвѣтитель*“. Здѣсь, послѣ краткаго сказанія о еретикахъ, помѣщено 16 словъ противъ еретиковъ, а также сказано многое и о другихъ вопросахъ, которые занимали тогдашнее общество. Въ первыхъ четырехъ словахъ раскрывается ученіе о Троицѣ и о Божествѣ Отца, Сына и Духа Святаго, доказывается, что Іисусъ Христосъ есть Истинный Мессія и Богъ, что на Немъ исполнились ветхозавѣтныя про-

рочества о Мессіи, что Законъ Моисеевъ былъ данъ только на время, до пришествія Іисуса Христа, что воплощеніе Сына Божія есть величайшее дѣло Премудрости и Благости Божіей; въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ словѣ преподобный Іосифъ раскрываетъ Православное ученіе о св. иконахъ; въ 8-мъ, 9-мъ и 10-мъ словѣ излагается ученіе о кончинѣ міра и о 2-мъ пришествіи Христовомъ; въ 11-мъ словѣ раскрывается православный взглядъ на христіанское монашество; въ послѣднихъ пяти словахъ преподобный Іосифъ излагаетъ свои мысли о современныхъ еретикахъ — жидовствующихъ; и такъ какъ онъ видѣлъ въ жидовствующихъ не только отступниковъ отъ Православнаго ученія, но и злѣйшихъ враговъ всему христіанству,—враговъ—то явныхъ и дерзкихъ, то скрытныхъ, и потому болѣе опасныхъ,—то взглядъ преподобнаго Іосифа на еретиковъ есть взглядъ строгій, суровый. Онъ доказываетъ, что, если бы жидовствующіе стали каяться прежде обличенія, и открыто исповѣдали свое отступничество отъ ереси, то покаяніе ихъ слѣдовало бы признать, какъ искреннее; и тогда можно было бы возвратить имъ миръ Церкви: но такъкакъ они начали каяться, когда уже были обличены судомъ и обречены на смерть, то раскаяніе ихъ не можетъ быть принято; принять такихъ людей въ общеніе—значило бы то же, что принять разбойниковъ, душегубцевъ, которые каются и все-таки не освобождаются отъ смертной казни. Правда, что Богъ *не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. 34, 11); правда, что Сынъ Божій пришелъ призвать *не праведниковъ, но грѣшниковъ на покаяніе* (Матѳ. 9, 13), но въ этихъ мѣстахъ Священнаго Писанія разумѣется покаяніе искреннее, котораго жидовствующіе не имѣли. Свою мысль о строгомъ обращеніи съ жидовствующими преподобный Іосифъ подтверждаетъ примѣрами древней Исторіи Церкви, изъ которыхъ видно, что еретики древнихъ временъ только тогда становились безвредными для Церкви, когда ихъ, по соборномъ осужденіи, подвергали тяжкому заточенію, изгнанію въ отдаленныя мѣста, или даже предавали смертной казни. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда еретики оставались на свободѣ, хотя бы и были они осуждены

Церковію, они продолжали увлекать православныхъ въ свои заблужденія. Мнѣніе преподобнаго Іосифа, хотя и кажется намъ нѣсколько строгимъ, и даже жестокимъ, но оно было вполнѣ подходящимъ къ тогдашнему времени. Нужно представить, съ одной стороны, умственную силу еретиковъ, ихъ лукавство, ихъ умѣнье дѣйствовать на общество, съ другой— крайній упадокъ духовнаго просвѣщенія въ тогдашнемъ обществѣ, нужно представить все это, чтобы видѣть, какая опасность угрожала Русской Церкви отъ еретиковъ и какія строгія мѣры нужно было принять для устраненія этой опасности.

Другое, не менѣе важное, сочиненіе противъ тогдашнихъ еретиковъ принадлежитъ Зиновію, монаху Отенской обители. Оно называется: *„Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“* и представляетъ собою огромную книгу изъ 12-ти собесѣдованій Зиновія съ послѣдователями еретика Ѳеодосія Косаго. Въ предисловіи къ своему сочиненію Зиновій разсказываетъ, что, однажды, когда онъ находился въ своей монастырской церкви, къ нему подошли, по окончаніи службы, три человѣка, крылошане Спасскаго Старорусскаго монастыря и умоляли его, Зиновія, сказать имъ, какъ спастись, такъ какъ явилось теперь объ этомъ какое-то новое ученіе. которое учитъ не такъ, какъ учитъ Церковь и Слово Божіе. Зиновій, хотя сказалъ, что учить дѣлу спасенія есть долгъ пастырей Церкви—архіереевъ и іереевъ, а не его—простаго инока, но, ради Имени Божія, обѣщался побесѣдовать съ ними. И вотъ, противъ новаго ученія Ѳеодосія Косаго, Зиновій въ 12-ти бесѣдахъ доказываетъ Божественность Христова ученія, раскрываетъ истину бытія Божія и ученіе о Троицѣ, доказываетъ святость и богодухновенность книгъ Священнаго Писанія, разъясняетъ догматы о почитаніи святыхъ иконъ, мощей и креста, доказываетъ святость преданія Церковнаго, важность писаній св. Отцовъ и опредѣленій Соборовъ.

Краткій обзоръ сочиненія Зиновія показываетъ, что сочиненіе это имѣетъ большое сходство съ „Просвѣтителемъ“ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго. Разница между обоими сочиненіями та, что преподобный Іосифъ приводилъ множество свидѣтельствъ изъ Священнаго Писанія и св. Отцовъ,

не вдаваясь въ изъясненіе ихъ, или въ какія-либо соображенія, а у Зиновія свидѣтельствъ не такъ много, но за то онѣ разъяснены и дополнены собственными соображеніями Зиновія. Подробности бесѣдъ Зиновія знакомятъ насъ съ религіозными вопросами того времени и указываютъ взглядъ на эти вопросы самого Зиновія.

Максиму Греку, пришельцу съ Аѳона, также принадлежитъ нѣсколько сочиненій въ обличеніе враговъ Христова ученія, именно—Іудеевъ, язычниковъ, Магометанъ, Армянъ и Латинянъ. Противъ Іудеевъ, главнымъ образомъ—еретиковъ жидовствующихъ, Максимъ Грекъ написалъ пять небольшихъ статей, въ которыхъ доказываетъ, что на Іисусѣ Христѣ исполнились всѣ Ветхозавѣтныя пророчества, что слѣдуетъ прославлять Пресвятую Дѣву, покланяться иконамъ, повиноваться пастырямъ Церкви. Противъ язычниковъ Максимъ Грекъ написалъ „Слово обличительно на еллинскую прелесть“. Въ этомъ словѣ Максимъ превосходство Христіанской вѣры предъ язычествомъ подтверждаетъ чудеснымъ распространеніемъ Христіанства, чудными дѣйствіями его въ людяхъ и высотою христіанскихъ истинъ предъ мудрованіями язычниковъ. Обличеніе на Латинянъ-католиковъ Максимъ написалъ противъ нѣкоего „Николая Нѣмчина“. Это былъ Николай Булевъ, или Люевъ, главный врачъ Великаго князя Василія Іоанновича, пользовавшійся особымъ его благоволеніемъ, человѣкъ, знающій медицину, астрологію и другія науки. Онъ перевелъ на русскій языкъ книгу Самуила Еврепна, а въ своихъ письмахъ къ боярамъ и къ Максиму Греку доказывалъ превосходство Католичества предъ Православіемъ. Въ сочиненіи противъ Николая Нѣмчина, Максимъ обличаетъ отступленія Латинянъ отъ Православной Церкви, въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, о совершеніи Литургіи на опрѣснокахъ, о безбрачіи духовенства и о постѣ въ Субботу.

Противъ ученія Магомета или „Агарянской прелести“ Максимъ написалъ три „Слова“ или сочиненія, въ которыхъ доказываетъ, что Магометъ былъ человѣкъ нечестивый и обманщикъ, что ученіе его совершенно несогласно съ ученіемъ св. Пророковъ, Апостоловъ и Отцовъ Церкви; потомъ,

изображая бѣдствія, которыя принесло міру ученіе Магомета, признаетъ лжепророка предтечею Антихриста, убѣждаетъ христіанъ быть твердыми въ вѣрѣ и даетъ христіанамъ наставленіе, какъ защищать свою вѣру противъ возраженій магометанъ.

Въ „Словѣ на Армянское зловѣріе“ Максимъ опровергаетъ три ложныя ученія Армянъ, будто Христосъ пострадалъ на крестѣ не только человѣчествомъ, но и божествомъ, будто Онъ, по вознесеніи на небо, совлекся человѣческой плоти, и будто въ Іисусѣ Христѣ одно естество. Опровергая, съ особенною подробностію, первое лжеученіе, Максимъ совѣтуетъ читателямъ, для утвержденія въ истинѣ, читать богословіе св. Іоанна Дамаскина.

Опровергая противныя христіанству лжеученія, Максимъ писалъ также противъ суевѣрій тогдашняго общества, особенно—противъ астрологіи, или вѣрованія о вліяніи звѣздъ на судьбу человѣка. Въ писаніяхъ къ разнымъ лицамъ Максимъ утверждаетъ вѣру въ Промыслъ Божій, обличаетъ ложное сказаніе Афродитіана Персіянина объ обстоятельствахъ рожденія Іисуса Христа, опровергаетъ сказаніе объ Іудѣ предателѣ, будто онъ, возвративъ тридесять сребренниковъ, не удавился, а жилъ еще нѣсколько лѣтъ, будто, по воскресеніи Спасителя, солнце не заходило и цѣлую недѣлю былъ одинъ свѣтлый день, будто Богъ посылаетъ стужи ради погребенія утопленниковъ и убитыхъ, будто кто не поспѣетъ къ чтенію Евангелія на Литургіи, тому и вовсе не слѣдуетъ быть при совершеніи ея. Такимъ образомъ ученый монахъ, пришедшій съ Аѳонской горы, сообщалъ русскимъ правильныя понятія о разныхъ предметахъ вѣры и нравственности. А между тѣмъ какъ многіе русскіе люди, еще и теперь, держатся тѣхъ суевѣрныхъ понятій, которыя обличалъ Максимъ Грекъ! Какъ много и теперь ходитъ въ народѣ разныхъ тетрадокъ, въ родѣ напр. „сонъ Богородицы“, который съ жадностію, съ полнымъ благоговѣніемъ, читаютъ русскіе люди, ни разу не прочитавшіе Священной книги Евангелія или Псалтирь!

Обратимъ вниманіе и еще на одно замѣчательное сочиненіе, появившееся въ Москвѣ въ 16-мъ вѣкѣ, сочиненіе, су-

ществовавшее, впрочемъ, и во времена болѣе древнія. Разумѣемъ книгу „Домострой“, — приписываемую знаменитому придворному протопопу Сильвестру, хотя Сильвестръ не сочинилъ этой книги, а только сдѣлалъ къ ней очень значительныя дополненія. Самое названіе книги „Домострой“ уже показываетъ, о чемъ здѣсь говорится. Говорится о томъ, какъ устроять домашній бытъ, вести хозяйство, воспитывать дѣтей и т. п. Правила, изложенныя въ Домостроѣ, господствовали у насъ въ 15 и 16 вѣкѣ и взяты цѣликомъ изъ тогдашняго быта: поэтому въ нихъ отражается, частію, взглядъ тогдашняго русскаго человѣка на домашній бытъ и на правила нравственности, частію—образъ мыслей послѣдняго издателя Домостроя, Сильвестра. Приведемъ изъ этого сборника нѣсколько замѣчательныхъ мыслей. Вотъ, напр., какъ излагаются здѣсь общія религіозныя обязанности членовъ семьи: „домъ всякаго христіанина долженъ быть, какъ бы, малою церковію; по стѣнамъ дома должны быть поставлены святыя иконы со всякимъ украшеніемъ; предъ ними должно, во время пѣнія и молитвы, возжигать свѣчи и совершать кажденіе. Каждый день вся семья должна отпѣть дневныя службы; послѣ службы вечерней не слѣдуетъ ни ѣсть, ни пить, ни разговаривать; ложась спать, всякій христіанинъ долженъ положить три поклона въ землю предъ Богомъ, а въ полночь, тайно вставъ, помолиться о своемъ согрѣшеніи, сколько можетъ; утромъ, послѣ сна, отпѣть утреню и часы, а въ праздникъ — молебенъ. Въ праздники, также и въ среду и пятницу, и въ Великій постъ, береться отъ объядѣнія и пьянства, отъ пустыхъ бесѣдъ и смѣхотворства, отъ татьбы, блуда и всякаго беззаконія. Въ праздники, по обѣщанію своему, или ради немощи, да призываютъ священниковъ въ домъ свой совершать молебствія, святить воду животворящимъ крестомъ, мощами и чудотворными иконами, и освящать масло въ здравіе и исцѣленіе болящихъ. По преставльшихся родителяхъ творить память въ церквахъ и монастыряхъ, пѣть соборныя панихиды, служить Литургіи и въ трепезѣ кормить братію за здравіе и за упокой, и призывать въ домъ свой, и кормить, и поить и творить милостыню“.

Или вотъ какъ изображается въ Домостроѣ значеніе мужа и жены въ семействѣ и въ домѣ: „мужъ—глава семейства, господинъ дома, онъ долженъ учить жену и дѣтей и домочадцевъ не красть, не лгать, не обижать, и вообще—не творить никакого грѣха... Жена вопрошаетъ мужа о всякомъ благочиніи, какъ спасти душу и угодить Богу, и какъ устроять домъ; она должна во всемъ покоряться мужу, и что онъ прикажетъ, должна принимать и творить со страхомъ и любовію. Вставъ отъ сна, она должна указать слугамъ, каждому свое рукодѣліе, свою работу, на весь день, кому печь и варить, кому шить и прясть, кому вышивать золотомъ или шелкомъ, кому ткать, кому бѣлье мыть и проч. и сама должна знать и умѣть всѣ эти рукодѣлья и работы, чтобы научать слугъ, назирать за ними, руководить ихъ; сама отнюдь не должна оставаться безъ дѣла, чтобы служить имъ примѣромъ; мужъ ли придетъ, или гостья обычная, а она бъ всегда сидѣла за рукодѣльемъ... Съ гостями она должна бесѣдовать о рукодѣліи и домашнемъ строеніи, и чего не знаетъ, о томъ спрашивать у добрыхъ женъ вѣжливо и ласково, и за всякое указаніе челомъ бить“... Вотъ еще наставленія объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ и хозяевъ къ слугамъ: „отецъ и мать должны имѣть попеченіе о дѣтяхъ, снабдѣвать ихъ и воспитывать въ добромъ наказаніи, учить ихъ страху Божію и всякому благочинію, любить ихъ и беречь и спасать страхомъ, и возлагать на нихъ рапы: наказывай сына въ юности его, да возрадуешься о немъ въ мужествѣ его; если бьешь его лозою, онъ не умретъ, а будетъ здоровѣе.—Господинъ или госпожа должны всегда дозирать слугъ и спрашивать ихъ о всякой нуждѣ, о пищѣ, питіи, одеждѣ, о всякой потребѣ, скудости, обидѣ и болѣзни, и, Бога ради, промышлять и имѣть попеченіе о нихъ отъ всей души, какъ о своихъ и о присныхъ своихъ... А держать у себя людей, по силѣ, чтобы можно было удоволить ихъ пищею и одеждою; если же держать людей не по силѣ, и не удовлетворять ихъ пищею и одеждою, то тѣмъ слугамъ, которые не рукодѣльны и не умѣютъ сами себѣ что промыслить, поневолѣ придется плакать, красть, лгать, пьянствовать и чи-

нить всякое зло. Надобно людей не только кормить и одѣвать, но и въ страхѣ Божіемъ имѣть и въ добромъ наказаніи, чтобы спасти ихъ души. А въ работу ихъ не продавать, но добровольно ихъ отпускать, и надѣлить, сколько можно. Старыхъ слугъ, которые не могутъ работать, также кормить и одѣвать за старую ихъ послугу".

Самому Сильвестру принадлежитъ послѣдняя глава Домостроя, гдѣ достойный отецъ, въ подкрѣпленіе своихъ наставленій сыну, указываетъ на примѣръ собственной жизни, и говоритъ: „сынъ мой, ты видѣлъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, въ благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; какъ, Божіею милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить, въ потребныхъ случаяхъ, и рукодѣліемъ, и службою, и покорностію, а не гордынею, ни прекословіемъ... Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи; никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ, по силѣ, кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога, и доброхотствуютъ намъ; а кто изъ нихъ забылъ насъ, да проститъ его Богъ. Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлію, однихъ—серебряному мастерству, другихъ—всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, замужъ повыдавала, а мужчинъ мы поженили у добрыхъ людей!... Видѣлъ ты самъ: мастеровъ

всякихъ у насъ было много; деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ—по рублю, по два, по три, по пяти, по десяти и больше; многіе изъ нихъ были своевольны и бражники, и со всѣми тѣми мастерами, въ сорокъ лѣтъ, далъ Богъ, я раздѣлался безъ остуды, и безъ пристава, и безъ всякой кручины; все то мирилъ я хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею и всякою добродѣтелью, да своимъ терпѣньемъ. Самъ у кого что покупалъ, тому отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ—соль. За то дружба вовѣкъ: мимо меня не пропадаетъ и во всемъ сдѣлаетъ уступку. А кому что продавалъ, все въ любовь, а не въ обманъ: нелюбъ кому мой товаръ, я назадъ возьму, а деньги отдамъ; о куплѣ и о продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало: оттого добрые люди во всемъ вѣрили, и здѣшніе и иноземцы... Самъ знаешь, что не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою, да ласкою, да любовію, а не гордостію, и безъ всякой лжи. Чадо мое любимое, Аѳонимъ! Я поучалъ тебя и всячески наказывалъ о всякомъ добродѣтельномъ житіи, и предалъ тебѣ грубое сіе писаніе худаго моего ученія: молюжъ тебя, Господа ради и Пресвятыя Богородицы и великихъ Чудотворцевъ, прочитывай это съ любовію и со вниманіемъ и напиши на сердцѣ своемъ, и, прося помощи у Бога, и разума, и крѣпости, все прежде сказанное съ любовію дѣломъ твори; такъ же по сему писанію поучай и наставляй жену и дѣтей своихъ и домочадцевъ, всѣхъ учи страху Божію и добродѣтельному житію“... Видите, братіе, каковъ былъ этотъ почтенный служитель Церкви, какія прекрасныя правила жизни внушалъ онъ и съ какимъ усердіемъ онъ исполнялъ эти правила на дѣлѣ! Почти четыреста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ достойный протопопъ Сильвестръ, а между тѣмъ полезно было бы, и въ наши времена, исполнять тѣ правила, которыя внушалъ онъ и исполнялъ на дѣлѣ. Достойны подражанія эти домашнія дневныя службы и общія молитвы, эта попечительность о больныхъ и слабыхъ, эта неподкупная честность въ дѣлахъ житейскихъ, эта любящая строгость къ дѣламъ, этотъ постоянный честный трудъ, это постоянное обращеніе къ Богу, подателю всѣхъ милостей. И

не безплодна была такая трудовая, христіанская жизнь. Богъ ущедрялъ своими милостынями этотъ благочестивый домъ. Протопопъ Сильвестръ воспиталъ многихъ полезныхъ членовъ Государства, устроилъ счастіе многихъ лицъ и заслужилъ доброе имя въ потомствѣ. Не забудемъ добрыхъ уроковъ почтеннаго служителя Церкви: мы на собственномъ опытѣ увидимъ, какого обильнаго счастья даетъ людямъ благочестивая жизнь, вполнѣ согласная съ уставами Святой Православной Церкви. Аминь.

Бесѣда десятая.

О духовныхъ писателяхъ въ Россіи.

(Окончаніе).

Въ настоящій день продолжимъ нашу бесѣду о духовныхъ писателяхъ и постараемся сказать объ этомъ предметѣ все, дабы привести рѣчь объ этомъ предметѣ къ концу. Мы видѣли въ прошлой бесѣдѣ, какъ въ Московскомъ Государствѣ, вслѣдствіе появленія еретиковъ и вольнодумцевъ, пробудилась умственная жизнь русскаго человѣка, и какъ лучшіе люди тогдашняго общества, чтобы защитить Православную Церковь отъ нападеній, должны были писать разныя сочиненія. То же явленіе повторилось и въ Западной Россіи: и тамъ необходимость борьбы за православіе была причиною пробужденія умственной жизни; и тамъ явилось множество сочиненій въ защиту православія.

Извѣстно, что Западная Русь, вошедшая сперва въ составъ Галицкаго княжества, а потомъ—Литовско-Польскаго, подпала иновѣрной власти. Начиная съ королей и оканчивая мѣстными владѣльцами, большинство тѣхъ и другихъ были

не православные. Это были католики, а впослѣдствіи — протестанты. Правители страны — католики не уважали Православной Церкви, не заботились объ обезпеченіи духовенства; напротивъ сами старались притѣснять епископовъ, архимандритовъ и низшее духовенство, дабы извлечь изъ церковныхъ имѣній большую для себя выгоду. Сдѣлавшись *патронами*, т. е. покровителями церкви, они не только не заботились объ обезпеченіи ея, а напротивъ разоряли ее, брали себѣ церковные доходы, раздавали церковныя мѣста и должности лицамъ недостойнымъ, сдѣлали изъ всего этого предметъ постыдной торговли. Понятно, что Церковь православная должна была отъ этого терпѣть большія неустройства: она лишена была способовъ поддерживать благолѣпіе своихъ храмовъ, содержать духовенство, лишена была средствъ на духовное просвѣщеніе самихъ пастырей, не говоря уже о паствѣ. Но Господь не оставилъ своей Церкви безъ помощи. Церковь находила поддержку въ патріархахъ восточныхъ, особенно—въ Цареградскомъ, въ подчиненіи котораго она находилась. Потомъ Церковь поддерживали многіе православные вельможи, напр. князь Курбскій, перешедшій изъ Москвы въ Литву, и семейство князей Острожскихъ. Но ближайшую помощь своему дѣлу Церковь находила въ такъ называемыхъ Православныхъ Церковныхъ Братствахъ. Въ Братства вступали люди всѣхъ званій и состояній, и каждый, по мѣрѣ своихъ средствъ, жертвовалъ на общее дѣло. Братства возстановляли православные храмы, заводили школы и типографіи; знатнѣйшіе изъ членовъ Братства ходатайствовали за Православную Церковь предъ королями и вельможами. На всѣ свои дѣйствія Братства получали благословеніе отъ святѣйшихъ патріарховъ восточныхъ. Такъ патріархъ Антіохійскій *Іоакимъ*, во время своего проѣзда въ Москву, далъ грамоту на учрежденіе Львовскаго Братства, благословилъ братчиковъ на борьбу съ невѣрующими, на обличеніе всякаго безчинія и неустройства въ храмахъ Божіихъ. Поощренное патріархомъ, Львовское Братство завело у себя типографію, школу и богадѣльню. Патріархъ Цареградскій *Іеремія*, посѣтившій, въ 1589 году Западную Россію, еще болѣе возвысилъ права Львовскаго

Братства; онъ же благословилъ и учрежденіе Виленскаго Братства. Въ Кіевѣ было заведено Богоявленское Братство, школа котораго послужила основаніемъ Кіевской Академіи. Потомъ извѣстны труды членовъ Братства Острожскаго, имѣвшаго сильныхъ покровителей въ знаменитыхъ ревнителяхъ православія, князьяхъ Острожскихъ.

Заведенныя Братствами школы воспитали ревнителей Православія, а наставники Братскихъ школъ, кромѣ поддержки Православія въ ученикахъ, сами писали сочиненія въ обличеніе неправовѣрующихъ. Братскія типографіи занимались изданіемъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Изъ этихъ изданій важнѣйшее значеніе имѣетъ изданіе Острожской Библіи, которое было сдѣлано со списка, составленнаго Новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ и присланнаго изъ Москвы по просьбѣ князя Константина Острожскаго. Упомянемъ имена знаменитѣйшихъ писателей Западной Россіи, прославившихся, главнымъ образомъ, обличеніемъ католичества. Множество посланій и грамотъ въ защиту православныхъ противъ католичества писали: *Гедеонъ Балабанъ*, епископъ Львовскій, *князь Константинъ Острожскій*, *Леонтій Карповичъ*, архимандритъ Виленскаго Духова монастыря. Нѣкоторые ревнители Православія принимали на себя трудъ разбора и обличенія Папства въ особыхъ большихъ сочиненіяхъ; такъ *Христофоръ Бронскій* написалъ правдивую повѣсть о Брестскомъ Соборѣ, на которомъ утверждена была унія съ Римскою Церковію; проповѣдникъ Львовскаго Братства *Стефанъ Зизаній* издалъ 16-е огласительное поученіе св. Кирилла Іерусалимскаго, гдѣ направлялъ мысль читателя къ тому убѣжденію, что Римскій папа есть предтеча Антихриста; ученѣйшій мужъ тогдашняго времени *Петръ Могила*, происходившій изъ рода Молдавскихъ князей, написалъ, въ обличеніе Латинянъ, книгу *Лифосъ*, т. е. камень и, кромѣ того, издалъ православное Исповѣданіе или Катихизисъ, написанный ректоромъ Кіевской Коллегіи, *Исаіею Трофимовичемъ*; *Сильвестръ Коссовъ*, бывшій, послѣ Петра Могилы, митрополитомъ Кіевскимъ, написалъ книгу „о семи таинствахъ“ и, кромѣ того, издалъ на польско-русскомъ языкѣ, *Печер-*

скій Патерикъ, т. е. сказанія о жизни печерскихъ подвижниковъ; *Іоанникій Голятовскій*, архимандритъ Сѣверскаго монастыря, велъ въ 1663 г. бесѣду съ іезуитами въ мѣстечкѣ „Бѣлая Церковь“ и потомъ эту бесѣду издалъ для утвержденія православныхъ въ истинной вѣрѣ. Наконецъ къ числу писателей, защищавшихъ Православіе противъ католичества, долженъ быть отнесенъ *Адамъ Зерникавъ*, лютеранинъ, обратившійся въ Православіе. Онъ написалъ ученѣйшее сочиненіе въ обличеніе Римскаго догмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Видите, братіе, какихъ твердыхъ защитниковъ православной истины имѣла Западно-Русская Церковь въ то время, когда ревнители Папства старались обратить Западно-Русскихъ христіанъ въ католичество. И устояли Русскіе въ Православіи; а тѣ, которые не оказали твердости въ вѣрѣ, глубоко раскаявались въ своемъ отреченіи отъ вѣры своихъ отцовъ и дѣдовъ. Во всякомъ случаѣ борьба за Православіе не осталась безплодною. Наступило время, когда Западно-Русскіе христіане, сплою отторгнутые отъ спасительной ограды Православія, были опять возвращены въ лоно православной Церкви, о чемъ будетъ нами сказано въ другомъ мѣстѣ.

Въ то время, какъ Западная Русь защищалась отъ происковъ іезуитовъ, Русь Московская имѣла свои побужденія къ борьбѣ умственной: и тамъ являлись благопотребные защитники истинъ и уставовъ Православной Церкви. Тѣ еретики, съ которыми какъ мы видѣли выше, боролись Іосифъ Волоколамскій, Максимъ Грекъ и монахъ Зиновій, принесли Московской Руси ту пользу, что пробуждали умственную жизнь, указывали Русскимъ ихъ слабыя стороны, неустройства церковнаго быта и заставляли подумать объ ихъ исправленіи. Стоглавый соборъ 1551 года открыто засвидѣтельствовалъ объ этихъ неустройствахъ и издалъ рядъ мѣръ къ исправленію Церковнаго чина, указанныя Соборомъ. Но мѣры не были приведены въ исполненіе, потому что нельзя было ни достать болѣе правильныхъ списковъ церковныхъ книгъ, ни завести школъ, ни указать людей, которые бы могли наблюдать за исправностію Церковнаго чина. Такимъ

образомъ сознаніе неустройствъ церковной жизни не могло принести добрыхъ плодовъ, а наступившія вскорѣ смуты междуцарствія заставили русское общество отложить на время попытки къ исправленію Церковнаго чина. Когда же смуты эти кончились, тогда въ Москвѣ опять начали изыскивать мѣры ко благу Церкви; начали заводить школы и исправлять церковныя книги. Это пробужденіе просвѣтительной дѣятельности имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что въ Московской Руси являлись духовные писатели. Укажемъ важнѣйшихъ между ними. Къ числу писателей, писавшихъ повѣствованія, должны быть отнесены слѣдующіе: Патріархъ *Гермогенъ* написалъ повѣсть объ обрѣтеніи иконы Казанской Божіей Матери и житія *Гурія* и *Варсонофія*, архіепископовъ казанскихъ; *Авраамій Палицынъ*, келарь Троицкой лавры, написалъ объ осадѣ Лавры Поляками, патріархъ *Филаретъ* составилъ сказаніе о бывшихъ въ Россіи мятежахъ, *Арсеній Грекъ* писалъ Житія Святыхъ, келейникъ патріарха Никона *Іоаннъ Шушеринъ*, описалъ жизнь этого патріарха. По поводу совершавшихся въ описываемое нами время книжныхъ исправленій явилась необходимость писать въ защиту этого дѣла противъ ревнителей темной старины. Когда на архимандрита Троицкаго Діонисія возстали враги книжнаго исправленія, онъ долженъ былъ писать въ свою защиту; то же дѣлали и другіе справщики книгъ. Въ это же время явился и другой поводъ писать сочиненія духовнаго содержанія. Поднялся въ Москвѣ споръ о томъ, въ какое время Литургіи хлѣбъ и вино пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христову; тогда ли, какъ священникъ говоритъ: *Пріимите ядите... Пійте отъ нея вси...* или—тогда, когда онъ, молитвенно призвавъ Св. Духа, благословляетъ Св. Дары. Первое мнѣніе принадлежитъ католической Церкви и его поддерживали ученые, вызванные изъ Кіева, и учившіеся нѣкогда въ католическихъ школахъ, именно—*Симеонъ Полоцкій*, наставникъ великаго князя и его послѣдователь *Сильвестръ Медвѣдевъ*. Они писали въ защиту своего мнѣнія. Православное мнѣніе защищали прибывшіе изъ Греціи ученые наставники юношества, братья *Іоанникій и Софроній Лихуды*. Борьба съ раскольниками

также возбуждала письменную дѣятельность. Прибывшій въ Россію Сербъ *Юрій Крижаничъ* писалъ въ опроверженіе Соловецкой Челобитной, Симеонъ Полоцкій написалъ противъ раскольниковъ книгу „Жизнь Правленія“, патріархъ Іоакимъ— книгу „Увѣтъ духовный“. Къ числу духовныхъ писателей этого времени долженъ быть отнесенъ и патріархъ Никонъ. Происходя изъ крестьянскаго званія и не учившись ни въ какихъ школахъ, онъ не имѣлъ такого образованія, какое требовалось отъ богослова-пастыря; но, имѣя отъ природы сильный умъ и ревность къ самообразованію, онъ расширилъ кругъ необходимыхъ свѣдѣній чтеніемъ книгъ, а свой талантъ проповѣдническій развилъ постояннымъ проповѣданіемъ Слова Божія. Поэтому патріархъ Никонъ долженъ считаться однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ пастырей своего времени. Онъ говорилъ множество проповѣдей, въ проповѣдяхъ показалъ—и знаніе сочиненій отеческихъ и глубокое пониманіе Слова Божія и силу проповѣдническаго таланта. Въ посланіяхъ пастырскихъ, въ грамотахъ и въ письменныхъ спорахъ съ своими противниками, онъ также показалъ и силу ума, и обширность свѣдѣній, и изящество рѣчи. Особенно же онъ обнаружилъ свой писательскій талантъ въ опроверженіи отвѣтовъ Паисія Лигарида на вопросы боярина Стрѣшнева. Здѣсь видны и обширное знаніе церковныхъ правилъ, церковной исторіи и твореній свв. Отцовъ, видна и сила рѣчи, глубина мысли.

Пробудившаяся въ 17-мъ вѣкѣ умственная дѣятельность уже не могла ослабѣть, такъ какъ ей данъ былъ сильный толчокъ реформой Петра Великаго. Со временъ Петра Великаго мы видимъ рядъ духовныхъ писателей, число которыхъ возрастаетъ постепенно. Писателей этихъ такъ много, что перечислять ихъ сочиненія было бы трудно. Мы ограничимся указаніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ и перечислимъ ихъ по отдѣламъ Богословской Литературы, на сколько, разумѣется, это возможно.

Основаніемъ Богословской науки служитъ Библія или Священное Писаніе, изъясняемое на основаніи Твореній свв. Отцовъ. Что же было сдѣлано, начиная съ 17-го вѣка, по

изданію Библіи и Твореній свв. Отцовъ? Трудами по изданію Библіи занимался *Епифаній Славенецкій*, ученый монахъ, вызванный въ Москву изъ Кіева еще при патріархѣ Никонѣ. Онъ самъ и его ученики, Чудовскіе монахи *Евѳимій* и *Моисей*, знавшіе хорошо греческій языкъ, трудились надъ исправленіемъ Библіи. Дѣло это остановилось за смертію Епифанія. При Петрѣ Великомъ Новгородскій митрополитъ *Іовъ* поручилъ нѣсколькимъ ученымъ лицамъ заняться исправленіемъ Библіи. Главнымъ надъ ними былъ архіепископъ *Ѳеофилактъ Лопатинскій*. Они сличали разные списки Библіи и исправляли ихъ то по Еврейскому подлиннику, то по переводу 70-ти толковниковъ, то по Латинской Библіи. Они окончили свой трудъ въ 1723 году, но за смертію Петра Великаго печатаніе Библіи остановилось. Она издана была уже въ 1751 году при Елизаветѣ Петровнѣ и пущена въ продажу по самой дешевой цѣнѣ, именно по 5 руб. Потребность въ Библіи была такъ велика, что вскорѣ потребовались три новыя изданія. Изданная при Елизаветѣ Петровнѣ Библія была долгое время въ употребленіи безъ всякихъ новыхъ исправленій. Новыя изданія Библіи начались въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда у насъ основались Библейскія Общества. Членами Библейскаго Общества были всѣ важнѣйшія государственныя лица, почти всѣ наши архіереи; во главѣ Общества стоялъ самъ Императоръ Александръ Первый. На громадныя пожертвованія членовъ Библейскаго Общества, при содѣйствіи духовныхъ и гражданскихъ правителей, Библія издавалась на разныхъ языкахъ, продавалась по самой дешевой цѣнѣ и расходилась милліонами по всей Россіи. Но такъ какъ Русское Библейское Общество находилось въ тѣсномъ союзѣ съ иностранными, особенно протестантскими обществами, такъ какъ ревнители просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви боялись, какъ бы съ распространеніемъ списковъ Библіи безъ толкованій св. Отцовъ не развилось у насъ вольнодумство,—то изданія Библейскаго Общества были пріостановлены, и самое Общество, вскорѣ послѣ смерти Императора Александра Перваго, было закрыто. Но гладъ слышанія Слова Божія не могъ прекратиться. Общество русское,

вкусившее духовную сладость чтенія Слова Божія на родномъ языкѣ, жаждало новыхъ изданій Библіи уже не на одномъ Славянскомъ языкѣ. И съ воцареніемъ Александра Втораго снова поднялся вопросъ объ изданіи русской Библіи. Сперва поднимались голоса противъ русскаго перевода; опасались, что Слово Божіе, предложенное на обычномъ народномъ языкѣ, потеряетъ свою важность, свой священный характеръ, станетъ въ уровень съ обыкновенными произведеніями литературы. Но голоса эти были слабы предъ общимъ стремленіемъ Русскаго народа—слышать Слово Божіе на обычномъ языкѣ. И вотъ, когда іерархи Русской Церкви собрались въ Москву, на коронацію Александра Втораго, мысль объ изданіи Библіи на русскомъ языкѣ здѣсь была принята всѣми, утверждена волею Монарха, и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ осуществилась. Изданію русской Библіи отъ лица Святѣйшаго Сунода, или — отъ лица всей Русской Церкви, предшествовали появившіеся въ обществѣ переводы отдѣльныхъ лицъ, какъ напримѣръ переводъ профессора Духовной Академіи, протоіерея *Герасима Павскаго*, и переводъ Алтайскаго миссіонера, архимандрита *Макарія*. Переводъ Библіи порученъ былъ ученымъ людямъ, наставникамъ духовныхъ академій, а окончательное установленіе русскаго текста Библіи предоставлено было іерархамъ, засѣдавшимъ въ Святѣйшемъ Сунодѣ. Дѣло это требовало особенной осторожности, особаго вниманія и потому могло совершиться не особенно скоро. И оно продолжалось во все царствованіе Александра Втораго. Сначала издано было Евангеліе, потомъ—весь Новый Завѣтъ, и наконецъ—книги Ветхаго Завѣта. И вотъ теперь мы имѣемъ всю Библію на русскомъ языкѣ, изданную съ благословенія Святѣйшаго Сунода, продаваемую за дешевую плату. Теперь уже всю Библію можно купить за 3 руб. или—даже меньше, а Новый Завѣтъ можно имѣть за нѣсколько копеекъ. Теперь уже самый бѣдный человѣкъ на Руси можетъ имѣть у себя если не всю Библію, то, по крайней мѣрѣ, весь Новый Завѣтъ, или Евангеліе, на русскомъ языкѣ и назидать свою душу чтеніемъ Слова Божія. И нѣтъ сомнѣнія, что православный Русскій народъ питаетъ свою душу чтеніемъ Слова

Божія. А чрезъ это чтеніе не только не падаетъ, а, напротивъ, еще болѣе усиливается благоговѣніе къ славянскому чтенію Священнаго Писанія, которое существуетъ въ церковной службѣ. Не пренебрегайте, православные, тѣмъ духовнымъ даромъ, который данъ вамъ руками Святѣйшаго Синода: поучайтесь въ Словѣ Божіемъ ежедневно, направляйте свою жизнь по ученію Евангельскому, но не забывайте при этомъ уразумѣвать Слово Божіе не по своимъ человѣческимъ измышленіямъ, а по разуму свв. Отцовъ Церкви.

А творенія свв. Отцовъ Церкви тоже, по немногу, издаются для нашего вразумленія и назиданія. Любовь къ чтенію отеческихъ твореній была очень сильна и въ древнемъ Русскомъ народѣ. Поэтому переводы свв. Отцовъ появились у насъ съ первыхъ вѣковъ христіанства. Особенно любили у насъ читать Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина и Іоанна Дамаскина. Но такъ какъ знаніе греческаго языка у насъ не было распространено, то новыхъ переводовъ являлось мало; довольствовались тѣмъ, что списывали прежніе переводы, или доставали отеческія творенія, переведенныя въ Славянскихъ земляхъ. Не мало переводовъ отеческихъ твореній явилось въ 17-мъ столѣтіи въ Москвѣ, а главнымъ образомъ — въ Югозападной Россіи. Но усиленная дѣятельность въ этомъ отношеніи началась уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 50-хъ годахъ. Духовныя академіи, въ стѣнахъ которыхъ трудятся дѣятели христіанской науки, занялись изданіемъ отеческихъ сочиненій въ порядкѣ, и при томъ—не отрывочно, а въ полномъ составѣ. И въ настоящее время мы имѣемъ въ русскомъ переводѣ творенія свв. Отцовъ Христіанской Церкви, если не всѣхъ, то важнѣйшихъ. По крайней мѣрѣ есть у насъ всѣ сочиненія Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, Блаженнаго Ѳеодорита, Амвросія Медіоланскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ. Впрочемъ, переводы эти еще не доступны для большинства русскихъ читателей: сочиненій этихъ такъ много, что имѣть ихъ одному человѣку не достанетъ средствъ. Но зато есть у насъ множество библіотекъ, особенно—бп-

бліотекъ церковныхъ, гдѣ можно достать переводы важнѣйшихъ свв. Отцовъ, можно читать ихъ и постепенно воспитывать себя въ духѣ отеческихъ сочиненій.

Изданныя на русскомъ языкѣ творенія свв. Отцовъ дали возможность утвердить у насъ и Богословскую науку, и церковную проповѣдь, и систематическое преподаваніе Закона Божія всѣмъ православнымъ христіанамъ. Основанныя въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка духовныя академіи воспитали многихъ пастырей и учителей Русской Церкви, глубоко назидательныхъ и строго православныхъ. Возьмемъ ли мы отдѣлъ церковной проповѣди: мы имѣемъ рядъ знаменитыхъ проповѣдниковъ въ лицѣ Святителей—Московскаго митрополита Филарета, и Херсонскихъ архіепископовъ Иннокентія и позднѣйшихъ — Димитрія и Никанора. Въ проповѣдяхъ Московскаго митрополита Филарета мы найдемъ и толкованіе важнѣйшихъ текстовъ Священнаго Писанія и точное, строго православное изложеніе нравственныхъ правилъ и догматическихъ истинъ; проповѣди Иннокентія сильно дѣйствуютъ на сердце и воображеніе, плѣняютъ умъ, возвышаютъ душу къ представленію событій Священной Исторій; у преосвященнаго Димитрія найдется пастырское наставленіе и указаніе на каждый вопросъ христіанскаго ума, на каждое событіе жизни человѣческой. Эти всѣ Святители, при всемъ томъ, стояли въ нѣкоторой дали отъ народной массы, и потому ихъ проповѣди не вполнѣ доступны до понятія простаго человѣка, который не получилъ никакого умственнаго развитія. А сколько есть проповѣдниковъ, которые были изъ сонма священниковъ—ближайшихъ наставниковъ народа. Кто изъ насъ не читалъ проповѣдей Рыбинскаго протоіерея *Иродіона Путятина,* Вологодскаго—*Василія Нордова,* Петербургскаго—*Василія Полисадова,* Кронштадскаго—*Іоанна Сергіева.* Проповѣди этихъ священниковъ, изданныя нѣсколько разъ, цѣлыми томами, могутъ послужить назидательнымъ чтеніемъ для всякаго, кто хочетъ поучать себя въ вѣрѣ и благочестіи, а между тѣмъ не имѣетъ досуга посѣщать церковь и слушать устныя бесѣды священниковъ. И въ настоящее время устныя бесѣды пастырей Церкви слышатся и въ церквахъ и

въ учплищныхъ помѣщеніяхъ и въ обширныхъ общественныхъ залахъ большихъ городовъ. Значитъ, только имѣй слухъ и охоту поучаться, всегда найдешь себѣ назпданіе въ бесѣдахъ пастырей Церкви.

Посмотримъ на другую область Христіанской науки, на изложеніе Христіанскихъ догматовъ въ обширныхъ богословскихъ трактатахъ. Здѣсь мы опять имѣемъ великихъ богослововъ прежнихъ и нынѣшнихъ временъ. Изъ древнихъ русскихъ богослововъ укажемъ на *Стефана Яворскаго* и на *Θеофана Прокоповича*, жившихъ при Петрѣ Великомъ и, отчасти, позднѣе его. Стефанъ Яворскій написалъ книгу „Камень вѣры“, въ которой свидѣтельствами Священнаго Писанія и святыхъ Отцовъ подтверждаетъ тѣ истины Христіанской вѣры, относительно которыхъ существуетъ разногласіе между Церковію православною и вѣроисповѣданіями неправославными. Здѣсь преимущественно раскрыты догматы о почитаніи святыхъ иконъ, креста и святыхъ мощей, о Таинствѣ Причащенія, о призываніи святыхъ, о благотвореніи въ память преставившихся, о литургіи, о постахъ, о добрыхъ дѣлахъ, которые необходимы для спасенія наравнѣ съ вѣрою. Эта знаменитая книга, сильнѣйшая защита Православія, была издана въ свѣтъ уже послѣ смерти Стефана Яворскаго, архіепископомъ Θеофилактомъ Лопатинскимъ, когда нѣсколько ослабѣло у насъ вліяніе иновѣрцевъ. Кромѣ „Камня вѣры“ Стефанъ Яворскій написалъ сочиненіе: „Знаменія пришествія Антихристова“, въ которой раскрытіемъ православнаго ученія объ Антихристѣ опровергалъ ходившіе тогда въ народѣ толки, что, съ реформою Петра Великаго, наступило въ Россіи царство Антихриста. Современникомъ Стефана Яворскаго былъ другой знаменитый богословъ Русской Церкви Θеофанъ Прокоповичъ,—человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, съ силою ума, съ талантомъ духовнаго оратора,—въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ онъ явилъ себя горячимъ противникомъ католичества и потому, въ горячности спора, иногда высказывалъ нѣкоторыя вольныя мысли, сближавшія его съ ученіемъ протестантовъ. Не менѣе славенъ *Θеофилактъ Лопатинскій*, сперва профессоръ Богословія, потомъ—архіепи-

скопъ Тверской, строгій ревнитель православія, обличитель иновѣрцевъ. Его трудами изданъ былъ „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго; отъ себя онъ написалъ книгу „Объ игѣ Господнемъ благомъ“ противъ лютеранскихъ мудрованій. Послѣ этихъ трехъ богослововъ долго не было у насъ писателей, посвятившихъ свои труды раскрытію православныхъ догматовъ. Они явились уже въ послѣднее время. Нынѣ существуютъ обширныя системы Догматическаго Богословія, принадлежащія нашимъ архипастырямъ—*Макарію*, митрополиту Московскому, *Филарету*, архіепископу Черниговскому, и *Сильвестру*, епископу, викарію Кіевской митрополіи: въ этихъ книгахъ православный христіанинъ найдетъ для себя полное и подробное раскрытіе всѣхъ христіанскихъ истинъ, найдетъ отвѣты на всѣ вопросы своего ума, защиту противъ всѣхъ ложныхъ мудрованій вѣка сего. Для изученія высокихъ правилъ христіанской нравственности, для уясненія путей къ вѣчной жизни—христіанинъ найдетъ себѣ источникъ въ письмахъ о христіанской жизни преосвященнаго Ѳеофана, бывшаго епископа Владимірскаго, скончавшагося въ нынѣшнемъ 1894 г., въ письмахъ іеромонаха *Макарія*, жившаго и скончавшагося въ Оптиной пустыни. Разборъ раскольническихъ мнѣній и исторію русскаго раскола можно найти въ твореніяхъ упомянутаго выше Макарія, митрополита Московскаго, въ бесѣдахъ и особыхъ трактатахъ *Григорія*, митрополита Петербургскаго, въ сочиненіяхъ недавно скончавшагося Никанора, архіепископа Одесскаго. Есть у насъ и множество сочиненій, въ которыхъ описаны святыя мѣста Православнаго Востока, какъ напр. сочиненія *Андрея Николаевича Муравьева*, *Авраама Сергѣевича Норова*, ученыхъ путешественниковъ *Акима Олесницкаго* и *Елисеева*; есть даже у насъ особое „Палестинское Общество“, которое одною изъ своихъ цѣлей избрало изученіе Святой Земли и ознакомленіе православныхъ христіанъ со всѣми достопримѣчательностями этой священной мѣстности. Трудами и пожертвованіями членовъ Палестинскаго Общества не только изданы описанія Святыхъ мѣстъ, но и облегчены способы путешествія къ этимъ мѣстамъ: и теперь уже немного нужно истра-

тить денегъ, чтобы посѣтить Іерусалимъ, осмотрѣть всѣ священныя мѣста Святой Земли и прожить при Гробѣ Господнемъ—спокойно, со всѣми удобствами для путешественника.

Но было бы слишкомъ долго, если бы мы вздумали перечислять всѣ труды нашихъ писателей по части раскрытія и доказательства Христіанскихъ истинъ, по изученію судебъ исторіи Святой Церкви, по описанію Святыхъ мѣстъ. Въ настоящее время уже заботятся не о томъ только, чтобы научить людей, ищущихъ христіанскаго просвѣщенія высшаго, богословскаго, но и о томъ, чтобы выработанныя наукою данныя сообщить цѣлой массѣ православнаго народа. Учреждаемыя въ послѣдніе годы Церковно-приходскія школы и внѣбогослужебныя бесѣды даютъ возможность просвѣщать въ духѣ Православной Церкви не пастырей только, но и пасомыхъ, не отдѣльныхъ только лицъ, готовящихся быть просвѣтителями народа, но—всѣхъ, ищущихъ Свѣта Христовой истины. Въ этомъ отношеніи особенно полезны внѣбогослужебныя бесѣды, на которыхъ поучаются не дѣти, а уже взрослые. Бесѣды эти ведутся и въ храмахъ, и въ общественныхъ городскихъ залахъ, и въ школьныхъ помѣщеніяхъ. Народъ, усердно посѣщающій эти бесѣды, являетъ къ нимъ полное вниманіе и усердіе. Это вниманіе и усердіе, представляя, само по себѣ, добрую черту Русскаго народа, служитъ поощреніемъ и наградою для тѣхъ пастырей Русской Церкви, которые посвящаютъ свои силы, свой трудъ и время, на составленіе и произнесеніе бесѣдъ. Оно также есть ручательство за дальнѣйшее духовное просвѣщеніе Русскаго народа. Наставленный въ истинахъ вѣры изъ живой рѣчи служителя Церкви, народъ останется вѣрнымъ сыномъ православія. Не увлекутъ его, какъ бывало прежде, ни расколы, ни ереси, ни вольныя мудрованія иновѣрцевъ, ни безсмысленные толки грубыхъ, суевѣрныхъ людей. Онъ будетъ ходить въ свѣтѣ Христова ученія, будетъ сыномъ свѣта и, наставляемый Церковію, придетъ къ невечернему свѣту славы Божіей, станетъ исполнять правила христіанской жизни сознательно и разумно и направитъ свои стопы къ Богу, *иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ*. Аминь.

Бесѣда одиннадцатая.

Борьба Православной Церкви съ заблужденіями еретиковъ, вольнодумцевъ и раскольниковъ.

Мы обозрѣли, въ нѣсколькихъ предыдущихъ бесѣдахъ, исторію духовнаго просвѣщенія въ Россіи; познакомились съ сочиненіями духовныхъ писателей, какъ древнѣйшихъ, такъ и современныхъ намъ; мы видѣли, какими способами распространялся въ Русскомъ народѣ свѣтъ Христовой истины и разгонялся мракъ язычества, невѣрія и вольномыслія. Благодаря этимъ способамъ, а главнымъ образомъ, при содѣйствіи благодати Божіей, Православная Русь сохранила, до нынѣшнихъ временъ, Христову истину въ чистомъ ученіи святыхъ Апостоловъ. Почитайте наши современныя духовныя сочиненія, послушайте, какъ исповѣдуютъ Христіанскую вѣру нынѣшнія чада Русской Церкви, вы услышите чистую Христову истину, услышите тѣ же слова и выраженія, какія слышались нѣкогда изъ устъ Апостоловъ и святыхъ Отцовъ. Значитъ Русская Церковь осталась донынѣ вѣрною древней Христовой истинѣ. Но—одно дѣло—вся Церковь Русская, все общество христіанъ, взятое въ совокупности, другое дѣло —

чада Церкви каждое въ отдѣльности; какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, какъ бы ни было оно хорошо устроено, всегда найдутся уклоненія, неправильности въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ и въ обществѣ христіанъ всегда могутъ быть лица, удаляющіяся отъ Церкви, лица еще не поставившія себя на тотъ путь, по которому ведетъ ихъ Церковь, лица не покоряющіяся спасительнымъ наставленіямъ Церкви. Такое явленіе неизбѣжно, пока Церковь еще существуетъ на землѣ, пока сыны Церкви еще не достигли мѣры возраста Христова. Вѣдь и Господь, въ своемъ Евангеліи, нерѣдко указывалъ на этихъ лицъ, уклоняющихся отъ спасительнаго зова Церкви. Онъ говорилъ, что въ Царствѣ Божіемъ должны расти пшеница и плевелы купно до жатвы, что въ неводъ Царства Христова попадаютъ и большія рыбы и малыя, которыя будутъ выброшены вонъ; Онъ говорилъ, что между званными на вечерю есть люди отказавшіеся прійти, между дѣвами, идущими навстрѣчу жениху, есть дѣвы неразумныя; съ особенною же силою раскрыта эта истина въ притчахъ о блудномъ сынѣ, о потерянной драхмѣ, о пропавшей овцѣ и проч. И вотъ всѣ эти, уклоняющіеся отъ спасительной ограды Церкви, эти блудные сыны, пропавшія овцы, служатъ предметомъ особенной заботливости пастырей Христова стада. Господь пришелъ на землю именно для того, чтобы спасти погибшаго, исцѣлить сокрушенныхъ сердцемъ, открыть заблуждающимся свѣтъ Христовой истины. Были, значитъ заблуждающіеся и въ Русской Православной Церкви. Объ этихъ-то заблуждающихся и будетъ нынѣшняя наша бесѣда.

Чтобы рѣчь объ этомъ предметѣ была вполнѣ понятна, скажемъ сначала, какого рода бываютъ заблужденія людей относительно предметовъ вѣры и Церкви. Такъ, раждается въ людяхъ вольномысліе, или *вольнодумство*, когда люди объ истинахъ вѣры или правилахъ благочестія думаютъ не такъ, какъ учитъ святая Церковь, а — по-своему, примѣняясь къ своимъ страстямъ, или житейскимъ интересамъ, или къ мнѣніямъ лицъ окружающихъ; потомъ бываетъ въ людяхъ *суевѣріе*, когда люди вѣрятъ обыкновенной вещи, какъ бы она имѣла Божественную силу, и на нее надѣятся, или ея боятся,

какъ напр. вѣрятъ разнымъ примѣтамъ; бываетъ еще *двоевѣріе*, когда люди, держась христіанскаго ученія и высказывая его устами, въ душѣ своей держатся и ложныхъ, языческихъ вѣрованій и даже уважаютъ ихъ болѣе, чѣмъ Христову истину. Къ ложнымъ мнѣніямъ принадлежатъ также *ересь* и *расколъ*. Ересь бываетъ тогда, когда человѣкъ къ истинамъ вѣры примѣшиваетъ мнѣнія, противныя Божественной истинѣ; расколъ бываетъ тогда, когда человѣкъ, не отвергая ученія Церкви, отдѣляется отъ Церкви, вслѣдствіе нежеланія подчиниться ея уставамъ и распоряженіямъ относительно богослуженія или христіанской жизни.

Всѣ, перечисленные нами, виды отступленій отъ истинной Церкви были въ Русскомъ народѣ въ разныя времена, существуютъ и до нынѣшняго времени.

Въ слабой степени проявлялась въ нашемъ обществѣ наклонность къ вольнодумству. Само по себѣ вольнодумство чуждо массѣ народной. Народъ такъ преданъ Церкви, такъ глубоко уважаетъ церковныя книги, церковные уставы, что онъ не способенъ быть вольнодумцемъ. Вольнодумцами являлись у насъ люди, которые входили въ близкія сношенія съ иновѣрцами. Таковъ былъ напр. *Матвѣй Башкинъ*, волновавшій московское общество въ половинѣ 16-го вѣка. Въ своемъ вольномысліи онъ заходилъ слишкомъ далеко, что и естественно въ человѣкѣ, не имѣвшемъ настоящаго христіанскаго воспитанія. Башкинъ отвергалъ догматы вѣры, отвергалъ писанія святыхъ Отцовъ, таинства, обряды, монашество, молитвы за умершихъ. Вольными мыслями Башкина увлекались нѣкоторые пустынники, жившіе въ монастыряхъ за Волгой; самъ Башкинъ въ числѣ своихъ единомышленниковъ оговорилъ *Артемія*, игумена Троицкаго, даже—просвѣтителя Лопарей Архимандрита *Ѳеодорита*. Вольнодумцы были осуждены на Московскомъ Соборѣ 1554 года и вольнодумство ихъ не имѣло сильнаго вліянія на общество. Оговоренный Башкинымъ Ѳеодоритъ не былъ вольнодумцемъ; не слѣдуетъ строго осуждать и Троицкаго игумена Артемія. Подобные люди были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, передовыми людьми своего времени. Въ тогдашнее время была въ народѣ слишкомъ велика наклон-

ность къ внѣшней обрядности, слишкомъ мало было пониманія смысла обрядовъ, слишкомъ много было нестроеній въ церковной жизни, на которыя указывалъ и Соборъ Русскихъ пастырей, извѣстный подъ именемъ Стоглаваго Собора. Удивительно ли, что находились люди, впадавшіе въ другую крайность? Удивительно ли, что явились вольнодумцы, которые отвергали уставы и обряды церковные? Но прошло время нестроеній, стало распространяться въ народѣ духовное просвѣщеніе и вольнодумство на время прекратилось. Къ вольнодумцамъ, подобнымъ Башкину, долженъ быть причисленъ и лѣкарь *Димитрій Тверитиновъ*, современникъ Петра Великаго. Онъ наслушался протестантскихъ мнѣній и смѣялся надъ вѣрою русскаго человѣка въ силу молитвъ предъ иконами, отвергалъ посты, почитаніе святыхъ мощей, ходатайство святыхъ, отвергалъ вообще уставы церковные. Его обличалъ Стефанъ Яворскій и единомышленники его были разосланы по монастырямъ, а упорнѣйшій изъ нихъ *Ѳома Ивановъ* былъ сожженъ на кострѣ. По поводу этихъ вольныхъ мыслей Стефанъ Яворскій написалъ книгу „Камень вѣры“. Но такъ какъ начатое Петромъ Великимъ сближеніе съ иновѣрцами у насъ продолжалось, то и вольномысліе у насъ не исчезло. Оно особенно сильно было въ образованномъ русскомъ обществѣ предъ воцареніемъ Елизаветы Петровны и въ концѣ царствованія Екатерины 2-й. Вольныхъ мыслей держались не только жившіе среди насъ образованные вельможи изъ нѣмцевъ, но и многіе природные русскіе вельможи. Особенно вредно дѣйствовали на насъ вольные мыслители—французы. Сочиненія французскихъ писателей, напр. Вольтера, охотно читались образованными людьми; и такъ какъ сами они не получили основательнаго образованія въ духѣ Православной Церкви, то, естественно, увлекались модным вольномысліемъ. Къ утѣшенію нашему, скажемъ, что вольномысліе было не въ духѣ Русскаго народа. А съ другой стороны оно пробуждало въ лучшихъ людяхъ убѣжденіе въ необходимости просвѣщенія христіанскаго. И мы знаемъ изъ предыдущихъ бесѣдъ, что именно въ царствованіе Екатерины 2-й начались

у насъ серьезныя попытки просвѣщать Русскій народъ истинами Христіанской вѣры.

Скажемъ теперь о ересяхъ, бывшихъ въ Россіи. Изъ общей Церковной исторіи мы знаемъ, что еретиками были всегда люди ученые, образованные, но гордые своею мудростію. Не желая принимать православное ученіе въ его чистомъ видѣ, они пытались согласить истины вѣры съ своими мудрованіями, и, принимая истины, давали имъ свой смыслъ, примѣшивали къ нимъ свои мнѣнія. А такъ какъ у насъ въ Россіи мало было людей образованныхъ, и всѣ, учившіеся чему-нибудь, учились единственно у пастырей, то въ собственномъ смыслѣ ересей у насъ не было. Высказывались по временамъ еретическія мнѣнія, но онѣ не принимались народной массой, существовали не долго и были явленіемъ случайнымъ. Поэтому, не распространяясь объ этихъ ересяхъ, напомнимъ только о ереси жидовствующихъ и о ереси Ѳеодосія Косаго. Объ этихъ ересяхъ мы говорили тамъ, гдѣ была рѣчь о сочиненіяхъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго и Зиновія, инока Отенскаго. Въ позднѣйшія времена являлись у насъ особаго рода ереси, которыя происходили вслѣдствіе близкихъ нашихъ сношеній съ иновѣрцами, особенно съ разными протестантскими сектами Западной Европы. Русскіе, не имѣя достаточной образованности, не зная основаній и доказательствъ содержимой ими вѣры, отпадали отъ православія и увлекались заблужденіями иновѣрцевъ, и начинали проповѣдывать ихъ среди народа. Но появлявшіяся, такимъ образомъ, еретическія мнѣнія имѣли мало послѣдователей. Распоряженіями правительства, внушеніями духовныхъ пастырей, усиленіемъ духовнаго просвѣщенія, ересь ослабѣвала и держалась тайно среди нѣсколькихъ лицъ. Къ еретикамъ такого рода должно отнести такъ называемыхъ духоборцевъ,— *Молоканъ, Скопцовъ, Пашковцевъ* и появившихся въ послѣднее время *Штундистовъ*. Всѣ эти ереси—не русскаго происхожденія. Онѣ явились у насъ вслѣдствіе сближенія нашего съ иновѣрцами и получили силу вслѣдствіе народнаго невѣжества и разныхъ неустройствъ городскаго и сельскаго быта.

Пиовѣрцы, или собственно—протестанты, какъ извѣстно, отвергаютъ Церковь, какъ видимое спасительное учрежденіе, отвергаютъ священство, какъ сословіе, по благодати Божіей руководящее насъ въ дѣлѣ спасенія, отвергаютъ многія таинства, монашество, посты, поклоненіе иконамъ, церковные обряды, призываніе святыхъ, молитвы за умершихъ. И всѣ свои ложныя мудрованія стараются подтвердить мѣстами Священнаго Писанія, приводя ихъ отрывочно, безъ связи рѣчи, и толкуя ихъ по-своему. И вотъ эти-то толкованія, подтверждаемыя текстами священныхъ книгъ, увлекаютъ русскаго человѣка, мало понимающаго свою вѣру, нетвердаго въ своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ. И если русскій человѣкъ рѣдко посѣщаетъ церковь, или за отдаленностію, или за житейскими заботами, и, въ то же время, заводитъ бесѣды съ протестантами, читаетъ одну только Библію, не имѣетъ у себя ни одной книги, изданной Православною Церковію, онъ начинаетъ колебаться; приходитъ и самъ къ убѣжденію, что не нужны ему ни пастыри Церкви, ни обряды церковные, ни иконы, ни святыя мощи. Его слабости нравственной, какъ нельзя лучше отвѣчаютъ внушенія лютеранъ, что не нужно никакихъ трудовъ для спасенія души, не нужно ни продолжительныхъ молитвъ, ни строгаго поста, не нужно ежегодное причащеніе Святыхъ Таинъ. И вотъ человѣкъ увлекается протестантскими ученіями; онъ входитъ въ общество молоканъ, посѣщаетъ собранія пашковцевъ, штундистовъ и т. п. И такихъ еретиковъ особенно много среди южнаго населенія Россіи, тамъ, гдѣ живутъ колонисты-протестанты. Молоканами они называются потому, что первыя обнаруживанія этихъ ересей были въ селеніяхъ на берегу „Молочныхъ водъ“ въ Таврической губерніи; пашковцами называются послѣдователи Пашкова, который проповѣдывалъ протестантскія мнѣнія въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ; штундистами они названы отъ нѣмецкаго слова stunde, то есть часъ. Такъ называются домашнія молитвенныя собранія нѣмцевъ-колонистовъ. Здѣсь читаютъ и толкуютъ Священное Писаніе, поютъ священныя пѣсни, составленныя нѣмецкими поэтами, предлагаютъ поученія христіанской жизни. Русскіе, посѣщая

эти собранія, стали называть себя штундистами. Всѣ эти, перечисленныя нами, ереси не исчезли до настоящаго времени. Людей, держащихся этихъ заблужденій, не мало. Они есть и между образованными людьми; но гораздо ихъ больше среди простого народа, имѣющаго близкія сношенія съ Нѣмцами. На эти ереси обращено нынѣ вниманіе и правительства гражданскаго и пастырей Церкви. И есть надежда, что распоряженія правительства, и особенно—мѣры власти Церковной, постепенно устранять тьму заблужденія, наводимую на насъ пашковцами, штундистами и другими сектантами. Тутъ особенно важны церковно-приходскія школы и внѣбогослужебныя бесѣды. Будемъ надѣяться, что тѣ и другія распространятъ въ народѣ правильныя понятія о Церкви и ея учрежденіяхъ; и что люди, нынѣ стоящіе вдали отъ Церкви, постепенно возвратятся въ ея спасительную ограду.

Если чуждо нашему народу вольнодумство, если мало въ немъ расположенности къ ересямъ, то очень сродно намъ суевѣріе. Это — видъ заблужденія, свойственный не простолюдинамъ только, но и людямъ, достаточно образованнымъ. О суевѣріи мы говорили подробно, когда бесѣдовали о грѣхахъ противъ первой заповѣди. Теперь укажемъ признаки суевѣрія въ судьбахъ Русскаго народа. Суевѣрныя понятія народа есть остатокъ древнихъ языческихъ вѣрованій, которыя не могли вполнѣ уничтожиться съ принятіемъ христіанства. Русскій народъ принялъ Христіанскую вѣру, сперва, внѣшнимъ образомъ, принялъ не потому, что видѣлъ пустоту язычества и понималъ величіе христіанства, а потому, что на народъ дѣйствовало благолѣпіе церковное, примѣръ и воля князей, властное слово пастырей Церкви. Принимая христіанство на такихъ началахъ, народъ не могъ, однакоже, вдругъ и рѣшительно освободиться отъ тѣхъ вѣрованій, которыхъ держался въ язычествѣ. Онъ, попрежнему, чувствовалъ свою зависимость отъ разныхъ таинственныхъ существъ, то приносящихъ ему вредъ, то помогающихъ ему въ его предпріятіяхъ. Какъ до принятія христіанства народъ Русскій вѣрилъ въ домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ и старался освободиться отъ вліянія ихъ—то разными наговорами, привѣсками, ладон-

ками, то—дѣйствіями колдуновъ, кудесниковъ, знахарей, такъ и по принятіи ученія Христова онъ продолжалъ прибѣгать къ колдунамъ и знахарямъ. Какъ прежде онъ вѣрилъ въ силу разныхъ примѣтъ, разныхъ неожиданныхъ случайностей, такъ и теперь остался при той же вѣрѣ. И суевѣріе, оставшееся у насъ отъ прежнихъ языческихъ вѣрованій, поддерживалось сношеніями съ Славянами, особенно съ Болгарскимъ народомъ, отъ котораго переходили къ намъ разныя „отреченныя“ или запрещенныя книги, въ которыхъ излагались болгарскія басни о сотвореніи міра верховнымъ злымъ духомъ, о борьбѣ добра со зломъ, о томъ, что наше тѣло есть произведеніе злаго духа, что наша душа находится въ тѣлѣ, какъ бы во временной темницѣ. Эти отреченныя книги, эта вѣра въ разнаго рода примѣты, это уваженіе къ колдунамъ и знахарямъ, были постепенно обличаемы въ поученіяхъ и посланіяхъ пастырей Русской Церкви. Ихъ обличалъ въ своихъ поученіяхъ преподобный Ѳеодосій Печерскій, обличалъ игуменъ Псковскаго Елеазарова монастыря Памфилъ въ посланіи къ псковскимъ властямъ; вѣрованія эти обличаются и въ книгѣ Стоглавъ, и въ сочиненіяхъ Максима Грека, и въ посланіяхъ митрополита Макарія и др. архипастырей. Но обличенія пастырей Русской Церкви дѣйствовали только на немногихъ читателей пастырскихъ поученій и посланій. Народная масса оставалась при своихъ суевѣрныхъ понятіяхъ. Сильнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ борьбы съ суевѣріями было распространеніе въ народѣ истинно-христіанскаго просвѣщенія. А это великое дѣло началось только въ послѣднія времена, началось чуть ли не въ наше время. Но суевѣрія искореняются очень трудно. На искорененіе ихъ можно надѣяться только въ отдаленномъ будущемъ. Вѣдь и нынѣ суевѣріе развито, во всѣхъ классахъ общества, въ значительной степени. И нынѣ многіе изъ насъ вѣрятъ въ счастливые и несчастные дни, боятся всякихъ неожиданныхъ встрѣчъ, вѣрятъ разнаго рода примѣтамъ; среди простолюдиновъ еще держится вѣра въ колдуновъ, вѣдьмъ, русалокъ, домовыхъ и лѣшихъ. А присмотритесь къ разнымъ обычаямъ, которые соблюдаются у нашего простого народа, при рожденіи чело-

вѣка, при свадьбахъ, при похоронахъ. Тутъ еще очень много остатковъ древняго суевѣрія. Есть въ народѣ также и книги, которые прежде входили въ разрядъ книгъ „отреченныхъ“, какова напр. рукопись „Сонъ Богородицы“ и др. подобныя.

Важнѣйшее, и по силѣ, и по продолжительности, заблужденіе Русскаго народа есть „Расколъ“, исторію котораго мы и изложимъ въ остальной части нынѣшней бесѣды. Когда мы объяснили, въ нашихъ бесѣдахъ, первую заповѣдь, мы дали понятіе о томъ, что такое расколъ. Теперь изложимъ самую исторію русскаго раскола.

Раскольники открыто отдѣлились отъ Русской Церкви во второй половинѣ 17-го вѣка; но тѣ мнѣнія, изъ за которыхъ они отдѣлились отъ Церкви, появились на Руси издавна, едва ли не съ самаго начала существованія у насъ Христіанской Церкви. Мнѣній этихъ чрезвычайно много, такъ какъ много и толковъ, на которые дѣлится русскій расколъ. Важнѣйшія изъ этихъ мнѣній, возведенныя раскольниками на степень догматовъ, суть слѣдующія: 1) службу церковную должно совершать непремѣнно по книгамъ, исправленнымъ до патріарха Никона; 2) Имя Господа Спасителя должно писать не Іисусъ, а Исусъ; 3) въ 8-мъ членѣ Символа вѣры вмѣсто: „Господа, животворящаго“ слѣдуетъ читать: „истиннаго и животворящаго“; 4) Аллилуіа должно, въ церковной службѣ, говорить не трижды, а дважды, и въ третій разъ прибавлять: „Слава Тебѣ Боже“; 5) Крестъ должно почитать не четвероконечный, а осьмиконечный; 6) въ крестныхъ ходахъ должно обходить храмъ Божій „посолонь“, т. е. по солнцу, а не противъ солнца: значитъ по выходѣ изъ храма должно итти не влѣво, а вправо; 7) Литургію должно совершать не на пяти, а на семи просфорахъ и проч. Какъ произошли всѣ эти мнѣнія? Общая причина зарожденія подобныхъ мнѣній заключалась въ недостаткѣ духовнаго просвѣщенія. Ошибаться свойственно всѣмъ людямъ. Но если есть въ обществѣ умные образованные наставники и руководители. то всякая ошибка можетъ быть легко исправлена. А такихъ руководителей было очень немного въ нашемъ Отечествѣ тогда, такъ какъ сами пастыри Церкви были едва грамотны,

и вся ихъ пастырская дѣятельность ограничивалась однимъ механическимъ отправленіемъ церковныхъ обрядовъ, мало осмысленнымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ. Не забудемъ также, что, въ древней Россіи церковныя книги не печатались, а переписывались. Если и теперь, при перепискѣ, неизбѣжно допускаются ошибки, то въ древнія времена, при полномъ невѣжествѣ переписчиковъ, ошибки допускались несравненно чаще. При томъ тогдашніе переписчики не имѣли о себѣ такого скромнаго понятія, какое имѣютъ нынѣшніе писаря и писцы, не смѣющіе отступить отъ рѣчи, которую они переписываютъ. Тогдашніе писцы считали себя не только грамотѣями, но и людьми учеными, образованными. Они не только допускали, неизбѣжныя при перепискѣ, ошибки, но имѣли смѣлость вводить въ свой трудъ личныя мнѣнія, дерзали не только переписывать буквально, но и поправлять, вводить въ книги то, что они считали вѣрнымъ. При этихъ-то условіяхъ быстро умножались ошибки въ церковныхъ книгахъ. Повторяясь цѣлые годы, ошибки эти утвердились въ умѣ и памяти народа, читающаго церковныя книги, получили значеніе истинъ непререкаемыхъ. Что было съ церковными книгами, то же замѣчалось и при совершеніи обрядовъ. Если и теперь, при множествѣ образованныхъ служителей церкви, неизбѣжно вкрадываются въ церковную службу обряды, не указанные въ книгахъ, а введенные произволомъ служителя церкви, то еще болѣе могло быть это въ древности. Теперь еще легко исправить допущенное отступленіе: умный міряпинъ, или болѣе образованный священникъ, или — наконецъ, архіерей, посѣщающій приходскую церковь, докажетъ допущенную невѣрность, и научитъ какъ совершать обрядъ правильно. Гораздо труднѣе было это дѣло въ древней Россіи. И такимъ образомъ вводились обряды несогласные съ уставами Церкви. Народъ къ этимъ обрядамъ привыкалъ и тогда исправить чинъ церковной службы становилось дѣломъ очень труднымъ. Ошибки постепенно умножались, народъ привыкалъ къ нимъ и, не будучи въ состояніи отличить правильный обрядъ отъ неправильнаго, вѣрное чтеніе отъ ошибочнаго, народъ пристращался къ ложнымъ мнѣніямъ, привыкалъ къ не-

правильнымъ обрядамъ, и ему уже было трудно усвоить себѣ лучшій обрядъ, лучшее чтеніе и правило. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, какъ укоренялись въ Русскомъ народѣ обычаи и мнѣнія, усвоенныя впослѣдствіи раскольниками. Напримѣръ имя Іисуса Христа писали и вполнѣ правильно: Іисусъ, а по небрежности писали Ісусъ; иногда, вмѣсто полнаго начертанія, писали сокращенно, съ титломъ или безъ титла, напр. Іс Іис и т. п. Читатели церковныхъ книгъ, слушатели церковныхъ чтеній и пѣній, не могли явственно выслушать, или прочитать имя Христова и привыкли думать, что Господь называется Ісусъ. Или напр. возьмемъ 8-й членъ Символа вѣры. Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ: *„и въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго“*. Господа по-гречески будетъ *Киріон*. Слово это у насъ иногда переводили словомъ „Господа“, иногда — „Господственнаго“, иногда „истиннаго“; иногда вмѣсто одного слова говорили два, именно: „Господа, истиннаго“ и иногда только „истиннаго“. Такъ явились разныя чтенія, а потомъ образовалось чтеніе неправильное, прибавляющее къ Символу вѣры лишнее слово; стали читать: Господа Истиннаго и Животворящаго“, или „Истиннаго и Животворящаго“. Или — вопросъ о числѣ просфоръ на Проскомидіи. Здѣсь особенно важна первая просфора, изъ которой вынимается Агнецъ; число другихъ просфоръ, имѣющее меньше значенія, бывало разное, и точнаго указанія числа просфоръ не было въ древнихъ служебникахъ, которые писались, бо́льшею частію, сокращенно. Постепенно утвердилось въ обычаѣ употреблять пять просфоръ; когда Московскій великій князь принялъ титулъ царя, стали прибавлять, въ честь его, шестую просфору; когда митрополитъ Московскій получилъ санъ патріарха, стали прибавлять за него седьмую просфору. Видите, какъ естественно образовалось седьмь просфоръ, и какъ это мало относится къ сущности Таинства Причащенія! Горячо спорить объ этомъ могли только люди, не умѣющіе отличить существенное отъ менѣе важнаго. Такъ же можно объяснить и „сугубое аллилуіа“. Слово „Аллилуіа“ Еврейское и значитъ: „хвалите Господа“. А у насъ въ старину

думали, что Аллилуіа значитъ: „Слава Тебѣ, Боже“ и постепенно пришли къ обычаю говорить Аллилуіа дважды, и въ третій разъ прибавлять „Слава Тебѣ, Боже“, полагая, что одно и то же славословіе произносится два раза по-еврейски, а въ третій разъ—по-русски. Такимъ же способомъ объясняется происхожденіе и другихъ мнѣній и обычаевъ, изъ за которыхъ раскольники спорятъ съ православными. Эти мнѣнія и обычаи, не имѣющія прямого отношенія къ истинамъ вѣры и правиламъ благочестія, впослѣдствіи укоренились въ Русскомъ народѣ, стали предметомъ споровъ, подкрѣплялись разными доказательствами и получили, наконецъ, значеніе непререкаемыхъ догматовъ. Изъ за этихъ мнѣній поднимались смуты въ народѣ: такъ, напримѣръ, изъ за спора о томъ, какъ ходить въ крестныхъ ходахъ, по солнцу, или—противъ солнца, было отложено освященіе Московскаго Успенскаго собора; чтобы подтвердить обычай „сугубить“ аллилуіа, какой-то малоизвѣстный писатель сталъ увѣрять, что Сама Богородица являлась во снѣ преподобному Евфросину Псковскому и повелѣвала ему „сугубить“ аллилуіа. Когда Максимъ Грекъ приказалъ своимъ сотрудникамъ изглаживать въ 8-мъ членѣ слово „истиннаго“, сотрудниковъ обнималъ великій страхъ и они не рѣшались изгладить. Бывало такъ, что народъ, привыкшій сугубить аллилуіа, бѣжалъ изъ храма, когда слышалъ, что аллилуіа произносили трижды. Чтобы подвердить укоренившіяся ложныя мнѣнія, разные грамотѣи выдумывали священныя повѣсти, дѣлали вставки въ сочиненія свв. Отцовъ, свои сказанія выдавали за творенія Апостоловъ и Отцовъ Церкви, и такимъ образомъ спорныя мнѣнія получали великую силу.

Къ началу 17-го вѣка ложныя раскольническія мнѣнія были приняты чуть ли не большинствомъ Русскаго народа. Но такъ какъ никто не обличалъ этихъ ложныхъ мнѣній, а если и являлись обличители, то ихъ не слушали, да и сами они не имѣли власти устранять эти мнѣнія, то раскола еще не было. Расколъ долженъ былъ явиться тогда, когда предприняты были рѣшительныя мѣры къ исправленію церковнаго чина. Тутъ повторилось то же явленіе, какое было

въ древней Христіанской Церкви во время борьбы съ ересями. Когда Вселенскіе Соборы, утвердивъ Православную вѣру, произносили анаѳему на еретиковъ и отступниковъ, тогда отступники открыто отдѣлялись отъ Церкви, становились сектантами, еретиками, раскольниками. То же было и у насъ. Пока исправляемыя церковныя книги употреблялись вмѣстѣ съ неисправными, пока дозволялось каждому совершать обряды, къ которымъ онъ привыкъ, читать церковныя книги такъ, какъ читалось доселѣ, до тѣхъ поръ въ Россіи не было раскола, не было и споровъ, не было и противленія Церкви. Но такъ оставлять дѣло было опасно. Книги портились больше и больше, и Россійская Церковь допускала у себя бо́льшія и бо́льшія отступленія отъ древнихъ православныхъ уставовъ. При этомъ можно было опасаться, что отступленія, начавшіяся съ маловажнаго, дойдутъ до существеннаго, коснутся истинъ вѣры и произведутъ у насъ разныя ереси. Видѣли и понимали это пастыри Церкви, жившіе до Никона; они исправляли церковныя книги, но—или изъ боязни смутъ, или по недостатку твердости въ стремленіи къ цѣли,—дозволяли употреблять новоисправленныя книги вмѣстѣ съ неисправными. Не такъ посмотрѣлъ патріархъ Никонъ. Онъ употребилъ рѣшительныя мѣры въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ, а Соборъ Восточныхъ и Русскихъ іерарховъ, утвердивъ всѣ, произведенныя Никономъ, исправленія, осудилъ тѣхъ, которые не хотѣли принять новоисправленныя книги. Этотъ-то соборный судъ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ отдѣленіе многихъ Россіянъ отъ Православной Церкви; онъ-то и послужилъ началомъ русскаго раскола. Кто же были зачинщиками раскола? Какіе это люди не захотѣли подчиниться опредѣленію Церковной власти и увлекли многихъ въ дебри раскола и церковныхъ смутъ? Укажемъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Во главѣ отступниковъ отъ Церкви стояли епископъ Коломенскій Павелъ, протоіерей Казанской Церкви въ Москвѣ Іоаннъ Нероновъ, протопопъ города Юрьевца Повольскаго Аввакумъ, протопопъ Костромской Даніилъ, протопопъ Муромскій Логгинъ и другіе бывшіе прежде справщиками книгъ. Что же они дѣлали, чего требовали? Прежде всего

они, собравшись вмѣстѣ, написали и подали царю Алексѣю Михайловичу „общее прошеніе на многомятежнаго Никона“, обвиняя его за то, что онъ вводитъ троеперстное сложеніе въ крестномъ знаменіи, вмѣсто двоеперстнаго, и запрещаетъ, будто бы, земные поклоны въ Великій постъ. Потомъ они стали вопіять противъ четвероконечнаго креста и противъ трегубой аллилуіи. Но, главнымъ образомъ, они утверждали, что книги, исправленныя Никономъ по Греческимъ книгамъ, неправославны, наполнены новшествами и заблужденіями; а такъ какъ Никонъ, при исправленіи книгъ, старался во всемъ согласоваться съ Церковію Восточною, то враги Никона говорили, что сами Греческіе патріархи уже болѣе не православны, что Церковь Восточная, находясь подъ игомъ невѣрныхъ, уже потеряла или исказила истинную вѣру во Христа, что греческія церковныя книги повреждены Латинами и что служить по новоисправленнымъ книгамъ не слѣдуетъ. И все это они утверждали не по ревности къ православію, а по личнымъ неудовольствіямъ на патріарха Никона. Павелъ епископъ Коломенскій имѣлъ еще и личное неудовольствіе на Никона, такъ какъ надѣялся послѣ Іосифа видѣть патріархомъ одного изъ своихъ родственниковъ, а между тѣмъ былъ возведенъ Никонъ. Участники его смуты, Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ, Лонгинъ и другіе воспылали ненавистію къ Никону за то, что онъ съ безчестіемъ устранилъ всѣхъ ихъ отъ должности справщиковъ, призналъ напечатанныя ими книги неисправными и началъ искоренять тѣ самыя мнѣнія, которыя они пытались вносить въ исправляемыя ими книги.

Какъ же поступилъ Никонъ съ своими ожесточенными врагами? Сначала онъ вразумлялъ ихъ, призывалъ ихъ къ себѣ, вступалъ съ ними въ состязанія. Но, когда увидѣлъ, что они остаются упорными до ожесточенія, увлекаютъ народъ и готовы произвести расколъ въ Русской Церкви, а Церковь восточную—православную открыто называютъ еретическою, онъ рѣшился употребить противъ нихъ мѣры строгія. Виновники смуты были разосланы по монастырямъ и подвергнуты тѣсному заключенію въ монастырскихъ темни-

цахъ. Никонъ такъ поступилъ съ согласія Собора Русскихъ іерарховъ и съ одобренія Паисія, патріарха Цареградскаго. Самъ онъ имѣлъ твердую надежду, что такія строгія мѣры предотвратятъ расколъ въ Русской Церкви. И конечно надежда патріарха осуществилась бы, если бы ревностный архипастырь довелъ свое служеніе Русской Церкви на продолжительное время. Къ сожалѣнію, послѣдовала перемѣна въ судьбѣ самого Никона. Едва прошло три, четыре года отъ начала его великаго дѣла — исправленія книгъ, едва онъ успѣлъ исправить и разослать по церквамъ пять или шесть книгъ, какъ имѣлъ несчастіе лишиться милости добраго царя, оставилъ патріаршій престолъ и удалился въ свою обитель, въ Новый Іерусалимъ. Это было въ 1658 году.

Враги Никона, и въ особенности ревнители мнимой старины церковной, теперь торжествовали... Въ Москвѣ начали открыто говорить противъ Никона и новопечатныхъ книгъ. Успѣли убѣдить царя Алексѣя Михаиловича, чтобы онъ помиловалъ сосланнаго въ Сибирь протопопа Аввакума, и Аввакумъ, послѣ шестилѣтняго изгнанія, возвратился въ Москву. Здѣсь онъ нашелъ себѣ большое сочувствіе даже между знатными и близкими по Двору лицами и пріобрѣлъ ревностныхъ послѣдователей, готовыхъ на всѣ пожертвованія и страданія за мнимо-древнее благочестіе. Аввакумъ писалъ противъ Никоновыхъ исправленій; но болѣе всего онъ вооружался на самого Никона, называлъ его злѣйшимъ изъ всѣхъ еретиковъ; наконецъ подалъ царю прошеніе, чтобы онъ отрѣшилъ Никона отъ патріаршества и возстановилъ древнее благочестіе. Кромѣ Аввакума дѣйствовали противъ Никона и другіе, упорные въ невѣжествѣ лица, особенно — діаконъ Успенскаго собора Ѳеодоръ. Онъ съ жаромъ защищалъ старыя книги, порицалъ троеперстіе, трегубую аллилуію, исправленіе Символа; порицалъ не только всѣхъ русскихъ архіереевъ, но и восточныхъ патріарховъ, будто бы уклонившихся отъ православія. Заточенный въ Покровскій монастырь, онъ оттуда написалъ „Обличеніе на Никоново новшество“ и прошеніе къ царю, „дабы повелѣлъ Никонова отложити преданія, древнее же отеческое неизмѣнно держати благочестіе“. Суздальскій

священникъ Никита, или попросту извѣстный „Попъ Никита Пустосвятъ“, также священникъ города Романова—Лазарь, подали царю челобитныя, въ которыхъ доказывали, что Никонъ оставилъ совершенно вѣру Христіанскую, принялъ жидовское зловѣріе, совершенно возлюбилъ „богоотметную ересь Римскую“, вводитъ въ Церковь ереси Арія, Несторія, Маркіона, однимъ словомъ считали Никона злѣйшимъ изъ всѣхъ еретиковъ. Другіе ревнители мнимодревняго благочестія дѣйствовали также противъ Никона, то пиша противъ него сочиненія, то устно возбуждая народъ противъ распоряженій патріарха. Такимъ образомъ, въ продолженіе 8-ми лѣтъ, пока Никонъ находился въ удаленіи отъ дѣлъ церковныхъ и на мѣсто его не былъ избранъ другой патріархъ, расколъ успѣлъ распространиться въ Россіи повсюду, и если не былъ еще отсѣченъ видимою церковною властію, зато внутренно уже совершенно отдѣлился отъ Церкви. Самая жизнь, какъ расколоучителей, такъ и всѣхъ, которые слѣдовали за ними, была наилучшимъ доказательствомъ, что эти люди уже стоятъ вдали отъ Церкви. „Ради священническаго многаго невѣжества и нерадѣнія о врученномъ имъ Христовомъ стадѣ“, говорятъ тогдашніе Россійскіе архипастыри, „ради небреженія о церковномъ всякомъ благочиніи, и ради безчиннаго ихъ житія, мнози Христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія Пречистаго Тѣла и Крове Христовы лишишася; могущіи же (т. е. люди знатные, сильные) по домомъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ безъ благословенія и безъ свидѣтельства архіерейскаго; иніи же изъ тѣхъ священниковъ мнози подъ запрещеніемъ и извержени отъ своего имъ архіерея, служаху по домомъ и угощаху непокорникомъ святыя восточныя церкве, не хотящимъ слушати въ церквахъ пѣнія, идѣже совершается по исправленнымъ печатнымъ книгамъ по обычаю святыя восточныя церкве; зане во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины, и таинства и послѣдованія церковная; соблазнишася же и о исправленіи святаго Символа, и о трегубой аллилуіи,

о знаменіи честнаго и животворящаго креста, о сложеніи трієхъ первыхъ перстовъ, и о Іисусовѣ молитвѣ и прочихъ".

Когда церковная смута, начатая врагами Никона, произвела соблазнъ въ тогдашнемъ обществѣ, когда многіе, волнуемые рѣчами ревнителей мнимой старины, стали отдаляться отъ Церкви, тогда царь Алексѣй Михаиловичъ рѣшилъ собрать въ Москвѣ Соборъ архипастырей. Соборъ собрался въ Февралѣ 1666 года и имѣлъ 11 засѣданій. Въ первомъ засѣданіи были только одни Святители Россійскіе. Они условились, прежде чѣмъ разсуждать о расколѣ, рѣшить сперва, согласны ли сами они въ главныхъ основаніяхъ для сужденій объ этомъ предметѣ. Прежде всего былъ прочитанъ на Соборѣ Никеоцареградскій Символъ вѣры въ новоисправленномъ видѣ. Потомъ всѣ утвердили мысль, что святѣйшіе патріархи греческіе сохраняютъ неизмѣннымъ древнее православіе, что греческія богослужебныя книги, какъ печатныя, такъ и рукописныя, вполнѣ праведны, что Соборъ, опредѣлившій въ 1654 г. начать исправленіе книгъ и чиновъ церковныхъ, есть Соборъ праведный. Всѣ эти опредѣленія іерархіи утвердили своими подписями. Во второмъ засѣданіи присутствовалъ самъ царь. Онъ сперва произнесъ рѣчь, въ которой, упомянувъ о новоявившемся расколѣ, просилъ Отцовъ обратить все свое вниманіе на это важное дѣло, и затѣмъ, прочитавъ во всеуслышаніе грамоту, присланную изъ Греціи при утвержденіи у насъ патріаршества, спросилъ присутствовавшихъ: такъ ли они содержатъ Символъ вѣры и прочіе догматы, какъ написано въ грамотѣ? Питиримъ, митрополитъ Новгородскій, отъ лица всѣхъ отвѣчалъ: „мы всѣ такъ вѣруемъ и такъ содержимъ, какъ написали въ ней святѣйшіе патріархи и утвердили своими печатьми, и не имѣемъ ни приложить къ сему что-либо, ни отъять, ни измѣнить". Въ послѣдующія засѣданія, на которыхъ самъ царь не присутствовалъ, Соборъ исключительно занимался расколомъ и расколоучителями. На этомъ Соборѣ были прощены и возвращены въ лоно Церкви тѣ расколоучители, которые раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ, напр. *Александръ*, епископъ Вятскій, монахъ *Ефремъ Потемкинъ*, *Іоаннъ Неронов*ъ, игу-

менъ Златоустовскаго монастыря *Θеоктистъ*, Соловецкій старецъ *Герасимъ Фирсовъ* и проч.; тѣ же, которые, послѣ увѣщаній соборныхъ, остались упорными въ своей враждѣ на Церковь, были преданы анаѳемѣ и отлучены отъ Церкви. Такой участи подверглись: протопопъ Аввакумъ, попъ Никита Пустосвятъ и діаконъ Ѳеодоръ. Аввакумъ и Ѳеодоръ были заточены въ Пустозерскій острогъ, Никита былъ сосланъ въ Угрѣшскій Николаевскій монастырь, откуда прислалъ на соборъ покаянную грамоту и былъ принятъ въ церковное общеніе. Въ послѣднее, одиннадцатое, засѣданіе отцы Собора написали и подписали общее наставленіе духовенству по случаю раскола, которое и разослали по всей Россіи. Они убѣждали духовныхъ покоряться во всемъ Св. Восточной Церкви и пользоваться при Богослуженіи книгами, новоисправленными Никономъ и одобренными Соборомъ іерарховъ; кромѣ того, они преподали частныя правила касательно печатанія просфоръ четвероконечнымъ крестомъ, касательно чина совершенія таинствъ и, наконецъ, касательно тѣхъ предметовъ, изъ за которыхъ спорили ревнители мнимой старины. Эти же іерархи издали, для вразумленія раскольниковъ, составленную Симеономъ Полоцкимъ, книгу „Жезлъ Правленія“, въ которой по пунктамъ обличаются двѣ главнѣйшія челобитныя расколоучителей—попа Никиты и попа Лазаря.

Такимъ образомъ судъ Русской Церкви о новопечатныхъ книгахъ и новоявившемся расколѣ былъ произнесенъ ясно и рѣшительно Соборомъ ея архипастырей. Потомъ этотъ судъ былъ утвержденъ голосомъ архипастырей Восточныхъ и сдѣлался какъ бы общимъ приговоромъ Церкви православно-каѳолической. Голосъ этотъ былъ произнесенъ на Соборѣ, собранномъ для суда надъ патріархомъ Никономъ. На этомъ соборѣ, кромѣ новоизбраннаго патріарха Московскаго *Іоасафа*, были два восточные патріарха: Александрійскій *Паисій* и Антіохійскій Макарій, имѣвшіе полномочіе и отъ двухъ остальныхъ патріарховъ: Цареградскаго и Іерусалимскаго. Осудивъ патріарха за разныя вины, Соборъ издалъ повелѣніе и завѣщаніе касательно пунктовъ, изъ за которыхъ препирались съ Церковію раскольники и, въ заключеніе, высказалъ

слѣдующее: „сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранити и покорятися святѣй Восточнѣй Церкви. Аще ли кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй Восточнѣй Церкви и сему освященному Собору, или начнетъ прекословити и противитися намъ: и мы такого противника, данною намъ властію отъ Всесвятаго и Животворящаго Духа, аще будетъ отъ освященнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати, и проклятію предаемъ; аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго стада и отъ Церкви Божіей отсѣкаемъ, яко гнилъ и непотребенъ членъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ". Актъ Соборный, скрѣпленный подписью всѣхъ присутствующихъ, былъ положенъ въ Московскомъ каѳедральномъ Соборѣ „въ вѣчное утвержденіе и въ присное воспоминаніе". Кромѣ этого общаго опредѣленія, отцы Собора сдѣлали нѣсколько и частныхъ распоряженій, клонившихся къ тому, чтобы утвердить въ Русскомъ народѣ покорность Церкви и отклонить его отъ сомнѣній и заблужденій въ дѣлахъ благочестія. Соборъ представилъ правильную оцѣнку и тѣмъ сочиненіямъ, на которыхъ основывались ревнители мнимой старины, какъ напр. списки Собора Стоглаваго, житіе Евфросина, слово Ѳеодорита и проч. Наконецъ Соборъ издалъ рядъ правилъ, клонившихся къ тому, чтобы сохранить полное согласіе постановленій Русской Церкви съ постановленіями Церкви Греческой. Послѣ такихъ распоряженій Большого Московскаго Собора, сынамъ Церкви Россійской ничего не оставалось, какъ только—покориться власти церковной во всемъ, что касалось вѣры и благочестія, или окончательно отдѣлиться отъ Церкви и составить особое общество, произвести расколъ. Упорные ревнители мнимой старины избрали послѣднее, и, отдѣлившись отъ Церкви, образовали свои раскольническія общества. О дальнѣйшей судьбѣ раскольническихъ обществъ мы будемъ бесѣдовать въ слѣдующій разъ, а теперешнюю нашу бесѣду закончимъ увѣщаніемъ—быть вѣрными сынами Церкви во

всемъ, что касается дѣла спасенія души. Спасеніе души— великое дѣло! но оно устроляется рядомъ частныхъ дѣлъ, отдѣльныхъ распоряженій и правилъ. А эти правила составлены великими Отцами Церкви, великими подвижниками благочестія, составлены на основаніи продолжительнаго опыта, который показалъ ихъ полную благотворность. Намъ остается одно: съ дѣтскимъ послушаніемъ исполнять уставы Церкви. Церковь спасетъ насъ, какъ спасла милліоны древнихъ христіанъ. Просвѣщая нашъ умъ Евангельскими истинами, согрѣвая наше сердце любовію къ Богу, направляя волю нашу по заповѣдямъ Христовымъ, назидая насъ умилительными пѣснопѣніями и обрядами, Церковь приведетъ насъ ко Христу, воспитаетъ насъ для Царства Небеснаго и сподобитъ насъ вѣчнаго блаженства со святыми угодниками, которые спаслись именно тѣмъ, что во всю свою жизнь были послушными чадами Церкви. Аминь.

Бесѣда двѣнадцатая.

Исторія русскаго раскола.

Въ настоящей бесѣдѣ продолжимъ нашу рѣчь о расколѣ и прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу тѣхъ сыновъ Россіи, которые, отдѣлившись нѣкогда отъ спасительнаго руководства Церкви, остались упорными въ своемъ отпаденіи и пошли по путямъ, далекимъ отъ Евангельской истины, по путямъ, которые указывали имъ ихъ суемудріе, ихъ умъ, помраченный суевѣріемъ и враждою на Церковь.

Осужденные большимъ Московскимъ Соборомъ, ревнители мнимой старины не захотѣли возвратиться на путь истины, который указываетъ человѣку на землѣ святая Церковь; они не признали себя заблудшими овцами стада Христова. Напротивъ, въ первые годы по своемъ удаленіи отъ Церкви, они были твердо убѣждены въ своей правотѣ; они надѣялись, что и пастыри Церкви Христовой обратятся къ нимъ, возстановятъ древніе обряды, станутъ дозволять служить по старымъ книгамъ. Они чувствовали свою силу нравственную; въ средѣ ревнителей старины былъ одинъ епископъ, именно—

Павелъ Коломенскій, было множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, монаховъ; многіе бояре также стояли на сторонѣ раскола; кромѣ того масса народа еще держалась двуперстія, повторяла сугубое аллилуіа, употребляла осмиконечный крестъ и проч. И вотъ, опираясь на множество почетныхъ, духовнаго и свѣтскаго званія, лицъ, находя себѣ сочувствіе въ массѣ простого народа, предводители раскольниковъ рѣшились вступить въ открытую борьбу съ православною Церковію; вмѣсто смиреннаго заявленія о своихъ мнѣніяхъ, вмѣсто смиренной просьбы—дозволить остаться при прежнихъ обрядахъ, они прибѣгли къ насилію, явили себя противниками не только духовной, но и свѣтской власти, однимъ словомъ—сдѣлались бунтовщиками, мятежниками. Не перечисляя многихъ событій, въ которыхъ обнаружилась вражда раскольниковъ противъ Церкви, разскажемъ только о бунтѣ Соловецкомъ, и о бунтѣ стрѣлецкомъ.

Когда въ Соловецкій монастырь были присланы новоисправленныя богослужебныя книги, монахи отказались употреблять ихъ; они заперли присланныя книги въ сундуки и продолжали служить по старымъ книгамъ. Это первое обнаруженіе раскола усилилось отъ вліянія сосланныхъ сюда разныхъ лицъ, враждебно относившихся къ Церкви и къ правительству гражданскому. Въ монастырѣ находились: *князь Львовъ*, бывшій начальникъ печатнаго двора при патріархѣ Іосифѣ, единомышленникъ Аввакума, здѣсь жили также другіе ревнители раскола и враги Никона, какъ напр. архимандритъ Саввина монастыря *Никаноръ*, старцы: *Θеоктистъ*, *Герасимъ Фирсовъ* и *Епифаній*. Сюда же прибѣжали изъ Астрахани многіе казаки изъ шайки Стеньки Разина, которые отняли у монаховъ всю власть, поставили начальниковъ изъ среды себя, и начали не только хулить святую Церковь, но явили себя непокорными царской власти. У нихъ была мысль перебить всю монастырскую братію, овладѣть сокровищами обители и убѣжать, кто куда можетъ.

Узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, царь Алексѣй Михайловичъ потребовалъ въ Москву архимандрита Соловецкаго Варѳоломея. Его перевели въ другую обитель, а въ Соловки

былъ посланъ Іосифъ, одинъ изъ соловецкихъ иноковъ, проживавшій въ Москвѣ, на Соловецкомъ подворьѣ. Между тѣмъ управлявшіе монастыремъ казаки послали въ Москву архимандрита Никанора, въ надеждѣ, что онъ исходатайствуетъ дозволеніе служить по старымъ книгамъ. Но Никаноръ, призванный на Соборъ, самъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и далъ обѣщаніе поборать по истинѣ. Его послали въ Соловки вмѣстѣ съ Іосифомъ и Варѳоломеемъ, чтобы онъ увѣщевалъ бунтовщиковъ. Но когда тамъ узнали, что новому настоятелю велѣно служить по новымъ книгамъ, тотчасъ выгнали Іосифа и Варѳоломея, а Никаноръ перешелъ опять на сторону раскола и сталъ во главѣ мятежниковъ. Бунтовщики, не взирая на увѣщанія лицъ, посланныхъ изъ Москвы, поставили начальниками монастыря монаховъ *Азарія* и *Геронтія* и написали къ царю челобитную, въ которой, указывая мнимыя неправильности въ новопечатныхъ книгахъ, умоляли царя не присылать къ нимъ новыхъ учителей и новыхъ книгъ и угрожали сопротивляться ему даже до смерти, если не будетъ исполнено ихъ желаніе. Огорченный до глубины души упорствомъ мятежниковъ, царь послалъ въ Соловки грамоту, въ которой увѣщевалъ оставить мятежъ и покориться архимандриту Іосифу. Когда и это не подѣйствовало, царь повелѣлъ *Игнатію Волохову*, съ отрядомъ стрѣльцовъ, итти къ монастырю и подѣйствовать на бунтовщиковъ страхомъ. Но мятежники объявили Волохову, что они не покорятся его требованіямъ, и, надѣясь на свое многолюдство, на крѣпкія стѣны монастыря, на великіе запасы продовольствія, на множество пороха и 90 пушекъ, находившихся въ обители, окончательно заключились и открыли стрѣльбу по царскому войску. Такое положеніе дѣла требовало рѣшительныхъ мѣръ со стороны правительства. Бунтовщиковъ необходимо было всячески стѣснить. Но такъ какъ Волоховъ не прибѣгалъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, то на мѣсто Волохова посланъ былъ голова московскихъ стрѣльцовъ *Клементій Іовлевъ*. При немъ было до 800 человѣкъ стрѣльцовъ. Но и онъ не имѣлъ особаго успѣха въ дѣлѣ усмиренія мятежа. Чрезъ годъ и онъ былъ отозванъ. Для осады монастыря назначенъ былъ третій на-

чальникъ, воевода князь *Иванъ Мещериновъ*, которому предписано было находиться у монастыря неотступно, чтобы „мятежъ искоренить вскорѣ“. Имѣя въ своемъ распоряженіи 700 стрѣльцовъ, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу: окопалъ войско шанцами, устроилъ нѣсколько баттарей и открылъ пальбу противъ монастыря. Между тѣмъ бунтовщики оставались въ своемъ упорствѣ. Они положили даже не молиться за Государя и выгоняли изъ монастыря тѣхъ іеромонаховъ, которые продолжали молиться. Архимандритъ Никаноръ говорилъ: „мы и безъ священниковъ проживемъ; а священники намъ не нужны“. И дѣйствительно, мятежники вовсе не ходили въ Церковь, не исповѣдывались, не причащались, умирали безъ покаянія и причастія, были погребаемы безъ отпѣванія священническаго. Самъ архимандритъ Никаноръ въ продолженіе уже пяти лѣтъ не былъ ни разу у причастія святыхъ Христовыхъ Таинъ. Въ монастырѣ открылась смертоносная цынга, отъ которой умерло около тридцати человѣкъ; мятежники однакожъ не вразумлялись. Узнавъ обо всемъ этомъ, Мещериновъ рѣшился сдѣлать приступъ къ монастырю. Въ это время явился къ воеводѣ изъ монастыря одинъ инокъ, по имени *Ѳеоктистъ*, изъ партіи тѣхъ, которые не желали противиться Государю, и объявилъ, что въ монастырь можно войти чрезъ тайный проходъ, находившійся въ стѣнѣ и теперь только легко заваленный камнями. По этому указанію, въ ночь на 22-е января, въ сильную бурю и мятель, нѣсколько воиновъ, вмѣстѣ съ проводникомъ, выломали камни, загораживавшіе проходъ въ стѣнѣ и, вошедъ въ монастырь, отперли ворота, чрезъ которые вошелъ Мещериновъ съ своими ратниками. Мятежники бросились было, съ оружіемъ въ рукахъ, къ монастырскимъ воротамъ, но многіе изъ нихъ были тутъ же порублены. Другіе частію были казнены и въ числѣ ихъ архимандритъ Никаноръ, частію разосланы въ Кольскій и Пустозерскій остроги. Всѣ тѣ, которые съ раскаяніемъ покорились власти Государя и постановленіямъ Святой Церкви, были прощены и оставлены въ монастырѣ. Такъ кончилась осада Соловецкой обители, и укрощено возмущеніе, въ которомъ участвовали не столько иноки Соловецкіе, сколько раз-

ные насельники монастыря — бѣльцы, и не столько по привязанности къ мнимой старой вѣрѣ, сколько по личнымъ страстямъ и упорству въ сопротивленіи царской власти.

Взятіе Соловецкаго монастыря и казни, постигшія мятежниковъ, сильно поразили послѣдователей раскола, которые надѣялись, что обитель Соловецкая послужитъ для нихъ оплотомъ старой вѣры. Но болѣе озлобленные изъ нихъ не успокоились. Они только выжидали случая снова возстать противъ правительства и отстоять старыя мнѣнія и обряды. Случай къ возстанію вскорѣ имъ представился. Въ маѣ 1682 года былъ бунтъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы бунтовали нѣсколько дней сряду, губили бояръ, грабили Москву, и потомъ объявили царями малолѣтнихъ царевичей Петра и Іоанна, а соправительницею ихъ—царевну Софію. Эти-то буйства стрѣльцовъ и послужили для раскольниковъ поводомъ къ возстанію противъ Церкви. Собравшись въ приказѣ Титова Стрѣлецкаго полка, ревнители старины поручили иноку Сергію написать челобитную, а для пренія о вѣрѣ назначили Суздальскаго священника Никиту, извѣстнаго подъ именемъ „Никиты Пустосвята“. О своихъ замыслахъ стрѣльцы сообщили своему начальнику, князю Ивану Андреевичу Хованскому. Боярин сказалъ имъ: „я и самъ, грѣшный, весьма желаю, чтобы въ церквахъ все было по старому; я неизмѣнно держу старое благочестіе, читаю по старымъ книгамъ, полагаю крестное знаменіе двумя перстами“ и прочелъ Символъ вѣры, съ прибавленіемъ: „истиннаго“. Сергій и выборные стрѣлецкіе стали просить князя, чтобы онъ устроилъ на лобномъ мѣстѣ, или въ кремлѣ у краснаго крыльца, соборъ, на которомъ бы присутствовали царп-государи, царица Наталья Кирилловна, и патріархъ съ архіереями, и чтобы соборъ былъ именно въ слѣдующій пятокъ. Напрасно боярин утверждалъ, что въ пятокъ собору быть нельзя, что въ Воскресеніе назначено коронованіе государей. Бунтовщики отвѣчали: „намъ того-то и хочется, чтобы царп-государи вѣнчались царскими вѣнцами въ истинной православной вѣрѣ, а не въ ихъ латыно-римской“ и что дѣло это можно отложить до другаго воскресенья“. Боярин объяснялъ, что короно-

ванія отложить нельзя и ручался, что цари будутъ вѣнчаться по-старому, и служба будетъ совершаться по-старому. Собраніе, такимъ образомъ, назначено было въ пятокъ. Въ этотъ день, въ семь часовъ утра, ревнители старой вѣры, отслуживъ молебенъ, явились къ Красному крыльцу; Никита Пустосвятъ несъ крестъ, инокъ Сергій шелъ съ Евангеліемъ, инокъ Савватій несъ икону страшнаго суда. Хованскій вышелъ къ нимъ, взялъ у нихъ челобитную и, отъ имени царей, объявилъ, чтобы они явились сюда въ среду послѣ обѣдни. Такимъ образомъ, упорное требованіе раскольниковъ, чтобы Соборъ былъ именно въ пятокъ, окончилось неудачею. Никита требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, коронованіе царей совершилось по-старому. Хованскій отвѣчалъ: „я уже говорилъ вамъ, что царей-государей будутъ вѣнчать по-старому... велите испечь просфоръ съ изображеніемъ стараго креста; я самъ поднесу ихъ патріарху и велю служить по-старому; а ты, отецъ Никита, будь тутъ же“. Въ словахъ боярина Хованскаго была новая хитрость. Когда Никита явился на коронацію съ 7-ю просфорами, онъ не могъ пробраться въ соборъ за стеченіемъ народа. Когда коронованіе царей совершилось, а ревнители старины готовились къ публичному пренію о вѣрѣ, они ходили по улицамъ и смѣло проповѣдовали; „постойте, православные, за истинную вѣру; не ходите въ церкви: онѣ всѣ осквернены; не принимайте никакой святыни и молитвъ отъ священниковъ; не покланяйтесь новописаннымъ иконамъ; не почитайте четверокопечнаго креста; это—печать антихристова“. 3-го іюля, въ понедѣльникъ, Хованскій, призвавъ къ себѣ выборныхъ отъ стрѣльцовъ, троекратно спрашивалъ ихъ, какъ бы отъ имени государей: „всѣ ли вы согласно хотите постоять за православную христіанскую вѣру“ и получивъ троекратный утвердительный отвѣтъ, пошелъ вверхъ, во дворецъ, какъ бы для доклада о томъ государямъ. Отсюда пошелъ со стрѣльцами къ патріарху и просилъ его назначить соборное совѣщаніе, чрезъ день, въ среду. Когда настала среда, 5-е іюля, предводители раскола, взявъ съ собою Евангеліе, крестъ, иконы и старыя книги, явились въ кремль, со множествомъ стрѣльцовъ и народа.

Многіе въ этой толпѣ были уже пьяны и имѣли за пазухой камни. Вошедши въ кремль, всѣ приблизились къ Архангельскому собору и въ виду царскихъ палатъ поставили аналои: положили на нихъ крестъ, Евангеліе, и предъ ними возжгли свѣчи. Попъ Никита Пустосвятъ и его товарищи, ставъ на скамейки, начали читать народу свои тетрадки: убѣждали всѣхъ постоять за старую вѣру и возбуждали противъ патріарха и властей духовныхъ. Было 8 часовъ утра. Въ это время патріархъ съ духовенствомъ служилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ; и страхъ отъ мятежниковъ былъ такъ великъ, что всѣ служившіе плакали. По окончаніи молебна патріархъ выслалъ изъ церкви Спасскаго протоіерея Василія прочитать народу поученіе, въ которомъ увѣщевалъ православныхъ повиноваться законнымъ пастырямъ, и не слушать обольстителей. Но едва протоіерей началъ читать, какъ стрѣльцы вырвали у него тетрадь, схватили его самого и едва не убили. Прошло уже два часа и шумъ на площади усиливался; толпы народа наполняли весь кремль. Хованскій нѣсколько разъ посылалъ къ патріарху въ Крестовую палату, будто бы отъ имени государей, чтобы онъ шелъ на площадь для состязанія о вѣрѣ, но патріархъ, зная истинную волю государей, не соглашался, а желалъ, чтобы собраніе устроилось въ Грановитой палатѣ, такъ какъ и государыни-царевны желаютъ быть на Соборѣ и слушать челобитную, а на площади между народомъ имъ быть неприлично. Хованскій открыто предъ всѣми боярами началъ говорить, чтобы государыни и царевны въ Грановитую палату съ патріархомъ и со властями не ходили и, если пойдутъ, то имъ отъ народа живыми не остаться. Софія отвѣчала: „если и такъ—пойду, да будетъ воля Божія: но не оставлю св. Церкви и ея пастыря“. Съ царевною Софіею согласились итти царица Наталія Кирилловна и царевны. Пришедши въ Грановитую палату, царственныя особы, а также патріархъ съ митрополитами, архіепископами и епископами сѣли; низшее духовенство и бояре стояли. Мятежники долго не соглашались войти въ Грановитую палату; на площади, среди буйной черни, они чувствовали себя сильнѣе. Наконецъ, взявъ крестъ, Евангe-

ліе, иконы и свѣчи, они вошли въ палату съ великимъ безспліемъ, крикомъ и буйствомъ, самовольно поставили свои аналои и скамьи, положили на нихъ иконы и книги, держа зажженныя свѣчи. Царевна Софія спросила мятежниковъ: „зачѣмъ такъ невѣжливо и необычно они вошли въ палату къ царскимъ величествамъ, какъ будто къ иновѣрнымъ и Бога не знающимъ, не уваживъ ни государскія, ни архіерейскія чести, и сотворили безчинство, какого прежде никто не дерзалъ совершать". Они отвѣчали: „мы пришли утвердить старую вѣру, у насъ нынѣ принята новая вѣра; всѣ вы пребываете въ новой вѣрѣ, въ которой нельзя спастись: нужна старая. „Что же есть вѣра? и какая старая и новая?" снова спросила царевна. Они ничего не отвѣчали и подали свою челобитную. Думной дьякъ, по повелѣнію царевны, началъ читать челобитную громко и внятно. Во время этого чтенія, попъ Никита, пьяный, сталъ кричать, какъ бѣсноватый и оскорблялъ патріарха и весь освященный Соборъ. Холмогорскій архіепископъ хотѣлъ воспретить разстригѣ, а онъ осмѣлился даже поднять руку на святителя и нанесъ бы оскорбленіе, если бы не защитили святителя лица, его окружающія. Царевна Софія нѣсколько разъ повторяла мятежникамъ, чтобы они хранили молчаніе и били челомъ, какъ подобаетъ: крики не умолкали. Тогда патріархъ Іоакимъ, взявъ Евангеліе, писанное рукою св. митрополита Алексія, и Соборное дѣяніе объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, началъ со слезами и умиленіемъ вразумлять предстоящихъ людей, что они напрасно мятутся на св. Церковь и убѣждалъ ихъ свидѣтельствами изъ церковныхъ книгъ. Такъ какъ продолжавшіеся крики раскольниковъ привели всѣхъ въ ужасъ и убѣждать ихъ было напрасно, то царевна Софія и съ нею другія царственныя особы, со слезами на глазахъ, встали съ своихъ мѣстъ и хотѣли удалиться, говоря, что они скорѣе оставятъ царство, нежели предадутъ на попраніе безумнымъ невѣждамъ свое царское величество и благочестіе. Патріархъ и бояре едва умолили ихъ возвратиться и дослушать челобитную. По окончаніи челобитной, когда день уже склонился къ

вечеру и всѣ крайне утомились, раскольникамъ было объявлено, что указъ имъ будетъ данъ на другой день.

Вышедши изъ царской палаты, расколоучители бѣжали по площади, съ крикомъ: „побѣдихомъ, побѣдихомъ“, и, поднимая руки вверхъ, говорили: „такъ слагайте персты“. На лобномъ мѣстѣ они поставили аналой и скамьи, и стали учить народъ, какъ вѣровать и какъ слагать персты. Возвратясь въ Стрѣлецкія слободы раскольники служили молебны и цѣлый день звонили въ колокола. Смятеніе наконецъ прекратилось, когда Софія ласковыми рѣчами и обильнымъ угощеніемъ убѣдила стрѣльцовъ оставить расколоучителей. Стрѣльцы принесли повинную и говорили, что до состязаній о старой вѣрѣ имъ нѣтъ никакого дѣла; потомъ они выдали тѣхъ, которые ихъ смущали. Важнѣйшій изъ расколоучителей, Никита Пустосвятъ, былъ казненъ отсѣченіемъ головы; остальные чернецы отданы были подъ строгій надзоръ и разосланы по монастырямъ.

Вся исторія этой смуты показываетъ, что ревнителями раскола были здѣсь Никита Пустосвятъ, да нѣсколько иноковъ-бродягъ; прочіе были увлечены по невѣжеству и легкомыслію.

Кромѣ Соловецкаго монастыря и Москвы, ревнители раскола производили смуты и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи; и хотя въ другихъ мѣстахъ не было такого открытаго сопротивленія власти, какое проявилось въ Соловкахъ и Москвѣ, но за то и противодѣйствія имъ со стороны власти не было сильнаго. Скрываясь по лѣсамъ, по глухимъ деревнямъ, по отдаленнымъ обителямъ, куда не могли проникнуть ни пастыри Церкви, ни царскіе слуги, ревнители раскола дѣйствовали на простыхъ людей и увлекали ихъ въ свои толки. Между собою они вели нескончаемые споры объ обрядахъ церковныхъ, о числѣ просфоръ, о видѣ креста, объ аллилуіа, о поклонахъ и пр., и такъ какъ они не имѣли у себя надежныхъ руководителей, законно-поставленныхъ, освященныхъ и умудряемыхъ благодатію, пастырей, то дѣлились, и нынѣ продолжаютъ дѣлиться на разные толки. Толковъ этихъ такъ много и такъ велико между ними разнообразіе, что перечислять

ихъ и показывать, какая существуетъ у нихъ разница между собою, было бы трудно. Мы ограничимся тѣмъ, что скажемъ о двухъ главнѣйшихъ толкахъ, подъ которыми заключаются другіе толки, какъ бы меньшія подраздѣленія. Эти толки суть *безпоповцы* и *поповцы*.

Когда ревнители мнимой старины начали отдѣляться отъ Православной Церкви, въ средѣ нхъ былъ одинъ епископъ, именно—Павелъ Коломенскій, потомъ—нѣсколько священниковъ и іеромонаховъ. Остальные руководители раскола были чернецы и міряне. Но Павелъ Коломенскій скончался еще въ 1656 г.; священники и іеромонахи, хотя считали себя въ правѣ учить и совершать службы, не могли однакожъ не сознавать, что некому, въ случаѣ ихъ смерти, поставить имъ преемниковъ въ пастырствѣ; наконецъ простые чернецы и міряне должны были понимать, что они сами ни учить другихъ, ни совершать таинство не имѣютъ права. Оставалось одно изъ двухъ: или оставаться вовсе безъ священниковъ и предоставить право учить и священнодѣйствовать лицамъ не посвященнымъ, или принимать священниковъ, посвященныхъ въ Церкви Русской и потомъ переходящихъ въ расколъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Многіе міряне и иноки, не имѣвшіе священническаго сана, позволяли себѣ учить вѣрѣ, совершать таинства и церковныя требы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами священники, при смерти своей, завѣщавали мірянамъ совершать всѣ эти требы. Такъ было положено начало секты *безпоповщинской*. Другіе раскольники, когда умерли священники, рукоположенные до Никона, рѣшились принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ, переходящихъ къ нимъ изъ Церкви Русской, и такимъ образомъ основали секту *поповщинскую*. Отношенія безпоповцевъ и поповцевъ къ Православной Церкви Русской были не одинаковы. Безпоповцы стоятъ къ Церкви въ большей отдаленности, чѣмъ поповцы... Они прямо называютъ ее Церковію антихристовою, таинства, совершаемыя ею, считаютъ осквернсніемъ, членовъ Церкви считаютъ погибшими, отвергаютъ значеніе Церковной власти и даже позволяютъ себѣ не молиться за государя. Многіе изъ нихъ, думая, что въ Церкви царствуетъ анти-

христъ, ожидаютъ кончины міра и готовы обречь себя на голодъ, сожженіе, и другія страданія, чтобы скорѣе войти въ Царствіе Небесное. Поповцы, принимая къ себѣ бѣглыхъ священниковъ, рукоположенныхъ въ Церкви Православной-Русской и, слѣдовательно, находясь въ нѣкоторомъ союзѣ съ Церковію, чувствуя нѣкоторую отъ нея зависимость, хотя и называютъ ее Церковію еретическою, никоніанскою, но вообще, не смотря на нее такъ враждебно, какъ безпоповцы, не перекрещиваютъ переходящихъ въ расколъ отъ Православія и молятся за православныхъ государей, защитниковъ и покровителей Церкви. Кромѣ того у поповцевъ совершаются всѣ таинства, кромѣ священства, хотя совершаются незаконно,—священниками бѣглыми и большею частію лишенными сана; въ частности совершается таинство брака, почему поддерживается и уважается жизнь супружеская.

Указавъ эти общія черты, отличающія безпоповцевъ и поповцевъ, перечислимъ главнѣйшіе толки тѣхъ и другихъ и, съ возможною краткостію, изложимъ и исторію ихъ начала и постепеннаго развитія.

Безпоповцы, прежде всего, именно еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, значитъ,—еще до исправленія книгъ Никономъ, явились во Владимірской области, въ предѣлахъ городовъ Костромы и Вязниковъ. Сюда занесъ расколъ поселянинъ *Капитонъ*, принявшій, неизвѣстно отъ кого, постриженіе и жившій въ пустынѣ Колесниковой по образу пустынножителей. Считая себя великимъ подвижникомъ поста, онъ началъ презирать духовный чинъ, внушалъ ученикамъ своимъ чуждаться пастырей Церкви, училъ поклоняться только старымъ иконамъ, креститься только двумя перстами. Послѣдователи его поселились въ лѣсахъ Вязниковскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ назывались еще *подрѣшетниками*, или потому, что общество ихъ основалъ одинъ поселянинъ *Подрѣшетниковъ*, ученикъ Капитона, или потому, что вмѣсто Причастія, имъ давались ягоды изюма, который выносила изъ подвала дѣвица, неся его на головѣ въ рѣшетѣ, покрытомъ чистымъ платкомъ.

Гораздо многочисленнѣе были безпоповцы въ Сибири, гдѣ дѣйствовалъ въ свое время, сосланный сюда протопопъ *Аввакумъ* и гдѣ было много разныхъ лжеучителей, враговъ Православной Церкви, какъ напр., лжечернецъ *Іосифъ Истоминъ*, происходившій изъ армянъ, *Дометіанъ*, родомъ изъ Тюмени, *Авраамъ*, какой-то венгерецъ, или еврей и др. Всѣ они говорили, что антихристъ уже пришелъ и царствуетъ въ Русской Церкви, и потому необходимо бѣжать отъ нея; не должно ни вѣнчаться, ни исповѣдываться, ни причащаться отъ ея пастырей; они сами брались совершать всѣ церковныя требы для своихъ послѣдователей; заповѣдывали креститься двумя перстами и добровольно предавать себя на огненное сожженіе. И было не мало случаевъ, когда послѣдователи ихъ сожигали себя вмѣстѣ съ своими домами и пожитками.

Кромѣ Сибири, безпоповщинская секта распространилась въ Поморьи, въ предѣлахъ Олонецкихъ, гдѣ скончался епископъ Павелъ Коломенскій, сосланный въ Палеостровскій монастырь, на Онежскомъ озерѣ. Потомъ вблизи города Повѣнца проповѣдывалъ *Досиѳей*, бывшій игуменъ Никольскаго Бесѣднаго монастыря, близъ Тихвина, а около города Пудожа—инокъ *Корнилій*, служившій прежде по разнымъ монастырямъ и—при высшихъ духовныхъ лицахъ. Но больше всего распространенію раскола въ предѣлахъ Олонецкихъ содѣйствовали выходцы Соловецкіе, участники соловецкаго бунта, какъ напр., *Игнатій*, *Емельянъ*, *Германъ*, *Іосифъ* и другіе. Они основали знаменитый у раскольниковъ *Выгорѣцкій общежительный монастырь*, первымъ настоятелемъ котораго былъ *Данило Викулинъ*, бывшій прежде дьячкомъ въ Шумскомъ погостѣ. По имени его Выгорѣцкій монастырь долго назывался *Даниловскимъ*. Сначала былъ одинъ монастырь для лицъ мужскаго и женскаго пола, но потомъ была устроена особая обитель женская. Процвѣтанію Выгорѣцкаго монастыря особенно содѣйствовали два брата, *Андрей* и *Симеонъ Денисовы*, изъ рода князей Мышецкихъ, бывшихъ новгородскихъ помѣщиковъ, достаточно образованные, имѣвшіе всюду много связей, усердные къ дѣлу раскола и гото-

вые трудиться на пользу его. Они писали книги въ защиту раскола, собирали по городамъ подаянія деньгами и хлѣбомъ, строили скиты и монастыри, а самое главное, собирали изъ разныхъ библіотекъ и ризницъ древнія книги, иконы, облаченія, и все это собирали въ Выгорѣцкомъ монастырѣ, чтобы отсюда снабжать церковною утварью раскольническія молельни. Долго процвѣталъ Выгорѣцкій монастырь и только уже въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ пришелъ въ запустѣніе и обращенъ въ приходскую церковь, съ нѣсколькими селеніями.

Особый толкъ безпоповцевъ—*Ѳедосѣевцы* утвердился въ предѣлахъ Петербургской и Новгородской губерніи. Основателемъ этого толка былъ *Ѳеодосій Васильевъ*, происходившій изъ рода князей Урусовыхъ, бывшій дьячкомъ при одной церкви около города Крестцы, въ Новгородской губерніи. Онъ утвердилъ безпоповщинское ученіе среди раскольниковъ, жившихъ въ селеніяхъ Новгородской и Петербургской губерніи, а наконецъ ѳедосѣевцы утвердились въ Москвѣ, на Преображенскомъ кладбищѣ. Одинъ московскій купецъ, *Илья Алексѣевичъ Ковылинъ*, во время московской чумы, бывшей въ 1771 г., испросилъ у Правительства дозволеніе устроить, на одной изъ московскихъ дорогъ, карантинъ для осмотра всѣхъ, выходящихъ изъ столицы, и при карантинѣ—кладбище для погребенія умершихъ отъ чумы. Устроивъ карантинъ, раскольники стали принимать голодныхъ и больныхъ, умиравшихъ совращали въ расколъ, для совратившихся совершали церковныя службы и внушали имъ, что чума послана Богомъ въ наказаніе за отпаденіе отъ древняго благочестія, что нужно всѣмъ покаяться, т. е. прямо говоря, перейти въ расколъ. Умиравшіе и больные, по убѣжденію лжеучителей, жертвовали имъ всѣмъ своимъ достояніемъ и умножали богатства на пользу раскола. Когда миновала чума, и нѣкоторые изъ совратившихся хотѣли возвратиться въ свои домы, Ковылинъ началъ убѣждать ихъ остаться при старой вѣрѣ и потомъ устроилъ для нихъ общину, въ видѣ монастыря. Такъ образовалось знаменитое въ исторіи безпоповцевъ Преображенское кладбище, бывшее притономъ раскольниковъ и

только уже въ позднѣйшія времена обращенное въ Православную богадѣльню.

Лишенные руководства пастырей безпоповцы продолжали дробиться на новые толки. Вѣруя, что въ Русской Церкви царствуетъ антихристъ, они стали враждебно относиться и ко всѣмъ порядкамъ гражданскаго быта, отвергали власть общественную, отвергали деньги, паспорты и проч. У нихъ явились послѣдователи *Спасова согласія*, которые утверждаютъ, что не нужно ни Церкви, ни таинствъ, ни священныхъ лицъ, что самъ Христосъ спасаетъ человѣка, какъ Ему угодно; потомъ у нихъ явились *странники*, которые отвергаютъ всѣ гражданскіе порядки, отвергаютъ паспорты, не признаютъ гражданскихъ властей и, переходя съ мѣста на мѣсто, думаютъ спастись тѣмъ, что не имѣютъ здѣ пребывающаго града, какъ говоритъ св. Апостолъ. Многіе безпоповцы отвергли всѣ добрыя начала нравственности, отвергли законный бракъ, предались крайнему разврату, а другіе, думая противодѣйствовать плотскимъ пожеланіямъ, предались скопчеству и этимъ насиліемъ тѣлесной природы, этимъ уродствомъ, думаютъ достигнуть блаженства въ будущей жизни. Видите, братіе, до чего довели себя безпоповцы! Отдѣлившись отъ Церкви, отвергнувъ ея служителей, они думали остаться въ единеніи со Христомъ-Спасителемъ, думали спастись сами совершеніемъ обрядовъ, чтеніемъ священныхъ книгъ, пѣніемъ церковныхъ пѣсней. А между тѣмъ они мало-по-малу отдалились и отъ Христа и отъ пути ко спасенію. Они отвергли всякую истину, оставили путь благочестія, лишили себя надежды на полученіе вѣчнаго блаженства. Да устрашитъ насъ примѣръ безпоповцевъ! Да удержитъ онъ насъ въ мирѣ и единеніи съ Св. Церковію, въ совершенномъ послушаніи пастырямъ Церкви, которыхъ Господь на то и поставилъ, чтобы пасти словесныхъ овецъ Своего стада. Только въ этомъ послушаніи Св. Церкви и ея пастырямъ мы найдемъ вѣрный и надежный путь къ вѣчному блаженству съ Іисусомъ Христомъ. Аминь.

Бесѣда тринадцатая.

Исторія русскаго раскола.

(Продолженіе).

Въ настоящей бесѣдѣ наша рѣчь будетъ о судьбахъ другой отрасли раскольниковъ, именно—поповцевъ. Въ чемъ заключается разница между безпоповцами и поповцами и въ какихъ отношеніяхъ къ Святой Церкви стоятъ тѣ и другіе, объ этомъ мы говорили въ предыдущей бесѣдѣ. Теперь прослѣдимъ исторію поповщинскаго толка, укажемъ, въ какихъ мѣстахъ они жили и къ какому исходу они пришли, блуждая вдали отъ Святой Церкви.

Прежде всего поповцы появились въ Нижегородской области, въ скитахъ, гдѣ протекаетъ рѣка *Керженецъ*, впадающая въ Волгу, и гдѣ находятся Черноораменскіе лѣса, нынѣ уже разоренные. Главнымъ изъ этихъ скитовъ былъ *Онуфріевскій*, основанный старцемъ Онуфріемъ. Скитъ этотъ назывался еще *Аввакумовскимъ*, такъ какъ Онуфрій добылъ гдѣто письма протопопа Аввакума и увлекался ихъ чтеніемъ. Керженскіе скиты сперва принимали къ себѣ поповъ, постав-

ленныхъ до патріарха Никона, а потомъ уже стали принимать и поповъ, поставленныхъ послѣ Никона и убѣжавшихъ отъ Православной Церкви. Жители собственно Онуфріева скита признавали Аввакума за св.угодника, поклонялись его иконѣ, отправляли ему службу, и, слѣдуя его ученію о самосожигательствѣ, предавались самовольной смерти и всѣхъ такихъ самоубійцъ прославляли, какъ мучениковъ.

Рано также появилась поповщина на Дону, на Кубани и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ. Здѣсь утвердили поповщину *Іовъ*, бывшій келейникъ Московскаго патріарха Филарета и *Досиоей*, бывшій игуменъ Тихвинскаго Бесѣднаго монастыря. Но самыми замѣчательными селеніями поповцевъ были тѣ, которыя образовались въ окрестностяхъ *Стародубья* и *Вѣтки*, въ нынѣшней Черниговской губерніи. Стародубье—это нѣсколько слободъ въ нынѣшнемъ Стародубскомъ уѣздѣ, а Вѣтка—островъ рѣки Днѣпра, во владѣніяхъ, принадлежавшихъ пану Халецкому. Въ эти мѣстности убѣжало нѣсколько монаховъ и священниковъ, частію изъ Москвы, частію изъ другихъ городовъ Россіи. Приходя сюда, они приносили съ собой антиминсы, похищенные изъ православныхъ храмовъ, приносили св. муро, а одинъ изъ нихъ *Ѳеодосій* доставилъ на Вѣтку, изъ Калуги, цѣлый иконостасъ, съ царскими дверьми, будто-бы, временъ Іоанна Грознаго. Потомъ этотъ Ѳеодосій, съ бѣжавшими сюда священниками *Александромъ* и *Григоріемъ*, освятили Вѣтковскую церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, на ветхомъ антиминсѣ, похищенномъ изъ одной церкви старицею Меланіею. Съ построеніемъ церкви Вѣтка сдѣлалась центромъ всего поповщинскаго согласія. Вокругъ Покровской церкви образовалось до 14-ти слободъ, въ которыхъ число жителей иногда доходило до сорока тысячъ. Отсюда, по благословенію настоятеля Ѳеодосія и его преемниковъ, бѣглые попы, монахи, монахини разносили запасные дары по городамъ и селамъ Россіи и продавали эту святыню для обогащенія Вѣтки; отсюда расходились бѣглые попы для исправленія разныхъ требъ среди поповцевъ; число бѣжавшихъ сюда постепенно увеличивалось. Впрочемъ, при внѣшнемъ процвѣтаніи, здѣшнія раскольническія слободы не имѣли

внутренняго мира и согласія, какъ и бываетъ во всѣхъ обществахъ, отдѣляющихся отъ Церкви. Поповцы вели между собою безконечные споры и о порядкѣ кажденія, и о приготовленіи мура и запасныхъ даровъ, и о способѣ принятія въ свое общество бѣглыхъ поповъ, и о круговомъ хожденіи во время церковной службы. Всѣ эти споры, разлагая внутреннюю жизнь поповщины, не мѣшали, однакоже, процвѣтанію Вѣтковскихъ слободъ. Русское правительство обратило, наконецъ, вниманіе на Вѣтку, какъ на притонъ разныхъ бѣглецовъ, какъ на пріютъ всякаго рода обманщиковъ. Къ Вѣтковцамъ посылались лица, съ увѣщаніемъ возвратиться въ общеніе съ Церковію; но когда увѣщаніе не подѣйствовало, власть стала дѣйствовать силою. Два раза посланы были туда военныя команды. Въ первый разъ былъ посланъ туда полковникъ *Ситинъ* въ 1735 году. Ему дано было повелѣніе окружить Вѣтку войскомъ и возвратить въ отечество бѣглецовъ подъ стражею. Ситинъ, напавъ на Вѣтку внезапно съ пятью полками, нашелъ до сорока тысячъ человѣкъ всякаго сброду. Послѣ взятія Вѣтки, монахи и монахини разосланы были по монастырямъ на покаяніе, міряне возвращены на прежнія мѣста жительства. Вѣтка опустѣла: ея жилья и скиты были сожжены. Вѣтковцы упросили полковника, чтобы имъ дозволено было перенести свою Покровскую церковь въ Стародубье. Разобравъ ее, сдѣлали изъ бревенъ плоты и пустили ихъ по рѣкѣ Сожѣ въ слободу Святскую, а иконостасъ и утварь отправили туда сухимъ путемъ. Но все это, частію было разнесено теченіемъ рѣки, частію сожжено молніею; остались царскія врата, боковыя двери да четыре иконы. Гробы прежнихъ настоятелей Вѣтки были запечатаны, и по просьбѣ Вѣтковцевъ, были также посланы въ Стародубье. Вѣтковцы вѣрили, что останки этихъ настоятелей нетлѣнны, но когда было повелѣно открыть гробы, тамъ, вмѣсто нетлѣнныхъ мощей, были найдены истлѣвшія кости. Гробы были сожжены. Но существованіе Вѣтки этимъ не окончилось. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Вѣтка населилась новыми бѣглецами, а чрезъ 20 лѣтъ у нихъ была построена новая, болѣе обширная, церковь, также во имя Покрова Пресвятыя

Богородицы. Здѣсь опять явились бѣглые попы и монахи; вокругъ церкви устроились двѣ обители: мужская и женская. Въ окрестностяхъ явилось множество скитовъ, гдѣ, подъ видомъ монаховъ, жили разные злодѣи, бродяги, грабители. Императоръ Петръ III и императрица Екатерина II объявили жителямъ Вѣтки, что простятъ имъ всѣ ихъ вины, позволятъ селиться, гдѣ хотятъ, дадутъ имъ разныя льготы, лишь бы они возвратились въ отечество и оставили Вѣтку. Такъ какъ эти милостивые указы не дѣйствовали на Вѣтковцевъ, то она вторично, и уже окончательно, была раззорена въ 1764 году военной командой, посланной туда подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Маслова*.

Изгнанные изъ Вѣтки поповцы перешли въ Стародубье, отстоявшее отъ Вѣтки въ восьмидесяти верстахъ. Сюда, съ разрѣшенія Маслова, была перевезена Вѣтковская церковь. Стародубскія слободы сдѣлались центромъ поповщинскаго согласія; сюда стали являться бѣглые попы и совершали церковныя службы. Но Стародубье не возвысилось такъ, какъ нѣкогда возвышалась Вѣтка. Споры расколоучителей ослабляли значеніе Стародубья. Зато явились поповщинскіе скиты въ другихъ мѣстахъ, именно—на рѣкѣ Иргизѣ въ Саратовской губерніи и, наконецъ—въ самой Москвѣ.

Вскорѣ послѣ манифеста 1762 года, которымъ раскольники приглашались возвратиться изъ польскихъ предѣловъ въ Россію, нѣсколько семействъ польскихъ раскольниковъ, въ числѣ 120 дворовъ, переселились въ Саратовскую губернію и основали три слободы по берегамъ рѣки Иргиза. Сюда, черезъ нѣсколько времени, прибылъ инокъ Сергій, сынъ московскаго купца, Петра Юршева, одного изъ главныхъ злодѣевъ, предавшихъ смерти московскаго архіепископа Амвросія, во время московской чумы, въ 1771 г. Сергій ушелъ въ Иргизскіе скиты, но былъ здѣсь схваченъ, какъ виновникъ разныхъ безпорядковъ въ жизни раскольниковъ и посаженъ въ московскій острогъ. Отсюда онъ бѣжалъ въ Польшу, а потомъ возвратился въ скиты и принесъ съ собою посохъ, съ намотанными на него кусками холста. Онъ говорилъ, что несетъ съ собою, похищенную имъ въ польскихъ областяхъ,

старую полотняную походную церковь. Прибывъ въ одинъ изъ Иргизскихъ скитовъ, именно—Успенскій, онъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе скитниковъ, возведенъ былъ въ званіе настоятеля и поставилъ часовню, куда стали собираться богомольцы въ великомъ множествѣ. Тогда Сергій обратился къ мѣстному начальству, и отъ лица всѣхъ скитниковъ просилъ, чтобы ему дозволили поставить въ часовнѣ, на время, полотняную церковь и отслужить въ ней нѣсколько обѣденъ для заготовленія запасныхъ даровъ. Позволеніе было дано, и часовня обратилась въ церковь, но не временную, а постоянную. Постепенно построились церкви и въ другихъ Иргизскихъ скитахъ. Скиты потомъ превращались въ богатыя и многолюдныя обители. Иргизскія селенія и хутора наполнялись, большею частію, бѣжавшими отъ господъ крестьянами и разными преступниками. Число бѣглыхъ поповъ до того умножилось, что Иргизскія обители начали снабжать ими своихъ единовѣрцевъ, жившихъ по берегамъ Дона и Урала.

Наконецъ поповцы утвердились и въ Москвѣ. Какъ для безпоповцевъ учреждено было здѣсь Преображенское кладбище, такъ у поповцевъ было кладбище Рогожское, у Рогожской заставы. Здѣсь были воздвигнуты двѣ молельни—одна великолѣпная, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, по подобію Покровской Церкви, перенесенной съ Вѣтки въ Стародубье, другая теплая—для зимы, и построены были обширныя зданія для келлій. Число обитателей Рогожскаго кладбища восходило до нѣсколькихъ сотъ, а число прихожанъ въ Москвѣ, къ концу прошлаго года, считалось до двадцати тысячъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ раскольническихъ поповщинскихъ обществахъ, были частые споры, главнымъ образомъ, о томъ, какимъ чиномъ принимать поповъ, переходящихъ къ нимъ отъ Православной Церкви. И такъ какъ рѣшено было всѣхъ такихъ лицъ перемазывать св. мѵромъ, то рогожскіе поповцы рѣшились сами, безъ архіерея, составить и освятить свое мѵро. Въ 1777 г. они купили огромный самоваръ, налили въ него деревяннаго масла, вложили разныя благовонныя масти и растенія, и всю эту смѣсь, вмѣстѣ съ истолченными частицами мощей, варили отъ Лазаревой субботы до

Великаго четверга. Попъ Василій Чебоксарскій читалъ надъ кипѣвшимся масломъ архіерейскія молитвы, прочіе священники стояли вокругъ самовара, а бывшій дьячекъ Ѳеодоръ Михаиловъ, бывшій тогда уже мѣщаниномъ, облеченный въ стихарь, мѣшалъ самоваръ большой мѣшалкою. Когда случившійся при этомъ Иргизскій строитель Сергій, упомянутый нами выше, спросилъ Василія, почему онъ опустилъ одну молитву — Василій отвѣчалъ, потому, что она очень важна и приличествуетъ только архіереямъ. Сергій замѣтилъ: да вѣдь и все это дѣйствіе приличествуетъ только архіереямъ, — и услышалъ отъ Василія такія слова: „ты, о. Сергій, сталъ отдаляться отъ благочестія, а прежде былъ ревностнѣе; прошу помолчать о семъ, чтобы простымъ людямъ не подавать повода къ соблазну“. Но дѣло скоро огласилось, по неосторожности самихъ рогожцевъ: они продали самоваръ, въ которомъ варили мѵро, на рынкѣ, съ прикипѣвшими къ нему остатками благовонныхъ мастей, что послужило къ немалому стыду суевѣровъ. Всего мѵра наварили два пуда и шестнадцать фунтовъ, перелили эту смѣсь въ двѣ стеклянныя бутылки; но одна изъ нихъ лопнула и все мѵро, заключавшееся въ ней, погибло. Вотъ до чего доходятъ люди, оставившіе Церковь и желавшіе исполнять дѣло, приличествующее только законно поставленнымъ пастырямъ!

Кромѣ споровъ, поповцевъ смущали еще разные самозванцы, выдававшіе себя за архіереевъ, бѣжавшихъ отъ Православной Церкви. Поповцы постоянно чувствовали нужду въ архіерейскомъ чинѣ. Будучи часто недовольны поведеніемъ духовныхъ лицъ, бѣжавшихъ отъ Православной Церкви, людей, преданныхъ пьянству, жадныхъ къ деньгамъ, развратныхъ, они думали, что если будетъ у нихъ епископъ, то онъ будетъ поставлять имъ достойныхъ, избранныхъ ими, священниковъ. Притомъ они сознавали, что некому у нихъ освящать мѵро, антиминсы и престолы; они не могли не понимать, что святыни, добытыя обманомъ и кражею, уже какъ бы теряютъ свою цѣну въ глазахъ благочестиваго христіанина. Этимъ желаніемъ имѣть епископа пользовались раз-

ные бродяги, обманщики, носящіе духовный санъ. Эти люди похищали старыя архіерейскія грамоты, или, сочинивъ грамоту сами, привѣшивали къ нимъ архіерейскую печать, доставали обманомъ и другіе документы, а потомъ, являясь въ раскольническіе скиты, выдавали себя за архіереевъ, будто бы удаленныхъ отъ Православной Церкви за ревность къ древнему благочестію и начинали здѣсь священнодѣйствовать. Сперва они лицемѣрно скрывали свое мнимое архіерейство, но потомъ, когда дѣло оглашалось, они ставили священниковъ, освящали антимпнсы и муро, до тѣхъ поръ, пока не открывался обманъ. Такихъ самозванныхъ архіереевъ было не мало въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Къ такимъ обманщикамъ принадлежали: монахъ Козельскаго монастыря, Кіевской епархіи, *Епифаній*, посредствомъ обмана получившій архіерейское рукоположеніе во епископа Чигиринскаго отъ Ясскаго митрополита, таковъ былъ іеродіаконъ Новоіерусалимскаго монастыря *Амвросій*, который выдалъ себя за епископа Аѳиногена, убѣжавшаго отъ Православной Церкви по любви къ старой вѣрѣ; таковъ былъ *Аѳиимъ*, изъ простыхъ мужиковъ, посвященный Аѳиногеномъ въ архимандриты, а потомъ выдавшій себя за архіерея. Всѣ подобные самозванцы только приносили вредъ поповщинскимъ скитамъ. Во внутренней жизни скитниковъ они производили соблазнъ, смуты и безпорядки; отъ правительства наводили на скиты гоненія и розыски. Собственная ихъ печальная судьба послѣ открытія обмана также не мало соблазняла поповцевъ.

Недовольные самозванными архіереями поповцы сами стали искать архіерея, или, тѣмъ или другимъ способомъ, устроить у себя архіерейскій чинъ. Въ 1765 г. Московскіе поповцы вздумали сами рукоположить архіерея. Для будущаго архіерея они заблаговременно приготовили саккосъ, омофоръ, митру и прочія облаченія. Нѣкто подалъ голосъ, что можно поставить епископа рукою св. Іоны митрополита Московскаго или другого святителя: нужно только, чтобы, когда рука святителя будетъ возложена на главу избраннаго, прочитаны были молитвы поставленія и избранный былъ обле-

ченъ во всѣ архіерейскія одежды. Совѣтъ былъ принятъ и раскольники радовались, что вотъ, наконецъ, они будутъ имѣть у себя архипастыря, который соберетъ всѣхъ ихъ во едино и дастъ имъ миръ Церкви. Но, среди всеобщей радости нѣкто, болѣе разсудительный, предложилъ два слѣдующіе вопроса: кто намъ поручится, что святитель, руку котораго мы возложимъ на главу рукополагаемаго, будетъ согласенъ съ нами и одобритъ все то, что мы будемъ дѣлать? И еще: кто изъ насъ будетъ при этомъ читать молитвы поставленія, которыхъ никто, кромѣ архіерея, читать не долженъ? Вопросы эти смутили всѣхъ и всѣ сознались, что такое поставленіе епископа несогласно ни съ Словомъ Божіимъ, ни съ правилами свв. Отцовъ. Предпріятіе было оставлено. Въ слѣдующемъ 1766 г. тѣ же поповцы обратились къ жившему въ Москвѣ Грузинскому архіепископу Аѳанасію, съ просьбою поставить имъ епископа. Но Аѳанасій безъ разрѣшенія Св. Синода на это не согласился, а присовѣтовалъ имъ ѣхать для сего въ Грузію. Лица, туда отправленные раскольниками, возвратились назадъ, такъ какъ въ Грузіи произошли замѣшательства. Затѣмъ посылали раскольники изъ Москвы одного Саратовскаго купца къ св. Тихону Задонскому, жившему на покоѣ, и приглашали святителя къ себѣ, но онъ рѣшительно отказался.

Когда всѣ попытки поповцевъ добыть себѣ епископа оказались напрасными, тогда часть поповцевъ устроила у себя іерархію посредствомъ обмана, другая часть присоединилась къ Православной Церкви на правахъ единовѣрія. Разскажемъ теперь объ этихъ двухъ событіяхъ.

У ревнителей древняго благочестія постоянно было убѣжденіе, что вдали отъ Россіи, гдѣ-нибудь на Востокѣ, есть еще архіереи, оставшіеся при древнемъ благочестіи, не увлекшіеся Никоніанскими новшествами. Отсюда раскольники пришли къ мысли — пригласить къ себѣ котораго-либо, изъ приверженныхъ къ старинѣ, архіереевъ и просить его устроить у нихъ іерархію. Средоточіемъ этой іерархіи они назначили Бѣлокриницкій монастырь, находящійся въ Австрійской Имперіи, въ Буковинѣ, гдѣ жили раскольники-филипповцы, или

какъ они сами себя называли — липованы. При содѣйствіи австрійскаго правительства они сдѣлали этотъ монастырь каоедрою будущаго ихъ архипастыря. Собравъ достаточную денежную сумму, монахи *Павелъ* и *Алимпій,* бѣжавшіе изъ Россіи, отправились на Востокъ искать архіерея древнаго благочестія. А въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ поселился бѣглый монахъ *Іеронимъ,* который долженъ былъ совершить надъ пріобрѣтеннымъ архіереемъ чинъ „принятія отъ ереси“, т. е. отъ Православной Церкви. Павелъ и Алимпій посѣтили Славянскія земли, Грецію, Сирію, Палестину и Египетъ, но не нашли архіерея, который бы согласился отправиться съ ними въ Россію, и только уже, на обратномъ пути, въ Константинополѣ, при содѣйствіи враговъ Россіи, они расположили къ себѣ Босносарайскаго митрополита *Амвросія,* лишеннаго права священнодѣйствовать. Амвросій не имѣлъ понятія, что такое русскій расколъ, не зналъ даже русскаго языка; но, стѣсненный въ матеріальныхъ средствахъ, онъ повѣрилъ раскольникамъ, которые выставляли себя неправедно гонимыми за древнее благочестіе; увлекшись обѣщаніями раскольниковъ, что ему будетъ въ Австріи хорошее житье, что онъ соединитъ въ одно разрозненныхъ, гонимыхъ чадъ истинной Церкви, Амвросій рѣшился ѣхать съ раскольниками. Переодѣвшись въ платье простаго казака, онъ тайно уѣхалъ изъ Константинополя и прибылъ въ столицу Австріи—Вѣну, гдѣ представлялся императору и разнымъ австрійскимъ чиновникамъ, и, наконецъ, 12-го октября 1846 года прибылъ въ Бѣлую Криницу. Принявъ отъ Іеронима чинъ „отреченія отъ ереси“, Амвросій сдѣлался митрополитомъ поповцевъ, населявшихъ Россію, Австрію и Турцію. Тотчасъ же онъ, по условію съ раскольниками, рукоположилъ себѣ намѣстника и будущаго преемника, Кирилла, а потомъ поставилъ архіереевъ, священниковъ и діаконовъ въ разные города и селенія. Такъ явилась у поповцевъ многочисленная іерархія. Мечты раскольниковъ, наконецъ, сбылись. Но очень немного нужно сообразить, чтобы понять, что эта австрійская іерархія есть іерархія ложная, мнимая, что раскольники устроили ее не только въ противность церковнымъ правиламъ, но и, прямо,

воровскимъ способомъ. Въ самомъ дѣлѣ! имѣлъ ли право Амвросій совершать священнодѣйствія, когда онъ состоялъ въ запрещеніи отъ Цареградскаго патріарха? Имѣлъ ли право ѣхать къ раскольникамъ, когда ему было назначено жить въ Цареградѣ? Могъ ли онъ быть законнымъ пастыремъ у бѣглыхъ раскольниковъ, тайно бѣжавшихъ изъ Россіи? Могъ ли онъ быть духовнымъ руководителемъ для раскольниковъ, когда не понималъ онъ ни слова по-русски и долженъ былъ служить по тетрадкамъ, гдѣ русскія слова были написаны греческими буквами? Имѣлъ ли онъ право поставить Кирилла одинъ, безъ участія другихъ епископовъ? Имѣлъ ли право ставить въ Россію бѣглыхъ солдатъ, мѣщанъ, торговцевъ, бѣглыхъ послушниковъ и монаховъ? Такимъ образомъ это— не іерархія Христовой Церкви, а скопище бродягъ, бѣглецовъ, обманщиковъ. И такая іерархія не могла даровать раскольникамъ внутренняго мира, или привести ихъ къ свѣту Христовой истины. И дѣйствительно, раскольническіе архіереи, не имѣя ни твердости христіанскихъ убѣжденій, ни знанія истинъ вѣры, ни доброй нравственности, не могутъ быть настоящими пастырями душъ христіанскихъ. Они постоянно враждуютъ между собою, поражаютъ другъ друга анаѳемою, а сами служатъ послушными орудіями богатыхъ мірянъ-раскольниковъ. Поэтому среди поповцевъ продолжаются тѣ же смуты, что были и въ прежнее время. Нынѣ идетъ у нихъ смута, которая дѣлитъ ихъ на двѣ партіи: окружниковъ и противуокружниковъ. Окружники, держась тѣхъ правилъ, которыя были высказаны въ „окружномъ посланіи“ къ Русской Церкви, готовы сближаться съ Православіемъ и многіе изъ нихъ открыто переходятъ въ Православную Церковь; противуокружники, не желая сближенія съ Православіемъ, питаютъ вражду и къ окружникамъ, и къ намъ — православнымъ. Таковъ удѣлъ овецъ, лишенныхъ пастырей! Таково положеніе лицъ, отдалившихся отъ Святой Православной Церкви!

Обратимъ теперь свою рѣчь на такъ называемыхъ „Единовѣрцевъ“. Единовѣрцами называются тѣ ревнители древняго благочестія, которые, послѣ долгаго напраснаго исканія архіерейскаго чина, присоединились къ Православной Церкви, при-

няли отъ нея законно поставленныхъ пастырей, но удержали у себя право—остаться при старыхъ обрядахъ и совершать службу по книгамъ, печатаннымъ до Никона. Основателями единовѣрія считаются иноки *Никодимъ*, *Іоасафъ* и *Сергій*. Никодимъ былъ монахомъ въ одномъ изъ Стародубскихъ скитовъ. Мысль о соединеніи съ Православною Церковію подалъ ему графъ Румянцевъ-Задунайскій, имѣвшій свои помѣстья близъ Стародубья. Утвердившись въ этой мысли, Никодимъ высказалъ ее двумъ митрополитамъ: Московскому Платону и Петербургскому Гавріилу. Когда іерархи одобрили его мысль, онъ сталъ уговаривать Стародубцевъ вступить въ общеніе съ Россійскою Церковію, и всѣ, убѣжденные имъ, подали, въ 1783 году, просьбу въ Святѣйшій Сѵнодъ и выражали готовность присоединиться къ Православной Церкви, но съ тѣмъ, чтобы Святѣйшій Сѵнодъ: 1) снялъ съ нихъ отлученіе, наложенное на раскольниковъ Большимъ Московскимъ Соборомъ 1667 года; 2) далъ имъ епископа, который бы рукополагалъ священниковъ по старому чину; 3) чтобы, какъ этотъ епископъ, такъ и рукоположенные имъ священники служили по старымъ книгамъ; 4) чтобы отъ Святѣйшаго Сѵнода выдавалось имъ св. мѵро и чтобы 5) не принуждали ихъ брить бороды и носить „нѣмецкое“ платье. Для бо́льшаго успѣха просьбы, Никодимъ снова отправился въ Петербургъ, гдѣ бесѣдовалъ съ императрицею и съ властями. Онъ скончался въ 1784 году, а начатое имъ дѣло продолжалъ строитель Никодимовой пустыни, Іоасафъ, получившій въ Греціи санъ архимандрита. Святѣйшій Сѵнодъ проникнутъ былъ искреннимъ желаніемъ принять въ свое общеніе заблудшихъ сыновъ Россіи, но онъ не согласился поставить имъ особаго епископа. Это значило бы—окончательно отдѣлить раскольниковъ отъ Церкви. Тогда раскольники составили бы особую Церковь, а эта Церковь постепенно отдѣлилась бы отъ Единой, Святой Апостольской Церкви. И вотъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ былъ изданъ указъ, которымъ дозволялось раскольникамъ, добровольно поселившимся въ Таврической области, получать священниковъ отъ Таврическаго архіерея и служить по старымъ книгамъ. Такъ было основано нѣсколько Единовѣрче-

скихъ приходовъ, сперва въ Таврической области, а потомъ уже и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Упомянутый выше Сергій также основалъ единовѣрческія церкви въ окрестностяхъ рѣки Иргиза. Сотрудникомъ его въ этомъ святомъ дѣлѣ былъ богатый Вольскій купецъ *Василій Злобинъ*.

Основанныя Никодимомъ, Іоасафомъ и Сергіемъ Единовѣрческія церковныя общины, существуя до настоящаго времени, служатъ для раскольниковъ ступенью къ полному переходу въ Православную Церковь. И ежегодно сотни, и даже тысячи раскольниковъ переходятъ въ Православную Церковь на правахъ „Единовѣрія“. Единовѣрцы эти принимаютъ отъ Православной Церкви священниковъ и діаконовъ, но совершаютъ Богослуженіе по старымъ книгамъ, частію печатаннымъ до Никона, частію—вновь изданнымъ въ полномъ согласіи со старыми.

Въ то время, какъ раскольники — то приближались къ Церкви, то отдалялись отъ нея, сама Церковь, руководимая Духомъ Святымъ, не оставляла своихъ усилій къ обращенію заблудшихъ. И пастыри Церкви, и правители гражданскіе употребляли различныя мѣры къ этому обращенію. Скажемъ объ этихъ мѣрахъ въ заключеніе нынѣшней нашей бесѣды.

Такъ какъ раскольники, въ первые годы по своемъ отдѣленіи отъ Церкви, относились къ ней съ крайнею ненавистью, дѣйствовали съ упорствомъ и фанатизмомъ, то и мѣры, которыя употреблялись противъ нихъ, отличались особенною строгостію. До Петра Великаго повелѣвалось разорять скиты и часовни, книги жечь, раскольниковъ предавать гражданскому суду; упорныхъ раскольниковъ наказывали кнутомъ, ссылали на поселеніе; укрывателей раскольниковъ наказывали штрафами. Съ начала 18-го вѣка мѣры правительства сдѣлались мягче. Петръ Великій велѣлъ переписать всѣхъ раскольниковъ и, подвергнувъ ихъ двойному податному окладу, предоставилъ имъ свободу вѣры и богослуженія, но запрещалъ распространять расколъ; раскольниковъ не допускали до общественныхъ должностей, обязывали носить особаго покроя платье, брали съ нихъ штрафъ за право носить бороду;

священникамъ внушалось составлять списки раскольниковъ безъ утайки, а гражданскимъ властямъ предписывалось содѣйствовать духовенству въ разысканіи и увѣщаніи раскольниковъ. Со времени Екатерины 2-й мѣры правительства относительно раскольниковъ сдѣлались еще мягче: раскольникамъ, бѣжавшимъ за границу, позволялось возвращаться въ Россію, давалось право жить, гдѣ хотятъ, носить бороды и не отличаться покроемъ платья; ихъ стали принимать въ свидѣтели, допускать къ общественнымъ должностямъ. Строгость продолжалась только по отношенію къ упорнымъ раскольникамъ и къ тѣмъ сектантамъ, которые, по своимъ вѣрованіямъ, приносили вредъ государству и обществу, каковы напр., скопцы. Съ 19-го вѣка прекратились всякія преслѣдованія за расколъ: гражданскія власти преслѣдовали раскольниковъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда сами раскольники пытались распространить свое ученіе и умножить число послѣдователей. Но зато духовнымъ мѣрамъ къ обращенію раскольниковъ давался полный просторъ, оказывалось полное содѣйствіе.

Духовныя мѣры противъ раскольниковъ имѣли цѣлію, съ одной стороны, уяснить сущность ученія раскольниковъ, съ другой — привлечь раскольниковъ къ Православной Церкви словомъ обличенія и вразумленія. Въ томъ и другомъ отношеніи пастыри Русской Церкви сдѣлали очень многое. Относительно раскола существуетъ у насъ цѣлая литература. Пастыри Россійской Церкви изучали исторію русскаго раскола, разбирали и опровергали мнѣнія раскольниковъ, и плоды своихъ изслѣдованій отдавали въ печать, имѣя въ виду обратить раскольниковъ, и, въ то же время, оградить православныхъ отъ совращенія въ расколъ. Изъ древнѣйшихъ сочиненій по расколу упомянемъ важнѣйшія. Такъ, патріархъ Іоакимъ, при которомъ совершилось отпаденіе раскольниковъ, тотчасъ по укрощеніи Стрѣлецкаго бунта (1682 г.), разослалъ по всѣмъ русскимъ церквамъ печатныя тетради съ обличеніемъ на главнаго бунтовщика Никиту Пустосвята и съ убѣжденіемъ православнымъ — повиноваться Св. Церкви и не слѣдовать расколу; потомъ онъ же разослалъ по церквамъ

цѣлую книгу: „*Увѣтъ* (увѣщаніе) *духовный*“, съ трогательными пастырскими увѣщаніями къ народу и съ обличеніями на раскольниковъ. Современные Іоакиму іерархи Русской Церкви также содѣйствовали патріарху въ борьбѣ съ расколомъ. *Павелъ*, митрополитъ Сибирскій, разсылалъ по своей обширной епархіи благонадежныхъ священниковъ и іеродіаконовъ для увѣщанія раскольниковъ, а иногда отправлялъ и собственныя архипастырскія посланія; преемникъ его, *Игнатій Римскій-Корсаковъ*, написалъ три окружныя посланія ко всѣмъ православнымъ христіанамъ своей паствы, стараясь предохранить ихъ отъ обольщеній раскола; онъ же всенародно, въ соборномъ храмѣ, обличалъ и вразумлялъ раскольниковъ; патріархъ Всероссійскій *Адріанъ*, еще въ санѣ митрополита Казанскаго, написалъ сочиненіе о томъ, какъ слѣдуетъ слагать персты для крестнаго знаменія, а потомъ, будучи уже патріархомъ, разослалъ всѣмъ старостамъ поповскимъ, по-нашему—благочиннымъ, инструкцію, въ которой, между прочимъ, изложилъ правила, какъ дѣйствовать противъ раскола. Когда стали распространяться, среди ревнителей старины, толки о кончинѣ міра и нѣкоторые безумные враги Церкви дерзнули самого Императора Петра 1-го считать антихристомъ, тогда мѣстоблюститель патріаршаго престола, *Стефанъ Яворскій*, издалъ книгу: „Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка отъ писаній Божественныхъ“, а главнаго распространителя этихъ мыслей отыскалъ и обличилъ предъ царемъ и сигклитомъ. Новгородскій митрополитъ *Іовъ* разсылалъ по епархіи увѣщательныя посланія раскольникамъ; св. *Димитрій*, митрополитъ Ростовскій, желая изучить расколъ во всѣхъ подробностяхъ, часто объѣзжалъ свою епархію, говорилъ проповѣди съ обличеніемъ на расколъ и написалъ противъ раскола два сочиненія: первое—„Разсужденіе объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ“, гдѣ опровергалъ грубую мысль, будто бритьемъ бороды искажается образъ Божій въ человѣкѣ; другое, болѣе обширное, сочиненіе св. Димитрія—„Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ“ направлено вообще противъ заблужденій раскола и состоитъ изъ трехъ частей: въ первой доказывается, что

вѣра раскольниковъ не права; во второй, что ученіе ихъ душевредно; въ третьей, что дѣла ихъ не богоугодны. Эту книгу св. Димитрій составилъ въ пособіе священникамъ своей епархіи и успѣлъ разослать ее незадолго предъ своею смертію въ 1709 г. Но однимъ изъ сильнѣйшихъ обличителей раскола былъ *Питиримъ*, архіепископъ Нижегородскій, скончавшійся въ 1738 году. Сынъ поселянина, еще въ дѣтствѣ увлеченный въ расколъ, Питиримъ принялъ монашество на Вѣткѣ. Но, потомъ, читая богословскія книги и изучая церковныя древности, онъ ясно увидѣлъ заблужденія раскола, изучилъ духъ и привычки раскольниковъ и, обратившись къ Православію, тѣмъ сильнѣе могъ дѣйствовать на ревнителей мнимой старины. По волѣ Петра 1-го онъ былъ сдѣланъ строителемъ Переяславскаго Никольскаго монастыря и занялся обращеніемъ нижегородскихъ раскольниковъ. Онъ обходилъ ихъ жилища и скиты, проникалъ въ лѣса и пустыни, наставлялъ заблудшихъ устными бесѣдами и увѣщательными тетрадками. На *Керженцѣ*, вблизи раскольническихъ скитовъ, онъ основалъ православный Успенскій монастырь и здѣсь готовилъ будущихъ миссіонеровъ. Въ это время раскольники прислали Питириму 240 вопросовъ о разныхъ спорныхъ мнѣніяхъ. Вопросы эти писалъ извѣстный раскольническій наставникъ *Андрей Денисовъ*. Получивъ вопросы, Питиримъ, будучи уже епископомъ, пригласилъ въ село Пафнутьево, Балахновскаго уѣзда, раскольническихъ наставниковъ. Здѣсь, послѣ торжественной литургіи, архипастырь въ полномъ облаченіи вошелъ съ крестнымъ ходомъ на особое возвышенное мѣсто и здѣсь велъ бесѣду, а потомъ вручилъ раскольникамъ свои отвѣты. Раскольники сознались, что не могутъ вести бесѣду. Многіе изъ нихъ, послѣ этого, вступили въ нѣдра Православной Церкви, а отвѣты Питирима были изданы въ 1721 году въ особомъ сочиненіи „Пращица“. Своими трудами и сочиненіями Питиримъ возвратилъ въ Православную Церковь до трехъ тысячъ раскольниковъ въ Нижегородской и въ другихъ сосѣднихъ епархіяхъ. Труды архипастырей Россійской Церкви на вразумленіе раскольниковъ продолжались и въ послѣдующія времена. Митрополитъ *Платонъ*, когда

еще былъ въ санѣ архимандрита, написалъ, по порученію Святѣйшаго Сѵнода, увѣщаніе къ раскольникамъ. Это сочиненіе, проникнутое духомъ кротости и убѣжденія, нашло себѣ доступъ къ сердцамъ многихъ, желавшихъ познать истину. Другой достойный пастырь, *Никифоръ Θеотокій*, родомъ грекъ, едва только прибылъ, въ 1779 году, въ свою Словенскую и Херсонскую епархію, какъ написалъ окружное посланіе ко всѣмъ, находившимся въ его епархіи, мнимымъ старообрядцамъ. Написанное съ пастырскою ревностію, кротостію и любовію, это посланіе было прочитываемо въ собраніяхъ раскольниковъ, и многіе изъ нихъ присоединились къ Православной Церкви. Въ ряду сочиненій въ обличеніе раскола стоитъ упомянуть высокопреосвященнѣйшаго *Григорія*, митрополита С.-Петербургскаго, подъ заглавіемъ: „Истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь“. Въ ней истинность и православіе Греко-Россійской Церкви утверждается свидѣтельствами, взятыми, исключительно, изъ такихъ книгъ, которыя уважаются самими ревнителями раскола, т. е. изъ книгъ древнеписьменныхъ и старопечатныхъ. Книга митрополита Григорія, введенная въ употребленіе въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, послужила руководствомъ для современныхъ пастырей въ ихъ совѣщаніяхъ съ ревнителями раскола.

Многочисленныя сочиненія противъ раскола, если не всегда сопровождались добрыми плодами относительно раскольниковъ, то сослужили великую службу пастырямъ Православной Церкви и ихъ духовнымъ чадамъ. Сочиненія эти раскрыли исторію раскола, обнаружили темныя стороны внутренней жизни раскольниковъ, показали лживость ихъ мудрованій, недобросовѣстность ихъ наставниковъ. Уясняя сущность раскола, они дали возможность каждому пастырю Церкви давать раскольникамъ отвѣты на ихъ вопросы и приводить ихъ къ свѣту истины. И ревнители Православія воспользовались этимъ. Архипастыри Россійской Церкви, профессора духовныхъ академій, архимандриты и священники возымѣли смѣлость выйти на публичное совѣщаніе съ раскольниками. Совѣщанія подобнаго рода устраивались, и донынѣ устраиваются, въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ Россіи; по расколь-

ническимъ селеніямъ ѣздятъ особые миссіонеры, которые также ведутъ открытыя бесѣды съ ревнителями старины. Эти бесѣды явно показали слабость раскола; онѣ убѣдили всѣхъ, что раскольники стоятъ за свои старые обряды и мнѣнія отнюдь не по убѣжденію въ ихъ истинности, а по одному упорству и по застарѣлой враждѣ къ Православной Церкви. Вожди раскола принимаютъ на себя смѣлость участвовать въ этихъ бесѣдахъ, но ихъ выраженія такъ слабы, такъ невѣжественны, что участники бесѣдъ со стыдомъ удаляются. А чада Православной Церкви, присутствующіе на этихъ бесѣдахъ, видятъ слабую сторону раскола и еще тѣснѣе сближаются съ Церковію.

Къ ослабленію раскола ведетъ и другое учрежденіе нынѣшнихъ временъ. Я разумѣю Церковно-приходскія школы. Эти школы находятся подъ ближайшимъ руководствомъ православнаго духовенства, и дѣти, учащіеся здѣсь, получаютъ образованіе въ духѣ церковномъ. Они, съ первыхъ дней ученья, пріучаются къ храму Божію, участвуютъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи, изучаютъ множество Церковныхъ молитвъ, знакомятся съ церковно-славянскимъ языкомъ и пріучаются любить и уважать церковь и ея служителей. Между тѣмъ въ эти школы, мало-по-малу, начинаютъ поступать и дѣти раскольниковъ. И можно надѣяться, что, при содѣйствіи Церковно-приходскихъ школъ, ослабѣетъ вражда раскольниковъ къ Православной Церкви. Молодое поколѣніе раскольниковъ, воспитавшись подъ ближайшимъ покровомъ церкви, постепенно вступитъ въ спасительную ея ограду и найдетъ здѣсь тотъ свѣтъ, то спокойствіе духа, тотъ путь къ спасенію душевному, котораго напрасно ищутъ раскольники, блуждая по своимъ скитамъ и молельнямъ. А на насъ, православныхъ, лежитъ долгъ привлекать къ себѣ заблудшихъ чадъ Христовыхъ, давать имъ примѣръ христіанскаго поведенія и добраго послушанія церкви, чтобы эти заблудшіе, смотря на нашу жизнь, убѣждались, что внѣ церкви нѣтъ ни свѣта истины, ни душевнаго мира, ни вѣрнаго пути къ блаженству, которое уготовилъ Господь любящимъ Его. Аминь.

Бесѣда четырнадцатая.

Отношенія Русской Церкви къ Католикамъ и Протестантамъ.

Православная Россійская Церковь, распространяя свѣтъ Христовой истины среди сыновъ Россіи, прилагая материнскія заботы къ тому, чтобы возвратить въ свои спасительныя объятія заблуждшихъ ревнителей древняго благочестія, должна была заботиться еще и о томъ, чтобы вѣрныхъ чадъ своихъ оградить отъ сближенія съ иновѣрцами, какъ-то: Католиками, Лютеранами и разными сектантами, болѣе или менѣе чуждыми Свѣта Христовой Истины. И благодареніе Богу! Заботы Святой Церкви не остались напрасными. Господь не только сохранилъ насъ, Русскихъ, отъ увлеченія мудрованіями иновѣрцевъ, но и сердца многихъ изъ нихъ обратилъ къ намъ, чадамъ Православной Церкви. Какъ въ древнія времена, такъ особенно — въ позднѣйшія, многія сотни и тысячи иновѣрцевъ, ежегодно, принимаетъ Православіе и, дѣлаясь членами Церкви, сближаются съ нами такъ тѣсно, что постепенно обращаются въ настоящихъ Россіянъ. И въ настоящія времена опасность отъ иновѣрцевъ уже не такъ велика, какъ

было прежде. Теперь уже большинство Русскихъ понимаетъ превосходство Православія предъ иновѣріемъ, начинаетъ уважать свое родное, Русское, и не такъ слѣпо вѣритъ толкамъ людей, чуждыхъ Церкви. Не то было въ древней Россіи: въ темные вѣка невѣдѣнія нужны были особыя знаменія Промысла Божія, особыя заботы правительства духовнаго и свѣтскаго, чтобы отстоять Православіе отъ притязаній иновѣрцевъ. Объ этихъ-то знаменіяхъ Промысла Божія, объ этихъ-то заботахъ правительства и будетъ сегодня наша бесѣда. Сначала мы побесѣдуемъ о борьбѣ съ Католичествомъ, а потомъ скажемъ объ отношеніяхъ Русской Церкви къ Лютеранамъ и къ разнымъ сектантамъ лютеранскаго духа.

Извѣстно вамъ, православные христіане, изъ прежнихъ бесѣдъ, что Римскіе папы, считая себя намѣстниками Христа на землѣ, а Римско-Католическую Церковь признавая единою—истинною и спасительною, постоянно стремились къ тому, чтобы распространять свою власть среди народовъ, населяющихъ землю. Они постоянно разсылали миссіонеровъ, которыя, слѣдуя внушеніямъ Папъ, не только проповѣдывали вѣру Христову язычникамъ, но старались покорить папской власти и тѣхъ, которые уже были христіанами. Поэтому и народъ Русскій, такой сильный и многочисленный, живущій такъ близко къ странамъ Европы, не могъ укрыться отъ властолюбивыхъ притязаній Римскаго папы. Притязанія эти, начинаясь съ первыхъ дней просвѣщенія Русскаго народа Христовою вѣрою, продолжались во все время существованія у насъ христіанства, продолжаются и до настоящаго времени.

Лишь только великій князь Кіевскій Владиміръ, познавъ тщету язычества, задумалъ сдѣлаться исповѣдникомъ другой вѣры, то къ нему стали являться миссіонеры съ разныхъ странъ. Въ числѣ этихъ миссіонеровъ были и проповѣдники Католичества. Объ ихъ посѣщеніи такъ разсказывается у лѣтописца. Пришли учители отъ Нѣмцевъ (Нѣмцы тогда были католиками) и сказали: „пришли мы отъ Римскаго папы, и онъ говоритъ тебѣ: земля твоя какъ наша земля, а вѣра твоя не какъ наша вѣра. Наша вѣра—Свѣтъ. Мы кланяемся

Богу, который сотворилъ небо и землю, и звѣзды и мѣсяцъ, и всякую живую тварь, а ваши боги—дерево". Какія у васъ заповѣди?—спросилъ Владиміръ. Нѣмцы отвѣчали: „Постъ у насъ не строгъ, постимся по силѣ, а кто ѣстъ или пьетъ, то все во славу Божію". Видимо, что такимъ послабленіемъ чувственности послы Римскаго папы хотѣли привлечь Владиміра, еще не крещенаго и преданнаго грубымъ излишествамъ язычника. Имъ, главное, хотѣлось расположить князя къ подчиненію Папѣ. Но Владиміръ отвѣтилъ коротко: „Идите назадъ; отцы наши не принимали вашей вѣры". Онъ помнилъ, что святая Ольга и другіе, бывшіе уже на Руси, христіане принимали вѣру отъ Грековъ, а не отъ Нѣмцевъ, и не отъ Папы. Видимо, Самъ Богъ, Хранитель Русской Земли, говорилъ устами князя Владиміра. Въ ту минуту, когда князь бесѣдовалъ съ послами папскими, одного движенія мысли, одного краткаго слова было достаточно, чтобы Владиміру увлечься внушеніями католиковъ. Владиміръ подчинился бы Папѣ, вслѣдъ за нимъ, вся Россія пошла бы въ Католическую Церковь и теперь мы были бы подвластными Папѣ, подобно другимъ милліонамъ европейцевъ, угнетаемыхъ папствомъ. Но благодареніе Богу! Онъ направилъ сердце и умъ князя на путь истинный и князь отвергъ Католичество. Но первая неудачная попытка не остановила усердныхъ слугъ Папы. Видя неудачу въ открытой бесѣдѣ съ княземъ, католики продолжали дѣйствовать на Русскихъ въ частныхъ бесѣдахъ и, конечно, представляли, особенно на первое время, большую опасность для нашей Православной Церкви. Явилась необходимость ограждать Русскихъ отъ вліянія католиковъ. Мы знаемъ, что и Ѳеодосій Печерскій, въ одномъ изъ своихъ посланій къ великому князю Изяславу, старается оградить его отъ вѣры „варяжской" или латинской, исчисляетъ отступленія и злые обычаи Латинянъ, внушаетъ—не имѣть съ ними общенія въ пищѣ, питьѣ и бракѣ. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ: „Кто скажетъ: и ту и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по-твоему Богъ двувѣрный? Развѣ не слыхалъ, что написано: едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ". Русскіе митрополиты—греки, пріѣзжая

въ Россію и помня, какія опасности испытывала отъ Латинянъ современная имъ Церковь Греческая, старались отвратить отъ Латинянъ и Церковь Русскую. Отъ нихъ осталось нѣсколько сочиненій противъ Латинъ, гдѣ перечисляются многочисленныя отступленія Латинянъ отъ Православной Церкви. Объ этихъ сочиненіяхъ мы упоминали, когда вели бесѣду о древнихъ церковныхъ писателяхъ Россіи. И писать въ ограждепіе отъ Католичества было необходимо. Папы продолжали свои попытки покорить своему игу русскихъ князей. Болеславъ, Польскій король, выдалъ свою дочь за Святополка, сына Владимірова, и послалъ въ Кіевъ католическаго бискупа, или епископа, Рейнберга. Рейнбергъ возбудилъ въ Святополкѣ сочувствіе къ Католичеству. Тогда Владиміръ посадилъ Рейнберга въ темницу, гдѣ онъ и умеръ; а Святополкъ, поколебавшійся въ вѣрѣ, произвелъ великія смуты въ княжескомъ родѣ. Онъ предалъ смерти своихъ братьевъ, Бориса и Глѣба, а потомъ погибъ и самъ, бѣжавъ изъ Россіи и заслуживъ отъ современниковъ позорное имя „Святополка окаяннаго“. Такой несчастный конецъ сына Владимірова не показывалъ ли ясно тотъ вредъ, ту погибель, какая ожидаетъ отступниковъ отъ Православія? Знаменитый въ исторіи Римскій папа Григорій 7-й сносился съ великимъ княземъ Изяславомъ; прислалъ къ нему своихъ пословъ и съ ними — письмо, предложивъ князю побесѣдовать съ послами о томъ, чего нѣтъ въ письмѣ. А такъ какъ извѣстно, что Григорій 7-й былъ очень озабоченъ расширеніемъ своей власти, то и бесѣда пословъ съ княземъ должна была касаться не чего-либо другаго, а опять-таки — утвержденія у насъ Католической вѣры. Но и словесныя и письменныя порученія Папы остались безъ послѣдствій. Напрасны были и другія подобныя попытки при великомъ князѣ Владимірѣ Мономахѣ.

Не такъ счастлива была, въ этомъ отношеніи, Русь Галицкая, стоявшая въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ католическими землями. Съ Галицкимъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ вступилъ въ сношенія Римскій папа Иннокентій IV. Онъ обѣщалъ князю соединить всѣхъ Западныхъ христіанъ

для крестоваго похода противъ Татаръ: но такъ какъ Папа не могъ составить крестоваго похода, то Даніилъ прекратилъ сношенія съ Римомъ. Но смуты, происшедшія въ семьѣ Галицкихъ князей по смерти Даніила, были причиною того, что Галиція подпала подъ власть Венгерскихъ королей, приверженцевъ Рима. И когда Венгерскій князь Коломанъ былъ коронованъ латинскимъ архіепископомъ, тогда православный епископъ и священники были выгнаны изъ Галиціи; церкви стали превращаться въ костелы, народъ принуждали къ Латинству. Хотя Русскій князь Мстиславъ Храбрый выгналъ отсюда Венгровъ и Латинянъ, но усилія Папъ удержать за собою духовную власть надъ Галиціею привели къ тому, что впослѣдствіи русскіе Галичане, все-таки, соединились съ Римомъ на правахъ уніатовъ.

Тотъ же папа Иннокентій IV возбуждалъ своихъ христіанъ нападать на Россію съ Сѣверозапада. По порученію Папы, шведскій владѣтель *Биргеръ* собралъ на Россію крестовый походъ, чтобы обращать православныхъ Россіянъ въ Католичество. Но защитникомъ Россіи и Православной Церкви явился святой Благовѣрный князь Александръ. Онъ встрѣтилъ Шведовъ на Невѣ, при впаденіи въ нее рѣки Ижоры и нанесъ имъ страшное пораженіе, за что получилъ, на вѣчныя времена, названіе *Невскаго*. Эта битва за вѣру и отечество ознаменовалась чудесами. Одинъ ижорянинъ, Пелгуй, предъ началомъ битвы, видѣлъ ночью святыхъ князей Бориса и Глѣба, плывшихъ въ лодкѣ по Невѣ. Они говорили другъ другу: „Поможемъ родичу нашему Александру“. Другой шведскій владѣтель, именно король *Магнусъ*, устроилъ новый крестовый походъ противъ Русской земли и Православной Церкви. Предварительно онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, предлагая новгородцамъ устроить споръ о томъ, какая вѣра лучше, Католическая, или—Грековосточная, и потомъ предлагалъ принять ту, которая окажется лучшею. Но Русскіе не захотѣли вести споръ о вѣрѣ. Владыка Новгородскій, архіепископъ *Василій*, отвѣчалъ посланнымъ Магнуса: „Мы приняли вѣру отъ Грековъ. Если король желаетъ знать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ Греческому патріарху“.

По нашимъ понятіямъ этотъ отвѣтъ можетъ показаться слишкомъ простымъ, странным, а для русскихъ—унизительнымъ. А между тѣмъ лучшаго отвѣта и не нужно. Для каждаго дорога своя вѣра, свои убѣжденія. Споръ о вѣрѣ, хотя бы и былъ въ нашу пользу, всегда колеблетъ вѣру. И еслибы новгородскіе духовные вступили въ споръ съ католиками, наша сторона должна была бы уступить католикамъ, болѣе сильнымъ и хитрымъ въ словѣ. И тогда былъ бы для нашей вѣры позоръ и униженіе. Значитъ, отвѣтъ владыки Василія, при всей кажущейся простотѣ, былъ отвѣтомъ, для тогдашняго времени, вполнѣ подходящимъ. И вѣрность отвѣта можетъ быть подтверждена опытомъ нашего времени. У насъ теперь нерѣдко ведутся споры съ раскольниками. А всегда ли эти споры убѣждаютъ раскольниковъ? Они остаются при своихъ мнѣніяхъ. Споръ приноситъ пользу только намъ, вѣрнымъ сынамъ Церкви, утверждая насъ въ истинѣ Православія.

Кромѣ Шведскихъ князей ревнителями Католичества явились князья Литовскіе. Первые Литовскіе князья поддерживали въ своихъ областяхъ Православную вѣру. Но когда Литовскій князь *Ягелло* женился на Польской королевнѣ *Ядвигѣ* и соединилъ православную Литву съ католическою Польшей, тогда онъ принялъ Католичество, которое постепенно утвердилось въ Литвѣ; въ Вильнѣ и Кіевѣ явились латинскіе епископы; которые стали располагать Россіянъ къ подчиненію Папѣ. А потомъ, когда это не удалось, они стали убѣждать Русскихъ къ принятію уніи, о чемъ будетъ у насъ рѣчь впереди.

Въ дальнѣйшей борьбѣ Православія съ Католичествомъ происходитъ то явленіе, что Московская Русь отстаиваетъ свое Православіе отъ происковъ Рима, а Западная—на долгое время подчиняется Римскому папѣ. Въ одной изъ бесѣдъ по исторіи Христіанской Церкви у насъ было сказано о Флорентійской уніи. Флорентійская унія состояла въ томъ, что нѣкоторые восточные христіане, стараніями Греческихъ царей, подчинились Папѣ, но, при этомъ, сохранили за собою право—совершать Богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ и дѣржаться своихъ древнихъ восточныхъ обрядовъ. Такой спо-

соб единенія Церквей былъ устроенъ на знаменитомъ Флорентійскомъ Соборѣ, который у католиковъ считается осьмымъ Вселенскимъ. Чтобы расположить Русскихъ къ участію въ этомъ единеніи, необходимо было, чтобы русскіе іерархи также присутствовали на Соборѣ. И вотъ съ этою цѣлію былъ, послѣ митрополита Фотія, присланъ къ намъ изъ Греціи митрополитъ *Исидоръ*, грекъ, родомъ изъ Солуня, тайный католикъ, ученый богословъ, сладкорѣчивый ораторъ. Онъ привезъ ласковыя письма отъ Греческаго императора *Іоанна Палеолога* и патріарха *Іосифа*, замышлявшихъ унію съ Римомъ. Великій князь *Василій Васильевичъ Темный* встрѣтилъ Исидора съ почетомъ и ласкою, но чрезвычайно изумился, когда узналъ, что Исидоръ намѣренъ ѣхать на Соборъ во Флоренцію. Онъ долго отговаривалъ Исидора отъ этой поѣздки, но видя его непреклонность, уступилъ и, на прощаньи, сказалъ: „Отцы и дѣды наши не хотѣли слышать о соединеніи вѣры Греческой и Римской; я самъ не желаю этого. Но если ты мыслишь иначе, то иди; я не запрещаю тебѣ. Только сохрани чистоту вѣры и принеси оную съ собою“. Исидоръ клялся быть вѣрнымъ Православію и, отправившись изъ Россіи въ сентябрѣ 1437 года, 18 августа 1438 г. прибылъ въ Феррару, гдѣ были сперва засѣданія Соборныя. Онъ ѣхалъ чрезъ земли Западныхъ христіанъ и вездѣ былъ принимаемъ съ великимъ почетомъ, но самъ оказывалъ больше вниманія Католической святынѣ, нежели Восточной, Православной. На Флорентійскомъ Соборѣ Исидоръ былъ ревнителемъ Уніи съ Римомъ, и видя твердость въ Православіи, которую показывалъ блаженный Маркъ, митрополитъ Ефесскій, и другіе іерархи греческіе, осуждалъ этихъ ревнителей Православія. За свою ревность къ Католичеству Исидоръ получилъ отъ папы Евгенія кардинальское достоинство и, съ титуломъ Легата Апостольскаго, выѣхалъ изъ Флоренціи 6-го сентября 1439 года. Прибывъ въ Венгрію, Исидоръ написалъ отсюда грамоту въ Русскую землю и убѣждалъ своихъ духовныхъ чадъ быть истинными братіями Римскихъ христіанъ, молиться и въ русскихъ и въ латинскихъ храмахъ, причащаться и у русскихъ и у католическихъ свя-

щенниковъ. Весною 1440 года, Исидоръ прибылъ въ Москву, съ грамотою отъ папы Евгенія, который убѣждалъ Россіянъ присоединиться къ Римской Церкви и просилъ Великаго князя принять Исидора, какъ принимали въ Россіи прежнихъ митрополитовъ. Грамота папы, написанная смиренно и льстиво, спачала принята была съ любовію; еще никто не зналъ сущности дѣла. Но всѣ изумились, когда увидѣли, что предъ митрополитомъ несутъ латинскій крестъ, такого вида, какого не привыкли видѣть въ Россіи и который видали только у католическихъ епископовъ въ Западныхъ странахъ. Изумились Русскіе еще болѣе, когда митрополитъ, за литургіею, не упомянулъ именъ Вселенскихъ патріарховъ, а провозгласилъ имя Папы. По окончаніи литургіи протодіаконъ, въ священномъ облаченіи, провозгласилъ съ амвона актъ Флорентійскаго Собора, гдѣ писалось, что и Византійскій императоръ и Восточные патріархи признали главенство Рима. Всѣ безмолвствовали, хотя скорбь поразила сердца каждаго. Среди общаго молчанія раздался голосъ великаго князя Василія Васильевича. Онъ вступилъ въ преніе съ митрополитомъ, называлъ его лжепастыремъ и еретикомъ и велѣлъ посадить его подъ стражу. Въ 1441 г. Исидоръ былъ осужденъ Соборомъ русскихъ епископовъ, но потомъ убѣжалъ изъ подъ стражи и отправился въ Римъ, гдѣ жилъ при дворѣ Папы и пользовался почетомъ въ числѣ другихъ кардиналовъ. Послѣ сверженія Исидора, Великій князь послалъ въ Грецію пословъ съ просьбою о томъ, чтобы поставленъ былъ другой митрополитъ; въ посланіи Великій князь выражалъ скорбь по поводу дѣла Исидора и—желаніе, чтобы митрополитъ Русскій поставлялся не въ Греціи, а въ Россіи. Преемникъ Исидора, св. Іона, былъ поставленъ въ Россіи и съ тѣхъ поръ Русскіе первосвятители уже не ѣздили въ Царьградъ для поставленія.

Не было Папамъ удачи съ Исидоромъ. Они избрали другое средство для подчиненія Русской Церкви Папскому престолу. Это былъ бракъ Великаго князя съ Греческою царевною *Софіею Палеолог*. Въ 1453 году Константинополь былъ взятъ Турками. Послѣдній Византійскій императоръ, *Кон-*

стантинъ Палеологъ, погибъ при завоеваніи города. У него остались два брата, Димитрій и Ѳома. Ѳома, съ титуломъ владѣтельнаго князя Морен, жилъ въ Римѣ и пользовался милостями Папы. По смерти его у него остались два сына и одна дочь—Софія, блиставшая умомъ и красотою. Вотъ эту-то отрасль царственнаго Византійскаго рода Палеологовъ и избрали Папы орудіемъ своихъ честолюбивыхъ плановъ. Папы задумали выдать Софію за Русскаго великаго князя Іоанна Васильевича 3-го. Они надѣялись, что Софія, воспитанная въ Римѣ, убѣдитъ своего мужа соединиться съ Римомъ на тѣхъ условіяхъ, которыя были выработаны на Флорентійскомъ Соборѣ. Въ Россію было отправлено, съ этими предложеніями, многочисленное посольство. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ согласился вступить въ бракъ съ Софіею Палеологъ, и, 1-го іюня 1472 года, Софія была въ Римѣ обручена Великому князю, при чемъ лицо князя занималъ главный изъ пословъ *Иванъ Фрезинъ*, распорядитель московскаго монетнаго двора. При этомъ Иванъ Фрезинъ увѣрялъ Папу и лицъ, его окружавшихъ, будто Московскій князь самъ желаетъ единенія съ Римомъ и готовъ итти на войну съ Турками, чтобы отнять отъ нихъ Константинополь. Обрученная Великому князю Софія съ большой свитой отправилась въ Россію. Проѣхавъ чрезъ Италію и Германію на лошадяхъ, она изъ Любека отправилась на кораблѣ до Ревеля, а отсюда, черезъ Псковъ, отправилась въ Москву, куда и прибыла 12-го ноября. Всюду встрѣчали ее съ великими почестями. Въ свитѣ, ее сопровождавшей, былъ Папскій легатъ Антоній, предъ которымъ, во время пути, везли серебряный папскій крестъ. Чрезъ этого-то Антонія Папы думали устроить унію Россіи съ Римомъ. Оказалось, что Папа напрасно на нее надѣялся. Софія обнаружила полную преданность Православной Церкви. Вступивъ въ предѣлы Россіи, она оставляла безъ вниманія католическіе костелы, а входила въ православные храмы, просила духовенство служить молебны, прикладывалась къ православнымъ иконамъ, тоже приказала дѣлать и лицамъ своей свиты, не исключая Антонія. Когда наступилъ день торжественнаго въѣзда Софіи въ Москву, Великій князь тревожился тѣмъ, какъ бы Русскій

народъ не оскорбился, когда увидитъ въ свитѣ папскаго легата съ предносимымъ папскимъ крестомъ. Онъ не желалъ оскорблять Римскаго папу, но, въ то же время, не хотѣлось ему тревожить и своихъ православныхъ подданныхъ. Онъ желалъ знать мнѣніе бояръ. Нѣкоторые совѣтовали оказать уваженіе папскому легату, другіе доказывали, что доселѣ, въ землѣ Русской, не оказывалось почестей Латинской вѣрѣ, что еще всѣ помнятъ дѣло митрополита Исидора, оскорбившаго Русскій народъ. Іоаннъ обратился за совѣтомъ къ Московскому митрополиту *Филиппу* 1-му. Сей святитель показалъ ту же твердость архипастырскую, какую нѣкогда, при Іоаннѣ Грозномъ, обнаружилъ сопменный ему Филиппъ 2-й. Митрополитъ отвѣтилъ Великому князю: „Если ты позволишь въ благовѣрной Москвѣ нести крестъ предъ латинскимъ епископомъ, то онъ войдетъ въ одни ворота, а я, отецъ твой, выйду изъ города чрезъ другія ворота. Кто почитаетъ вѣру чуждую, тотъ унижаетъ вѣру собственную“. Великій князь немедленно послалъ боярина взять крестъ у легата и спрятать въ сани. Легатъ повиновался, хотя и съ большимъ неудовольствіемъ. Царевна Софія въѣхала въ Москву 12-го ноября, утромъ, при стеченіи любопытнаго народа, а вскорѣ послѣ этого совершилось и вѣнчаніе ея съ Великимъ княземъ. Между тѣмъ папскій легатъ Антоній домогался, чтобы Россія приняла Флорентійскую Унію, но Великій князь не хотѣлъ и слышать объ уніи; посолъ папскій вступилъ въ преніе съ митрополитомъ Филиппомъ и—также безъ успѣха; въ Москвѣ нашелся какой-то книжникъ, по имени Никита, который ясно доказалъ Антонію истину Греческаго исповѣданія, и Антоній самъ прекратилъ споръ, ссылаясь на то, что у него нѣтъ съ собою книгъ. Посолъ оставилъ Москву, прожив въ ней одиннадцать дней, а Софія, притворно давъ Папѣ обѣщаніе соблюдать уставы Западной Церкви, осталась искренно православною, вѣрною тѣмъ добрымъ внушеніямъ, которыя получила еще въ домѣ родительскомъ.

Неудачи Римскихъ епископовъ не удерживали ихъ, однакоже, отъ попытокъ подчинить себѣ Русскую Церковь. Они пользовались всякимъ случаемъ сношеній съ Россіею, чтобы

завести рѣчь объ уніи. Вотъ Іоаннъ 4-й ведетъ войну съ Стефаномъ Баторіемъ, королемъ Польскимъ. Для заключенія мира русскаго царя съ Польскимъ королемъ является въ Москву папскій легатъ *Антоній Поссевинъ*. Кромѣ дѣла гражданскаго, ему дается отъ Папы тайное порученіе — предложить царю единеніе въ Римомъ. Этотъ Антоній былъ іезуитъ и, кромѣ обширной учености, обладалъ и достаточною хитростію. Онъ умѣлъ и польстить и подѣйствовать на простого человѣка. Но трудно было ему вести споръ съ царемъ Іоанномъ Грознымъ. Обладая твердымъ въ Православной вѣрѣ умомъ, царь Іоаннъ 4-й былъ и ученымъ человѣкомъ своего времени и сильнымъ въ словѣ. Онъ зналъ и Священное Писаніе и ученіе католиковъ и умѣлъ подѣйствовать на папскаго посла не хуже другаго современнаго богослова. Антоній, всетаки домогался вести съ царемъ преніе о вѣрѣ, противъ чего долго стоялъ самъ Іоаннъ. Онъ боялся, какъ бы рѣзкими выраженіями не оскорбить Римскаго папу, съ которымъ хотѣлъ сохранять дружбу изъ политическаго благоразумія. Наконецъ наступилъ часъ бесѣды. Много говорилъ царю посолъ Римскаго папы. Онъ доказывалъ, что Папа не принуждаетъ его оставить Греческую вѣру; онъ предлагалъ царю только изучить установленія древней Церкви и минувшую ея судьбу, и тогда онъ самъ убѣдится, что между Восточною и Западною Церковію нѣтъ никакой разницы; и когда произойдетъ единеніе Церквей, тогда всѣ будутъ едино стадо и единъ пастырь, тогда всѣ христіане составятъ одно войско и соединенными силами одолѣютъ Агарянское царство; посолъ доказывалъ царю и важность Флорентійскаго Собора, гдѣ дѣйствовали самъ Папа, Восточный императоръ и множество знаменитыхъ пастырей и ученыхъ Востока и Запада; желая польстить Русскому царю, посолъ предсказывалъ ему, что, принявъ унію, онъ вступитъ въ союзъ съ сильнѣйшими правителями Европы, возьметъ не только Кіевъ, но и Византійскую имперію, достигнетъ того величія, которымъ владѣли знаменитые цари Греческіе. Но всѣ эти льстивыя, хитрыя рѣчи іезуита не подѣйствовали на умъ Русскаго царя, не поколебали его твердости въ вѣрѣ.

Онъ не сталъ вести съ Антоніемъ продолжительнаго пренія о вѣрѣ; онъ отвѣтилъ ему кратко, рѣзко и, по нашему судя, грубо и не очень вѣжливо. И прекрасно поступилъ владѣтель Земли Русской. Если бы онъ рѣшился вступить въ преніе, хитрый іезуитъ опуталъ бы его сѣтями своей ложной учености, хитрыми доказательствами, на которые такъ способны іезуиты. Можетъ быть не удалось бы ему увлечь царя въ унію; довольно было бы того, если бы царь отнесся къ католикамъ благосклонно и дозволилъ бы имъ свободно проживать въ русскихъ городахъ, совершать службу и принимать въ свои школы дѣтей Русскаго народа. Тогда бы іезуиты утвердились въ Московской державѣ и постепенно стали бы увлекать русскихъ въ Католичество. Но рѣзкіе отвѣты Іоанна Грознаго дали отпоръ надеждамъ друзей Папы. Немного онъ сказалъ, но сказалъ на столько сильно, что хитрый іезуитъ долженъ былъ заградить свои уста. Царь говорилъ Антонію: „Ты хвалишься Православіемъ, а стрижешь бороду; вашъ Папа велитъ носить себя на престолѣ и цѣловать его туфель, гдѣ изображено распятіе. Какое высокомѣріе для смиреннаго Пастыря христіанскаго, какое уничиженіе святыни!“ Антоній доказывалъ величіе Папы, намѣстника Христова, общаго отца всѣхъ христіанъ, а Іоаннъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ: „У христіанъ единъ Отецъ на небесахъ! Насъ, земныхъ властителей, величать должно по мірскому уставу; ученики же Апостольскіе да смиренномудрствуютъ. Если Папа называетъ себя Христовымъ сопрестольникомъ, а велитъ носить себя на сѣдалищѣ какъ бы на облакѣ, какъ бы Ангеломъ, и живетъ не по Христову ученію, тотъ Папа есть волкъ, а не Пастырь“. Антоній въ сильномъ негодованіи воскликнулъ; „если уже Папа—волкъ, то мнѣ говорить нечего“. Іоаннъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ: „Вотъ для чего не хотѣлъ я бесѣдовать съ тобою о вѣрѣ. Невольно досаждаемъ другъ другу. Впрочемъ, называю волкомъ не Григорія 13-го (тогдашняго Папу), а того Пастыря, который не слѣдуетъ Христову ученію. Теперь оставимъ“. Государь, отпустивъ отъ себя папскаго посла, посылалъ ему дары, предлагалъ прійти въ церковь, чтобы тотъ

посмотрѣлъ на нашу службу, соглашался быть въ союзѣ съ Папою, но не заводилъ рѣчи о соединеніи Церквей. Такимъ образомъ хитрыя рѣчи іезуита не могли подѣйствовать на царя, преданнаго вѣрѣ отцовъ своихъ.

Не прошло и двадцатипяти лѣтъ послѣ отъѣзда папскаго посла, какъ опять начались усплія католиковъ подчинить Русскую Церковь папскому игу. Появился въ Россіи самозванецъ-Лжедимитрій, за которымъ слѣдовалъ рядъ другихъ самозванцевъ. Всѣ эти самозванцы были орудіями враговъ Россіи, а первый изъ нихъ, Григорій Отрепьевъ, былъ даже орудіемъ іезуитовъ. Они его приняли съ почестями, какъ законнаго преемника власти Московскихъ царей и, устроивши его бракъ съ Мариною Мнишекъ, потребовали, чтобы онъ далъ клятвенное обѣщаніе обратить Россію въ Католичество. Увлеченный льстивыми рѣчами іезуитовъ и не понимая характера Русскаго народа, Лжедимитрій далъ іезуитамъ обѣщаніе—ввести въ Россіи Католичество, а своей будущей супругѣ, Маринѣ Мнишекъ, уступалъ Новгородъ и Псковъ, съ правомъ—строить здѣсь католическіе костелы. И если бы самозванецъ и лица, стоявшія въ его свитѣ, были такъ же благоразумны и хитры, какъ ихъ наставники-іезуиты, то можно было бы опасаться, что, съ утвержденіемъ самозванца на Московскомъ престолѣ, замыслы іезуитовъ достигнутъ успѣха. Но слуги Лжедимитрія вели себя такъ неразумно, нарушали обычаи Россіянъ такъ смѣло, оскорбляли народъ съ такою жестокостію, и показали себя во всемъ настолько чуждыми Русскому народу, что народъ не только не увлекся обычаями и вѣрованіями католиковъ, но почувствовалъ отвращеніе ко всему европейскому; Поляковъ и вообще католиковъ русскіе стали такъ презирать, что сочли ихъ „нехристями“, безбожниками. И это отвращеніе отъ западныхъ христіанъ, особенно католиковъ, было такъ сильно, что патріархъ Московскій, Филаретъ, издалъ постановленіе—принимать католиковъ въ Христіанскую Церковь чрезъ крещеніе. Русскіе стали смотрѣть на католиковъ, какъ на злѣйшихъ еретиковъ, приравнивали ихъ къ древнимъ Аріанамъ, отвергали даже силу ихъ крещенія. Хотя

это постановленіе, какъ не согласное съ ученіемъ Церкви, было вскорѣ отмѣнено, но ненависть къ католикамъ на столько утвердилась среди Россіянъ Московскаго государства, что, уже въ послѣдующія времена, всякаго рода попытки распространять Католичество среди природныхъ Россіянъ были безуспѣшны. Являлись къ намъ и тайные и явные іезуиты, приходили въ Москву, а потомъ и въ Петербургъ разные знаменитые католическіе проповѣдники, съ тайною цѣлію—привлечь русскихъ къ Католичеству. Они принимались за воспитаніе русскихъ юношей изъ знатныхъ семействъ, устроили пансіоны, брались проповѣдывать въ католическихъ храмахъ, и въ своихъ проповѣдяхъ восхваляли папу и католическое духовенство. Но и здѣсь не было удачи. Молодые люди, воспитанные въ католическихъ пансіонахъ, только въ самомъ маломъ числѣ увлекались католическими мнѣніями; слушавшіе католическихъ проповѣдниковъ наслаждались изящною рѣчью ораторовъ, но о переходѣ въ Католичество думали только очень немногіе изъ нихъ. И хотя, въ настоящее время, много католиковъ живетъ среди насъ, хотя многіе сыны Россіи, проживая долгое время за границей, входятъ съ католиками въ близкія сношенія, но очень рѣдко бываетъ, чтобы Русскіе принимали Католичество. Ихъ такъ немного, что они всѣ, можно сказать, на счету. Можно сказать наоборотъ, что, въ послѣднее время, многіе католики ищутъ сближенія съ Православною Церковью. Такъ, многіе жители Чехіи, издавна расположенные къ Восточной Церкви, нынѣ охотно принимаютъ Православіе и, для бо́льшей свободы вѣроисповѣданія и исполненія религіозныхъ обрядовъ, переселяются въ западныя области Россіи, и здѣсь, принявъ Православіе, постепенно укрѣпляютъ свою нравственную связь съ нашею Церковію и съ нашимъ народомъ. Такіе, обращенные въ Православіе, Чехи, считаются теперь уже не сотнями, а тысячами. Они живутъ, преимущественно, въ Волынской губерніи, въ которую переселились изъ сосѣднихъ австрійскихъ областей. Кромѣ принимающихъ Православіе Чеховъ, къ Православной Церкви обращаютъ сочувственный взоръ такъ называемые старо-

католики. Эти люди принадлежатъ къ образованнѣйшимъ членамъ Католической Церкви. Недовольные разными нововведеніями Римскихъ папъ, а особенно провозглашеніемъ Римскаго догмата „о непогрѣшимости Папы“, эти, лучшіе изъ сыновъ Католичества, предприняли попытку возвратиться къ той Апостольской чистотѣ, какую сохраняла первенствующая Римская Церковь; они хотятъ устранить изъ своихъ вѣрованій и церковныхъ обычаевъ все, что придумано было, въ разное время, папами для упроченія папской власти, для обогащенія папской казны. Вотъ эти-то ревнители стараго, болѣе чистаго, Католичества и называются „Старокатоликами“. Стремясь возвратиться къ древней чистотѣ Церкви, они обращаютъ свой взоръ на нашу Восточную, Грекороссійскую Церковь. Устроя свои собранія, они приглашаютъ сюда нашихъ священниковъ и богослововъ, искренно и откровенно бесѣдуютъ о томъ, какимъ бы способомъ можно было устроить имъ соединеніе съ Православною Церковію, не нарушая чистоты ея ученія, не переступая церковныхъ уставовъ. Будемъ молить Бога, чтобы попытки эти увѣнчались успѣхомъ, чтобы не только старокатолики, составляющіе малую часть членовъ Западнаго христіанскаго общества, но и другіе, заблудшіе сыны Запада убѣдились въ чистотѣ нашей Православной Церкви и нашли бы себѣ миръ и вѣчное блаженство въ ея священной оградѣ.

Скажемъ теперь объ отношеніи Русскаго народа къ Лютеранамъ и разнымъ сектантамъ, образовавшимся среди лютеранскаго общества. Исторія происхожденія и распространенія лютеранскихъ вѣрованій была раскрыта нами въ одной изъ бесѣдъ по исторіи Христіанской Церкви. Здѣсь мы скажемъ только о томъ, какого рода опасности представляло для русскихъ лютеранское вѣроисповѣданіе. Нужно сказать, что лютеранскіе пасторы и наставники никогда не употребляли особенныхъ усилій къ увлеченію Русскихъ въ Лютеранство, какъ было у католическихъ пасторовъ. Но въ Лютеранствѣ есть много такого, что можетъ нравиться людямъ слабымъ въ нравственной жизни, людямъ стремящимся къ вольномыслію, къ распущенности. Лютеране, держась мысли, что всѣ

люди, увѣровавшіе во Христа, уже стоятъ на пути спасенія, отвергаютъ всѣ тѣ строгія правила церковной жизни, всѣ тѣ учрежденія, которыя содѣйствуютъ человѣку въ подвигѣ борьбы съ грѣхомъ. Они отвергаютъ посты, отвергаютъ монашество, и всѣ тѣ учрежденія, которыя утвердились въ обществѣ подъ строгими требованіями иноковъ. Они сократили церковную службу, опустили множество обрядовъ; они ослабили значеніе церковной іерархіи; давали христіанину въ руки Библію, или, по крайней мѣрѣ, одно Евангеліе, они сказали ему: „читай эту Божественную книгу, поучайся во спасеніе души и спасайся, какъ умѣешь; не нужно тебѣ свв. Отцовъ; понимай Слово Божіе, какъ тебѣ вздумается; только вѣруй во Христа и ты спасешься“. Вотъ эта-то легкость дѣла спасенія, эта свобода отъ руководства пастырей, это отсутствіе всякаго рода подвиговъ во благо души своей и нравится часто тѣмъ изъ Православныхъ христіанъ, которымъ лѣнь потрудиться во спасеніе души, которымъ не нравятся посты, долгое стояніе на молитвѣ, которые не сочувствуютъ строгимъ требованіямъ монашеской жизни. Люди подобнаго рода не отказываются отъ мысли спасти душу свою, но они хотятъ сдѣлать это безъ всякаго подвига, безъ напряженія своихъ силъ. Они забываютъ, что въ насъ есть грѣхъ, что грѣхъ уничтожается съ трудомъ, съ великими усиліями. И вотъ такого-то рода люди подвергаются опасности увлечься Лютеранствомъ. Появись только среди нихъ проповѣдникъ лютеранскаго ученія, прочитай онъ нѣсколько мѣстъ изъ Священнаго Писанія, гдѣ говорится, что человѣкъ спасается вѣрою во Іисуса Христа, сходи такой человѣкъ, два—три раза въ лютеранскую кирку, послушай общее пѣніе богомольцевъ, проповѣдь пастора, величественную музыку церковную, онъ уже готовъ сочувствовать Лютеранству. У него нѣтъ рѣшимости прямо перейти къ Лютеранству, но въ его душѣ уже развиваются лютеранскія убѣжденія; въ его жизни является лѣность къ посѣщенію церкви, лѣность въ соблюденіи постовъ; онъ уже теряетъ уваженіе къ священнику; онъ не хочетъ слушать церковныхъ пѣснопѣній; ему нравятся больше тѣ гимны и стихи, которые онъ слышалъ

въ лютеранской киркѣ, онъ начинаетъ чуждаться свв. иконъ, онъ стѣсняется соблюдать обряды благочестія, предписываемые Церковью. Такой человѣкъ уже можетъ считаться лютераниномъ, хотя онъ остается, внѣшнимъ образомъ, въ числѣ членовъ Православной Церкви. Видите, братіе какъ легко увлечься въ Лютеранство, какъ удобно могли бы лютеране увлекать насъ, Русскихъ, въ свои общества. Но, благодареніе Богу, Спасителю Нашему. Оградилъ Онъ насъ отъ увлеченія Католичествомъ, оградилъ и отъ Лютеранства. Если и встрѣчались, какъ и нынѣ встрѣчаются, среди сыновей Русской Церкви, люди, увлекавшіеся Лютеранствомъ, то такихъ людей было немного; они были, преимущественно, изъ лѣнивыхъ сыновъ Церкви, изъ такихъ людей, которые отъ Православной Церкви отвыкли и блуждаютъ, влаясь всякимъ вѣтромъ ученія. Чтобы подтвердить эту мысль примѣромъ изъ минувшей судьбы Русской Церкви, укажемъ тѣхъ людей, которые являлись у насъ проповѣдниками Лютеранства, и ту судьбу, какая постигла ихъ въ нашемъ Отечествѣ.

Въ одной изъ предыдущихъ бесѣдъ по исторіи Русской Церкви мы упомянали о сочиненіи инока Отенскаго монастыря *Зиновія* въ обличеніе ереси Ѳеодосія Косого. Этотъ Ѳеодосій Косой былъ послѣдователемъ Московскаго аптекаря *Матоея Бакшина*, выходца изъ Литовской земли, гдѣ тогда появились лютеранскіе проповѣдники. Бакшинъ и Ѳеодосій Косой проповѣдывали именно лютеранскую ересь. Они отвергали бо́льшую часть церковныхъ таинствъ, вѣрили только въ ученіе Священнаго Писанія, а Священное Преданіе отвергали; они учили, что не нужно ни постовъ, ни монашества, ни толкованій свв. Отцовъ, ни молитвъ за умершихъ. Когда Матоея Бакшина потребовали на судъ собора, онъ указалъ лицъ, которые мыслили одинаково; это были монахи *Игнатій* и *Ѳеодосій*, бывшій игуменъ Троицкой лавры *Артемій* и *Ѳеодоритъ*, извѣстный просвѣтитель Лопарей, бывшій въ санѣ архимандрита. На Соборномъ изслѣдованіи Ѳеодоритъ оказался не виновнымъ, а остальные сознались, что не были чужды лютеранскихъ мыслей. Осужденные Соборомъ еретики убѣжали въ Литву, а ихъ ученіе опровергъ монахъ Зиновій въ

обширномъ сочиненіи: „Показаніе истины“. Здѣсь заключается полное и основательное утвержденіе тѣхъ истинъ, которыя отвергалъ Ѳеодосій Косой. Неизвѣстно, были ли въ Москвѣ еще другія лица, державшіяся ученія Матѳея Бакшина, но должно сказать, что это время, т. е. половина 16-го вѣка, было временемъ броженія умовъ во всей Европѣ. Вездѣ было вольномысліе; люди, у которыхъ пробуждена была мысль, стремились освободить себя отъ того духовнаго ига, которое наложила на Западныхъ христіанъ папская власть; стремленіе къ духовной свободѣ, или, скажемъ прямо, къ нравственной распущенности объяло всю Западную Европу. А Россіяне, въ это время, начали входить въ болѣе тѣсныя сношенія съ европейцами; нѣкоторые изъ Русскихъ ѣздили въ Европу по дѣламъ торговымъ; многіе отправлялись туда, по порученію Русскаго царя, для сношенія съ европейскими государями; кромѣ того, въ Россію пріѣзжали лица, призываемыя на службу Русскому народу. Пріѣзжали врачи, аптекаря, монетчики, литейщики пушекъ, архитекторы и проч. Они занесли сюда то духовное броженіе, которымъ смущена была тогдашняя Европа; броженіемъ заразились и нѣкоторые изъ Русскихъ. Но, все-таки, заразившихся было немного.

Начатое, въ половинѣ 16-го вѣка, сближеніе Русскихъ съ европейскими народами, съ того времени, уже не прекращалось, а вмѣстѣ съ этимъ не прекратился и наплывъ лютеранскихъ мнѣній, не окончился рядъ лицъ, увлекавшихся Лютеранствомъ. Особенная опасность перехода въ Лютеранство была постоянно въ тѣхъ областяхъ Россіи, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Европою. Къ такимъ областямъ слѣдуетъ отнести тѣ губерніи, которыя нынѣ входятъ въ составъ Финляндіи, а также губерніи Остзейскаго края, лежащія по берегамъ Балтійскаго моря. Во время войнъ Россіи съ Пруссіею, Даніею, Швеціею и Польшею, эти области, на долгіе годы, подпадали власти иновѣрцевъ. А такъ какъ лютеране и католики, вообще, не чужды были желанія распространять свою вѣру среди Русскихъ, то въ областяхъ Русскаго государства, временно переходившихъ подъ власть Нѣмцевъ или Шведовъ, предпринимались попытки распространить

между Русскими Лютеранство. Для этой цѣли издавались на русскомъ языкѣ лютеранскіе катихизисы, молитвенники и сборники пѣснопѣній, православные приглашались присутствовать на молитвѣ въ киркахъ, въ лютеранскихъ школахъ доказывалась истинность Лютерова ученія и т. п. Но всѣ усилія обратить Русскихъ въ Лютеранство были напрасны. Правда, что Русскій народъ увлекался нѣкоторыми вѣрованіями и обычаями лютеранъ: поселяне охотно посѣщали кирки, имѣли у себя на дому сборники лютеранскихъ пѣсней, пѣли эти пѣснопѣнія по праздникамъ; многіе не носили на шеѣ креста; не держали у себя иконъ, рѣдко налагали на себя крестное знаменіе, не поминали усопшихъ съ тѣмъ усердіемъ, какое существуетъ у кореннаго Русскаго, рѣдко служили молебны, рѣдко совершали крестные ходы. Но все это не отдаляло ихъ отъ Православія. При первыхъ дѣйствіяхъ православныхъ пастырей, при возвращеніи этихъ поселянъ подъ власть Россіи, вліяніе Лютеранства ослабѣвало. Такое явленіе замѣчается одинаково какъ въ областяхъ Финляндіи, такъ и въ губерніяхъ Остзейскаго края. Въ нынѣшнемъ столѣтіи эти области утвердились подъ властію Россіи и Православіе здѣсь снова начало утверждаться. Особенно это слѣдуетъ сказать объ Остзейскомъ краѣ. Живущіе здѣсь Эстонцы и Латыши тысячами обращаются въ Православіе и ихъ не могутъ удержать въ Лютеранствѣ ни проповѣди пасторовъ, ни всякія стѣсненія со стороны мѣстныхъ правителей и землевладѣльцевъ.

Кромѣ вліянія Лютеранства въ Сѣверозападныхъ окраинахъ Россіи, такое же вліяніе замѣтно и въ Южныхъ областяхъ, особенно тамъ, гдѣ живутъ богатые нѣмецкіе крестьяне, извѣстные подъ именемъ колонистовъ. Это вліяніе обнаружилось въ послѣдніе годы. Оно произошло отъ того, что русскимъ крестьянамъ пришлось жить среди колонистовъ и тѣсно сближаться съ ними въ житейскомъ быту. Православіе въ этой мѣстности не имѣло сильныхъ дѣятелей; церквей Православныхъ было мало, а церквей лютеранскихъ много; Русскіе не могли часто посѣщать православную церковь, видѣть русскаго священника, а по религіоз-

ному чувству они посѣщали близкую къ нимъ лютеранскую кирку; живя среди колонистовъ-нѣмцевъ, они знакомились съ нѣмецкимъ языкомъ; слѣдовательно, понимали службу, которая совершалась въ киркахъ; еще сильнѣе было вліяніе школъ. Русскихъ школъ не было и Русскіе поневолѣ отдавали своихъ дѣтей въ ученье въ колонистскія школы, гдѣ дѣти постепенно свыкались съ лютеранскими мнѣніями и обычаями. Подъ вліяніемъ житейскихъ сношеній, подъ вліяніемъ кирки и, особенно, школы, Русскіе стали увлекаться Лютеранствомъ. Они стали устроять у себя молитвенныя собранія, гдѣ читали Евангеліе, пѣли священные нѣмецкіе гимны, слушали проповѣди разныхъ не призванныхъ проповѣдниковъ, особенно изъ народныхъ учителей. И такъ какъ подобныя собранія у нѣмцевъ называются *штунде*, т. е. часъ, то и всѣ вѣрованія лютеранскія Русскіе стали называть штундою, а послѣдователей ихъ—*штундистами*. Штундисты, исполняя наружно обряды Православной Церкви, ежегодно ходя на исповѣдь и причастіе Св. Таинъ, въ душѣ были холодны къ Православной Церкви. Они переставали обращаться къ пастырямъ Церкви за совершеніемъ христіанскихъ требъ, отвергали иконы, не молились за умершихъ; къ лицамъ, соблюдающимъ усердно уставы Церкви, относились съ презрѣніемъ. Это движеніе Русскаго народа въ сторону отъ прямыхъ путей Православія особенно сильно было въ семидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Оно обратило на себя вниманіе и духовнаго и гражданскаго правительства. Вожаковъ штундизма стали преслѣдовать, противъ ученія штундистовъ стали писать опроверженія; въ селеніяхъ, близкихъ съ Нѣмцами, стали заводить православныя церковно-приходскія школы, устроять церкви; къ штундистамъ посылались особые миссіонеры, которые вели съ ними бесѣды при народѣ и наединѣ. Такія мѣры оказали уже свое благотворное дѣйствіе. Штунда стала ослабѣвать; увлеченные штундою стали съ раскаяніемъ возвращаться въ лоно Церкви; къ вожакамъ штундистовъ стали относиться холодно, съ презрѣніемъ, съ яростію, свойственною людямъ, обманутымъ и познавшимъ свою ошибку.

Такимъ образомъ можно надѣяться, что штунда совершенно исчезнетъ изъ русскихъ селеній и мы будемъ помнить только имя штундистовъ, увлекавшихъ Русскій народъ въ свои сѣти.

Почти одновременно съ появленіемъ штунды на южныхъ окраинахъ Россіи, явилась у насъ другая, также лютеранская секта, извѣстная подъ именемъ пашковщины. Хотя она появилась, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, но, такъ какъ въ столицу собираются люди со всѣхъ концовъ Россіи, то о пашковщинѣ знаютъ многіе Русскіе; ею увлекались многія лица не только изъ людей, чему-либо учившихся, но даже и изъ поселянъ. Это ученіе принесъ въ Россію одинъ англійскій вельможа, *лордъ Редстокъ*, усердный проповѣдникъ лютеранскихъ вѣрованій. Прибывъ въ Петербургъ въ шестидесятыхъ годахъ, Редстокъ сталъ проповѣдывать свое ученіе среди лицъ высшаго класса и увлекъ тѣхъ изъ нихъ, которые, вообще, были не тверды въ Православіи, которымъ все европейское правилось болѣе, чѣмъ русское. Въ домахъ многихъ господъ, жившихъ въ Петербургѣ, начались бесѣды о лютеранскомъ ученіи, пѣлись гимны лютеранскіе, читалось Евангеліе, котораго одного считалось у нихъ достаточнымъ для спасенія. Отъ господъ, хозяевъ домовъ, увлеченіе стало переходить къ прислугѣ, а потомъ и вообще къ низшимъ классамъ народа. Послѣ Редстока ревностнымъ проповѣдникомъ его ученія явился въ Петербургѣ одинъ человѣкъ изъ высшаго класса, нѣкто *Пашковъ*, отъ котораго произошло и самое названіе пашковцевъ. Пашковъ училъ тому же, что и Редстокъ. Но его вліяніе на массы народа было несравненно сильнѣе, чѣмъ вліяніе Редстока. Онъ составилъ цѣлое общество людей, которые стали увлекать живущій въ Петербургѣ простой народъ, особенно—домашнюю прислугу, не только чтеніемъ Евангелія, пѣніемъ духовныхъ стиховъ и бесѣдами, но и дѣлами милосердія. Они помогали бѣднымъ, поили и кормили ихъ, давали имъ мѣста, снабжали ихъ одеждою и обувью. Простодушные чада Православной Церкви стали усердно принимать ученіе пашковцевъ: снимали въ своихъ

комнатахъ иконы, запасались книжками Евангелія, гдѣ нарочно были подчеркнуты тексты, клонившіеся, будто бы, въ пользу ученія пашковцевъ, и не только увлекались сами, но увлекали и другихъ. Уходя на родину, они и тамъ начинали говорить въ осужденіе Православной Церкви и также проповѣдывали, что не нужно молиться предъ иконами, не нужны посты, не слѣдуетъ молиться ни Богородицѣ, ни святымъ—однимъ словомъ, сами не вполнѣ понимая сущность лютеранскаго ученія, они проповѣдывали чистѣйшее Лютеранство. Соблазнъ былъ великій! Опасность Православію наступила не малая! Но если на отдаленныхъ окраинахъ Россіи явились обличители штундистовъ, то неужели не могло явиться ревностныхъ защитниковъ Православія и противъ нападеній пашковцевъ?.. Они явились, и именно—тамъ, гдѣ возникла пашковщина, т. е. въ Петербургѣ. Здѣсь начался, а потомъ распространился по всему нашему Отечеству обычай вести внѣбогослужебныя бесѣды въ церквахъ и въ общественныхъ залахъ, при чемъ бесѣды сопровождались общимъ пѣніемъ слушателей. Когда основалось „Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“, тогда бесѣды начались во многихъ мѣстахъ столицы; явились сборники печатныхъ бесѣдъ; власть епархіальная стала обязывать пастырей Церкви вести бесѣды, по возможности, чаще. Такимъ образомъ утвердился добрый христіанскій обычай, дающій возможность говорить объ истинахъ вѣры и правилахъ благочестія не въ краткихъ поученіяхъ за литургіею, а въ пространныхъ бесѣдахъ, гдѣ можно говорить пространно и долго, не утомляя слушателей. Бесѣды стали привлекать массы народа; на бесѣдахъ велись, иногда, публичныя совѣщанія съ сектантами и съ раскольниками. И если бесѣды эти еще не уничтожили заблужденій Русскаго народа въ вѣрѣ, если не обратили на путь истинный раскольниковъ и сектантовъ, то они утвердили православныхъ. Православные стали понимать, чѣмъ Православная вѣра выше Католичества и Лютеранства; они увидѣли весь вредъ сектантства и сознали за собою священный долгъ быть во всемъ

вѣрными сынами Церкви. Будемъ надѣяться, что расколъ и сектантство постепенно изгладятся въ умахъ и сердцахъ заблудшихъ сыновъ Россіи; будемъ надѣяться, что „Общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія“ распространитъ свѣтъ Христовой истины по отдаленнымъ окраинамъ нашего Отечества. Залогомъ преуспѣянія этого общества, краеугольнымъ камнемъ его дѣятельности, служитъ устроенный этимъ обществомъ и освященный 8-го ноября 1893 года храмъ, въ одной изъ центральныхъ улицъ Петербурга. Храмъ устроенъ въ память о дивномъ знаменіи Промысла Божія, явленномъ въ спасеніи Царя и Царской семьи въ день 17-го октября 1888 года. Члены общества, при освященіи храма, представили Царю всеподданнѣйшій адресъ, по прочтеніи котораго, Царь Всемилостивѣйше изволилъ начертать: „Очень ихъ благодарю и радуюсь ихъ полезной христіанской дѣятельности. Да поможетъ имъ Господь продолжать и расширять доброе начало“. Построенный Обществомъ храмъ сдѣлался не только краеугольнымъ камнемъ дѣятельности Общества, но и центромъ этой дѣятельности, такъ какъ при храмѣ устроены: обширный залъ для бесѣдъ и библіотека книгъ духовнаго содержанія.

Вотъ, братіе, какое великое дѣло устроилось въ столицѣ нашей на благо духовнаго просвѣщенія Русскаго народа! Скромно началась дѣятельность общества; въ двухъ-трехъ храмахъ Петербурга начались впѣбогослужебныя бесѣды, а нынѣ уже всѣ храмы православнаго Отечества нашего оглашаются этими бесѣдами. Намъ остается только быть усердными посѣтителями бесѣдъ, быть внимательными слушателями. Наше усердіе и вниманіе будутъ одушевлять пастырей Церкви въ ихъ великомъ подвигѣ учительства, а намъ принесутъ великое благо духовное. Бесѣды, молитвенныя собранія, общее церковное пѣніе, особенно въ дни воскресные и праздничные, дадутъ намъ случай провести праздничный день свято, вполнѣ по-христіански, сохранятъ насъ отъ грѣховныхъ увеселеній, поддержатъ въ насъ духъ христіанскаго благочестія, сохранятъ въ послушаніи Св. Церкви. Слушая бесѣды и участвуя въ общемъ пѣніи, мы будемъ усиливать

въ себѣ духъ любви и братскаго единенія съ другими членами Церкви и, сплоченные въ одну духовную семью, мы устранимъ отъ себя опасность увлечься вѣрованіями лютеранъ и католиковъ, мы убережемъ себя отъ всякихъ сектъ и расколовъ, мы научимся единными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Бесѣда пятнадцатая.

Исторія русскаго монашества.

Когда мы бесѣдовали съ вами, братіе, о судьбахъ Христіанской Церкви, одна бесѣда была нами посвящена исторіи Христіанскаго монашества. Въ этой бесѣдѣ было указано, какъ возникло въ Церкви это святое учрежденіе, какъ оно расширялось, какія услуги оказали Христіанству православные монахи, какъ потомъ, смуты еретическія и бѣдствія гражданскія разстроили монастырскую жизнь въ Восточной Церкви и какъ, отъ множества древнихъ, цвѣтущихъ строгостію подвиговъ, монастырей, уцѣлѣли только немногіе монастыри въ столичныхъ городахъ Востока и на святой горѣ Аѳонской. И наша Русская Православная Церковь многимъ обязана Православному русскому монашеству; и среди насъ, Русскихъ, явились подвижники иноческой жизни, подвижники добровольной нищеты, безпрекословнаго послушанія власти, подвижники дѣвства и цѣломудрія. Но особенную милость Божію по отношенію къ русскому монашеству мы должны видѣть въ томъ, что наши подвижники монастырской жизни не терпѣли тѣхъ смутъ и бѣдствій, какія выпали на долю мона-

шества восточнаго. Благодаря покровительству князей и правителей Россійской державы, благодаря глубокому уваженію къ монашеству, еще и донынѣ не оскудѣвшему въ сердцахъ Русскаго народа, монастыри наши не испытали бурь житейскаго моря, не уменьшились въ числѣ, не оскудѣли подвижниками на благо Церкви, а напротивъ, и до настоящаго времени, сіяютъ благолѣпіемъ церковныхъ службъ, сіяютъ добрыми дѣлами своихъ обитателей и подвигами на духовное просвѣщеніе народа. Признавая величіе иноческой жизни среди нашего народа, прослѣдимъ исторію русскаго монашества отъ первыхъ дней его возникновенія до настоящаго времени.

Въ исторіи восточнаго монашества было сказано нами, что, еще до учрежденія монашества, какъ особаго сословія, были среди христіанъ люди, отдѣльно подвизавшіеся на благо души своей, не отдѣлявшіеся отъ своихъ братій по плоти и ведшіе общественную жизнь наравнѣ съ прочими. То же явленіе повторилось и въ исторіи русскаго монашества: раньше основанія Кіевопечерской лавры, бывшей руководительницею другихъ монастырей, были у насъ небольшія общины, которыя устроялись по городамъ и селамъ, вблизи храмовъ, гдѣ подвизались, въ подвигахъ поста, молитвы и милосердія, люди, искавшіе спасенія души своей. О такихъ отдѣльныхъ небольшихъ монастыряхъ уже упоминаетъ первый нашъ проповѣдникъ Иларіонъ, современникъ великаго князя Ярослава. Но эти небольшіе монастыри, не имѣя особыхъ строгихъ правилъ, не отличались тѣми качествами, которыя долженъ имѣть настоящій монастырь, устроенный по древнимъ уставамъ свв. Отцовъ. И потому-то, когда прибылъ въ Россію основатель русскаго монашества, преп. Антоній Печерскій, онъ нашелъ у насъ много монастырей, но не видѣлъ въ нихъ той строгости, какую замѣчалъ въ обителяхъ св. горы Аѳонской. Вотъ этотъ-то Антоній и считается у насъ, собственно, учредителемъ русскаго монашества.

Антоній былъ родомъ изъ русскаго города Любеча и подвизался въ одномъ изъ монастырей Аѳонскихъ, гдѣ, кромѣ его, были и еще подвижники изъ Русскихъ. Однажды игуменъ монастыря посовѣтовалъ ему отправиться въ Россію,

сказавъ: „Иди опять на Русь, и да будетъ на тебѣ благословеніе Св. Горы: ибо отъ тебя имѣютъ произойти многіе черноризцы“. Прибывъ въ Кіевъ Антоній обходилъ близьлежащіе монастыри, но, не видя въ нихъ строгой жизни, уединился въ ту пещеру, которую выкопалъ для себя митрополитъ Иларіонъ, когда еще былъ священникомъ. Къ Антонію стали приходить ревнители монашескаго уединенія. Пришедшій прежде всѣхъ пресвитеръ Никонъ постригалъ другихъ пришельцевъ. Первые сотрудники преп. Антонія подвизались каждый отдѣльно. Настоящее монастырское общежитіе устроилъ преподобный Ѳеодосій Печерскій.

Преподобный *Ѳеодосій* былъ родомъ изъ Василева, но молодость провелъ въ Курскѣ, куда переселился съ родителями. Научившись грамотѣ, онъ сталъ помышлять о подвигахъ иноческихъ и бѣжалъ изъ дома съ прохожими богомольцами. Но мать воротила его съ дороги, предала его биченіямъ и держала въ оковахъ. Скоро онъ опять убѣжалъ въ сосѣдній городъ, гдѣ пріютился у священника и пекъ просфоры для церкви. Мать воротила его домой, бранила его за то, что онъ отдавалъ свое платье нищимъ, а самъ ходилъ въ рубищѣ; однажды она увидала на немъ вериги, которыя рѣзали его тѣло до крови и за это опять нанесла ему удары. Онъ третій разъ оставилъ домъ и убѣжалъ въ Кіевъ къ преподобному Антонію. Старецъ сказалъ ему: „сынъ мой! Трудно тебѣ будетъ жить въ пещерѣ; ты еще молодъ“. Но Ѳеодосія не пугали скорби и лишенія. Наконецъ Антоній принялъ его и Никонъ совершилъ надъ нимъ постриженіе. Ставши игуменомъ, преподобный Ѳеодосій принялся за устроеніе монастыря; число братій возросло до ста и Ѳеодосій устроилъ для нихъ общежитіе по правиламъ монастыря Студійскаго въ Константинополѣ. Онъ трудился для душевнаго спасенія иноковъ, со слезами давалъ имъ увѣщанія, требовалъ, чтобы у нихъ не было никакой собственности; почью обходилъ онъ келліи и требовалъ отъ монаховъ молчанія и строгихъ подвиговъ. Вся жизнь иноковъ печерскихъ проходила въ тяжкихъ трудахъ и въ долгихъ церковныхъ службахъ. Пища ихъ была скудная и непитательная, да и

та подавалась чрезъ день. О пищѣ не было заботы; случалось, что съ вечера не знали, чѣмъ будутъ питаться завтра; и все-таки обитель помогала бѣднымъ. Когда средства обители увеличились, Ѳеодосій устроилъ для нищихъ особый дворъ и жилище, гдѣ жили разные колѣки и бездомники; по субботамъ развозили изъ монастыря хлѣбъ къ заключеннымъ въ темницахъ.

Самъ Ѳеодосій во всемъ былъ примѣромъ для братіи: носилъ воду, рубилъ дрова, работалъ въ пекарнѣ; не ложился спать на постель, а дремалъ сидя, и, проснувшись, продолжалъ непрестанную молитву; носилъ одежду въ заплатахъ, и ничѣмъ не отличался отъ прочихъ монаховъ. За всѣ эти подвиги Ѳеодосій пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Для великаго князя его слово было свято; бояре приходили въ монастырь принять отъ Ѳеодосія благословеніе и полезный совѣтъ. Въ 1074 году мая 3-го преставился великій игуменъ Печерскій, назначивъ своимъ преемникомъ *Стефана*. Предъ кончиной онъ обѣщалъ братіи молить Бога за монастырь и пребывать съ братіею духомъ своимъ непрестанно.

Подъ руководствомъ мудраго подвижника воспиталось много великихъ дѣятелей на пользу Церкви. Многіе изъ учениковъ преподобнаго Ѳеодосія впослѣдствіи взошли на каѳедры епископскія, многіе прославились чудесами, смиреніемъ, затворничествомъ, властію изгонять бѣсовъ, терпѣніемъ и проч.

При Ѳеодосіи братія подвизались въ пещерахъ на берегу Днѣпра, а для молитвы собирались въ малую пещерную церковь. Послѣ Ѳеодосія, въ теченіе 15-ти лѣтъ, построена великая церковь Успенія Божіей Матери и освящена въ 1089 году, а въ 1091 въ нее внесены изъ пещеры мощи преподобнаго Ѳеодосія. Строеніе и освященіе этой великой святыни Кіева сопровождалось знаменіями. Варяжскій князь *Шимонъ*, обращенный изъ Латинства преподобнымъ Ѳеодосіемъ, дважды видѣлъ въ видѣніи образъ будущей церкви и далъ богатый вкладъ на построеніе ея. Сама Богоматерь послала мастеровъ изъ Царяграда и, заплативъ имъ за труды впередъ, дала имъ для храма свою икону небеснаго написанія и мощи семи

мучениковъ. Небесная роса указала мѣсто для храма, а небесный огонь очистилъ это мѣсто отъ зарослей. Иконописцевъ наняли въ Константинополѣ сами преподобные Антоній и Ѳеодосій, явившіеся имъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ своей смерти. И вотъ, устроенная при этихъ дивныхъ знаменіяхъ Покрова небеснаго, великая Церковь Успенія пережила всѣ житейскія бури; будучи не разъ разоряема, она возстановлялась снова, и теперь всѣ, входящіе въ нее, чувствуютъ себя дѣтьми одной великой Церкви Христовой и соединяются духомъ съ преподобными подвижниками лавры. Въ первые вѣка существованія Русской Церкви, лавра Кіевопечерская служила какъ бы центромъ духовной жизни Русскаго народа. Здѣсь находилъ себѣ пріютъ каждый, кто не могъ найти убѣжища отъ невзгодъ житейскихъ; сюда стекались ревнители духовнаго просвѣщенія; здѣшніе святые уставы и обычаи послужили образцомъ для другихъ древнихъ русскихъ монастырей; подвижники обители Кіевопечерской прославились своими дѣлами на весь христіанскій міръ. Почитайте книгу—*Патерикъ Печерскій*—и вы найдете тамъ великіе примѣры благочестія. Таковъ былъ *Моисей Угринъ*, бывшій слуга св. князя Бориса, подвергшійся истязаніямъ отъ одной польской панны за то, что не хотѣлъ служить ея плотскимъ пожеланіямъ и тайно убѣжавшій изъ польскаго плѣна къ преподобному Антонію; таковы были *Ефремъ* и *Варлаамъ*, оставившіе суету и мірскую славу, которая ожидала ихъ на службѣ великому князю, и уединившіеся въ Печерской обители для подвиговъ поста и молитвы; таковы были *Іеремія* прозорливый, *Агапитъ* безмездный врачъ, *Алипій* иконописецъ, *Ѳеофилъ*, 12 лѣтъ не выходившій изъ пещеры, стяжавшій даръ непрестаннаго плача о грѣхахъ, *Никита*, подвергшійся искушеніямъ злаго бѣса, спасшійся отъ нихъ молитвами братіи, бывшій послѣ епископомъ въ Новгородѣ; подвигомъ послушанія и смиренія прославился особенно св. *Никола Святоша*, или Святославъ, шесть лѣтъ служившій обители въ скромной долѣ повара и привратника, презрѣвшій славу, которая его ожидала, какъ Черниговскаго князя; упомянемъ также *Нестора*, извѣстнаго составителя житій святыхъ, *Марка*

гробокопателя, *Спиридона* и *Никодима*, 30 лѣтъ пекшихъ просфоры, *Прохора*, прозваннаго Лебедникомъ, такъ какъ онъ, во время голода, готовилъ хлѣбъ изъ лебеды и соль изъ золы, и этимъ питался. Но святая Кіевопечерская лавра не оскудѣла подвижниками и въ послѣдующія времена.

Внѣшняя исторія Кіевопечерской лавры была въ тѣсной связи съ событіями Русской исторіи. Во дни смутъ удѣльныхъ, во времена нашествія дикихъ Половцевъ и друг. кочевниковъ, она служила убѣжищемъ для тѣхъ, которые, вслѣдствіе набѣга варваровъ, лишались крова и пристанища; во время нашествія Монголовъ лавра подверглась совершенному разоренію и почти 200 лѣтъ была въ развалинахъ; подвижники ея разбѣжались по другимъ монастырямъ; святыни ея или вынесены были въ другія мѣста, или скрылись подъ развалинами обители, чтобы быть вынесенными изъ нѣдръ земли въ другія, болѣе спокойныя времена. Эти спокойныя времена настали. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Лавра была возстановлена православными князьями Западной Россіи, а потомъ въ 17-мъ вѣкѣ важнѣйшія святыни ея были обрѣтены митрополитомъ Петромъ Могилою и стали предметомъ поклоненія русскихъ богомольцевъ; православные цари, особенно Петръ первый и Николай первый, своими щедрыми, истинно царскими, пожертвованіями, привели Кіевопечерскую лавру въ тотъ благолѣпный видъ, который она представляетъ доселѣ, привлекая къ себѣ, ежедневно, десятки тысячъ богомольцевъ со всей Россіи.

Кромѣ Кіевопечерской лавры прославились въ древней Россіи и другія обители. Упомянемъ важнѣйшія изъ нихъ. Такъ, въ Полоцкѣ былъ монастырь, построенный *св. Ефросиніей*, въ Смоленскѣ—*преподобнаго Авраамія*, вблизи Новгорода—*Юрьевъ*, *Антоніевъ* и *Хутынскій*, во Владимірѣ—*Рождественскій*, въ Суздалѣ — *Ризположенскій*, основанный княгиней Евфросиніей, дочерью св. князя Михаила Черниговскаго. Бо́льшая часть древнихъ русскихъ монастырей строились или въ городахъ, или, на окраинахъ городовъ. Только уже впослѣдствіи, когда смуты удѣльныя, а особенно нашествіе Монголовъ начали нарушать тишину народной жизни,

появились монастыри въ отдаленныхъ глухихъ мѣстностяхъ, за болотами и лѣсами.

Монгольское иго имѣло для монастырей то значеніе, что ревнители иночества стали подвигаться на Сѣверъ, гдѣ иго Монгольское не лежало такою тяжестію, какъ было на югѣ, и гдѣ утвержденіе единодержавія, въ лицѣ князей Владимірскихъ, а потомъ — Московскомъ, способствовало тишинѣ и порядку народной и государственной жизни.

Какъ въ южныхъ областяхъ Россіи средоточіемъ монастырей служила Кіевопечерская лавра, такъ для сѣверныхъ областей средоточіемъ была *Сергіева лавра*, основанная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Преподобный *Сергій*, сынъ Ростовскаго боярина *Кирилла*, удалился, по смерти родителей, въ пустыню близъ Радонежа, и здѣсь предался подвигамъ труда, молитвы и вольной нищеты. Около его кельи и храма собралось до 12 иноковъ, которые жили въ отдѣльныхъ избушкахъ. Св. Сергій работалъ на братію, пекъ хлѣбы, шилъ одежды, носилъ воду, ночь посвящалъ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водой, носилъ заплатанную одежду. Сдѣлавшись въ 1354 г. игуменомъ, св. Сергій во всемъ подражалъ преподобному Ѳеодосію. Обитель была сперва очень бѣдна: часто не доставало ладона и вина для Богослуженія; въ церкви служили съ лучиной, книги писали на берестѣ; по два, по три дня сидѣли безъ хлѣба. Потомъ около монастыря стали селиться крестьяне, обитель стали посѣщать богомольцы и средства иноковъ увеличились; обитель стала принимать странниковъ и больныхъ. Съ благословенія Цареградскаго патріарха Филоѳея и Московскаго митрополита Алексія преподобный Сергій завелъ въ монастырѣ строгій уставъ общежитія. Еще при жизни своей преподобный Сергій былъ у всѣхъ въ большомъ уваженіи. Митрополитъ Алексѣй предлагалъ ему санъ митрополита; Димитрій Донской его молитвами укрѣплялся на битву съ Мамаемъ; его увѣщанія содѣйствовали примиренію Суздальскихъ князей съ великимъ княземъ; его тихими рѣчами склоненъ былъ къ миру суровый Олегъ Рязанскій; св. Сергій крестилъ дѣтей Димитрія Донскаго и былъ свидѣтелемъ его духовнаго завѣщанія. Его всюду прославляли за его прозорливость; про-

сили его молитвъ для полученія милостей Божіихъ; одинъ инокъ видѣлъ небесный огонь на престолѣ, на которомъ Сергій совершалъ литургію; другой видѣлъ сослужащаго съ нимъ ангела. Не задолго до кончины, Сергій, въ присутствіи своего ученика Михея, былъ посѣщенъ Богоматерію, которая сказала ему: „Не бойся, избранниче мой! Молитва объ ученикахъ твоихъ и о мѣстѣ семъ услышана; при тебѣ и послѣ тебя не отступна буду отъ обители твоей и буду покрывать ее". 25-го сентября 1391 году почилъ великій святой на 78 году своей жизни, предавъ послѣ себя игуменство ученику своему Никону. Вмѣстѣ съ Петромъ, Алексѣемъ и Іоною митрополитами св. Сергій сталъ по смерти небеснымъ покровителемъ Москвы. Основанная имъ обитель сдѣлалась первою святынею Москвы и образцомъ для всѣхъ монастырей; ученики св. Сергія сдѣлались игуменами этихъ обителей и слѣдовали тѣмъ порядкамъ и уставамъ, которые ввелъ преподобный Сергій. Изъ монастырей этихъ упомянемъ важнѣйшіе: въ Москвѣ *Симоновъ*, *Чудовъ* и *Андроніковъ*, тамъ же женскій монастырь *Вознесенскій*, основанный супругою Донскаго Евфросиніею, сдѣлавшійся усыпальницею всѣхъ Московскихъ княгинь и царицъ; въ Нижнемъ Новгородѣ — *Печерскій* монастырь, основанный Діонисіемъ Суздальскимъ, *Спасо-евѳиміевъ*—Евѳимія Суздальскаго, *Макаріевъ Желтоводскій*, *Пафнутіевъ Боровскій*, *Іосифовъ Волоколамскій*. Въ то же время явилось много монастырей въ Новгородской и Псковской области и на сѣверѣ Россіи. Въ концѣ 13-го вѣка преподобный Кириллъ основалъ, недалеко отъ Каргополя, монастырь *Челмогорскій*; на островахъ Ладожскаго озера, въ концѣ 14-го вѣка, Сергій и Германъ основали монастырь *Валаамскій*, а преподобный Арсеній—обитель *Коневскую*; въ томъ же вѣкѣ, на Онежскомъ озерѣ преподобный *Лазарь* основалъ монастырь Мурманскій; *Спасокаменный* монастырь, на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера существовавшій издревле, но открытый только въ 1279 году княземъ Глѣбомъ Бѣлозерскимъ, послужилъ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія для Вологодскаго края; здѣсь же подвизались въ 14-мъ вѣкѣ *Павелъ Обнорскій*, *Діонисій Глушицкій* и

Димитрій Прилуцкій; въ окрестностяхъ Бѣлаозера основанъ былъ преподобнымъ Кирилломъ монастырь *Кирилло-Бѣлозерскій* и также—*Ферапонтовъ*; наконецъ, на дальномъ Сѣверѣ, на Соловецкомъ Островѣ Бѣлаго моря, преподобные *Савватій*, *Германъ* и *Зосима* основали монастырь *Соловецкій*. Такимъ образомъ 14-й и 15-й вѣкъ были временемъ широкаго развитія иноческой жизни въ сѣвергыхъ областяхъ Россіи.

Въ дальнѣйшія времена усердіе къ основанію монастырей не уменьшалось. Отъ 15-го до 17-го вѣка основано было до ста монастырей. Въ этомъ періодѣ явилось нѣсколько попытокъ возвысить монастырскую жизнь чрезъ подчиненіе иноковъ одному общему уставу и учрежденіе общежитія. Въ попыткахъ этихъ дѣло шло по двумъ направленіямъ. Преподобный *Нилъ Сорскій*, вышедшій изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, основалъ пустынную обитель на р. Сорѣ, въ Бѣлозерскомъ краѣ и проповѣдывалъ строгія начала общежитія, вольную нищету и подвиги постоянной молитвы. Другаго направленія держался основатель Волоколамскаго монастыря, преп. *Іосифъ Волоколамскій*. Онъ, напротивъ, высказывалъ убѣжденіе, что монастыри должны владѣть имуществами, что только вполнѣ обезпеченные матеріально монастыри могутъ и поддерживать благолѣпіе церковной службы, и воспитывать полезныхъ дѣятелей для Церкви, и оказывать благодѣянія нуждающимся въ дни общественныхъ бѣдствій. Эти два направленія имѣли всегда равное число защитниковъ и, проводимыя въ монашескую жизнь, дали возможность монастырямъ сослужить великую службу на пользу Русскаго народа.

Учрежденіе новыхъ монастырей продолжалось до позднѣйшихъ временъ. И нынѣ, каждый годъ, основывается по нѣскольку монастырей. Такъ, многія женскія общины обращаются въ женскіе монастыри; также учреждаются правительствомъ монастыри въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужна особая просвѣтительная дѣятельность, какъ напримѣръ среди раскольниковъ и сектантовъ, среди язычниковъ-инородцевъ и среди иновѣрцевъ, имѣющихъ ревность къ обращенію въ Православіе. Такимъ образомъ древніе монастыри, пришедшіе въ упадокъ,

обращаются въ приходскія церкви, а взамѣнъ ихъ устраиваются новые монастыри. Объ этихъ новыхъ монастыряхъ мы не будемъ говорить, такъ какъ учрежденіе ихъ происходитъ на нашихъ глазахъ и въ наше время. Значитъ монастыри признаются необходимыми и въ настоящее время, какъ были они необходимы въ древнія времена. Теперь, въ заключеніе нашей бесѣды о русскомъ монашествѣ, скажемъ о томъ, какую пользу принесло монашество нашей Русской Православной Церкви.

Прежде всего монашество представило въ себѣ великіе образцы истинно-христіанской жизни. Не говоря уже о великихъ наставникахъ иноческой жизни — о преп. Ѳеодосіи, Антоніи, Сергіи, Зосимѣ и Савватіи,—даже и обыкновенные монахи—обитатели пустынь и скитовъ прославились такими подвигами, за которые удостоились вѣнцовъ небесныхъ. Просмотрите списки нашихъ Русскихъ святыхъ, прославленныхъ и въ народѣ, и въ исторіи Церкви: бо́льшая часть нашихъ Русскихъ святыхъ Угодниковъ принадлежитъ, именно, къ сонму иноковъ. Кромѣ того, монастыри наши служатъ наилучшимъ средствомъ воспитанія православнаго народа въ правилахъ вѣры и благочестія христіанскаго. Извѣстна всѣмъ та, часто повторяемая, мысль, что въ міру трудно спастись. И житейскія заботы, и суета мірская, и разсѣянность ума, и мірскія удовольствія—все это часто мѣшаетъ дѣлу спасенія, отдаляетъ отъ Бога, развиваетъ любовь къ міру и благамъ его. И, увлекаясь мірскою суетою, человѣкъ забываетъ о томъ, что *едино на потребу*. Находясь въ такомъ состояніи, человѣкъ всегда можетъ найти въ монастырѣ и надежное убѣжище, и спокойствіе духа. Придетъ ли онъ, на нѣсколько часовъ или дней, помолиться въ монастырь, вступитъ ли онъ въ бесѣду со старцами, которыхъ не мало въ каждомъ монастырѣ, или поселится онъ вблизи монастыря въ качествѣ богомольца, или, наконецъ, самъ вступитъ въ монастырь послушникомъ, всегда монастырь доставитъ ему и спокойствіе души, и утѣшеніе сердцу и назиданіе для ума, ищущаго свѣта истины. Монастырская жизнь, чуждая мірской суеты, строгій чинъ монашескихъ уставовъ, продолжи-

тельная церковная служба, скудная монастырская пища, постоянная работа,—все это будетъ дѣйствовать на него самымъ благотворнымъ образомъ. И если онъ преодолѣетъ въ себѣ и любовь къ міру, и тоску по родпымъ, и скуку монастырскаго уединенія, если онъ не будетъ озираться назадъ, а твердо пойдетъ по пути, имъ добровольно избранному, онъ найдетъ въ монастырской жизни надежный путь ко спасенію души. И сколько есть въ монастыряхъ людей, которые именно въ монашествѣ нашли ту духовную радость, тотъ душевный миръ, которыхъ напрасно искали, живя въ мірѣ! Для людей обездоленныхъ, оскорбленныхъ, потерявшихъ всякую надежду устроить свой мірской бытъ, монастыри всегда будутъ тихимъ пристанищемъ среди бурь житейскаго моря.

Далѣе—наши русскіе монастыри, какъ древніе, такъ и нынѣшніе, представляютъ образцы милосердія истинно христіанскаго, милосердія, которое держится простаго Евангельскаго правила: *„просящему дай“*. Великіе основатели монастырской жизни, напр., преподобный Ѳеодосій Печерскій, Сергій Радонежскій, Зосима Соловецкій и друг. постоянно требовали, чтобы монастырь помогалъ всякому нуждающемуся, раздавалъ хлѣбъ голоднымъ, одежду—нагимъ, пріютъ—странникамъ; согласно этимъ завѣщаніямъ, въ монастырѣ всегда имѣли пріютъ и содержаніе всѣ нуждающіеся. При этомъ соблюдалась чисто Евангельская простота: не спрашивали отъ человѣка никакого вида, никакихъ документовъ, не изслѣдовали ни свойства его нуждъ, ни прежней его жизни, не разбирали, имѣлъ ли онъ право получать подаяніе. Принимали всякаго, дозволяли жить сколько кто хотѣлъ, иногда только предлагали поработать для св. обители. Эта широкая, чуждая всякихъ соображеній и расчетовъ, благотворительность всегда составляла прекрасную сторону монастырской жизни; но съ особенною силою она проявлялась въ годину народныхъ бѣдствій. Въ неурожайные годы, въ холодныя, суровыя зимы, монастыри оказывались истинными благодѣтелями страждущихъ. Во время тяжкихъ войнъ съ врагами Отечества въ монастыри собирались раненые и здѣсь имѣли уходъ и попеченіе; монастырскія кельи обращались въ больницы;

опытные въ уходѣ за больными монахи, и особенно—монахини являлись на помощь страждущимъ. Такое значеніе имѣли наши монастыри относительно лицъ, подвергшихся разнаго рода бѣдствіямъ семейнымъ и общественнымъ.

Сослужили монастыри наши службу и для народнаго сельскаго хозяйства. Монастырское хозяйство всегда можетъ считаться образцовымъ. Подъѣзжая къ монастырю, вы видите обработанныя поля, расчищенный лѣсъ, прочные мосты, видите мельницы, плотины, видите прочные амбары, многочисленные скирды хлѣба, откормленный домашній скотъ, и вы сряду убѣждаетесь, что здѣсь хозяйственное дѣло поставлено прочно, видите удобства жизни и довольство. Какими же средствами достигнуто все это? Почему такъ процвѣтаетъ хозяйство нашихъ монастырей? Это, прежде всего, плоды многолѣтнихъ, правильныхъ, строго распредѣленныхъ занятій. Нужно замѣтить, что основатели нашихъ монастырей, особенно въ первое время, любили поселяться въ мѣстахъ уединенныхъ, за лѣсами и болотами, выбирали мѣста, гдѣ еще не было слѣда рукъ человѣческихъ. При такомъ выборѣ мѣстожительства, поневолѣ приходилось самимъ обитателямъ монастыря устроить свой матеріальный бытъ: расчищать лѣса, обработывать поля, строить мосты и мельницы, перемежать церковныя службы и келейныя „послушанія“ съ работами по хозяйству. И такъ какъ монастырскіе обитатели приходили сюда добровольно, приходили, чтобы трудиться, молиться и быть въ послушаніи у настоятеля, то и хозяйство монастырское шло правильно, въ строгомъ порядкѣ, вся монастырская работа дѣлалась усердно и успѣшно. Всѣ эти качества становились отличительною чертою монастырскихъ работъ и работы доставляли монахамъ все необходимое, давали имъ возможность жить трудами рукъ своихъ, да еще помогать другимъ, у которыхъ хозяйство разстраивалось. Была еще и другая причина успѣшности монастырскихъ работъ. Всѣ жители монастыря, по завѣщаніямъ своихъ руководителей, смотрѣли на свои работы какъ на подвигъ спасенія души, на каждое свое дѣло призывали благодатную помощь молитвою, каждую работу начинали съ благословенія настоятеля, всегда садились

за столъ съ молитвою, во время принятія пищи назидали себя душеспасительнымъ чтеніемъ. И вотъ благословеніе Божіе осѣняло труды монастырской братіи: стада монастырскія размножались, поля покрывались тучными пажитями, кладовыя до верха наполнялись всякимъ хлѣбомъ, и обитель не только имѣла все необходимое въ изобиліи, но помогала и другимъ нуждающимся. И если бы каждый поселянинъ велъ такъ тщательно свое хозяйство, всякую работу начиналъ и оканчивалъ молитвою, и онъ не былъ бы лишенъ благословенія Божія.

Есть за нашими монастырями заслуги и государственныя. Хотя основатели монастырей отрекались отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, хотя каждый, затворяющійся въ монастырь, слышитъ наставленіе — оставить домъ, и отца, и матерь и всецѣло посвятить себя спасенію души: но вѣдь, все-таки, онъ остается человѣкомъ и не чуждо ему ни что человѣческое. Скажемъ даже больше. Для человѣка, отрекшагося отъ семьи, отъ родныхъ, отъ дома, всѣ эти предметы, подчасъ, бываютъ дороже, чѣмъ—для того, кто не давалъ обѣта отреченія. И если достоинъ осужденія монахъ, не оставившій своихъ привязанностей къ суетнымъ благамъ міра, то неужели мы осудимъ монаха, который не подавилъ въ себѣ лучшихъ, благороднѣйшихъ стремленій души? Неужели осудимъ его за то, что онъ любитъ своихъ близкихъ родныхъ, любитъ родную страну, радуется ея преуспѣянію въ благоденствіи, скорбитъ о ея бѣдствіяхъ и страданіяхъ? И мы знаемъ, что наши знаменитые подвижники иноческой жизни любили Россію, сочувствовали ея житейскимъ интересамъ, ревновали о ея мирѣ и благосостояніи. Извѣстны намъ заслуги нашихъ монастырей во время тяжкихъ страданій нашего Отечества: заслуги Троицкой Лавры во время междуцарствія, заслуги монастыря Соловецкаго во время нападенія Англичанъ, заслуги московскихъ монастырей въ тяжкую годину двѣнадцатаго года. Да и въ настоящее время, въ случаѣ какихъ-либо бѣдъ отечественныхъ, напримѣръ общественныхъ бѣдствій, губительныхъ болѣзней, войны, голода и проч. монастыри наши не отказываются помогать тѣмъ, на кого падаетъ тяжесть

бѣдствій. Они жертвуютъ на голодающихъ, даютъ у себя пріютъ раненымъ и увѣчнымъ воинамъ, устрояютъ больницы для калѣкъ и являются, такимъ образомъ сотрудниками въ борьбѣ общества съ народнымъ бѣдствіемъ.

Велики, наконецъ, заслуги русскихъ монастырей и на пользу святой Православной Церкви, такъ велики, что долго было бы и перечислять все то, что сдѣлано для Церкви жителями монастырей. Иначе, разумѣется, и быть не можетъ. Вѣдь бо́льшая часть монаховъ состоитъ въ священномъ санѣ, почти всѣ они носятъ званіе священно и церковнослужителей: кому же, какъ не имъ, и служить на пользу Церкви? Но важнѣе здѣсь то, что эти лица посвятили себя исключительно на служеніе Церкви; для этого они отреклись отъ міра, отъ родной семьи, оставили домъ и свои дѣла житейскія и свои матеріальныя выгоды, добровольно приняли на себя высокіе обѣты подвижничества. Не перечисляя заслугъ монашества для Православной Церкви, ограничимся краткимъ очеркомъ этихъ заслугъ. Монашествующіе просвѣтили почти весь Русскій народъ свѣтомъ Христова Евангелія, пронесли слово истины до дикихъ инородцевъ Сѣвера и сибирскихъ странъ, они усвоили себѣ и во всей полнотѣ и точности сохранили древніе уставы богослуженія, заимствованные изъ монастырей православнаго Востока, они возвели церковную службу до того благолѣпія, которое мы видимъ нынѣ, и которое возвышаетъ каждаго молящагося въ горнія обители; монахи создали богословскую науку, положили начало церковной и всякой другой письменности, создали Русскую лѣтопись, перевели на русскій языкъ произведенія свв. Отцовъ Греческой Церкви, устроили духовныя училища, воспитали сонмы знаменитыхъ пастырей; однимъ словомъ, на какую бы сторону церковной жизни ни посмотрѣли мы, всюду мы встрѣтимъ великихъ подвижниковъ именно изъ сонма монашествующихъ. Въ этомъ отношеніи монашество наше нисколько не уступаетъ монашеству Западной Римской Церкви. А посмотрѣть на дѣло внимательнѣе, то придется сказать, что русское монашество имѣетъ даже и великія преимущества предъ монашествомъ Западной Церкви. Преимущество

первое состоитъ въ томъ, что монахи Западной Церкви, служа на пользу христіанскихъ душъ, не чужды были и своихъ личныхъ земныхъ интересовъ; поэтому они обогатились, сдѣлались владѣльцами обширныхъ помѣстій и благоденствуютъ среди милліоновъ народа бѣднаго, страждущаго отъ нуждъ и лишеній. А развѣ таковы наши монастыри? Правда, есть монастыри—богатые, монастыри, богатства которыхъ постоянно возбуждаютъ грѣховную зависть въ людяхъ, поставившихъ богатство своимъ кумиромъ; но такихъ монастырей не наберется въ Россіи и десяти; большая же часть нашихъ монастырей, какъ въ древнія времена, такъ и нынѣ, обставлены крайне бѣдно. Они только издали, снаружи, красуются большими домами, множествомъ храмовъ, но посмотрите на эти монастыри ближе, и вы увидите, что эти огромныя зданія полуразрушены, давно необитаемы, эти храмы давно не ремонтированы, служба въ нихъ совершается только въ храмовые праздники; вы увидите скудную монастырскую пищу, грубую монашескую одежду. Такимъ образомъ монастыри наши далеки отъ того довольства, которое въ нихъ предполагаютъ. Другое преимущество нашихъ монастырей предъ монастырями западными состоитъ въ томъ, что монастыри западные служатъ, главнымъ образомъ, интересамъ Римскаго папы и поддерживаютъ среди западныхъ христіанъ ту ложь, то духовное рабство, къ которымъ постоянно стремится Римскій папа, глава Католической Церкви: наши монастыри служатъ только одной цѣли — душевному спасенію чадъ Россійской Церкви. Поэтому обитатели нашихъ монастырей чужды того мірскаго духа, той суетности, той наклонности вмѣшиваться въ мірскія дѣла, какими отличаются монахи западные. И вотъ, благодаря этимъ качествамъ, наши монастыри, до настоящаго времени, пользуются глубокимъ уваженіемъ отъ всѣхъ вѣрныхъ чадъ Россійской земли. Народъ усердно жертвуетъ на украшеніе монастырскихъ храмовъ, на поддержку зданій, на улучшеніе монастырской пищи и одежды; любители благолѣпія церковнаго охотно посѣщаютъ монастырское богослуженіе и не скучаютъ его продолжительностію; люди, ищущіе вразумленія и совѣта въ дѣлахъ жи-

тейскихъ, врачеванія душевныхъ недуговъ, утѣшенія въ скорбяхъ, идутъ въ монастырь съ полною надеждой, что въ средѣ монастырскихъ старцевъ они найдутъ добрыхъ совѣтниковъ, утѣшителей, руководителей въ духовной жизни; люди, не находящіе среди мірскихъ дѣлъ душевнаго спокойствія, водворяются въ монастырскія кельи, въ твердой надеждѣ, что тамъ ихъ осѣнитъ душевный миръ; тѣ, которые желаютъ Царства Небеснаго почившимъ своимъ отцамъ и братіямъ, охотно жертвуютъ деньгами въ монастыри, опять въ твердомъ убѣжденіи, что только въ монастырѣ будутъ, какъ слѣдуетъ, молиться объ упокоеніи душъ почившихъ.

Итакъ, видите, братіе, какъ высоко стоятъ въ понятіяхъ народа русскаго наши монастыри! Видите, сколько душевной пользы принесли обитатели монастырей и Государству Россійскому и Святой Церкви и многимъ милліонамъ Русскаго народа, ревнующимъ о вѣчномъ спасеніи! Итакъ пожелаемъ, чтобы монастыри умножались и процвѣтали, чтобы не оскудѣвали среди насъ ревнители иночества, чтобы каждый посѣтитель монастыря находилъ и нынѣ, въ стѣнахъ его, тотъ миръ душевный, то назиданіе, тѣ благіе примѣры самоотверженія, какіе обрѣтали въ монастыряхъ наши предки. Пожелаемъ также, чтобы и мы, мірскіе люди, видя среди монашествующихъ высокіе образцы цѣломудрія, нестяжательности и послушанія, насаждали эти качества и среди насъ, обитателей міра сего, преданнаго суетѣ и заботамъ житейскимъ. Желать этого обязанъ каждый, такъ какъ великіе подвиги благочестія, на соблюденіе которыхъ даютъ обѣты монахи, подвиги эти обязательны для каждаго христіанина, а не для монаха. Вѣдь не монахамъ только, а всѣмъ намъ говоритъ Апостолъ: *не любите міра, ни яже въ мірѣ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть.* (1 Іоан. 2, 16). Не отъ монаховъ только, а отъ всѣхъ своихъ послѣдователей Господь требуетъ полнаго самоотверженія, когда говоритъ: *всякъ, иже оставитъ свой домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, имени моего ради, сторицею прі-*

мстъ и животъ вѣчный наслѣдитъ. (Матѳ. 19, 29). Значитъ и мірскіе люди должны усвоять себѣ тѣ же высокія правила благочестія, которыя считаютъ для себя обязательными лица, принимающія монашество. И когда это будетъ нами исполнено, тогда путь ко спасенію обрѣтутъ не подвижники только иночества, но и многіе добрые благочестивые христіане, живущіе среди мірскихъ соблазновъ и житейскихъ попеченій. Да укрѣпитъ же Господь всѣхъ насъ на пути благочестія, да поможетъ Онъ намъ войти въ небесныя обители, уготованныя всѣмъ любящимъ Его. Аминь.

Бесѣда шестнадцатая.

О нравственныхъ качествахъ православнаго Русскаго народа.

Сегоднишняя наша бесѣда по исторіи Русской Церкви будетъ послѣднею бесѣдою. Въ пей мы будемъ вести рѣчь о нравственныхъ качествахъ сыновъ Россійской Церкви, о добродѣтеляхъ, которыя воспитала въ насъ Святая Церковь и о тѣхъ слабыхъ сторонахъ нашей нравственности, которыя отличали худшихъ членовъ Церкви и которые неизбѣжны въ каждомъ христіанскомъ обществѣ: такъ какъ, по Слову Божію, на нивѣ Господней должны расти пшеница и плевелы купно до жатвы и въ Царство Божіе земное, подобно какъ бываетъ съ неводомъ, входятъ и хорошія и худыя рыбы. (Матѳ. 13, 29, 48).

Какія же добрыя качества воспитала въ Русскомъ народѣ Православная Церковь во весь, почти тысячелѣтній періодъ бытія у насъ Св. Церкви? Нужно предварительно замѣтить, что каждый человѣкъ, воспитываемый подъ руководствомъ Церкви, наставляемый Словомъ Божіимъ и укрѣпляемый благодатію Святаго Духа, не лишается тѣхъ качествъ,

которыя принадлежатъ ему отъ природы. Руководство Церкви, указанія Слова Божія и благодатная помощь имѣютъ на него то дѣйствіе, что, способствуютъ росту пшеницы и задерживаютъ развитіе плевелъ. Яснѣе сказать: добрыя качества народнаго духа, подъ вліяніемъ Святой Церкви, развиваются до степени высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, а свойства не хорошія, въ нѣкоторой степени ограничиваются и стѣсняются, и такимъ образомъ удерживаютъ человѣка и цѣлый народъ отъ паденія въ глубину золъ. Имѣя все это въ виду, мы, прежде чѣмъ говорить о добродѣтеляхъ, воспитанныхъ въ насъ Церковію, укажемъ природныя качества Русскаго народа, тѣ качества, которыя принадлежали ему во время вступленія его въ спасительную ограду Церкви.

Общая, присущая всему народу Русскому, черта духовной жизни, во время принятія имъ христіанства, можетъ быть опредѣлена точно, если мы скажемъ, что Русскій народъ имѣлъ свойства младенческія. Это именно былъ народъ—исполинъ-младенецъ, со всѣми—и хорошими и дурными свойствами младенческаго возраста. Онъ стоялъ на низкой степени умственнаго развитія. Не было у Русскихъ ни науки, ни даже простой грамотности, не было у нихъ ни величественныхъ храмовъ, ни могущественнаго сословія жрецовъ. Русскіе знали Единаго Бога, верховнаго Правителя міра, вѣрили во многихъ низшихъ боговъ, добрыхъ и злыхъ; были у нихъ чародѣи, волхвы и знахари, которые имѣли силу расположить добрыхъ боговъ на пользу народа и отвратить отъ него вредныя дѣйствія боговъ злыхъ; предки наши также поклапялись силамъ природы, обожали вѣтеръ, огонь, солнце, покланялись и тѣнямъ умершихъ предковъ, вѣрили, что умершіе живутъ среди нихъ и способствуютъ ихъ земному благосостоянію. Въ житейскомъ быту народъ Русскій также отличался свойствами младенца: онъ любилъ свою родину, которая богатствомъ земныхъ благъ обезпечивала его матеріальный бытъ и потому не стремился посѣщать чужія страны, а такъ какъ богатства Русской земли требовали усиленныхъ работъ къ добыванію ихъ, то въ народѣ развилась охота къ полевымъ работамъ, развились силы для мускульной дѣятельности, раз-

вилась выносливость предъ насильственнымъ дѣйствіемъ стихій природы, развилась способность переносить голодъ, холодъ и всякія лишенія. Въ общественномъ быту народъ отличался любовію къ равнымъ, почтеніемъ къ старшимъ въ родствѣ и семьѣ, домовитостію, покорностію властямъ, стремленіемъ къ заботамъ объ интересахъ родного села, родной области.

Таковы были природныя качества Русскаго народа въ то время, когда Промыслъ Божій благоволилъ принять его въ лоно Христіанской Церкви. Можно безошибочно сказать, что всѣ эти качества, какъ нельзя лучше, облегчали нашему народу путь ко Христу. И великое счастіе наше было въ томъ, что мы приняли Христіанскую вѣру не отъ Нѣмцевъ, не отъ Рима, а именно—изъ чистаго источника Православія, какимъ онъ былъ въ Восточной Церкви, приняли въ то время, когда Православіе на Востокѣ достигло полнаго торжества и находилось въ полномъ расцвѣтѣ религіозной жизни. Народу Русскому не было нужды вести ту тяжелую борьбу съ ересями, съ неустройствами расколовъ и сектъ, съ грубыми проявленіями языческихъ обществъ, ту борьбу, которою занята была Восточная Церковь въ теченіе многихъ вѣковъ. Народъ нашъ принялъ отъ Восточной Церкви Православную вѣру тогда, когда въ Греціи истины христіанскаго ученія были утверждены Вселенскими Соборами, подробно раскрыты въ писаніяхъ свв. Отцовъ, когда правила церковной жизни были закончены въ своемъ развитіи примѣнительно къ Евангельскому ученію и къ потребностямъ общества, когда Богослуженіе достигло полнаго благолѣпія, когда подвиги святыхъ представили многочисленные образцы для подражанія. Что же оставалось Русскому народу, когда пали на него лучи свѣта Христова ученія отъ Православной Восточной Церкви? Ему оставалось всецѣло принять все, что давала ему Церковь, оставалось покориться водительству Церкви съ младенческимъ чувствомъ любви и преданности. Онъ такъ и сдѣлалъ. Какъ послы Владиміра, возвратившись изъ Греціи, говорили, что, стоя въ храмѣ Софійскомъ, они думали, что стоятъ на небѣ,

такъ и теперь въ нашихъ храмахъ, почти ежедневно, возглашается ко Господу: *въ Храмѣ стоящe Славы Твоея, на небеси стояти мнимъ.* Вступивъ въ сонмъ христіанъ, Русскій народъ вполнѣ предался спасительному руководству Церкви; Христіанская вѣра сдѣлалась для него единственнымъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную. Ученіе Христово замѣнило для него всякую мудрость мірскую; въ Словѣ Божіемъ онъ изучалъ минувшія судьбы царствъ и народовъ; въ правилахъ церковныхъ онъ находилъ для себя указанія на всѣ свои дѣйствія, въ молитвѣ церковной онъ видѣлъ вразумленіе во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ, въ таинствахъ Церкви—врачевство противъ всѣхъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ; хорошимъ и добрымъ онъ считалъ только то, что согласно съ ученіемъ Церкви; распоряженія властей онъ принималъ безпрекословно, когда видѣлъ, что эти распоряженія освящаются Церковію; забота о благолѣпіи церковномъ была первѣйшею заботою Русскаго человѣка; самая обстановка домашняя, семейный образъ жизни — все это устроилось по подобію храма Божія. И такъ было во весь почти тысячелѣтній періодъ народной Русской жизни. Такъ это ведется въ Русскомъ народѣ и до настоящаго времени, съ весьма рѣдкими исключеніями.

Какія же добрыя качества воспитала въ Русскомъ народѣ Святая Православная Церковь, эта—лучшая воспитательница человѣка на всякое благое дѣло? Несомнѣнно, она должна была воспитать народъ такъ, чтобы онъ былъ *на всякое дѣло благое уготованъ.* Но такъ какъ, при самомъ лучшемъ руководствѣ, человѣкъ можетъ злоупотреблять добрыми вліяніями, обратить въ дурную сторону то, что ему дается для добрыхъ цѣлей, то и въ Русскомъ народѣ, именно—въ худшихъ сынахъ нашего Отечества, могли явиться и худшія стороны духовной жизни; вмѣстѣ съ пшеницею должны были, на нашей Божіей нивѣ, вырости и плевелы. Итакъ, укажемъ сперва добродѣтели, украшавшія Русскій народъ, чтобы направить эти добрыя качества къ дальнѣйшему преуспѣянію, а потомъ—скажемъ и о не хорошихъ чертахъ народной жизни, чтобы позаботиться объ ихъ исправленіи.

Мы сказали выше, что Русскій народъ, подъ руководствомъ Православной Церкви, сохранилъ младенческія свойства, младенческія убѣжденія, младенческія чувства, сохранилъ наклонность къ дѣйствіямъ, свойственнымъ младенческому возрасту. А возрастъ младенческій, какъ и всякій возрастъ человѣческой жизни, имѣетъ какъ хорошія, похвальныя стороны, такъ и стороны дурныя, порочныя, которыхъ слѣдуетъ избѣгать. Какими же добрыми качествами отличается младенецъ и есть ли качества эти въ Русскомъ народѣ? Много добра являетъ въ себѣ возрастъ младенца. Младенецъ имѣетъ весьма слабое развитіе своей личности, слабъ онъ умомъ, слабъ волею, но у него развито чувство и воображеніе, у него сильна привязанность къ внѣшней сторонѣ предметовъ; онъ расположенъ къ послушанію старшимъ, у него глубоко развита вѣра въ то, что говорятъ ему старшіе, есть способность легко усвоять все, что онъ видитъ у старшихъ; у него много доброты; онъ готовъ отдать все, что имѣетъ; онъ легко переходитъ изъ одного душевнаго состоянія въ другое; у него мало заботы о своемъ благосостояніи; онъ охотно слѣдуетъ указаніямъ другихъ лицъ, его окружающихъ. Если мы приложимъ эти черты къ Русскому народу, мы увидимъ въ немъ много такого, что уподобляетъ его доброму, не испорченному дурнымъ вліяніемъ, младенцу.

У Русскаго народа доселѣ сохранилась глубокая вѣра въ Промыслъ Божій. Русскій человѣкъ хорошо помнитъ всѣ тѣ внушенія Слова Божія, гдѣ говорится о Промыслѣ Божіемъ. Онъ глубоко вѣритъ, что никто, какъ Богъ, правитъ дѣлами жизни человѣческой; все, съ нимъ совершающееся, приписываетъ Богу, какъ непосредственному дѣятелю въ жизни человѣческой. Онъ глубоко убѣжденъ и въ богоучрежденности царской власти, онъ вѣритъ, что отъ Бога посылаются людямъ и обиліе плодовъ земныхъ и вѣчное блаженство и земное счастіе, что отъ Него же посылаются и всѣ несчастія; онъ вѣритъ, что и добрые дѣти есть даръ благословенія Божія, и дурныя дѣти также даются намъ, какъ наказаніе отъ Бога. Эта глубокая вѣра въ Промыслъ Божій укрѣпила Русскій народъ среди разнообразныхъ скорбей, постигшихъ его въ минувшія сто-

лѣтія. По вѣрѣ въ Промыслъ Божій народъ нашъ вытерпѣлъ и смуты удѣльныя, и Монгольское иго, и неустройства временъ междуцарствія; эта вѣра укрѣпляетъ его въ борьбѣ и съ неурожаями, съ губительными болѣзнями, съ разными нуждами житейскими; это вѣра есть основа всѣхъ добрыхъ качествъ, украшающихъ Русскаго человѣка въ его быту домашнемъ и общественномъ.

Другая, тѣсно связанная съ первою, черта духовной жизни Русскаго народа, есть глубокое, устойчивое, искреннее, благоговѣніе къ Св. Церкви, полная покорность ея уставамъ, искренняя вѣра слову и совѣту служителя Церкви. Объ этомъ качествѣ мы не будемъ распространяться, такъ какъ говорили объ этомъ въ началѣ бесѣды, когда была рѣчь о томъ, что Церковь замѣнила все для Русскаго человѣка, младенца умомъ и сердцемъ.

Въ связи съ вѣрою въ Промыслъ Божій, съ покорностью Церкви стоитъ третье качество Русскаго человѣка—это глубокое благоговѣніе къ Царской власти, къ Царствующему Дому, къ личности Царя Самодержавнаго. Эта черта проходитъ чрезъ всю исторію Русскаго народа и она едва ли не представляетъ отличія Русскаго народа отъ всѣхъ другихъ народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Это благоговеніе не походитъ на тотъ рабскій страхъ, который питали къ своимъ повелителямъ древніе народы Востока; это—не есть и обожаніе, возведеніе въ сонмъ боговъ, какое было у язычествующихъ Римлянъ. Нѣтъ! Это искренняя, сыновняя, такъ сказать, любовь къ Царю, какъ Отцу Отечества, это — преданность Ему, какъ Избраннику Божію, какъ возлюбленному сыну Отца Небеснаго, какъ Правителю, Богомъ вѣнчанному и превознесенному, какъ вѣрнѣйшему Сыну Святой Церкви. Эта, можно сказать, безграничная любовь къ Царю есть основа всякаго порядка нашей народной жизни, основа покорности властямъ, основа всѣхъ подвиговъ на благо Отечества, на защиту его отъ враговъ. Всѣ распоряженія властей только потому и получаютъ свою силу въ глазахъ народа, что они освящаются волею Царя; всѣ безпорядки и смуты гражданскіе прекращаются, лишь только сказать виновникамъ смуты,

что объ этомъ будетъ доложено Царю. И не только одинъ Царь, но и весь Царствующій Домъ пользуется любовію и преданностію народа. Путешествія по Россіи Царскихъ Дѣтей и родственниковъ всегда привлекаютъ массы народа тамъ, гдѣ эти лица держатъ путь и останавливаются для отдыха; участіе Царскихъ Дѣтей, братьевъ и племянниковъ въ благотворительныхъ обществахъ всегда возбуждаетъ соревнованіе жертвователей; участіе ихъ въ ученыхъ предпріятіяхъ всегда содѣйствуетъ успѣхамъ этихъ предпріятій. Видите, братіе, какъ высоко стоитъ среди насъ Царь Самодержавный и весь Царствующій Домъ! Въ какомъ другомъ народѣ вы найдете что-либо, подобное этому?

Младенчески покоряясь водительству Церкви, питая искреннюю любовь и глубокую преданность Царю и Его семейству, Русскій народъ искренно любитъ и свою страну и все свое Русское, отечественное. Въ минувшіе вѣка существованія Россіи милліоны Русскаго народа положили свою жизнь за благодѣтствіе Русской земли. Они защитили свое Отечество отъ дикихъ набѣговъ азіатскихъ хищниковъ съ Востока, они удержали за собою и страны западныя, которыя неоднократно пытались отнять наши западные сосѣди. Припомните наши войны съ Татарами, Турками, Ливонцами, Нѣмцами и Шведами, припомните тяжкую годину нашествія Наполеона, и вамъ представятся поразительные примѣры лицъ, отдавшихъ и все имущество, и силы, и самую жизнь—на защиту Отечества. Укрѣпленная вѣками, эта любовь ко всему отечественному не оскудѣла и нынѣ. Все русское намъ нравится болѣе иностраннаго,—говоря такъ, мы разумѣемъ всю массу Русскаго народа; исключеніе составляютъ очень немногіе изъ насъ, которые, вкусивши плодовъ западно-европейской образованности, презираютъ все русское, а все иностранное считаютъ лучшимъ. Такихъ людей, къ счастію, у насъ слишкомъ немного. Въ настоящемъ случаѣ мы говоримъ именно о всемъ Русскомъ народѣ. Искренно любя свою родину, Русскіе не охотно посѣщаютъ чужія страны; находясь на чужбинѣ, они глубоко скучаютъ, предаются тоскѣ, отчаянію; многіе впадаютъ въ болѣзни и даже умираютъ отъ тоски по

родинѣ. По этой же любви ко всему русскому, соотечественники наши не охотно усвояютъ себѣ все, что изобрѣтаютъ полезнаго образованные иностранцы; они готовы скорѣе терпѣть разныя неудобства житейскаго быта, чѣмъ принять то, что изобрѣтено за границей. Однимъ словомъ, куда мы ни посмотримъ, вездѣ найдемъ доказательства сильной любви Русскаго народа ко всему родному.

Съ любовію къ Отечеству въ тѣсной связи стоитъ любовь Русскаго человѣка къ семейному быту, уваженіе къ старшимъ членамъ семьи, ко всѣмъ порядкамъ семейной жизни. Семья, или нѣсколько семейныхъ союзовъ, соединенныхъ родствомъ, составляютъ тѣсный кругъ, въ которомъ всѣ связаны искреннею любовью, въ которомъ голосъ старшаго члена семьи уважается, какъ голосъ лица священнаго, въ которомъ всѣ установившіеся порядки семейной жизни соблюдаются съ чрезвычайною строгостію; всѣ интересы семьи одинаково дороги для всѣхъ ея членовъ; всѣ скорби и неудобства семейнаго быта переносятся съ покорностію; въ родной семьѣ человѣкъ русскій отдыхаетъ отъ скорбей житейскихъ, отъ великихъ трудовъ служенія обществу; проживая на чужбинѣ, гдѣ-нибудь на работахъ и промыслахъ, русскій человѣкъ возвращается въ свою семью, чтобы облегчить себя, отдохнуть, освѣжиться душею, возстановить свои силы, и обновленный жизнію въ семьѣ, онъ бодро отправляется на новыя работы и промыслы. Любовь ко всему семейному и родному видна и изъ того, что лучшія, почетныя названія чужимъ людямъ берутся изъ быта семейнаго, родственнаго. Царя Русскаго мы называемъ и признаемъ Отцомъ нашимъ, а насъ—его дѣтьми; Епископа мы чтимъ титуломъ Отца и Архипастыря; чужихъ людей мы отличаемъ именемъ батюшки, дяди, тетки, сестры и брата. Такимъ образомъ весь Русскій народъ для насъ становится какъ бы однимъ великимъ семействомъ. Это ли не любовь къ семейному быту? А такъ какъ семейный бытъ служитъ основаніемъ быта общественнаго и государственнаго, то Русскій народъ отличается стремленіемъ и къ благосостоянію и порядку жизни общественной и государственной. Благодаря этому качеству

Россія постепенно стала прочною, великою и сильною державою. И это совершилось не переворотами въ жизни народа, не насиліемъ, не борьбою однихъ членовъ общества съ другими, а совершилось мирно, постепенно, совершилось волею Самодержавной власти, указаніями Св. Церкви, поученіями ея пастырей. Народъ Русскій въ теченіе почти тысячи лѣтъ сплотилъ съ собою всѣ разныя племена, всѣ живущіе въ Россіи иновѣрные народы, въ одну великую многомилліонную семью, гдѣ всѣми руководитъ и любовь къ Отечеству, и благоговѣніе къ Монарху, и покорность распоряженіямъ власти. И если дѣло пойдетъ такъ и на будущее время, если сохранятся у насъ и покорность Самодержавной власти, и уваженіе къ Св. Церкви, и любовь къ Отечеству, то можно надѣяться, что наша страна будетъ восходить отъ силы въ силу, и, восходя такимъ образомъ, не только сама воспользуется всѣми благами временной жизни, но будетъ способствовать и развитію благоденствія среди другихъ народовъ иновѣрныхъ и иноплеменныхъ.

Но, признавая добрыя качества Русскаго народа, твердо надѣясь, что эти качества послужатъ началомъ дальнѣйшаго преуспѣянія нашего въ дѣлѣ порядка и благоустройства, мы не должны слишкомъ обольщаться этими надеждами, не должны почивать на увѣренности, что все непремѣнно пойдетъ къ лучшему, не должны забывать, что въ насъ, какъ и во всякомъ человѣкѣ, есть качества не хорошія, качества достойныя порицанія, есть въ насъ плевелы, которые нужно постепенно искоренять. Какіе же это плевелы растутъ въ насъ, какія темныя черты помрачаютъ наши умы и сердца? Прежде всего слѣдуетъ указать на то, какъ относятся многіе изъ насъ къ Вѣрѣ Христовой и къ Св. Церкви. Каждый понимаетъ, что ученіе Христово должно быть усвояемо всѣми силами души человѣка, должно дѣйствовать не только на его сердце, волю, воображеніе, на его внѣшнія чувства: однимъ словомъ—вѣра должна быть основою всей его жизни, должна быть плодомъ не только сочувствія сердечнаго, но и убѣжденія разумнаго. Вотъ послѣднее-то требованіе очень мало выполняется у множества сыновъ Русской Церкви. Многіе

изъ насъ слишкомъ мало просвѣщены Христіанскою вѣрою, слишкомъ мало понимаютъ высокія истины христіанскія. Поэтому-то рядомъ съ истинами Вѣры Христовой у насъ есть множество вѣрованій ложныхъ, много суевѣрныхъ понятій; много правилъ и обычаевъ чуждыхъ Св. Церкви. Эти ложныя вѣрованія, эти суевѣрные обычаи очень часто пользуются бо́льшимъ уваженіемъ въ средѣ православныхъ, чѣмъ святыя правила и наставленія христіанскія. Нарушить уставъ Церковный, не исполнить наставленія пастыря церкви — на это не обращается вниманія: а нарушить установившійся суевѣрный обычай, оставить безъ вниманія какую-либо примѣту, начать дѣло въ тяжелый день и проч.—это считается тяжкимъ преступленіемъ. Итакъ, суевѣрныя понятія, суевѣрные обычаи—вотъ первая непохвальная черта Русскаго человѣка. Есть и другая непохвальная черта, которая именно происходитъ отъ непросвѣщенности, отъ невѣжества народнаго. Это—крайнее пристрастіе къ внѣшней сторонѣ церковной жизни. Вотъ у насъ много благолѣпія церковнаго, много богатой церковной утвари, у насъ и величественные храмы,составляющіе украшеніе нашихъ селъ и городовъ, и громадные колокола, звонъ которыхъ слышится на десятки верстъ. А между тѣмъ, какъ мало у насъ заботы о внутреннемъ благолѣпіи души нашей: какъ мало вниканія въ то, что читается и поется въ нашихъ великолѣпныхъ храмахъ, что внушается намъ въ Священной книгѣ Евангелія, украшенной золотомъ и драгоцѣнными каменьями, чему научаютъ насъ Святые Угодники, которыхъ лики и одѣянія мы украшаемъ серебромъ и золотомъ. Посмотрите, далѣе, какъ усердно стремится народъ къ цѣлованію креста, иконы, Евангелія, къ полученію крещенской воды и проч. А между тѣмъ опять какъ мало усердія къ послушанію пастырямъ Св. Церкви, какъ мало вниканія въ то, что, во время совершенія обряда, читается и поется въ Церкви. Отъ этого слабаго вниканія въ сущность и смыслъ церковной службы происходитъ и третье непохвальное качество, именно—несоотвѣтствіе нашей жизни съ ученіемъ Св. Церкви. Посмотрите на народныя торжества въ дни храмовыхъ или часовенныхъ праздниковъ, на наши свадебные торжества, на

наши семейные радостные дни. Сколько во всемъ этомъ чуждаго Православной Церкви, сколько здѣсь безнравственнаго, губящаго простыя души, позорящаго насъ среди невѣрныхъ! Сколько здѣсь нарушеній приличія, благородства, цѣломудрія! Сколько слышится бранныхъ словъ, срамныхъ пѣсенъ, ссоръ, взаимныхъ упрековъ, скверныхъ безнравственныхъ дѣйствій! Смотря на все это, иной съ изумленіемъ спроситъ: это ли христіане, это ли чада Святой Православной Церкви, просвѣщенные Словомъ Божіимъ, освященные благодатію Св. Духа? Поэтому-то многіе, чуждые намъ по вѣрѣ и племени, иностранцы и утверждаютъ иногда, что Русскій народъ еще пребываетъ во тьмѣ язычества. Они говорятъ именно потому, что видятъ дурное поведеніе Русскихъ въ дни народныхъ торжествъ и разныхъ веселыхъ собраній.

Къ числу дурныхъ качествъ Русскаго народа должно отнести дѣтскую безпечность о своихъ матеріальныхъ и даже духовныхъ благахъ. Посмотрите, какъ мало сдѣлано нами для нашего духовнаго просвѣщенія, для нашего развитія умственнаго, для нашего блага матеріальнаго! Посмотрите, съ какими препятствіями приводятся въ исполненіе разныя благія мѣры правительства духовнаго и свѣтскаго. Сколькихъ трудовъ стоитъ ввести у насъ какое-либо благодѣтельное учрежденіе, улучшить наше сельское хозяйство, обучить нашихъ дѣтей, оградить насъ отъ неурожаевъ, отъ опустошительныхъ пожаровъ, отъ губительныхъ болѣзней. Припомните, какъ часто народъ нашъ встрѣчалъ съ неудовольствіемъ, съ открытымъ противодѣйствіемъ, тѣ распоряженія, какія дѣлались напримѣръ при введеніи обычая прививать оспу, страховать имущество, строить запасные магазины, или вводить чистоту домовъ и улицъ, въ видахъ предотвращенія заразительныхъ болѣзней. Все это не есть ли безпечность, поистинѣ ребяческая, легкомысленная? Или посмотрите на наши обычаи при важныхъ событіяхъ семейной жизни: на народныя поголовныя угощенія всякаго въ дни семейныхъ праздниковъ, на обильныя траты денегъ на этотъ предметъ, на щедрые подарки каждому близкому и дальнему безъ разбора. Вѣдь все это крайне разоряетъ нашихъ поселянъ, а

между тѣмъ, какъ трудно имъ оставить все это и перейти къ лучшимъ обычаямъ и порядкамъ.

Но довольно о непохвальныхъ качествахъ нашего народа! При размышленіи объ этихъ качествахъ утѣшимся, прежде всего, мыслію, что эти качества принадлежатъ не всему народу, а только немногимъ изъ великой нашей семьи. Утѣшимся, потомъ, надеждою, что, при дальнѣйшемъ движеніи народа впередъ, лучшія свойства нашей души, нашего быта, укрѣпятся и принесутъ обильный плодъ благочестія и народнаго благосостоянія, а свойства дурныя постепенно изгладятся. Но вѣдь движеніе впередъ неизбѣжно сопровождается развитіемъ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ качествъ. Какъ же намъ поступать, чтобы наши добрыя качества развивались, а качества не хорошія ослабѣвали и уменьшались? Скажемъ одно: нужно учиться, нужно просвѣщать умъ полезными знаніями, потому что только просвѣщенный человѣкъ имѣетъ право владѣть благами временной и вѣчной жизни, только просвѣщенный человѣкъ употребитъ эти блага на пользу себѣ и другимъ, на счастіе свое временное, на спасеніе вѣчное. Но откуда намъ взять этотъ свѣтъ, просвѣщающій человѣка на добро, свѣтъ, согрѣвающій и направляющій человѣка къ лучшему? Нынѣ всѣ стараются учить народъ уму-разуму, да и народъ сознаетъ нужду ученья и желаетъ отложить дѣла тьмы и итти къ свѣту. При множествѣ указываемыхъ народу Русскому свѣтильниковъ, желалось бы имѣть такой свѣтильникъ, который бы не сіялъ ложнымъ свѣтомъ, который бы давалъ народу ясное понятіе о его обязанностяхъ къ Богу, ближнему и къ самому себѣ, который бы не закрывалъ отъ него истины, не отвлекалъ бы его отъ Бога, отъ всего добраго и святого. Этотъ свѣтильникъ предлагаетъ намъ та же Святая Церковь, которая сотни лѣтъ вела Русскій народъ къ свѣту мудрости, вела насъ къ Богу, къ вѣчному спасенію. И въ настоящее время Церковь учитъ насъ не Богослуженіемъ только, какъ было прежде, а учитъ—живымъ словомъ своихъ просвѣщенныхъ пастырей, учитъ книгами, въ множествѣ расходящимися по всему пространству земли Русской, учитъ посредствомъ школъ, находящихся подъ надзоромъ

пастырей Церкви, осѣняемыхъ благодатію Св. Духа, дарствующаго смыслъ и укрѣпляющаго душевныя наши силы, какъ говорится въ молитвѣ предъ ученіемъ. Вотъ, братіе, кто есть наилучшій, самый надежный нашъ учитель, это—Св. Церковь съ ея внѣбогослужебными бесѣдами, съ ея душеспасительными науками, съ ея Церковно-приходскими школами. Послѣдуемъ же спасительному руководству Св. Церкви. Она создала нашу народную мудрость, она укрѣпила народъ Русскій среди бѣдствій и скорбей минувшихъ, утвердила порядки нашей общественной жизни, воспитала милліоны добрыхъ христіанъ Православныхъ, приготовила для насъ сильныхъ ходатаевъ предъ Престоломъ Божіимъ въ лицѣ Святыхъ Угодниковъ. И теперь она же предлагаетъ намъ и уроки благочестія и правила земной мудрости, озаренной мудростію Небесною. Будемъ же усердными чадами Церкви, какъ были наши предки, будемъ усердно учиться у нея, какъ учились прежніе русскіе люди. Да не оскудѣетъ наше вниманіе къ слушанію бесѣдъ церковныхъ, къ чтенію книгъ душеспасительныхъ! Да умножаются, да процвѣтаютъ наши Церковно-приходскія школы, учась въ которыхъ наши дѣти будутъ пріобрѣтать полезныя для жизни знанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранятъ и Православную Вѣру и дѣтское послушаніе Церкви. Если пойдетъ дѣло народнаго просвѣщенія такъ, какъ стали вести его въ послѣднее время, тогда исчезнутъ въ насъ ереси и отступленія, уничтожатся ревнители мнимо-древняго благочестія; тогда не увлекутъ русскаго человѣка никакіе вольнодумцы, никакіе сектанты; тогда весь многомилліонный Русскій народъ будетъ составлять единую семью христіанскую подъ державою Единаго Царя Православнаго и всѣ будутъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити Бога Единаго во Святой Троицѣ, Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Изданія СПБ. Православнаго Братства во имя Пр. Богородицы.

1) Внѣбогослужебныя Бесѣды пастыря съ пасомыми о предметахъ вѣры и христіанскаго благочестія. **Выпуски: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й и 11-й. Цѣна каждому 50 к.**
2) Церковное пѣніе. Вып. 1-й. Молебное пѣніе ко Пресвятой Богородицѣ. **Ц. 25 к.**
3) Выпускъ 2-й. Стихиры на Господи воззвахъ и Богородичны большаго знаменнаго распѣва. **1-й, 2-й, 3-й и 4-й гласы. Ц. 30 к.**
4) Выпускъ 3-й. Стихиры на Господи воззвахъ и Богородичны большаго знаменнаго распѣва. **5-й, 6-й, 7-й и 8-й гласы. Ц. 30 к.**
5) Выпускъ 4-й. Великій каноиъ. Ирмосы. **Ц. 30 к.**
6) Выпускъ 5-й. Стихиры воскресны на Господи воззвахъ, малаго столповаго распѣва, на 4 голоса. **Ц. 50 к.**
7) Выпускъ 6-й. Ирмосы воскресны всѣхъ гласовъ. **Ц. 75 к.**
8) Краткое руководство къ практическому изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ. **Ц. 25 к.**
9) Великій постъ у древнихъ христіанъ. **Ц. 5 к.**
10) Слово о страшномъ судѣ. **Ц. 3 к.**
11) Чему и какъ учились у насъ въ древней Руси? **Ц. 7 к.**
12) По поводу сказки графа Толстаго «Чѣмъ люди живы?» **Ц. 5 к.**
13) О церкви. **Ц. 10 к.**
14) Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. **Ц. 3 к.**
15) Смерть и Воскресеніе Господа Іисуса Христа. **Ц. 10 к.**
16) Бесѣды Православнаго миссіонера свящ. Ксенофонта Крючкова съ глаголемыми старообрядцами, бывшія въ С.-Петербургѣ, въ 1886 — 1887 годахъ. **Цѣна 50 к.**
17) Тоже въ с. Тискадахъ, Рѣжицкаго уѣзда. **Ц. 40 к.**
18) Тоже въ гг. Динабургѣ и Рѣжицѣ. **Ц. 40 к.**
19) Тоже въ г. Уральскѣ. **Ц. 40 к.**
20) Православное Богослуженіе какъ источникъ христіанскаго просвѣщенія. **Цѣна 10 к.**
21) Бесѣды православнаго миссіонера слѣпца Алексѣя Егоровича Шашина въ залѣ С.-Петербургской Духовной Академіи. «О Церкви». **Ц. 20 к.**
22) Слова, бесѣды и рѣчи протоіерея Кавказскаго каѳедральнаго собора, Василія Розаліева. 2-е изд. **Ц. 1 р. 50 к.**
23) Память и похвала Св. Равноапостольному Князю Владиміру. **Ц. 3 к.**
24) Церковное пѣніе въ Валаамской обители. **Ц. 10 к.**
25) Русская Православная Миссія и Православная церковь въ Японіи. **Ц. 7 к.**
26) Слово Кирилла Философа о хмѣльномъ питіи ко всѣмъ людямъ. **Ц. 3 к.**
27) Превосходство Православія надъ ученіемъ папизма въ его изложеніи Вл. Соловьевымъ. **Ц. 10 к.**
28) О признакахъ истинной церкви, по поводу книги Вл. Соловьева «Россія и вселенская церковь». **Ц. 15 к.**
29) О причинахъ отчужденія отъ церкви нашего образованнаго общества, Амвросія, архіепископа Харьковскаго. **Ц. 5 к.**
30) О религіозномъ сектантствѣ. Амвросія, архіепископа Харьковскаго. **Ц. 6 к.**
31) Воскресеніе Христово. М. Соловьева. **Ц. 6 к.**
32) Сборникъ распоряженій, касающихся церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты СПБ. Епархіи. **Ц. 30 к.**
33) Православіе и лютеранство. Бесѣды пастыря о превосходствѣ Православной вѣры въ сравненіи съ лютеранствомъ. **Ц. 35 к.**

Главный книжный складъ Братства въ С.-Петербургѣ, при вратахъ Александро-Невской Лавры.

Требованія адресовать: въ С.-Петербургъ, Казначею Братства во имя Пресвятыя Богородицы **Петру Дмитріевичу Губареву.** Зданіе Св. Сунода.

2007051282